

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**Глобальная память**

- 7 **К.А. ПАХАЛЮК** *Хиросима: от стратегии развития города к глобальной культуре памяти. Рец.: [Zwigenberg R.] Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture. Cambridge, 2014*

Национальная память

- 17 **К.Г. ФРУМКИН** *Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти*
- 29 **З.А. ЧЕКАНЦЕВА** *История и память в интеллектуальной культуре Франции*
- 45 **А.Ю. ФЕДОРОВ** *Репрессивная политика в ходе и после гражданской войны в Испании: история и полемика*
- 67 **Ч. ФЕДИНЕЦ, С.С. ЧЕРНИЧКО** *Декоммунизация в современной Украине: поиск путей в области истории, идентичности и языковой политики*

Региональная память

- 89 **А.А. СЕЛИН** *Образ Рюрика в современном пространстве Северо-Запада России*

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

- 111 **В.А. ШНИРЕЛЬМАН** *«Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории*
- 133 **Э.Н. АБДУЛАЕВ** *Чему равен ИКС? Размышления участника заседания РИО*
- 137 **В.А. КИТАЕВ** *Рец.: Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Мир**

- 147 **М.В. МЕДОВАРОВ** *Якобиты в Новом свете. Рец.: Станков К. Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб.: Алетейя, 2016. 416 с. (Pax Britannica)*

- 153 **Э.Ю. РОССМАН** *Берлин и Death Studies: почему стоит читать книгу Моника Блэк. Рец.: Блэк М. Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии / Пер. с англ. В. А. Третьяковой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 408 с.*
- 159 **А.С. СТЫКАЛИН** *Рец.: Новосельцев Б.С. Внешняя политика Югославии (1961–1968). М.: Институт славяноведения, 2015. 352 с.*
- 165 **А.В. ГОЛУБЕВ** *Популярная конспирология. Рец.: Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010; Snyder T. Black Earth: The Holocaust as History and Warning. New York: Tim Dugan Books, 2015*
- 175 **А.С. ГЛАДЫШЕВА** *Оборонная стратегия социалистических стран Балканского полуострова в середине 1950-х – 1980 г. Рец.: Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013*

Российская империя

- 187 **Д.И. РАСКИН** *«Проконсул Кавказа» в личной переписке. Рец.: Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816–1861 / Вступ. ст. Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов; сост.: Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов. СПб.: Звезда, 2014*
- 194 **Э.Е. ЭПШТЕЙН** *Рец.: Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения). М.: Экон-информ, 2012. 393 с.*

СССР

- 201 **А.В. ДЕВЯТКОВ** *Рец.: Харитонова Н.И. Приднестровский конфликт (1988–2012 гг.). М.: Линия-График, 2015*
- 205 **А.И. РАЗДОРСКИЙ** *Рец.: Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 935 с.*
- 215 **В.А. СОЛОНАРЬ** *Рец.: Neguță P. Nici eroi, nici trădători. Scriitorii moldoveni și puterea sovietică în epoca stalinistă. Chișinău: Cartier istoric, 2014. 442 p. [Негурэ П. Не герои, но и не предатели. Молдавские писатели и советская власть в сталинскую эпоху. Кишинев, 2014. 442 с.]*
- 223 **А.Н. КАБАЦКОВ** *«Может быть, через несколько лет этот дневник попадет кому-нибудь в руки...», или Как эго-документы можно сделать путеводителем по эпохе. Рец.: Дневник рабочего (III. 1946–XII. 1955). Документальная публикация. Пермь, 2014. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см*

Мемуары историков

- 232 **М. А. БАЗАНОВ** *Мемуары А. А. Зимина «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. Рец.: Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384*
- 248 **А. М. ДУБРОВСКИЙ** *Размышления над страницами воспоминаний Льва Владимировича Черепнина. Рец.: Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 11–175*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 256 **Е. В. БОРОДИНА, А. А. СЕЛИН** *Летняя конвенция ASEEEES (26–28 июня 2016 г., Львов)*
- 258 **А. КОЛОНТАРИ** *Рец.: Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России: Материалы первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра русистики от 19–20 мая 2014 г. / Гл. ред. Д. Свак. Будапешт: Руссика Панноникана, 2015. ISBN 978-96377-3098-6*
- 271 **С. М. РЯЗАНОВ, Д. М. СОФЬИН** *Рец.: Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г.: Сб. науч. статей / Под ред. А. Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2015. 274 с.; 232 с.*

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

- 276 **Т. В. ЧУМАКОВА** *Новая экспозиция «Русское православие» в Государственном музее истории религии**

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 278 *Интервью В. А. Мильчиной*
- 294 *Д. А. Баяк: «Идеализм – главная движущая сила научного сообщества»*
- 304 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

GLOBAL MEMORY

Global Memory

- 7 K.A. PAHKALYUK *Hiroshima: from the city development strategy to a global culture of memory. Rev.: [Zwigenberg R.] Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture. Cambridge, 2014*

National Memory

- 17 K.G. FRUMKIN *Alternative historical fiction as a form of historical memory*
- 29 Z.A. CHEKANCHEVA *History and memory in the intellectual culture of France*
- 45 A. YU. FEDOROV *Repressive Policy during and after the Spanish Civil War: History and Controversy*
- 67 C. FEDINEC, S.S. CHERNICHKÓ *Decommunization in modern Ukraine: the search of paths in the field of history, identity and language policy*

Regional memory

- 89 A.A. SELIN *The image of Rurik in the modern space of the North-West of Russia*
-

HISTORY IN CONTEMPORARY SCHOOL TEXTBOOKS

- 111 V.A. SHNIRELMAN *«Common past»: the Federal and Tatarstan history school textbooks*
- 133 E.N. ABDULLAEV *What is X equal? Reflections of the participant of the meeting of RHS*
- 137 V.A. KITAEV *Rec.: Istochnikovedenie: Ucheb. posobie / I. N. Danilevskii, D. A. Dobrovol'skii, R. B. Kazakov i dr.; otv. red. M. F. Rumyanceva; Nac. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. 685, [3] s.*
-

REVIEWS

The world

- 147 M.V. MEDOVAROV *The Jacobites in a new perspective. Rec.: Stankov K. N. Korol' Yakov II Styuart i stanovlenie dvizheniya yakobitov. 1685–1701. SPb.: Aleteiya, 2016. 416 s. (Pax Britannica)*

- 153 **E. YU . ROSSMAN** *Berlin and Death Studies: why you should read the book by Monica Black. Rec.: Black M. Smert' v Berlino: ot Veimarskoi respubliki do razdelennoi Germanii / Per. s angl. V. A. Tret'yakovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 408 s.*
- 159 **A. S. STYKALIN** *Rec.: Novoseltsev B. S. Vneshnyaya politika Yugoslavii (1961-1968). M.: Institute of Slavic studies, 2015. 352.*
- 165 **A. V. GOLUBEV** *Popular conspirology. Rec.: Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010; Snyder T. Black Earth: The Holocaust as History and Warning. New York: Tim Dugan Books, 2015*
- 175 **A. S. GLADYSHEVA** *The defense strategy of the socialist countries of the Balkan Peninsula in the mid-1950s and 1980. Rec.: Ulunyan Ar. A. Balkanskii "schit socializma". Oboronnaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 50-h gg. – 1980 g.). M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2013*
- Russia**
- 187 **D. I. RUSKIN** *«Proconsul of the Caucasus» in the personal correspondence. Rec.: Ermolov A. P. Kavkazskie pis'ma. 1816-1861 / Vstup. st. Ya. A. Gordin, G. G. Lisicyna, B. P. Milovidov; sost.: G. G. Lisicyna, B. P. Milovidov. SPb.: Zvezda, 2014*
- 194 **E. E. EPSHTEIN** *Rec.: Makarova N. V. Zhizn' rossiiskih soslovii v epohu pravleniya Nikolaya I (po materialam III Otdeleniya). M.: Ekon-inform, 2012. 393 s.*
- USSR**
- 201 **A. V. DEVYATKOV** *Rec.: Haritonova N. I. Pridnestrovskii konflikt (1988–2012 gg.). M.: Liniya-Grafik, 2015*
- 205 **A. I. RAZDORSKY** *Rec.: Nepomnyashii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–945). Simferopol': Antikva, 2015. 935 s.*
- 215 **V. A. SOLONAR'** *Rec.: Negure P. Ne geroi, no I ne predateli. Moldavskie pisateli i sovetskaya vlast' v stalinskuyu epohu. Kishinev, 2014. 442 s.*
- 223 **A. N. KABATSKOV** *«Maybe in a few years time someone will get this diary in his hand...», or As an ego-document could be a guide of the era. Rec.: Dnevnik rabochego (III. 1946 – II. 1955). Dokumental'naya publikaciya. Perm', 2014. [Elektronnyi resurs]. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM): zu, cu; 12 sm*

The memoirs of historians

- 232 **M. A. BAZANOV** *The Memoirs of A. A. Zimin "Temple of science": the description of the academic environment and the author's values. Rec.: Zimin A. A. Hram nauki (Razmyshleniya o prozhitom). Moskva, 1976 // Sud'by tvorcheckogo naslediya otechestvennyh istorikov vtoroi poloviny XX veka / Sost. A. L. Horoshkevich. M., 2015. S. 35–384*
- 248 **A. M. DUBROVSKII** *Reflections on the pages of memories by L. V. Tcherepnin. Rec.: Cherepnin L. V. Moya zhizn'. Vospominaniya. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. S. 11–175*
-

CONFERENCES

- 256 **E. I. BORODINA, A. A. CELIN** *Summer ASEEEES Convention (June 26–28, 2016, Lviv)*
- 258 **A. KOLONTARI** *Rec.: Al'ternativy, perelomnye punkty i smeny rezhima v istorii Rossii: Materialy pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii molodyh rusistov budapeshtskogo Centra rusistiki ot 19-20 maya 2014 g. / Gl. red. D. Svak. Budapesht: Russika Pannonikana, 2015. ISBN 978-9-6377-3098-6*
- 271 **S. M. RYAZANOV, D. M. SOF'IN** *Rec.: Tavricheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavricheskii dvorec, 11–12 dekabrya 2014 g.: Sb. nauch. statei / Pod red. A. B. Nikolaeva: v 2 ch. SPb.: ElekSis, 2015. 274 s.; 232 s.*
-

MUSEOLOGY

- 276 **T. V. CHUMAKOVA** *The new exhibition «Russian Orthodoxy» in the State Museum of history of religion*
-

HISTORIAN'S TIME

- 278 *V. A. Mil'china Interview*
- 294 *D. A. Bayuk «Idealism is the main driving force of the scientific community»*
- 304 *Requirements for publication of articles and documents*

К. А. Пахалюк

ХИРОСИМА: ОТ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА К ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ

Рец.: [Zwigenberg R.] *Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture*. Cambridge, 2014

Предлагаемая рецензия на книгу американского япониста из университета Пенсильвании Рэна Цвигенберга «Хиросима. Историки глобальной культуры памяти» была написана специально для этого номера как дополнение к обсуждаемой исследовательской программе «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке». Отсюда моя задача не только донести до русскоязычного читателя содержание труднодоступного зарубежного исследования (удостоившегося нескольких положительных рецензий) (*Karydaki* 2016; *Miyamoto* 2016), но и вписать его в контекст развернувшейся на страницах журнала дискуссии: в частности, продемонстрировать, что никакая «глобальная память» не формируется сама для себя, а неотделима от общей телеологической перспективы и конкретных прагматических устремлений ее создателей.

Хронологически монография ограничивается периодом до начала 1990-х гг.¹, т. е. становление глобальной культуры памяти рассматривается в контексте биполярного противостояния. Глобальная культура памяти (именно этот термин использует Р. Цвигенберг) возникла после Второй мировой войны, когда весь мир ужаснулся той трагедии, которые принесла с собою технократическая цивилизация высокого модерна. И в случае Холокоста (Шоа), и в случае Хиросимы (для автора это два ключевых и — главное — взаимосвязанных столпа глобальной культуры памяти) технический гений, опора прогресса

© Пахалюк К.А., 2016

Пахалюк Константин Александрович — аспирант кафедры политической теории, МГИМО (У) МИД России; konstantin.pahalyuk@rvio.org

¹ О более современных процессах коммеморации см. Специальный выпуск журнала *Critical Military Studies* (2015. Vol. 1. N 2), а также (*Fishel* 2015; *Otani et al.*, 2005; *Shipilova* 2014).

и процветания, оказался поставлен на службу уничтожения. А потому и формирование памяти об этих событиях было тесно связано со спасением веры в прогресс (и в проект модерна в целом). Другими словами, процесс коммеморации был связан не столько со стремлением «увековечить и почтить», сколько с поиском ответа на вопрос «Как нам с этим жить дальше?».

Казалось бы, речь идет совершенно о разных историях, однако Р. Цвигенберг на протяжении всей книги подчеркивает не только структурное сходство процесса формирования памяти об обеих трагедиях, но и их взаимовлияние. До 1980-х гг. они в одинаковой мере символизировали «провал» модерна, только с окончанием «холодной войны» и снижением страха глобальной ядерной катастрофы Хиросима стала привлекать все меньшее внимание. Однако в чем заключается упомянутое структурное сходство? Хиросима и Холокост вызывали серьезнейший эмоциональный отклик (а потому активно использовались политическими элитами), их обсуждение оказалось тесно связано с вопросом о будущем общества модерна (требовалось преодолеть тот урон, который газовые камеры и ядерный взрыв нанесли вере в прогресс); оба события были поначалу вписаны в нарратив прогресса и возрождения, а память о трагедиях приобрела религиозные тона; в обоих случаях оказалась велика роль американцев, стремившихся влиять на то, что именно следует / не следует вспоминать, и национальных элит, пытавшихся «сдержать», вытеснить трагедию

из коллективного сознания. С 1960-х гг. значимую роль начинают играть выжившие, которые в публичном пространстве воплощали собой фигуру Свидетеля, обладавшего особым видом символической власти: тот, кто пережил запредельный и невыразимый опыт насилия и страдания, получил моральное право свидетельствовать. Появление именно фигуры Свидетеля на общественной арене связано с судом над А. Эйхманом, который прошел в Израиле в 1961 г. и вызывал отклик в Японии (любопытно, что многие комментаторы выступали против его казни).

Здесь нужно подчеркнуть, что речь идет не только о схожести, но и взаимовлиянии и переплетении памяти об обоих событиях. В качестве такого примера Р. Цвигенберг приводит формирование в психиатрии понятия «посттравматического синдрома» (4-я глава). Изначально психиатрия не интересовалась проблемой психологической травмы. В Японии этому препятствовали сложившаяся психиатрическая традиция и культурные особенности (психические заболевания ассоциировались с расовой неполноценностью), а также действия американцев, направленные на то, чтобы события 6 августа 1945 г. не привлекали особого внимания (с. 154). В Европе в 1950-х гг. ситуация обстояла не лучше: вопрос о психических заболеваниях, вызванных пребыванием в концлагерях, теснейшим образом был связан с проблемой компенсаций, выплачиваемых Германией. Отсюда и негативная позиция многих западногерманских врачей, отрицавших влияние собственно

лагерного опыта на психическое состояние заключенных (если последнее и усугубилось, то ввиду того, что еще до попадания в лагерь у человека были определенные заболевания или предрасположенности). В оппозицию им встали европейские, израильские и американские психиатры.

Решающую роль в сложившейся дискуссии сыграли работы американского психиатра Р. Лифтона, чьи исследования, основанные на материалах работы с пережившими ядерную бомбардировку, появились в 1963 г. Именно он расширил понятие «травматический невроз» и порвал тесную связь этого понятия собственно с опытом Холокоста (с. 162), показав, что депрессии, уход в себя и эмоциональное онемение характерны и для *хибакуся* (так в Японии называли переживших атомный взрыв). Лифтон подчеркнул и значимость самого процесса рассказа о пережитом опыте: трагедию не надо загонять внутрь, сдерживать, замалчивать (как это делали в первые послевоенные годы), а наоборот — открыто о ней рассказывать и тем самым изживать из себя. Тем самым придавалась большая легитимность и фигуре Свидетеля, который теперь не только повествовал о запретном опыте, но и в масштабах общества играл «терапевтическую роль». Конечно, самого Лифтона нередко обвиняли в политизации проблемы (в вину ставились и его левые убеждения), однако выдвинутое им понятие посттравматического синдрома быстро вошло в повседневный дискурс и пришлось в тех же США весьма кстати в период Вьетнамской войны.

По злой иронии, в Японии это понятие стало активно использоваться только во второй половине 1990-х, и только с 2000-х ПТС стал основанием для *хибакуся* требовать от правительства соответствующие компенсации.

Как видно из вышеизложенного, сам процесс формирования памяти о Хиросиме Р. Цвигенберг рассматривает сквозь призму взаимодействия трех уровней (локальный, национальный и международный), обращая особое внимание на деятельность различных общественно-политических организаций и процесс формирования памяти в зависимости от политического контекста. Причем политизация усматривается не только в попытках властей «нормализовать» память о трагедии, изгнать из нее упоминание об ответственности США, но и в использовании ее различными активистами и левыми политическими силами как орудия борьбы против послевоенного сближения США и Японии, а также за запрет ядерного оружия.

Сразу после бомбардировки 6 августа 1945 г. официальная трактовка была направлена на то, чтобы болезненно преодолеть трагедию, нормализовать произошедшее (первая глава). В заявлении императора о капитуляции 14 августа 1945 г. объявлялось, что решение сложить оружие является актом великодушия, дабы спасти миллионы жизней японцев. Отсюда берет начало представление об атомной бомбе как о бомбе, принесшей мир. Ужасы атомной бомбардировки поставили под вопрос веру в прогресс

и нанесли удар по двум символическим опорам правительства: по вере в модернизацию и (изобретенную) традицию. А потому задача японских властей и заключалась в том, чтобы вернуть утраченную веру, поместив ядерный взрыв в нарратив «трансформации», «нового рождения» и «прогресса».

На практике взаимодействовали с самого начала два «нарратива» — «нарратив траура» и «нарратив трансформации», устремленный в будущее, согласно которому Хиросима из столицы милитаризма должна была превратиться в столицу мира. Местные власти, многие из которых сами были *хибакуся*, сделали выбор в пользу развития второго нарратива, направленного на преодоление, нормализацию и в конечном итоге изгнание трагедии (с. 26). Поскольку сама война была расценена как ошибка, связанная с тем, что японское общество не успело пройти путь от феодализма к модерну, то как «ошибка» интерпретировалась и бомба (с. 28). Из этого дискурса выпала проблема ответственности американцев за убийство невинных граждан. В период оккупации это было результатом как открытой американской цензуры, так и самоцензуры японцев. В дальнейшем логика «холодной войны» и военно-политический союз с США (краеугольный камень которого — Договор 1960 г.) заставляли власти избегать этого «сложного» и в высшей мере неприятного для заокеанского партнера вопроса.

В первую неделю после бомбардировки, когда тысячи людей хорони-

ли родственников, журналист Мохизуки Харухико писал, что погибшие должны быть осмыслены как «те, кто стал жертвами возвращения к миру» (с. 30). Стал формироваться образ Хиросимы как символа мира, как города, который, словно птица Феникс, прошел через страдания ради обновления. Заложенные представления о глобальной миссии имели весьма прагматические цели: обеспечить приток средств для восстановления. Тем самым память о трагедии оказалась вписана в городскую стратегию развития. Образ стал «экспортироваться» за рубеж для того, чтобы через сеть христианских благотворительных организаций привлекать пожертвования от благодушных европейцев и американцев (с. 35). Тогда же был сделан акцент и на привлечение туристов (прежде всего из США), причем очень быстро стали выпускаться специальные буклеты и «атомная» сувенирная продукция (с. 39). А в 1947 г. ради стимулирования розничной торговли в самом городе очередная годовщина была отмечена фестивалем, костюмированными парадами, заплывами на лодках и «ядерными распродажами» (*atomic sales*). Подобная коммерциализация вызвала определенное раздражение у жителей города, и организационный комитет был вынужден даже извиниться (с. 37).

Одновременно формирующийся образ использовался и в рамках диалога по линии «центр — регион» в ходе политического торга между Хиросимой и Токио по поводу привлечения дополнительных средств на восстановление. Естественно, не только одна Хиросима

пострадала во время войны, а потому в столице далеко не все были готовы воспринимать ее особый статус. Однако в 1949 г. все же удалось пролоббировать специальный мемориальный закон, призванный обеспечить потоки финансирования и закрепить статус Хиросимы как символа мирового стремления к миру (*world's hope for peace*). Это отразилось и на процессе восстановления, в частности, этими идеями руководствовались авторы нового архитектурного плана города, который теперь превращался в современный центр коммерции и туризма. Главными символическими местами стали Мемориальный парк и Музей мира.

Нарратив трансформации был призван преодолеть среди переживших трагедию тот шок, который вызвал ядерный взрыв (гл. 2). Отсюда проистекает и особый режим переживания трагедии: подавление печали и враждебности, отвержение злости и мести, что в целом соответствовало и такой традиционной японской культурной ценности, как гармония. Выжившие постепенно превращались в мучеников, а их дискурс прекрасно подходил для артикуляции в рамках возникшего во многих странах движения борьбы за мир и против ядерного оружия (с. 72). И если власти были больше обеспокоены поначалу восстановлением города, нежели помощи жителям, то именно иностранцы начали говорить об уникальности *хибакуся* и их опыта, вписывая их истории в антиядерную повестку дня (с. 78). В 1948 г. впервые провели «День Хиросимы», в котором приняли участие десятки тысяч людей из 26

государств. Большую роль сыграли и баптистские организации, которые обвиняли именно США в совершении преступления (с. 75). После того как в 1949 г. цензура внутри Японии начала ослабевать, *хибакуся* получили возможность высказывать свой опыт публично.

С конца 1940-х гг. память об атомной бомбардировке была не только тесно связана с необходимостью преодолеть травмирующий опыт войны, но и оказалась вписана в городскую (локальную) стратегию развития. На международной арене эти усилия прекрасно легли в рамки нарастающего антиядерного движения: кто, если не пережившие трагедию Хиросимы, может со всей убедительностью повествовать об ужасах атомной войны?

Однако проблема заключалась в том, что особую активность по поводу Хиросимы проявляли левые, а потому даже свидетелям приходилось дистанцироваться от них (гл. 3). Неудивительно, что в 1950 г. официальная церемония 6 августа была отменена: ни оккупационные власти, ни консервативное правительство не хотели, чтобы Японская коммунистическая партия использовала Хиросиму в своих политических целях.

Ситуация изменилась в 1954 г., когда японское рыболовецкое судно подверглось воздействию радиации после произведенного американцами ядерного взрыва на атолле Бикини. Это вызвало широкий резонанс и привело к формированию антиядерного движения, которому левые пытались придать

антиамериканские тона. Был создан Мировой конгресс против водородных и атомных бомб, а 6 августа в Хиросиме собралось уже 25 тыс. человек, среди них были делегации из Китая, СССР и даже бывший конгрессмен США. Тем самым антиядерное движение открыло для себя потенциал *хибакуся*. Среди последних также произошел сдвиг от поиска пожертвований в сторону свидетельства во имя мира (что лишь усиливало требования к правительству о выплате компенсаций).

Со второй половины 1950-х шла активная политизация памяти. Американцы стремились к нормализации воспоминаний о трагедии. Наиболее громкой оказалась акция «Девушки Хиросимы», когда в 1955 г. 25 девушек, серьезно пострадавших от взрыва, прибыли в США для того, чтобы подвергнуться пластической хирургии. Это был жест, свидетельствующий о том, что прогресс может исправлять свои негативные последствия. Конечно, итоги были противоречивы: одна из девушек в 1956 г. умерла после осложнений, и это вызвало негативный отклик.

Другое направление было связано с деятельностью антиядерного движения: японские власти стремились не допустить его политизации, тем самым не дав возможность левым силам использовать атомную тематику в своих интересах. Не менее опасным представлялось и превращение Хиросимы в центр антиамериканских настроений. А потому либеральные и консервативные политики, с одной стороны, опасались антиядерного движения

(ведь первую скрипку в нем могли очень быстро забрать коммунисты), а с другой, возлагали на него определенные надежды, особенно с точки зрения развития популярной в период деколонизации идеи обще-азиатской солидарности. Еще в середине 1950-х гг. президент университета Хиросимы Морито Татсуо, выступая перед американскими студентами, заметил, что в антиядерном движении существует негативная тенденция подчеркивать разрушительный потенциал атомного оружия и способствовать раздуванию противоречий в национальном сознании. Правящая элита считала недопустимыми политизацию памяти и превращение ее в разменную пешку «холодной войны». Впрочем, провозглашаемый универсализм сам прекрасно вписывался в американскую повестку дня.

В этой связи сформированное антиядерное движение изначально было весьма широким по составу, однако представителей из стран «советского блока» туда не допустили. Вскоре ведущую роль заняли коммунисты и радикалы: они стали использовать сформированную площадку и память о Хиросиме для отстаивания принципов Бандунгской конференции и активизации протеста против подписания военного договора с США. Потому сначала из движения вышли представители консервативной партии, а потом в 1959 г. власти города вообще решили прекратить финансирование проведения на его территории ежегодного конгресса.

Одновременно городские власти и бизнес стремились к созданию во-

все иного, современного и модернизированного образа города, сумевшего преодолеть трагедию. Здесь Р. Цвигенберг концентрирует внимание на двух мероприятиях. Первое – выставка 1956 г. «Атом во имя мира», идея которой была предложена и реализована при поддержке местного американского культурного центра. Из названия видно, что стратегия заключалась в рефрейминге представлений об атоме: он может нести не только разрушающую силу. Сама выставка делала акцент на последних технологиях, создавая образ футуристического будущего в ярких тонах и фестивальной атмосфере. Общий посыл был весьма позитивно принят посетителями, однако возмущение вызывало то, что ради установки выставки пришлось разобрать часть экспозиции Музея мира. Не меньшим был и тот контраст между яркими образами и весьма бедными реалиями жизни в самой Хиросиме (с. 118). Другое мероприятие – Recovery Expo – прошло в 1958 г. и также получило широкий отклик по всему миру.

В 1960-е гг., на фоне экономического бума в стране и появления движения «новых левых», память о трагедии в Хиросиме продолжала оставаться частью бурных дискуссий и различных политических проектов (глава 6). Основные линии противостояния, как отмечает Р. Цвигенберг, были связаны с тремя стратегиями обращения к прошлому: политизация (использование атомной бомбардировки левыми для продвижения собственной повестки дня), коммодификация (память о бомбардировке «продается» многочисленным туристам, потоки

которых приносят городу доход) и сакрализация (обращение к событиям 6 августа как способ отдать дань памяти). Власти города использовали сакральный дискурс для борьбы против левых оппонентов (в частности, во второй половине 1960-х гг. власти запрещают на территории Парка Мира проведение собраний, движение автомашин, борются с байкерами, а также выгоняют различного рода торговцев сувениров, многие из которых были едва сводившими концы с концами *хибакуся*), одновременно поддерживая различные проекты, направленные на повышение туристической привлекательности.

Автор подробно рассматривает весьма широкую полемику в обществе, возникшую и по поводу восстановления купола Гэмбаку, и по поводу обновления экспозиции музея. Куполом в данном случае назывались руины выставочного комплекса, построенного европейскими архитекторами в 1915 г. и ставшего символом модернизации. Для многих жителей сохранившиеся руины напоминали о периоде войны и связанных с нею разрушениях: в 1949 г. 65 % жителей высказались за их снос (с. 212). Однако купол сохранили, а со второй половины 1960-х гг. отношение к нему изменилось: теперь он стал одним из символов нового ядерного мира (нередким стало его сравнение с бараками Освенцима). Не меньшие споры возникли и вокруг Музея Мира: должен ли он быть местом паломничества или же превратиться еще и в исследовательский центр? Стоит ли опираться только на самоочевидность экспонатов, повествующих о трагедии,

либо необходимы новые художественные способы репрезентации? Противники последних опасались излишней эстетизации насилия (с. 242).

В 1960-е гг. произошла глобализация памяти об атомной бомбардировке. Однако Р. Цвигенберг уделяет внимание не ее использованию антиядерными активистами, а попытке создать единое пространство памяти о двух величайших трагедиях Второй мировой войны. В поле зрения оказывается Марш мира Хиросима – Аушвиц² (гл. 5), который был ответом на кризис движения борьбы за мир и попыткой донести голос Хиросимы до всего человечества (с. 176). Марш рассматривается в контексте становления Фигуры свидетеля преступлений как попытки универсализации опыта жертв. Сам Марш был частной международной инициативой, поддержанной властями города. Небольшая группа активистов выехала из японской Хиросимы в январе 1962 г. (годовщина освобождения Аушвица) и в январе 1963 г. прибыла в польский Освенцим.

На наш взгляд, самое интересное в данной акции не ее универсалистский характер, а скорее то, как разные культурные контексты оказали весьма мощное сопротивление про-

² Мы намеренно говорим здесь об Аушвице, полагая, что выбор между польским и немецким названием имеет значение, ведь история самого лагеря теснейшим образом связана с политикой нацистского режима, который переименовал простой польский город Освенцим в Аушвиц. Соответственно трагедия и память о ней принадлежит именно ему, нацистскому Аушвицу, но вовсе не польскому Освенциму.

двигаемой идее. Так, в ряде азиатских стран эта инициатива была воспринята сквозь призму японского террора во время Второй мировой войны (универсалистские устремления японских активистов воспринимались как стратегия, направленная на то, чтобы забыть о зверствах японской армии). Неоднозначно посыл был воспринят и в Израиле, поскольку Холокост рассматривался как часть национальной истории (хотя не только евреи были жертвами геноцида), а в контексте перманентного ближневосточного конфликта ядерное оружие виделось как механизм недопущения подобных трагедий в будущем. Не менее противоречивым образом сам Аушвиц воспринимался в «советизированной» Польше: здесь история лагеря была вписана в контекст трагедии всего польского народа. Однако общим оказался обмен «реликвиями»: японцы привезли в Освенцим детские рисунки бомбардировки и черепицу разрушенных домов, в то время как поляки презентовали им пепел сожженных трупов, человеческие волосы, предметы одежды и обуви заключенных, а также банку из-под газа «Циклон Б». Как отмечает Цвигенберг, несмотря на всю разницу интерпретаций, этот обмен, равным образом как и сами практики увековечения памяти, свидетельствовали о появлении единого языка памяти: «Современно ошеломительным является тот факт, что этот язык – свидетельства о трагедии, использование предметов искусства, погребение пепла погибших в кенотафе и придание отдельным оставшимся вещам статуса реликвий – развился независимо друг от друга, без взаи-

мовлияния, в абсолютно различных культурных и исторических условиях» (с. 202).

Печальная ирония заключалась в том, что, вернувшись в Японию летом 1963 г., участники марша передали реликвии мэру города в ходе торжественной церемонии. Предполагалось, что они будут помещены в Парке мира, однако спустя неделю их вернули обратно под предлогом отсутствия необходимого свободного пространства. Причина была проста: в условиях «холодной войны» городские власти опасались обвинения в сотрудничестве с «вражеской страной» (с. 205). Урну с пеплом погребли на территории буддистского храма Митаки.

В 1963 г. был создан комитет Хиросима – Аушвиц, который в 1972 г. провел совместную выставку (гл. 7). Однако инициатива открыть общий мемориальный музей в г. Куроки (префектура Хиросимы) потерпела провал. Японское правительство более не было заинтересовано в подобных проектах, поляки были готовы помочь лишь экспонатами, искренне не понимая, почему богатая Япония не может выделить деньги. Попытки найти необходимые средства у израильских спонсоров не только не увенчались желаемым успехом, но чуть ли не привели к международному скандалу: против выступили арабские государства, которые пригрозили Хиросиме не покупать товары, произведенные в городе. На фоне событий войны в Ливане уже арабы говорили о геноциде, осуществляемом Израилем. В середине 1980-х гг. вспыхнул коррупционный скандал вокруг собранных средств,

а завершающий аккорд прозвучал в 1989 г., когда большая часть собранных предметов для экспозиции вернулась в Польшу. Почти двадцатилетняя эпопея завершилась проведением в Японии при поддержке Гринписа передвижной выставки «Аушвиц – в наших сердцах», которая имела успех (с. 289).

В завершение стоит высоко оценить рассмотренную монографию с точки зрения ее вклада в разворачивающуюся дискуссию о глобальной памяти. Однако автор строит свое исследование преимущественно на материалах открытых источников, а потому достаточно много внимания уделяет различным общественным инициативам или дискуссиям (доминирует подход case-study, благодаря которому каждая глава скорее воспринимается как отдельная статья), при этом несколько отрывочно описывая то, как память о бомбардировках была вписана в общенациональный исторический нарратив или же испытывала на себе динамику японо-американских отношений. Однако в условиях, когда у нас в России проблемы исторической памяти рассматриваются зачастую сквозь призму государства (неважно, положительную или отрицательную роль приписывают ему), рецензируемая монография может послужить образцом более тонкого и глубокого видения данной проблематики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Fishel 2015 – *Fishel S. Remembering nukes: collective memories and countering state history // Critical Military Studies. 2015. Vol. 1. N 2. P. 131–144.*

Karydaki 2016 — Karydaki D. Review of *Hiroshima: The Origins of Global Memory Culture* (review no. 1818) // *Reviews in History*. 2016. 7 Jul. URL: www.history.ac.uk/reviews/reviews/1818 (дата обращения 14.07.2016).

Miyamoto 2016 — Miyamoto Yu. *Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture* by Ran Zwigenberg (review) // *The Journal of Japanese Studies*. 2016. Vol. 42. N 1. P. 205–209.

Hiroshima: from the city development strategy to a global culture of memory. Rev.: [Zwigenberg R.] *Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture*. Cambridge, 2014

Pakhalyuk Konstantin A. — PhD Student of the Department of political science, MGIMO (University) of the The Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow)

REFERENCES

Fishel S. Remembering nukes: collective memories and countering state history. *Critical Military Studies*. 2015. Vol. 1. N 2. P. 131–144.

Karydaki D. Review of *Hiroshima: The Origins of Global Memory Culture* (review no. 1818). *Reviews in History*. 2016. 7 Jul. URL: www.history.ac.uk/reviews/reviews/1818 (date of access 14.07.2016).

Miyamoto Yu. *Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture* by Ran Zwigen-

berg (review). *The Journal of Japanese Studies*. 2016. Vol. 42. N 1. P. 205–209.

Otani H., Kusumi T., Kato K., Matsuda K., Kern R., Widner R., Ohta N. Remembering a nuclear accident in Japan: Did it trigger flashbulb memories // *Memory*. 2005. Vol. 13. N 1. P. 6–20.

Shipilova 2014 — Shipilova A. From Local to National Experience: Has Hiroshima Become a «Trauma for Everybody» // *Japanese Studies*. 2014. Vol. 34. N 2. P. 193–211.

Otani H., Kusumi T., Kato K., Matsuda K., Kern R., Widner R., Ohta N. Remembering a nuclear accident in Japan: Did it trigger flashbulb memories. *Memory*. 2005. Vol. 13. N 1. P. 6–20.

Shipilova A. From Local to National Experience: Has Hiroshima Become a «Trauma for Everybody». *Japanese Studies*. 2014. Vol. 34. N 2. P. 193–211.

К. Г. Фрумкин

АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: История, историкоцентризм, культура, ценности, фантастика, альтернативно-историческая фантастика, революция, ценностно-технический подход, попаданцы, сценарии, ретромоделирование, если-публицистика.

Статья посвящена альтернативно-исторической фантастике (АИФ) — жанру фантастической литературы, посвященному изображению альтернативных, не реализовавшихся сценариев мировой истории. Показывается, что жанр является формой проявления исторической памяти и задействован в осмыслении национальной истории и выстраивании исторического мифа, что, в частности, связано и с тем, что настоящую популярность в России АИФ приобрела после распада СССР, когда вся российская культура получила явно историко-центрический оттенок. Популярность альтернативно-исторической фантастики тесно связана с ценностным отношением к истории, к оценке исторических событий как «позитивных» или «негативных» и нуждающихся в исправлении, при этом главной догмой АИФ является возможность ценностной ревизии истории через внесение технических изменений в ход событий, что можно назвать ценностно-техническим подходом. Оценивается фигура так называемых попаданцев как типических персонажей АИФ, ориентированных на ценностно-технический подход к истории. Обращается внимание на распространение метода альтернативно-исторического фантазирования от художественной литературы к философии и публицистике.

Не будет большим преувеличением сказать, что примерно на рубеже

1980-х и 1990-х гг. русская культура перестала быть литературоцентричной и стала «историоцентричной». Причин для этого было более чем достаточно. Прежде всего, Россия оказалась в центре жестокого катаклизма, который не мог

© Фрумкин К. Г., 2016.

Фрумкин Константин Григорьевич – кандидат культурологии, заместитель главного редактора журнала «Компания» (Москва); ariel2@mail.ru

восприниматься иначе как именно исторический катаклизм — следствие предшествующего исторического развития. При этом советский режим считал одним из источников своей легитимации определенную философию истории, а перестроечная интеллектуальная революция, на фоне которой коммунистический режим рухнул, сама базировалась на отрицании этой философии истории, на альтернативном взгляде на место советского режима в мировом социальном развитии и заодно на преодолении касавшейся исторической информации советской цензуры. Геополитический катаклизм 1991 г. был одновременно революцией в сфере исторической памяти, все важнейшие события текущей политики оказалась под прицелом ориентированной на историзм оптики, при этом катастрофичность последовавших событий немедленно поставила вопрос о проблематичности и даже «ошибочности» предшествовавшей истории. И одним из отражений этой коллизии в художественной литературе стал расцвет так называемой альтернативно-исторической фантастики, т.е. фантастики, предлагавшей вообразимое исправление реального хода истории и рисовавшей картины измененного, альтернативного течения исторических событий.

Конечно, альтернативно-историческая фантастика не является русским изобретением и возникла гораздо раньше эпохи Перестройки. На русском языке первые альтернативно-исторические произведения были написаны еще в начале 1920-х гг.: это «Вторая жизнь Наполеона» и «Пугачев победитель» жившего

в Италии русского эмигранта Михаила Первухина. В 1926 г. трое писателей — Вениамин Гиршгорн, Иосиф Келлер и Борис Липатов — пишут «Бесцеремонный роман», в котором отправляют уральского инженера в наполеоновскую Францию, чтобы изменить историю и дать победу Наполеону. Затем был перерыв — и только в 1968 г. советский фантаст Север Гансовский публикует рассказ «Демон истории», в котором герои с помощью машины времени пытаются изменить ход Второй мировой войны. Стоит при этом отметить, что в эту эпоху «Больших 60-х» и на западе пишутся известные романы об альтернативном сценарии Второй мировой войны — это «Человек в высоком замке» Филиппа Дика и «Фатерланд» Роберта Харриса.

В 1970-х гг. на русском языке выходит всего две сколько-то запомнившихся историкам литературы публикации альтернативно-исторического направления (причем не художественных), а в 1980-х — три публикации. В 1975 г. вышла книга Натана Эйдельмана «Апостол Сергей», в которой была включена «альтернативно-историческая» глава «Фантастический 1826-й» с предсказанием последствий гипотетической победы декабристов. В 1979 г. на русский язык с десятилетним опозданием перевели эссе Арнольда Тойнби «Если бы Александр не умер во цвете лет», в котором воображалось существование империи Александра Македонского вплоть до наших дней.

В 1981 г. Василий Аксенов публикует в США роман «Остров Крым»,

в котором допускается возможность построения независимого от СССР государства во врангелевском Крыму.

В 1982 г. появилась повесть «Берегись, Наварра!» Г. Шаха, где пришелец из будущего спасает от убийства короля Генриха IV, и в 1988 г. — повесть Андрея Аникина «Смерть в Дрездене» с альтернативной историей войны 1812 г. Это — едва ли не полная история русскоязычной «альтернативной истории» до 1991 г.

Как можно видеть, хотя сам по себе литературный прием воображаемого изменения истории был широко известен, но до распада СССР были зафиксированы лишь единичные случаи его использования. Между тем как в 1990-х гг. начался настоящий бум фантастики, и в его рамках — бум альтернативно-исторической фантастики. Возможно, знаковой публикацией, символизирующей начало этого бума, стоит считать выход в 1992 г. первой трилогии большого цикла романов Кира Булычева «Река Хронос». В советское время Булычев уже был известным писателем-фантастом, однако к сфере альтернативной истории он подошел только после распада СССР.

После этого число публикаций на эту тему перестало поддаваться подсчету, и, как точно заметил Б. М. Витенберг, в постсоветскую эпоху „альтернативная история“ превратилась в особый жанр, причем число работающих в нем писателей измеряется десятками, а произведений — сотнями (Витенберг 2002).

Со второй половины 1990-х гг. феномен альтернативной истории — вероятно, не без влияния фантастики — «ворвался» в гуманитарную науку. В 1997 г. социолог и «пионер» советской футурологии И. В. Бестужев-Лада публикует статью «Ретроальтернативистика в философии истории» (Бестужев-Лада 1997), в которой впервые в отечественной общественной мысли пытается «легализовать» построение альтернативных сценариев истории как особый метод познания и моделирования исторической реальности. Идея была замечена, и можно предположить, что именно популярность фантастики «подталкивала в спину» мысль академических ученых. После 2000 г. появилась довольно обширная, главным образом философская, литература об использовании альтернативных сценариев в историческом познании (см. (Гуз 2000; Эжитут 2000; Нехамкин 2003; Назаретян 2005; Бочаров 2005)). В ней метод получил такие названия, как «ретроальтернативистика» и «контрфактическое моделирование». Например, в учебнике Н. В. Пивоева «Философия истории» включен особый параграф «несостоявшаяся история», в котором утверждается, что нереализованные возможности исторического развития вполне достойны изучения, поскольку могут всплывать при других обстоятельствах (Пивоев 2013: 203).

Вслед за литературным воплощением альтернативных сценариев исторических событий появилась их проработка в форме историсофских эссе — своеобразное развитие опытов Тойнби и Эйдельмана. Для

такого рода опытов даже появился термин «если-публицистика» (см. (Поликарпов 1996; Бушков 1999; Лещенко 2003)).

В вышедших после 1991 г. фантастических романах можно найти альтернативные сценарии всех важнейших эпизодов русской истории.

Так, например, в цикле Валерия Елманова «Обреченный век» в результате вмешательства группы пришельцев из будущего Русь объединяется еще перед началом монгольского нашествия и превращается в могучую империю.

В трилогии Романа Злотникова «Царь Федор» сын Ивана Грозного становится великим реформатором, обогнавшим Петра I в этой роли.

Время самого Петра I и его сестры Софьи осмысляется в романах Дмитрия Березинского «Путь, исполненный отваги», «По ту сторону черной дыры» — в них у власти вместо Петра все-таки остается Софья.

В романе Льва Вершинина «Первый год Республики» еще раз предлагается вариант успеха восстания декабристов.

Другой, победоносный сценарий русско-японской войны предлагается в романе Глеба Дойникова «Варяг».

Разумеется, наибольший интерес писателей представляют два эпизода, связанных с историей XX в. — Революция с последовавшей Гражданской войной и Вторая Мировая война.

Альтернативный сценарий Гражданской войны, закончившийся примирением и антинемецким союзом красных и белых, можно увидеть в романе Андрея Валентинова «Капитан Филибер».

А в «Варианте “Бис”» Сергея Анисимова в 1944 г. Советский Союз ведет войну на суше и на море как против гитлеровской Германии, так и против изменивших ему союзников — Великобритании и США. В конце книги советские войска входят в Бельгию и Голландию и оккупируют Германию до Рейна.

Хотя подавляющее большинство альтернативно-исторических романов прорабатывают темы русской истории, бывают и исключения. Так в цикле А. Мартынова и Е. Хаецкой «Der Architect» предлагается альтернативная история Третьего Рейха, в котором Гитлера убивают в 1943 г., а канцлером становится министр вооружений Густав Шпеер.

По мнению Б.М. Витенберга, возникновение столь обширной литературной индустрии определилось прежде всего двумя обстоятельствами: «колоссальным» интересом к отечественному прошлому, естественным в условиях снятия идеологических и цензурных запретов, и столь же естественным чувством разочарования, вызванным открывшимися шокирующими реалиями российской истории XX столетия (Витенберг 2002). Однако для объяснения «бума» альтернативной истории в русской литературе двух этих причин недостаточно. Важно то, что идея альтернативной истории совершенно безукоризненно соот-

ветствовала возникшему во время и после перестройки «центрированию» культуры на историческом материале. В рамках такого центрирования важен был акцент на том, что история есть предыстория современной политической ситуации, которая для воспринимающего тоже эмоционально небезразлична: современность — и особенно политическая современность — воспринималась как пространство кризисов, проблем, разочарований и надежд, а история — и особенно политическая история — становилась цепочкой причин, приводящей к современному кризису и служащей легитимацией или делегитимацией некоторых из современных реалий. Поскольку мы не удовлетворены современностью, постольку естественно эта наша неудовлетворенность проецируется назад по шкале времени, превращаясь в желание внести исправления в предысторию.

Впрочем, и помимо связи с современной политикой культура постсоветской эпохи стала подчеркивать эмоциональную нагруженность исторического нарратива как рассказа об успехах, провалах и особенно — о страданиях. Открывшиеся исторические факты и прежде всего факты репрессий и других замалчиваемых в советской историографии негативных сторон русской истории стали импульсом к активной разработке истории как летописи страданий, как мартиролога, что (тут Б. М. Витенберг прав) естественно не могло не породить желания исправить слишком «ужасную» историческую реальность. В фантастике это подспудное «детское»

желание находит буквальную реализацию. Об этом, в частности, пишет А. Б. Гулярян, подчеркивая, что популярность альтернативно-исторической фантастики порождается неудовлетворенностью современным положением дел, а изменить настоящее (даже в фантастическом романе), можно только поменяв что-то в прошлом: «Это можно уподобить восточной практике дзэн-буддизма: всё российское общество с помощью жанра альтернативной истории медитирует на свое прошлое, пытаясь справиться с последствиями футушока» (Гулярян б/д.).

Альтернативно-исторические произведения пишутся с самых разных позиций — в том числе разных политических позиций, однако они все-таки являются отражением некоего общего подхода к истории, который сегодня является доминирующим в отношении к истории среди читателей образованных, но, как правило, не являющихся профессиональными историками. Этот подход — крайне грубо можно охарактеризовать как «ценностно-технический»: история полна проблем, имеющих ценностную природу, но для этих проблем имеются технические решения, таким образом, история предстает ценностно неудовлетворительным механизмом.

Суть этой позиции можно выразить в нескольких пунктах.

Прежде всего, история есть чрезвычайно важная вещь, вызывающая живое, личностное, эмоционально- и ценностно нагруженное отношение. Именно это отношение

мотивирует и писать, и читать альтернативно-исторические романы, именно оно заставляет думать об исправлении исторического процесса.

Второй пункт неотделим от первого: история выступает в аксиологическом контексте, ход истории рассматривается как реализация ценностей и генерация благ – в позитивном или негативном аспекте.

И при этом – и тут мы переходим к третьему пункту – реализация ценностей в ходе исторического процесса обычно рассматривается как недостаточная, неудовлетворительная, требующая исправления. Альтернативная история потому и называется альтернативной, что настоятельно ставит вопрос об альтернативе – но в большинстве случаев такая альтернатива вовсе не является чистой игрой ума или развлечением. Нет, она возникает как удачная или неудачная попытка изменить те факты, которые признаны недолжными. Вовлеченным в альтернативно-исторический дискурс история воспринимается как «ошибка», требующая «редактирования».

Настоящим символом ценностно-технического подхода стала характерная для сюжетов современной фантастики фигура «попаданца» – человека из будущего, попавшего в прошлое и пытающегося изменить в нем известные исторические события. Огромная часть, может быть, более половины написанных альтернативно-исторических романов включают в свой сюжет «попаданца». И очевидно, что по-

паданец не только с точки зрения сюжета, но и с точки зрения авторской философии воплощает именно связь настоящего времени с прошлым, причем является транслятором в прошлое как актуальных ценностей, так и актуальных технических навыков. Как транслятор ценностей он появляется в прошлом с твердым убеждением, что все было не так. Как транслятор технических навыков он предлагает новые, «актуализированные» знания, политические, управленческие и технологические решения. Пример сюжета с попаданцем – роман Сергей Буркатовского «Вчера будет война», в котором попавший в 1941 г. современный веб-дизайнер пытается предупредить советское руководство о начале войны. Другой пример – цикл романов Евгения Красницкого «Отрок», в котором «душа» современного специалиста по управлению попадает в тело подростка XII века. В романе Анатолия Дроздова «Господин военлёт» душа российского военного попадает в тело русского летчика времен Первой мировой войны, и герой, конечно, пытается «спасти Россию».

Но как именно и почему писатели считают возможным изменить историческое прошлое?

Тут мы переходим к следующему, важнейшему элементу «ценностно-технического» подхода. История в его рамках рассматривается как сложный механизм, как чувствительное сцепление причин и следствий, изменение любой детали в котором приводит к изменению всех последующих событий. По-

следнее обстоятельство приводит к тому, что, по мнению приверженцев этого дискурса, в истории имеются многочисленные «развилки» — или, как их еще называют, «точки бифуркации», воздействие на которые может очень сильно изменить дальнейшее течение исторических событий. В чувствительном механизме истории неизменно обнаруживается место для «бабочек Брэдли», и недаром один из самых ярких альтернативно-исторических романов последнего времени называется «Столкновение с бабочкой» (его автор — известный киносценарист Юрий Арабов). В этом романе роль исторической развилки выполняет отказ Николая II отречься от престола. В романе Бориса Орлова, Александра Авраменко и Александра Кошелева «Смело мы в бой пойдем» роль такой «бабочки» играет случайное убийство Ленина, из-за которого революции не происходит. В романе Дмитрия Казакова «Черное знамя» ключевая развилка заключается в отказе царского правительства вступить в русско-японскую войну, в результате русская армия не реформируется, Первая мировая оказывается проигранной, а после войны в России вместо большевиков к власти приходят фашисты.

Таким образом, для фантастической литературы крайне характерна вера в компактные «ключевые» предметные области, которые управляют всем остальным миром. В мире должно быть некое скрытое «ядро», доступ к которому обеспечивает власть над миром. Эти области, которые при случае могут становиться «интерфейсами» по управлению

историей, оказываются для писателей-фантастов важнее, чем необратимые тенденции исторического развития¹.

Но как писатели-фантасты пытаются исправить русскую историю? Прежде всего они мечтают о военных победах и геополитическом могуществе и в этой роли являются последователями той имперской линии российской мысли, представителем которой был, скажем, Н.Я. Данилевский. Примером может служить, например, цикл Александра Маркова «Русский спецназ», где Россия побеждает в Первой мировой войне. В романе Олега Герантиди «Превосходящими силами» СССР наносит по Гитлеру упреждающий удар. В цикле Александра Громова «Русский аркан» императорская Россия и в начале XXI века является могущественным патриархальным государством — и в том числе потому, что Америки в этом мире просто нет.

Но кроме имперского величия над большинством авторов тяготеют идеалы советской модернизации. Как верно отмечает Л. Фишман, в большинстве альтернативно-исторических произведений есть общая идеологическая парадигма, которая не замечается только потому, что стала «привычной как воздух», и это — парадигма модернизации, точнее — «догоняющей модернизации». Пришельцы из будущего приезжают в прошлое, чтобы модернизировать его в духе технического и индустриального развития, по шаблону ранних теорий модернизации

¹ Подробнее см.: (Фрумкин 2004: 191–200).

примерно 1950–1970-х гг. Большинство героев отечественных романов нельзя квалифицировать иначе как «просто модернизаторов», и изменения, которые они производят, укладываются как в стандартные представления о модерновом обществе, так и в представления о том, что есть модерн по-советски и по-постсоветски. Таким образом, констатирует Фишман, альтернативная история оказывается не слишком-то альтернативной. Просто делается так, чтобы те, кто выиграл в «реальной» реальности, проиграли в альтернативной: в целом мир понятен и справедлив, но только история незаслуженно обидела Россию (Фишман 2010).

Типичным примером романов с акцентированной «модернизаторской» линией может служить цикл Андрея Величко «Кавказский принц», где благодаря попавшему в Россию конца XIX века советскому инженеру Россия становится родиной и аэропланов, и автомобильных заводов Форда, и пулеметов «Максим». В романе Александра Маркова «1937. Русские на Луне» после победы в Первой мировой войне в Российской империи наступает «золотой век» и офицеры Российского Императорского Космофлота первыми высадились на Луне!

Таким образом, мы видим, что сегодня в альтернативно-исторической фантастике, как и в других формах общественного сознания, сошлись два типа «архаики» — традиционализм в собственном смысле слова и ностальгический просвещенческий индустриализм советского типа. У нас есть два архаизма, причем

второй из них обладает специфическими «родимыми пятнами» футуризма — это устаревший футуризм. Соответственно современность критикуют сегодня одновременно и со стороны традиционной духовности, и со стороны приверженцев модерна и советского индустриального стиля.

Заметим, что проявляющееся в фантастике ценностно-техническое отношение к истории очень близко к духу двух чрезвычайно авторитетных древних литературных корпусов — Ветхого Завета и античной трагедии. Ветхий Завет излагает историю еврейского народа как историю его успехов и провалов в отношениях с Богом — и провалы явственны, эмоционально нагружены, и влекут за собой серьезнейшие неудачи в сфере военной истории. Пророки Ветхого Завета во многом играют роль своеобразных «попаданцев», разоблачающих ошибки современников и объясняющих то, какие исторические последствия влекут эти ошибки. При этом роковые ошибки, о которых говорит нам библейский текст, зачастую носят именно технический характер — в том смысле, что относятся к «техническим» подробностям культа: политические провалы возникают из-за того, что приносятся не те жертвы не тем богам и не в том месте.

Античная трагедия, также чрезвычайно чувствительна к системе определяющих человеческую жизнь причин и следствий, считает эту систему фатально чувствительной к ошибкам людей. Хотя стереотипной является мысль, что важ-

нейшей идеей сюжета греческой трагедии является идея Рока, последний выступает не столько как предначертанная судьба — за пределами «Сизифа» этого почти не найти, — сколько именно как роковые последствия человеческих поступков. Соответственно было бы логично желать вмешаться в эти трагические сюжеты и их исправлять — тем более, что сюжет трагедии, как правило, очень четко указывает, где именно была совершена роковая ошибка, да и ошибка часто выглядит довольно легко исправимой. Такие исправления часто и происходили при переработке античных сюжетов в Новое время.

Безусловно, альтернативно-историческая фантастика является активной деятельностью по формированию и освоению коллективной исторической памяти — в этом отношении фантастическая литература обладает чрезвычайно разнообразным культурным функционалом.

Прежде всего, альтернативная фантастика мобилизует десятки, если не сотни литераторов на изучение исторического материала, порождая огромный пласт историков-любителей, знакомящих публику с результатами своих изысканий. Стоит, впрочем, отметить, что среди авторов альтернативно-исторического жанра есть и профессиональные историки. Здесь прежде всего следует указать на профессора истфака МГУ Д. М. Володихина и доцента Харьковского национального университета А. В. Шмалько — последний под псевдонимом «Андрей Валентинов» является не только одним из ведущих писате-

лей, работающих с альтернативно-историческим методом, но и одним из ведущих современных русскоязычных фантастов. При этом круг любителей этого рода фантастики по сути является и кругом любителей «обычной» истории.

По сути, альтернативная фантастика выполняет и просветительскую или популяризаторскую функцию — поскольку сообщает публике об исторических событиях. Как отмечает писатель Владимир Березин, «альтернативная история тем и замечательна, что вызывает интерес к истории “настоящей”, и чем более парадоксальна модель, тем интереснее обсуждение» (Березин 2004). Разумеется, в своей популяризаторской функции фантастика далека от строгой научности и распространяет исторические мифы не менее усердно, чем строгие знания. Но именно поэтому она становится даже более эффективна как конструктор «исторической памяти» в смысле национального мифа.

Альтернативная фантастика не просто рассказывает об истории, но проблематизирует ее — она рассказывает читателю об истории как о проблеме, которая требует решения, и в этом смысле она развивает в русской культуре особую, живую открытость к исторической проблематике. Фантастика стимулирует эмоциональное отношение к истории, конструирует своего особого «лирического героя» — личностно озабоченного ходом исторического процесса. «Попаданец» изменяет историю потому, что он обладает личностной заинтересованностью, что он эмоционально относится

к прошлым событиям, страдая из-за их недолжного хода. Но такой же заинтересованностью в большей или меньшей степени обладает и автор альтернативно-исторического текста, поскольку он выбрал эту тему и считает ее важной, а также и читатель его, поскольку он интересуется такими текстами. Таким образом, и авторы, и читатели, и персонажи альтернативно-исторической литературы вместе – каждый со своими нюансами – презентуют феномен «экзистенциальной задетости» историей. И, безусловно, все это является одним из проявлений общей озабоченности историей в современной русской культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Березин 2004 – *Березин В.* Крымский оборонный фэнфик // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/be24.html> (дата обращения 23.12.2016).

Бестужев-Лада 1997 – *Бестужев-Лада И. В.* Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8.

Бочаров 2005 – *Бочаров А.* Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы // Фигуры истории, или «Общие места» историографии. СПб., 2005.

Бушков 1999 – *Бушков А.* Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М., 1999.

Витенберг 2002 – *Витенберг Б. М.* Об историческом оптимизме, историческом пессимизме и государственном подходе к истории (По поводу новых книг А. Л. Янова и Ю. Н. Афанасьева) // Новое литературное обозрение. 2002. № 54 URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/viten.html> (дата обращения 23.12.2016).

Витенберг 2002 – *Витенберг Б. М.* Об историческом оптимизме, историческом пессимизме и государственном подходе к истории // Новое литературное обозрение. 2002. № 54.

Гуларян б/д. – *Гуларян А. Б.* Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта // http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (дата обращения 23.12.2016).

Гуц 2000 – *Гуц А. К.* Многовариантная история России. М., 2000.

Лещенко 2003 – *Лещенко В.* Ветвящееся время. История, которой не было. М., 2003.

Модестов 2000 – *Модестов С. А.* Бытие несвершившегося. М., 2000.

Назаретян 2005 – *Назаретян А. П.* Знает ли история сослагательное наклонение? (Мегаисторический взгляд на альтернативные модели) // Философские науки. 2005. № 2.

Нехамкин 2003 – *Нехамкин В. А.* Проблема сослагательного наклонения в научном познании: сущность и функции // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2003. № 6.

Пивов 2013 – *Пивов В. М.* Философия истории: Учебное пособие. М., 2013.

Поликарпов 1996 – *Поликарпов В.* Если бы... Исторические гипотезы. Ростов-н/Д., 1996.

Фишман 2010 – *Фишман Л.* Мы попали // Дружба народов. 2010. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/4/fi17.html> (дата обращения 23.12.2016).

Фрумкин 2004 – *Фрумкин К. Г.* Философия и психология фантастики. М., 2004.

Экштут 2000 – *Экштут С. А.* Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8.

Alternative historical fiction as a form of historical memory

Frumkin Konstantin G. – candidate of Culturology, Deputy chief-editor of the magazine “Compania” (Moscow); ariel2@mail.ru

Key words: History, historicocentrism, culture, values, science fiction, alternative historical fiction, revolution, value-engineering approach, popadanets, scripts, retromodelling, if-journalism.

The article is dedicated to alternative history science fiction (AHF) – the genre of fantastic literature, devoted to alternative, non-realized scenarios of the world history. It is shown that this genre is a form of manifestation of historical memory and involved in understanding of the national history and the building of historical myth, in particular, due to the fact that AHF acquired popularity in Russia after the collapse of the Soviet Union, when the whole of Russian culture got clearly historical-centric connotation. The popularity of alternative historical fiction is closely related to value attitude to history, to the assessment of historical events as “positive” or “negative” and the need for their corrections. The figure of the so-called “popadanets” as typical characters of AHF is estimated, which are focused on value-technical approach to history. Attention is drawn to the dissemination of the method of alternative historical fantasy from fiction to philosophy and journalism.

REFERENCES

Berezin V. Krymskii oboronnyi fenfik. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. N 70. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/be24.html> (date of access 23.12.2016).

Bestuzhev-Lada I.V. Retroal'ternativistika v filosofii istorii. *Voprosy filosofii*. 1997. N 8.

Bocharov A. Al'ternativnaia istoriia v kontekste estestvennonauchnoi paradigmy. *Figury istorii, ili "Obshchie mesta" istoriografii*. Saint Petersburg, 2005.

Bushkov A. *Rossiia, kotoroi ne bylo: zagadki, versii, gipotezy*. Moscow, 1999.

Ekshtut S.A. Soslagatel'noe naklonenie v istorii: voploshchenie nesbyvshegosia. *Opyt istoriosofskogo osmysleniia. Voprosy filosofii*. 2000. N 8.

Fishman L. My popali. *Druzhba narodov*. 2010. N 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/4/fi17.html> (date of access 23.12.2016).

Frumkin K.G. *Filosofia i psikhologiya fantastiki*. Moscow, 2004.

Gularian A.B. *Zhanr al'ternativnoi istorii kak sistemnyi indikator sotsial'nogo diskomforta*. http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (date of access 23.12.2016).

Guts A.K. *Mnogovariantnaia istoriia Rossii*. Moscow, 2000.

Leshchenko V. *Vetviashcheesia vremia. Istoriia, kotoroi ne bylo*. Moscow, 2003.

Modestov S.A. *Bytie nesvershiushegosia*. Moscow, 2000.

Nazaretian A.P. Znaet li istoriia soslagatel'noe naklonenie? (Megaistoricheskii vzgliad na al'ternativnye modeli). *Filosofskie nauki*. 2005. N 2.

Nekhamkin V.A. Problema soslagatel'no-go nakloneniia v nauchnom poznanii: sushchnost' i funktsii. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2003. N 6.

Pivoev V.M. *Filosofia istorii: Uchebnoe posobie*. Moscow, 2013.

Polikarpov V. *Esli by... Istoricheskie gipotezy*. Rostov-na-Donu, 1996.

Vitenberg B.M. Ob istoricheskom optimizme, istoricheskom pessimizme i gosudar-

stvennom podkhode k istorii (Po povodu novykh knig A.L. Ianova i Iu. N. Afanas'eva). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. N 54. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/viten.html> (date of access 23.12.2016).

Vitenberg B.M. Ob istoricheskom optimizme, istoricheskom pessimizme i gosudarstvennom podkhode k istorii. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. N 54.

З. А. Чеканцева

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ

Ключевые слова: историческое прошлое, история как наука, коллективная память, режим историчности, историографическая операция, историческая эпистемология.

История и память были связаны всегда. Но лишь в XX в., особенно во второй его половине, эта связь стала объектом пристального внимания ученых-гуманитариев, в том числе историков. В статье на основе работ французских интеллектуалов показано, каким образом за последние десятилетия во Франции изменились представления о соотношении исторического прошлого (той самой реальности, которая была на самом деле), истории как науки и коллективной памяти. Обсуждается связь этих перемен с трансформацией «порядка времени», роль памяти в ремесле историка; показано, как «работает» память в историографической операции.

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННЫЙ РЕЖИМ ИСТОРИЧНОСТИ

Во Франции рождение истории как научной дисциплины прочно связано со становлением государства-нации. Возможно, это обстоятельство объясняет традиционно высокий статус исторического знания в этой стране. Однако в XXI в. престиж истории как науки явно снижается (см. напр., (Prochasson 2008)). При этом спрос на историю в обществе

остается очень высоким и у историков появилось значительно больше возможностей для того, чтобы знакомить публику со своими трудами. Но термин *прошлое* стал более важным, чем термин *история*. «Повсюду только прошлое, — пишет П. Нора, — истории больше нет нигде. История, т. е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании» ((Nora 2013: 3); см. также: (Rousso 1998; Nora 2011)). Сегодня «больше говорят

©Чеканцева З.А., 2016

Чеканцева Зинаида Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва); achekantzev@mail.ru

об использовании прошлого, чем об использовании истории, скорее о памяти, чем об истории, и оба эти понятия – история и память – идут рука об руку», – уточняет Ф. Артог (*Entretien* 2014).

Историческая наука «становится бедной родственницей когнитивных наук», считает П. Нора. Ее вытесняет «прошлое», которое сегодня ассоциируется не с дисциплинарным историческим знанием, а с памятью. Иными словами, если в эпоху классического познания история понималась как наука о «прошлом», то сегодня людей интересует только само это «прошлое», которое историки не могут объяснить. Они могут лишь показать, как репрезентации о прошлом формируются в настоящем. В этой связи во Франции уже несколько десятилетий обсуждается идентичность современного историка, эпистемологическое содержание исторического знания (Чеканцева 2014) и состояние исторического образования (*Badré* б/д.: 23–29).

В одном из интервью П. Нора напомнил о том, что О. Конт различал эпохи позитивные и критические. «Первые были охвачены творческим порывом конструирования будущего, вторые целиком заполнены пережевыванием прошлого. Мы живем в эпоху второго типа. Поскольку прошлое больше не говорит о себе, каждый может заставить его говорить то, что ему хочется. По привычке и для простоты такое новое отношение к прошлому называют «историей». Но то, что раньше по определению означало создание коллективной связи, ста-

ло индивидуальной принадлежностью, где доминируют этические, игровые, проективные, аффективные измерения. Речь не идет больше о том, чтобы вписать свой опыт в опыт коллективный, но об игре с имеющимся капиталом... История, которая по определению была фундаментом реальности, стала областью воображаемого, чудесным нашей демократической эпохи» (*Nora* б/д.: 3–5).

Глубинной основой этих перемен является не только многоплановая трансформация мира (см., напр., (*Бауман* 2011)), но изменение «порядка времени» (К. Помпьян), проявляющееся в трансформации режима историчности. Во французскую науку это понятие ввел Ф. Артог, развивая идеи Р. Козеллека, К. Леви-Стросса и М. Салинза (цит. по: (*Hartog* 1993: 18–38, 29)). Первоначально режим историчности историк представил как «манеру использования социумом своей коллективной памяти для производства установок, с помощью которых прошлое оказывает на него влияние» или то, как общество свое прошлое «поддерживает или хоронит, реконструирует, конституирует, мобилизует» (*Escudier* 2009: 1269–1301). Через десять лет Ф. Артог назовет режим историчности способом сочленения основных модусов времени: прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая, что это не данность, но эвристический инструмент ((*Hartog* 2003), см. (*Мильчина* 2004)).

Классический режим историчности воплощен в традиционной модели истории, названной Цице-

роном *magistra vitae*. В этой модели главную роль в концепте *время* играет прошлое. Именно оно освещает настоящее, являясь для него поставщиком примеров, как надо или не надо действовать. Второй режим историчности появился в эпоху Просвещения и постепенно утвердился в XIX в. в качестве доминирующего. Это финалистский или футуристический вариант истории, понимаемой как телеологический процесс. Прошлое в таком режиме историчности – это основа настоящего на пути к лучшему будущему (прогресс), свет которого позволяет понять прошлое и настоящее.

Сегодня мы живем в эпоху презентизма: людей интересует главным образом настоящее. Заметное увеличение доли исследований недавней истории – явное тому свидетельство. Уже в 1980-х гг. стало ясно, что «настоящее, находясь между угнетающей непредсказуемостью/бесконечной открытостью будущего, лишено перспективы, и громоздкой множественностью возвращаемого в своей непрозрачности прошлого, стало категорией нашего понимания самих себя. Но растягивающееся настоящее, где изменение стало постоянным, схватывается только через помеченное шармом прошлое и его новые тайны. Это прошлое, более чем когда-либо склонное к сокрытию секретов, – не только наша «история», но и наша «идентичность» (П. Нора). В условиях презентизма будущее оказывается не просто туманным, но опасным и закрытым. Это влияет на восприятие прошлого, которое необычайно интересует публику, но как бы замыкается

на самом себе. Его поглощает расширенное «дезориентированное» настоящее. История не пишется больше с точки зрения прошлого или будущего, но с точки зрения настоящего, лишённого какого-либо «горизонта ожидания». Прошлое поэтому предстает как «ускользающее настоящее» (Ф. Артог).

Возвышение памяти, проявляющееся в чрезмерном внимании к прошлому (недавнему, травматическому, трагическому, не уходящему), – особенность этой историчности. Пропитанная ностальгией память стала выражением стремления преодолеть силу забвения, вернуть искаженное, отвергнутое, стертное. Все это в сочетании с крайней неопределенностью по отношению к будущему, порожденной утратой веры в прогресс и недоверием к официальной историографии. На этой волне изменилось отношение к культурному наследию. Его, по сути, «изобрели» заново, поставив в центр антропологическое восприятие культуры как мира символов, следов, знаков, которые необходимо сохранить для настоящего (Pomian 2010: 45–56). Историки в этих условиях, «совершая историографическое и мемориальное обновление, расстаются с прошлым в себе и вносят свой вклад в дело рефлексии и интерпретации, которому служат гуманитарные науки» (Досс 2013: 40–41).

Воспоминание и забвение воспринимаются как важнейшие факторы общественной жизни и политики. Историческая политика и мемориальная культура, характеризующие уровень обращения к прошлому,

стали объектом пристального внимания ученых (Romain 2006; Герасимов и др. 2011; Миллер, Липман 2012). Под мемориальной культурой понимается совокупность средств, с помощью которых отдельные индивиды, группы и культуры выстраивают свою идентичность. При этом злоупотребление воспоминаниями — обычное дело в практиках повседневности и политике. Хотя не всегда это можно назвать инструментализацией истории. «Понятие “инструментализации”, — пишет современный историк, — внушает мысль, будто прошлое надежно контролируется настоящим, но на самом деле именно прошлое, особенно травматическое, не выпускает будущее из своей хватки. Не мы владеем прошлым — это оно владеет нами» (Ассман 2014: 303).

Коллективная память все чаще используется для интерпретации реальности. Она стала моделью, с помощью которой можно понять событие, политику, социум и характер гражданского сосуществования в нем. Такие понятия, как *родина, нация, идентичность, наследие*, пропускаются сквозь фильтры памяти. Линза памяти позволяет увеличить, уменьшить, сфокусировать или переместить внимание на новые темы и аргументы, изменяя взгляд на вещи и людей. Созданные с помощью памяти сетки анализа помогают во много раз увеличить понимание социальной и политической реальности, видоизменяя способы размышления или описания. Историческая память активно участвует в социальном конструировании исторической преемственности или разрывов. Это хорошо показано

в трудах историков, посвященных важнейшим событиям в истории Франции¹. Приоритетной темой исторических исследований являются различные аспекты «использования прошлого» (Hartog, Revel 2001; Crivello, Garcia 2006), а историческая память изучается преимущественно в связи с «политикой памяти» или «исторической политикой», с анализом значения политического заказа в формировании исторических знаний при решении конкретных политических задач. Не удивительно, что память вовлечена в политическую борьбу (Тьесс 2010: 92–103; Вельцлер 2005: 28–35). Большое место в жизни и науке занимают различные коммеморативные практики (Namer 1987; Corbin et al. 1994; Bédarida 1986; Garcia 2000). Коллективная память и идентичность — концептуальные инструменты в бесчисленных «войнах памяти», охвативших Францию в конце 90-х гг. прошлого века (см. (Blanchard, Veyrat-Masson 2008)). В таких случаях исторический дискурс о памяти смешивается с дискурсом политическим, философским, этическим, юридическим, медийным. Конфликты памяти в этих войнах нуждаются не только в прошлом, но и в настоящем. При этом очень важны контексты возникновения таких конфликтов. В то же время память, превращаясь в сфере коммуникации в объект манипуляций, нередко участвует в процессе деформирования реальности.

Образно и точно характеризует ситуацию Ф. Артог: современная исто-

¹ См. подробнее (Dosse 2010; Joutard 1985; Rouso 1990; Rouso, Connan 1999; Rouso 2001).

рия/историография стремительно меняется в сопровождении «квартира в составе памяти, коммеморации, наследия и идентичности, а также тех, кто им аккомпанирует. В роли руководителя оркестра выступает наше настоящее» (*Hartog* б/д.: 18–31). Но вопрос о том, что такое коллективная память, остается открытым. Это понятие, введенное в науку А. Бергсоном и М. Хальбваксом, до сих пор нередко воспринимается как метафора. Остановимся на этом подробнее.

Мысль о том, что человек, будучи существом социальным, не является хозяином своих воспоминаний, на интуитивном уровне вызывает отторжение. Но аналитики коллективной памяти убедительно показали, что такие воспоминания во многом зависят от бесчисленных репрезентаций, окружающих индивида в коммуникации с другими людьми в различных группах (семья, школа, университет, трудовой коллектив и пр.) или в непрерывно обновляющихся информационных потоках, сопровождающих процесс социализации и живого общения.

В незаконченной работе «Коллективная память», опубликованной в 1950 г. уже после смерти М. Хальбвакса, содержится несколько идей, касающихся исторической памяти (*Halbwachs* 1981 (1950, 1968)). Индивидуальная память — это память кратковременная. Она умирает вместе с человеком. Историческая память, наряду с другими видами коллективной памяти (социальная, культурная, политическая, официальная, семейная и пр.) является памятью долговременной. Она про-

должает жить в поколениях людей, непрерывно трансформируясь, благодаря тому, что о ней постоянно проявляют заботу специальные практики и институты при поддержке социума и государства.

Социолог различает два типа такой памяти. Одна память внутренняя (автобиографическая), другая — внешняя (историческая). Обе функционируют примерно одинаково. Первая является более точной, поскольку связана с реальной жизнью человека. Вторая во многом зависит от «всеобщей истории». Историческая память не исчерпывается той историей, которую можно найти в исторических книгах или школьных учебниках. Скорее она соответствует «живой истории», разлитой в пространстве здравого смысла. Такую историческую память Хальбвакс представлял как то, что другие оставили нам в наследство, что не всегда присутствует в книгах.

Объясняя связь индивидуальной и коллективной исторической памяти, он приводит пример из собственной жизни: «Что произошло в мире в 1877 году, когда я родился? Это год 16 мая, когда политическая ситуация менялась со дня на день, год истинного рождения Республики. У власти был министр де Брөльи. Гамбетта в том году объявил (президенту Франции Мак-Магону. — *Примеч. пер.*): „Вы должны подчиниться или сложить с себя полномочия“. В том же году умирает художник Курбе. Виктор Гюго публикует второй том „Легенды веков“. В Париже достраивают бульвар Сен-Жермен и начинают прокладывать авеню Республики. В Европе

все внимание сосредоточено на русско-турецкой войне. Осман-паша после долгой и героической обороны вынужден сдать Плевну. Таким образом, я восстанавливаю обстановку, но это очень широкие рамки, в которых я ощущаю себя крайне затерянным. Несомненно, с этого момента меня подхватил поток жизни нации, но я едва ощущал, что меня несет этот поток. Я был словно пассажир на корабле. Перед его глазами проплывают берега, его поездка проходит внутри этого пейзажа, но предположим, что он погружен в размышления или в разговор с попутчиками: тогда он лишь время от времени станет обращать внимание на то, что происходит на берегу; позже он вспомнит поездку, не вдумываясь в подробности пейзажа, или же он проследит ее маршрут на карте и в таком случае, возможно, что-то вспомнит, а что-то уточнит. Но между путешественником и той страной, мимо которой он проплывал, не было настоящего контакта» (Хальбвакс 2005). Получается, что индивидуальные жизни в чем-то повторяют движения групп и сообществ, в которые они включены, и испытывают на себе последствия их потрясений. Однако люди способны привязать свои жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом.

Социальное окружение индивида, среда, в которой он живет, наполнена референциями к такой памяти, которую национальная история преобразовывает в нечто цельное и связанное. Такая национальная история представляет собой память диффузную, не организованную, но в ней присутствуют важные для

национальной истории события. Она отличается от памяти локальных, провинциальных, городских историй тем, что в ней имеют значение лишь факты, интересующие всех граждан или всех тех, кто считает себя членами конкретного национального сообщества. Б. Андерсон представил нацию как «воображаемое сообщество». Несколько десятилетий это понятие вдохновляло историков и социологов, принимающих конструктивистскую установку в понимании природы познания. Сегодня в связи с исследованием механизмов работы памяти в социуме есть основания говорить о нациях как «мнемонических сообществах» (Zerubavel 2003).

Преодолевая представление о противоположности коллективной и индивидуальной памяти, А. Ассман детально проанализировала четыре формата памяти, определяемых размером и характером группы, а также ее пространственными и временными особенностями: память индивида, социальной группы, политических сообществ и память культур. Исследовательница показала также связь форматов памяти с процессами идентификации на разных уровнях, дифференцируя компоненты памяти (носитель, среда, опора) и ее измерения (нейронное, социальное, культурное) (Ассман 2014: 33). Национальную память она считает разнообразностью памяти политической и официальной. Это лишь один из возможных видов коллективной памяти, связанный с императивами лояльности и «мы» идентичностью (Ассман 2014: 34–38). В отличие от многоголосой социальной

памяти, изменяющейся стихийно, национальная память представляет собой более унифицированную конструкцию, которая закрепляется политическими институциями. «При формировании коллективной самоидентификации, — пишет Ассман, — решающее значение имеет не онтологический статус, а потенциал воздействия исторического опыта, который передается и обогащается новыми толкованиями» (Ассман 2014: 39). В этой связи большое значение приобретают вопросы о том, как именно мы вспоминаем и каким образом мы узнаем об историческом событии. Иными словами, это вопрос о взаимоотношениях памяти и истории.

ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ

История и память были связаны всегда: не случайно в греческой мифологии Клио — дочь Мнемозины. Однако в процессе формирования истории как науки память понемногу вытеснялась из нее. Началось это еще в глубокой древности, с того момента, как человеческий опыт стал воплощаться не только в теле индивида, но и в других материальных формах: камень, папирус, бумага, рисунки, маски, картины, одежда, жесткий диск и пр. В текстах отцов-основателей истории, Геродота и Фукидида, память присутствует постоянно. В Средние века история оказалась подчинена памяти: она была включена в мнемонические техники. Но в конце XIX в. не без помощи государства-нации память ушла в тень, передав истории целый ряд проблем, связанных с припоминанием-распознаванием,

воображением, образами. Понятие коллективной памяти, введенное в науку в начале прошлого века, способствовало трансформации исторического знания, в котором память стала одним из объектов анализа в качестве исторической репрезентации (Potian 1998: 63–110; Чеканцева 2015: 229–239). А. Ассман на материале XX в. выделила три момента, в которых историческое исследование может быть дополнено мемориальной перспективой: выявление эмоциональной составляющей и индивидуального переживания; изучение мемориальной функции истории как памяти; осмысление этической ориентации (Ассман 2014: 49). Все эти и другие аспекты истории памяти сегодня интенсивно изучаются в науке, в том числе в отечественной историографии (Леонтьева, Репина 2015). Тем не менее взаимоотношения истории и памяти нуждаются в дополнительной рефлексии.

Различия между историей и памятью хорошо объяснил П. Нора. «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация

прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное» (*Нора и др.* 1999: 20).

Но одновременно память — это матрица истории, и она остается такой матрицей даже тогда, когда становится предметом историографии (*Рикер* 2004: 45). Получается, что память, учитывая всю полисемию понятия, всегда «сопряжена с прошлым». При этом «время остается общей ставкой» (П. Рикер) как для памяти-чувства (*мнеме*), работающей в процессе простого вызыва-

ния в памяти, так и для памяти-действия (*анамнезис*), предполагающей усилие по вызыванию воспоминания. Кроме того, время обеспечивает нерасторжимую связь истории и памяти: обе оформляются в настоящем, но предполагают воскрешение прошедшего.

В классической науке темпоральная дистанция между прошлым и настоящим считалась одним из важнейших атрибутов научности. «В прошлых двух столетиях, — пишет Ф. Анкерсмит, — историки создали ряд сложных интеллектуальных конструкций в форме таких понятий, как *народ, государство, нация, социальный класс, социальная структура* (их число можно умножить), чтобы укрепить существующее расстояние между прошлым и настоящим. С точки зрения этих и других понятий, прошлое анализировалось в его качестве быть отличным от настоящего. Факт, что мы всегда говорим об истории определенного народа, некоторой нации, социального класса и так далее (что, несомненно, предполагает непрерывность между прошлым и настоящим), заставляет забыть, что прошлое было разведено с настоящим именно в связи с этими понятиями» (*Анкерсмит* 2003: 307). В новом режиме историчности этот постулат проблематизирован. Кроме того, в критической модели истории было реабилитировано «эксплицитное и обдуманное действие», что в работах историков вывело на первый план историческую идентичность (*Gauchet* 1998: 166).

Проблема заключается в том, что индивидуальная историческая па-

мять, также как идентичность, имеет многоуровневый характер. В ней переплетаются в специфических формах присвоения и адаптации к экзистенциальным потребностям конкретного человека личный жизненный опыт индивида и социокультурный опыт различных групп. Роль исторической памяти в формировании личной и групповой идентичности сложно переоценить. Но выявление такой роли затруднено недостаточным пониманием механизмов связей индивидуальной и коллективной памяти с профессиональной историографией (Lavable 1994). Размышления М. де Серто и П. Рикера о судьбе памяти в деятельности историка позволяют прояснить специфику работы памяти в историческом исследовании.

Прежде всего, память неотделима от загадочной природы репрезентации (Рикер 2002: 23–41; Рикер 2004; *Ricœur* 1996: 7–16)². Воспоминание спонтанно возникает как образ, знак того, что уже отсутствует. Это *образ-воспоминание*, в котором, по мысли Рикера, одновременно сосуществуют *присутствующее*, *отсутствующее* и *предшествующее*. Связанную с этими терминами проблематику хорошо иллюстрирует метафора следа, оставленного печатью на воске: след сохраняется, но удара печати больше нет. Иными словами, образ-воспоминание частично утрачивает свою составляющую, связанную с действием. *Присутствующее* — это сам образ как след, отпечаток, знак канувшей в лету вещи или явления.

Отсутствующим может быть все что угодно: фантазия, галлюцинация или реальное событие. Здесь возникает проблема соотношения памяти и воображения, воспоминания и фикции, изучением которой занимается риторика. Третья составляющая загадки репрезентации — это наличие темпоральной дистанции, которая в языке выражается с помощью глагольных форм или наречий. В данном случае историк имеет дело с загадкой в квадрате: *предшествующее* присутствует в образе как знак такого *отсутствующего*, которое все-таки имело место. Именно это обстоятельство заверяет память. Она же предлагает промежуточную отгадку для этой головоломки, которая выглядит как возвращение прошлого. Рикер называет это *узнаванием* или «маленьким чудом». История как наука лишена способности на такое чудо, но обречена на его поиск. «Узнавание вписано в структуры уверенности: его можно оспаривать, подвергать, опровергать с помощью документов, но никакой другой опыт не может его заменить». Узнавание предстает как обработка, согласование, поиск соответствия образа вещи или явлению, след которых сохранила память.

Какова роль во всем этом человеческого мозга, пока не совсем ясно, ибо когнитивные науки не понимают до конца природу сознания. Но каким бы сомнительным не было воспоминание в момент узнавания, у человека нет ничего лучшего для того, чтобы говорить, писать и рассказывать о том, что имело место до того, как он об этом вспомнил. Память не только предлагает

² См. о понятии «репрезентация» (Чубарьян 2014: 439–442).

определенное видение события или явления прошлого, оставившего в нас свой след, у нее также есть носитель (индивид, персона, субъект). Вспоминающий всегда уверен, что это его память. Но это иллюзия: воспоминания принадлежат не только ему. Они живут в пространстве коммуникации с другими людьми, наполненном непрерывным процессом трансфера воспоминаний. Это «множественное присвоение» в бесчисленных коммуникациях и позволяет говорить о наличии коллективной памяти. Индивидуальные памяти людей также переплетены друг с другом, как рассказы или тексты, которые, как им кажется, они сочиняют сами. Судьба памяти, полагает Рикер, — быть «вплетенной в историю». Эта переплетенность обеспечивает связность истории, и она же ответственна за разрывы в ней. Получается, что работа памяти осуществляется как внутри, так и вне ее носителя, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне групп и социума в целом.

«РАБОТА» ПАМЯТИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Мишель де Серто выделяет три условных стадии в структуре историографической практики: стадия документальная, стадия понимания/объяснения и стадия письма в точном смысле слова (*Certeau* 1973). На каждой из этих стадий между памятью и историей существует одновременно «тесная связь и невидимый барьер» (П. Рикер).

Свидетельство начинается с памяти, полагает Рикер. В нем выска-

зывается и рассказывает именно память. Свидетель дает показания перед Другим: «я там был, верьте мне!». В самой процедуре свидетельства происходит нечто похожее на распознавание воспоминания, которое предполагает оформление некоторого образа. Но к уверенности свидетеля «я» прибавляется недоверие к «другому». В этой связи нормой становится обращение к письменному свидетельству. Ценность свидетельства подписанного и заверенного возрастает: подпись обязывает говорить правду. Кроме того, приобретая бумажную форму, свидетельство входит в зону критики и сравнения. Из свидетельств, собранных в «архивах», рождается «документ», который приобретает большее значение, чем просто след памяти. Он покрывает все материальные следы, оставленные активностью человека и способные быть утраченными, что вызывает к их ответственному хранению.

На стадии объяснения/понимания история отделяется от памяти, включая в исследовательский процесс ресурсы рассуждения и аргументации, которые обычно отсутствуют в простом свидетельстве. Это проявляется в попытках установить причины, выявить качество происходящего, отыскать в установленном наборе сведений повторяющиеся явления, выявить их темпоральные характеристики; распределить по разным «этажам» (экономическое, социальное, политическое, культурное), осмыслить связи между ними; использовать масштаб в качестве методического инструмента и пр. Все эти приемы исторического исследования недоступны памяти.

Когда историк переходит от истории рассказанной, которая всегда отчасти легендарна, к истории, которая имела место, его «труд становится событием», писал М. де Серто. В своей практике историк «не повторяет» (свидетельство, источник, документ. — *З. Ч.*), его задача заключается в том, чтобы «превратить историю-легенду в историю-труд» (*Certeau* 1973: 292). В этом замечании Серто важна мысль о неизбежной воображаемой установке в историческом исследовании, наличие которой позволяет понять, почему в истории историографии присутствует мифопоэтическая составляющая. Посредником в работе историка с источниками выступает культура, составной частью которой является коллективная память.

Наряду с документальными следами и архивами перед лицом наук о природе постепенно оформляется автономия истории. У истории есть своя парадигма, которую Карло Гинзбург назвал «парадигмой улики». Эта семиотическая модель позволяет выявлять документ, интерпретировать его, проверять в экспертном сообществе профессионалов. Индикативный, поисковый характер работы историка определяет специфику объективности в исторической науке. Она заключается в «документальной истине», соответствующей вероятностной природе исторического познания, проявляющейся в полноте улики, их связности, значимости, и проверяется посредством сравнения и дискуссии. Благодаря архиву и документу, истина в истории отличается по степени достоверности и содержанию от «подлинности»

памяти. В этой связи Рикер предлагал заменить термин *репрезентация* на *репрезентирование* для того, чтобы подчеркнуть процессуальный характер формирования исторической истины. «Беспокоящая странность» истории при этом сохраняется, но она не совпадает со скептицизмом риторической школы (*Рикер* 2002: 23–41).

В этом беспокойстве присутствуют не только рациональные, но и моральные, юридические и политические аспекты, важность которых возрастает в связи с проблемой «долга памяти». Речь идет о памяти под пристальным контролем истории: поле воспоминаний приобретает смысл и значение только вместе с историей, когда в нем возможно использование подходов и приемов анализа, разработанных историей-наукой. Кроме того, историографическая направленность на понимание, по мысли Рикера, мешает применять при осмыслении сложных исторических явлений установки судей и обвинителей. Историк работает в пространстве понимания, дискуссии и спора и не стремится к вынесению осуждающих или ободряющих вердиктов. В то же время тексты историка влетают в атмосферу коллективной памяти, посредством которой в самого историка и его труды проникают заботы творящего историю гражданина.

Какая именно память составляет «матрицу» истории применительно к определенному историческому нарративу, в частности, к нарративу национальному? Во-первых, это индивидуальная социокультурная

память историка, полученная от семьи и институтов социализации, где он сформировался как личность и профессионал. Из образного мира этой памяти рационально и эмоционально выстраивается в тексте репрезентация определенного аспекта исторической реальности. Во-вторых, это социальная память, которая обеспечивает категории, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своей среде. Одновременно такая коллективная память предоставляет «материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в профессиональном историческом знании» (Л.П. Репина). В третьих, это память следов прошлого, сохраненная в свидетельствах, с которыми работает историк. В эти следы включена культурная память той эпохи, в которой жили люди, оставившие свои свидетельства в текстах, изображениях, памятниках материальной культуры (Возжек 2012).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анкерсмит* 2003 — *Анкерсмит Ф.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003 (1994).
- Ассман* 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.
- Бауман* 2011 — *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года // <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения 12.02.2016).
- Вельцер* 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35.
- Возжек* 2012 — *Возжек В.* Культура и историческая истина. М., 2012.
- Досс* 2013 — *Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? М., 2013.
- Герасимов и др.* 2011 — Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей / Ред.-сост.: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011.
- Миллер, Липман* 2012 — Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Ред.: А. Миллер, М. Липман. М., 2012.
- Леонтьева, Репина* 2015 — *Леонтьева О. Б., Репина Л. П.* Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // История: Электронный учебно-научный журнал. 2015. Т. 6. Вып. 9 (42). Новый образ исторической науки и исследовательский инструмент историка. URL: <http://history.jes.su/s2079878400012593-1> (дата обращения 20.01.2016).
- Мильчина* 2004 — *Мильчина В.* Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5.
- Рикер* 2004 — *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004.
- Тьесс* 2010 — *Тьесс А.-М.* Использование национальной истории в политических целях: на примере современной Франции // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 92–103.
- Нора и др.* 1999 — Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.
- Хальбвакс* 2005 — *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
- Чеканцева* 2014 — *Чеканцева З.А.* Историки, история и память в современной Франции // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 253–267. URL: <https://www.историческаяэкспертиза>

academia.edu/11698453/ (дата обращения 20.12.2015).

Чеканцева 2015 — Чеканцева З. А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. Ч. 2. С. 229–239.

Badré 2013 — Badré V. De l'histoire champ de bataille à une mémoire pluraliste. Le miroir des manuels // Le Débat. 2013. N 5 (177). P. 23–29. URL: <http://www.cairn.info/revue-le-debat-2013-5-page-23.htm> (дата обращения 30.04.2016).

Bédarida 1986 — Bédarida F. (dir.) La mémoire des Français. Quarante années de commémorations de la Seconde guerre mondiale. Paris, 1986.

Blanchard, Veyrat-Masson 2008 — Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres des mémoires. La France et son histoire. Enjeux politiques, controverses historiques, stratégies médiatiques. Paris, 2008.

Certeau 1973 — Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris, 1973.

Corbin et al. 1994 — Corbin A., Géroме N., Danièle T. (dir.) Les Usages politiques de la fête aux XIXe–XXe siècles. Paris, 1994.

Crivello et al. 2006 — Crivello M., Garcia P., Offenstadt N. (dir.). Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine. Marseille: Université de Provence, 2006.

Dosse 2010 — Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. Paris: PUF, 2010.

Entretien 2014 — Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel. Les usages publics du passé en temps de présentisme // Sociologies pratiques. 2014. N 2 (29). P. 11–17. DOI 10.3917/sopr.029.0011.

Escudier 2009 — Escudier A. «Temporalisation» et modernité politique: penser avec Koselleck // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009. N 6 (64e année). P. 1269–1301.

Garcia 2000 — Garcia P. Le bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration. Paris, 2000.

Gauchet 1998 — Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. 1998. N 50.

Halbwachs 1981 — Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1981 (1950, 1968).

Hartog, Lenclud 1993 — Hartog F., Lenclud G. Régimes d'historicité // L'État des lieux en sciences sociales. Paris, 1993.

Hartog 2010 — Hartog F. Le présent de l'historien // Le Débat. 2010. N 1 (158). P. 18–31. URL: <http://www.cairn.info/revue-le-debat-2010-1-page-18.htm> (дата обращения 15.01.2016).

Hartog 2003 — Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris, 2003.

Hartog, Revel 2001 — Hartog F., Revel J. (dir.) Les usages politiques du passé. Paris, 2001.

Joutard 1985 — Joutard Ph. La Légende des Camisards. Paris, 1985.

Lavable 1994 — Lavable M.-C. Usages du passé, usages de la mémoire // Revue française de science politique. 1994. Vol. 44. N 3, juin.

Namer 1987 — Namer G. La commémoration en France de 1945 à nos jours. Paris, 1987.

Nora 2011 — Nora P. Présent, nation, mémoire. Paris, 2011.

Nora 2013 — Nora P. Présentation // Le Débat. 2013. N 5 (177). P. 3. URL: <http://le-debat.gallimard.fr/numero/2013-5-novembre-decembre-2013> (дата обращения 20.12.2015).

Pomian 1998 — Pomian K. De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet de l'histoire // Revue de Métaphysique et de Morale. 1998. N 103/1. P. 63–110.

Pomian 2010 — Pomian K. Patrimoine et identité nationale // Le Débat. 2010. N 2 (159). P. 45–56.

Prochasson 2008 — Prochasson C. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. Paris, 2008.

Ricœur 1996 — Ricœur P. Entre mémoire et histoire. Projet // Mémoires des peuples. 1996. N 248. P. 7–16.

Romain 2006 — Romain B. Mémoires d'empire. La controverse autour du «fait colonial». Paris, 2006.

Rousso 1990 — Rousso H. Le Syndrome de Vichy de 1944 à nos jours. Seuil, 1990.

Rousso 2011 — Rousso H. La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit. Paris, 1998.

Rousso 2001 — Rousso H. Vichy. L'événement, la mémoire, l'histoire. Paris, 2001.

Rousso, Connan 1999 — Rousso H., Connan E. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris, 1999.

Zerubavel 2003 — Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago, 2003.

History and memory in the intellectual culture of France

Chekancheva Zinaida A. — doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher, Institute of Universal history, RAS (Moscow); achekantzev@mail.ru

Key words: history, history as a science, collective memory, the regime of historicity, historiographical operation, historical epistemology.

History and memory have always been associated. But only in the 20th century, especially in the second half, this relationship became the object of attention of scientists in the Humanities, including historians. The article based on the works of French intellectuals shows how, over the last decade, the views changed on the relationship between the historical past (the one reality, which was in fact), history as a science and collective memory. The relationship of these changes with the transformation of “time order” is discussed, as well as the role of memory in the craft of the historian; shown as “working” memory in the historiographical operation.

REFERENCES

Ankersmit F. *Istoriia i tropologiia: vzlet i padenie metafori*. Moscow, 2003 (1994).

Assmann A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Moscow: NLO, 2014.

Badré V. De l'histoire champ de bataille à une mémoire pluraliste. Le miroir des manuels. *Le Débat*. 2013. N 5 (177). P. 23–29. URL: <http://www.cairn.info/revue-le-debat-2013-5-page-23.htm> (date of access 30.04.2016).

Bauman Z. *Tekuchaia modernost': vzgliad iz 2011 goda*. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (date of access 12.02.2016).

Bédarida F. (dir.) *La mémoire des Français. Quarante années de commémorations de la Seconde guerre mondiale*. Paris, 1986.

Blanchard P., Veyrat-Masson I. *Les guerres des mémoires. La France et son histoire. Enjeux politiques, controverses historiques, stratégies médiatiques*. Paris, 2008.

Certeau M. de. *L'écriture de l'histoire*. Paris, 1973.

Chekantseva Z.A. Istoriki, istoriia i pamiat' v sovremennoi Frantsii. *Mir istorika: Istorigraficheskii sbornik*. Iss. 9. Omsk, 2014. P. 253–267. URL: <https://www.academia.edu/11698453/> (date of access 20.12.2015).

Chekantseva Z.A. Kollektivnaia pamiat' i istoriia. *Prepodavatel' XXI vek*. 2015. N 4. Part 2. P. 229–239.

- Corbin A., G r me N., Danielle T. (dir.) *Les Usages politiques de la f te aux XIXe–XXe si cles*. Paris, 1994.
- Crivello M., Garcia P., Offenstadt N. (dir.). *Concurrence des pass s. Usages politiques du pass  dans la France contemporaine*. Marseille: Universit  de Provence, 2006.
- Doss F. *Kak segodnia pishetsia istoriia: vzgliad s frantsuzskoi storony. Kak my pishem istoriiu?* Moscow, 2013.
- Dosse F. *Renaissance de l' v nement. Un d fi pour l'historien: entre sphinx et ph nix*. Paris: PUF, 2010.
- Entretien avec Fran ois Hartog, r alis  par Julien Tassel. Les usages publics du pass  en temps de pr sentisme. *Sociologies pratiques*. 2014. N 2 (29). P. 11–17. DOI 10.3917/sopr.029.0011.
- Escudier A. «Temporalisation» et modernit  politique: penser avec Koselleck. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2009. N 6 (64e ann e). P. 1269–1301.
- Frantsiia-pamiat'*. P. Nora, M. Ozouf, J. de Puym ge, M. Vinok. Saint Petersburg, 1999.
- Garcia P. *Le bicentenaire de la R volution fran aise. Pratiques sociales d'une comm moration*. Paris, 2000.
- Gauchet M. Changment de paradigme en sciences sociales? *Le D bat*. 1998. N 50.
- Halbwachs M. Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat'. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. N 2–3.
- Halbwachs M. *La M moire collective*. Paris: PUF, 1981 (1950, 1968).
- Hartog F. Le pr sent de l'historien. *Le D bat*. 2010. N 1 (158). P. 18–31. URL: <http://www.cairn.info/revue-le-debat-2010-1-page-18.htm> (date of access 15.01.2016).
- Hartog F. *R gimes d'historicit . Pr sentisme et exp riences du temps*. Paris, 2003.
- Hartog F., Lenclud G. *R gimes d'historicit . L' tat des lieux en sciences sociales*. Paris, 1993.
- Hartog F., Revel J. (dir.) *Les usages politiques du pass *. Paris, 2001.
- Imperiia i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiatii: Sb. statei*. Eds.: I. Gerasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. Moscow, 2011.
- Istoricheskaia politika v XXI veke: Sb. statei*. Eds.: A. Miller, M. Lipman. Moscow, 2012.
- Joutard Ph. *La L gende des Camisards*. Paris, 1985.
- Lavable M.-C. Usages du pass , usages de la m moire. *Revue fran aise de science politique*. 1994. Vol. 44. N 3, juin.
- Leont'eva O. B., Repina L. P. Obrazy proshlogo, memorial'naia paradigma i "istoriografiia pamiatii" v sovremennoi Rossii. *Istoriia: Elektronnyi uchebno-nauchnyi zhurnal*. 2015. Vol. 6. Iss. 9 (42). *Novyi obraz istoricheskoi nauki i issledovatel'skii instrumentarii istorika*. URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (date of access 20.01.2016).
- Mil'china V. Tipy istoricheskogo myshleniia: prezentizm i formy vospriiatiiia vremeni. *Otechestvennye zapiski*. 2004. N 5.
- Namer G. *La comm moration en France de 1945   nos jours*. Paris, 1987.
- Nora P. *Pr sent, nation, m moire*. Paris, 2011.
- Nora P. Pr sentation. *Le D bat*. 2013. N 5 (177). P. 3. URL: <http://le-debat.gallimard.fr/numero/2013-5-novembre-decembre-2013> (date of access 20.12.2015).
- Pomian K. De l'histoire, partie de la m moire,   la m moire, objet de l'histoire. *Revue de M taphysique et de Morale*. 1998. N 103/1. P. 63–110.
- Pomian K. Patrimoine et identit  nationale. *Le D bat*. 2010. N 2 (159). P. 45–56.
- Prochasson C. *L'Empire des  motions. Les historiens dans la m l e*. Paris, 2008.
- Ric ur P. Entre m moire et histoire. *Projet. M moires des peuples*. 1996. N 248. P. 7–16.
- Ric ur P. *Pamiat', istoriia, zabvenie*. Moscow, 2004.
- Romain B. *M moires d'empire. La controverse autour du «fait colonial»*. Paris, 2006.

Rousso H. *La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit*. Paris, 1998.

Rousso H. *Le Syndrome de Vichy de 1944 à nos jours*. Seuil, 1990.

Rousso H. *Vichy. L'événement, la mémoire, l'histoire*. Paris, 2001.

Rousso H., Connan E. *Vichy, un passé qui ne passe pas*. Paris, 1999.

Tjessem A.-M. Ispol'zovanie natsional'noi istorii v politicheskikh tseliakh: na pri-

mere sovremennoi Frantsii. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2010. N 1. P. 92–103.

Vel'tser Kh. Istoriia, pamiat' i sovremenost' proshlogo. Pamiat' kak arena politicheskoi bor'by. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. N 2–3 (40–41). P. 28–35.

Vozhek V. *Kul'tura i istoricheskaiia istina*. Moscow, 2012.

Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago, 2003.

А. Ю. Федоров

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ХОДЕ И ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ: ИСТОРИЯ И ПОЛЕМИКА

Ключевые слова: гражданская война в Испании, политические репрессии, красный террор, белый террор, диктатура Франко, антиклерикализм.

Данная статья посвящена истории политического террора во время и после окончания гражданской войны в Испании. На конкретных примерах рассматриваются особенности террора в Республиканской (красный террор) и Национальной (белый террор) зонах. Особое внимание уделяется проблеме антиклерикализма и места католицизма в идеологии франкистского режима. Еще одним важным моментом является проблема различных форм сексуального насилия, ставшего заметной частью политического террора. При этом воспроизведенная в гипертрофированном виде информация об антиклерикальном и сексуальном насилии использовалась националистами в пропагандистских целях, а в Республиканской зоне политическое насилие первых месяцев войны активно подстегивалось слухами о роли католической церкви в восстании и сексуальном насилии священников в отношении женщин. В последней части статьи рассматривается одна из важных проблем в историографии периода франкизма, связанная с масштабами политических репрессий. По мнению автора данной статьи, еще рано ставить точку в изучении политического насилия в истории Испании XX столетия, и споры о нем будут продолжаться еще очень долго в силу как противоречивости имеющейся информации, так и значительной идеологизованности данной проблемы.

Гражданская война стоила Испании огромных жертв. При населении в 25–26 млн чел. страна потеряла несколько сотен тысяч человек на полях сражений и в результате бомбардировок, многие стали инвалидами, образовав, выражаясь словами историка Рибейро де Менесеса, «армию раненых» (*De Meneses* 2001: 119).

Сотни тысяч противников франкистского режима оказались бро-

шенными в тюрьмы и концентрационные лагеря¹.

© Федоров А. Ю., 2016

Федоров Андрей Юрьевич — специалист-археолог, ООО «Столичное археологическое бюро», fedorovan36@gmail.com

¹ Среди заключенных этих лагерей оказался и мадридский журналист, активист НКТ Эдуардо де Гусман. Свои впечатления о пребывании там он изложил в двух из трех томов своих воспоминаний, «Год победы» и «Мы — убийцы» (*De Guzman* 1974; 2008).

С первых дней гражданской войны политические репрессии активно проводились по обе стороны баррикад. Стоит также отметить, что во время войны как республиканцы, так и националисты были склонны значительно завышать размах политических репрессий в стане противника. Так, например, 18 июля 1938 г. Франсиско Франко заявил, что жертвами красного террора в Каталонии уже стали 54 тыс. чел., а всего в Республиканской зоне — 470 тыс. Со своей стороны, испанский писатель Рамон Сендер еще в 1937 г. утверждал, что националисты казнили к тому моменту 750 тыс. чел. (*Preston 2013; Sender 1937: 95*).

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Что касается современных оценок, то относительно красного террора цифры варьируются от примерно 38 (*Beevor 2006: 87*) до 72,5 тыс. (*Moа 2004*). С точки зрения целого ряда авторитетных современных историков (Пол Престон, Сантос Хулиа, Хулиус Руис), наиболее близкой к истине должна считаться цифра, не превышающая 50 тыс. (*Juliá 2008; Preston 2013: 385; Ruiz 2014: 1, 8*).

Как отмечают многие исследователи, в отличие от националистического, красный террор первых нескольких месяцев войны носил по большей части стихийный характер². При этом его с самого на-

² Данную точку зрения оспаривает в своих исследованиях Хулиус Руис, утверждающий, что красный террор с самого начала проводился организованно. См. его работу о ситуации в республиканском Мадриде (*Ruiz 2014*).

чала пытались остановить и упорядочить, минимизировав число жертв. Так, например, в Барселоне уже с 20 июля начали действовать так называемые «контрольные патрули» (официально об их создании было объявлено в печати 11 августа), в чью задачу входило поддержание «революционного порядка» и борьба с фашистской контрреволюцией (*Guillamón 2012: 69*).

И именно на эти несколько месяцев пришлось основные жертвы: в Мадриде своего пика политические убийства достигли осенью 1936 г., в Кастильоне, Толедо и Мурсии — в августе, в Малаге — в августе и сентябре, в Аликанте, Каталонии и Валенсии — в сентябре и октябре (*Prieto Borrego, Barranquero Texeira 2015: 92–93*).

Размаху стихийного террора начала войны способствовали и публикации в прессе с призывами расправиться с виновниками кровопролитных уличных боев. Так, например, первый после начала мятежа номер *Solidaridad Obrera* вышел под заголовком «Око за око, зуб за зуб!» (*Solidaridad Obrera 1936a*)³. При этом уже на следующий день в той же газете было написано, что любой человек, либо группа лиц, занимающиеся грабежом, будут оставлены с применением оружия (*Solidaridad Obrera 1936b*).

Особенностью стихийной волны насилия начального периода войны было то, что многие убийства были

³ Коммунистическая пресса, со своей стороны, призывала бороться с фашизмом в тылу столь же активно, как на фронте (*Ruiz 2014: 13*).

связаны с тем, что люди «сводили старые счеты» с теми, кто по их мнению ранее «наносил вред рабочему классу», а в новых условиях пытался перевернуться на другую сторону в надежде, что их прежние прегрешения будут забыты: «работодатели, полицейские, тюремщики, мучители, стукачи и профессиональные штрейкбрехеры» (*Abad De Santillan* 2006: 120–122; *Beevor* 2006: 85; *García Oliver* 1978: 230; *Peirats* 2001: 145). Безусловно, бывали и случаи сведения личных счетов в корыстных интересах. Пример подобного рода приводит Антуан де Сент-Экзюпери, когда человек был расстрелян после того, как выяснилось, что по его ложному доносу был расстрелян невиновный (*Сент-Экзюпери* 2002: 84). Отмечается также, что в первые месяцы войны в республиканской зоне многими жертвами стихийного террора оказались представители армии и полиции (*Prieto Borrego, Barranquero Teixeira* 2015: 93). При этом в газетах подчеркивалась разница между рядовыми солдатами и офицерами. Так, например, первых из них (участвовавших в мятеже) считали обманутыми своими командирами, в то время как вторых, в частности генералов Годеда и Бурриэля, лидеров мятежников в Барселоне, призывали казнить ((*Han sido condenados a muerte* 1936; см. также (Головченко 2006: 27)).

Как бы то ни было, на сегодняшний день сложно оценить, какое место в общей волне красного террора в республиканской зоне носили такого рода случаи, насколько велик был процент чисто уголовных преступлений, прикрывавшихся рево-

люционной фразеологией⁴. И все же, излишне сгущать краски не стоит. Так, например, современный британо-испанский историк Крис (Кристофер) Илэм указывает на то, что разговоры об «обезумевшей толпе», творившей насилие на улицах революционной Барселоны, не более чем политически ангажированный миф (*Ealham* 2005: 115).

В последующие месяцы войны террор в республиканской зоне в количественном отношении пошел на убыль, однако стал при этом более организованным.

Пожалуй, наиболее известным примером организованных убийств в республиканской зоне стала история с массовыми расстрелами политических заключенных в конце 1936 г., известных как «Бойня в Паракуэльосе» (*Matanzas de Paracuellos*). Масштаб и скандальность данной истории оказались таковы, что споры о ней продолжают-ся в историографии и сегодня.

Данная трагедия развернулась в самый разгар битвы за Мадрид, когда в свете вероятного взятия столицы националистами было решено увести из города политических заключенных, «чья связь с фашистами была доказанной» (цит. по: (*Colodny* 1958: 171)). Однако вместо перевода в новое место заключения от 2400 до 3500 из них были расстреляны в промежутке между 6 ноября и 4 декабря. Это стало актом организованного массового убийства:

⁴ Как отмечает Хулиан Касанова, открытие тюрем дало разного рода уголовникам в сложившихся условиях вольготно грабить население (*Casanova* 2010: 192).

заключенных вывозили из осажденного города группами, доставляли к месту казни, где заставляли рыть себе могилы (AHN: 1526, 1–4).

Как выяснилось позднее, ответственными за данные массовые казни были, как пишет испанский историк Хесус Ф. Сальгадо, 6–7 ноября – правительство Республики, 8–9(10) – правительство и Хунта обороны Мадрида, с 18 ноября по 4 декабря – Хунта обороны, а также лично советник по общественному порядку, глава Объединенной социалистической молодежи (ОСМ), коммунист Сантьяго Каррильо, вместе с руководителем Хунты, генералом Миахой. Кроме того, по некоторым данным, к массовым убийствам в Паракуэльосе⁵ также могли быть причастны сотрудники испанской сети НКВД и конкретно группа под руководством сотрудника советской разведки Иосифа Григулевича (Ruiz 2015; Salgado 2014: 288, 400; Volodarsky 2015: 199–204).

Как выразился по этому поводу американский историк Роберт Колодны, сам участник испанской войны на стороне Республики: «Уничтожить либо быть уничтоженным стало лейтмотивом Мадрида» (Colodny 1958: 47).

Конец массовым расправам был положен после того, как ответственным за мадридские тюрьмы был назначен известный своими гуманистическими убеждениями анархо-синдикалист Мельчор Родригес Гарсиа, также известный как «Крас-

ный Ангел» (исп. Ángel Rojo), считавший, что «за идеи можно умирать, но нельзя убивать»⁶ (Domingo 2008: 81–107).

Необходимо также отметить тот факт, что в республиканской зоне периодически происходили казни политических заключенных в качестве своеобразной «мести»⁷ за бомбардировку городов авиацией националистов и террор в Национальной зоне. В частности, такого рода случаи имели место после бомбардировок Бильбао, Малаги, Валенсии, Картахены и Мадрида (Graham 2002: 85; Richards 2013: 48).

И все же, несмотря на всю скандальность истории с расстрелами в Паракуэльосе и расправы над заключенными в отместку за бомбардировку городов, как правило, в центре внимания историков, пишущих о красном терроре в ходе испанской войны, оказывается борьба с Церковью, вылившаяся в поджоги культовых сооружений и расправы над священнослужителями-католиками.

Что касается масштабов антиклерикального террора, то на сегодняшний день установлено, что всего в республиканской зоне было убито

⁵ Казни совершались в районе Паркуэльос-де-Харама и Торрехон-де-Адрос.

⁶ За свою активную деятельность по спасению жизни заключенных Мельчор Родригес удостоился обвинений со стороны коммунистов в пособничестве «Пятой колонне» (Domingo 2008: 102).

⁷ Со своей стороны националисты утверждали, что, наоборот, террор в Национальной зоне стал ответом на республиканское насилие (ГАРФ: Л.5). Более того, первоначально националисты вообще отрицали существование «в национальном лагере» какого бы то ни было террора (Aunós 1943: 6; AHN: 1575).

6832 священнослужителя, половина — в течение первых двух месяцев войны (Alexander 1999: 1123; Preston 2013: 322; Vincent 2005: 68). Вместе с тем, чтобы оценить масштаб данного явления, необходимо отметить, что к началу войны в Испании было до 115 000 разного рода служителей церкви, включая 60 000 монахинь.

Среди причин прокатившейся по республиканской зоне волны насилия против служителей Церкви и сжигания многих культовых сооружений называлась их активная вовлеченность в мятеж, а также слухи о том, что со многих колоколен производился ружейный и пулеметный обстрел сторонников Республики (O. Los malhablados 1936; Souchy 1987: 81). Позднейшие исследования, впрочем, указывают на недостоверность данных утверждений (Vincent 2005: 70).

15 августа 1936 г. барселонский орган Национальной конфедерации труда (НКТ) Solidaridad Obrera призвал раз и навсегда покончить с остатками влияния Церкви в Испании, экспроприировать ее собственность и расстреливать кардиналов и епископов, т.е. не рядовых служителей Церкви, а именно высших ее иерархов, что говорит о классовых, а не религиозных мотивах данного текста, не отменяя, впрочем, самого факта призыва к расправам (La Iglesia 1936). Для понимания природы антиклерикального насилия важно также отметить и тот факт, что «столпы» католической ассоциативной жизни также часто принадлежали к местной экономической элите, или же

были лидерами правых политических сил (а иногда и то, и другое)» (Graham 2002: 86).

При этом нельзя утверждать, как это иногда делается, что это была война, ведущаяся целенаправленно против верующих, и конкретно католиков. Об этом наглядно свидетельствовал уже Артур Кёстлер на примере баскских католиков и протестантов. В действительности политика развела верующих по разные стороны баррикад, так что иногда некоторые священники становились жертвами как раз таки белого, а не красного террора (Кёстлер 1937: 104–109). Это подтверждается и современными исследованиями, в частности, таких авторов, как Энтони Бивор и Майкл Сейдман. Так, например, известны случаи расстрелов в «национальной зоне» протестантских и баскских священников наравне с «левыми», а также закрытие их церквей, некоторые из которых превращались в тюрьмы, а некоторые и вовсе были разрушены (Beevor 2006: 82–83; Seidman 2002: 34; Seidman 2011: 206).

Стоит также отметить и данные, приводимые Туньоном де Ларой, согласно которым в Барселоне, несмотря на весь антиклерикальный террор лета 1936 г., продолжали жить и даже проводить богослужения тысячи священнослужителей (Туньо де Лара 1971: 132).

Как бы то ни было, антиклерикальное насилие, хотя его размах и был, по мнению Хелен Грэхем, относительно небольшим по сравнению со всеми остальными «формами убийств, имевших место во время

войны (в обеих зонах), против светских социальных кругов» (*Graham* 2002: 86), является, пожалуй, одной из наиболее мрачных частей истории красного террора в Испании. Часто убийства происходили в ритуализированной и театрализованной формах, не редкостью было применение пыток. Тела жертв подчас обезображивались, целью чего была дегуманизация восприятия их образа населением, дабы лишить жертв «любой эмпатии или даже сочувствия». Имели место случаи кастрации священнослужителей. Иногда насилие против священнослужителей принимало формы своего рода пародии на разного рода церковные обряды, что имело своей целью демонстрацию их бесполезности и бессмысленности. «Одним из исполнителей антиклерикального насилия <...> была толпа», а также группы вооруженных милиционеров, при этом в небольших деревнях зачастую (но не всегда) инициатива антиклерикального насилия исходила не от самих местных жителей, а от жителей окрестностей (*Vincent* 2005: 71, 75–76, 78–80)⁸.

Еще одним важным моментом, связанным с антиклерикальным насилием, стали «макабрические спектакли», как назвал это действие исследователь Брюс Линкольн. Их суть заключалась в выставлении на всеобщее обозрение мумифицированных трупов монахинь, священников и святых, покоящихся на территориях монастырей. По-

⁸ Хелен Грэхем считает, что в целом инициатива террора первых военных месяцев в Республиканской зоне исходила от городских, а также безземельных сельскохозяйственных рабочих (*Graham* 2002: 84).

добные случаи, имевшие место главным образом в самые первые дни войны, происходили повсеместно, как в небольших населенных пунктах, так и в крупных городах.

Также монахов часто обвиняли в сексуальном насилии над женщинами и жестоком обращении с детьми. Подтверждавшиеся или нет, подобного рода слухи только подпитывали антиклерикальное насилие. Монахини же при этом считались скорее жертвами Церкви, нежели ее верными слугами. Именно по этой причине среди погибших священнослужителей количество женщин было во много раз меньше мужчин.

Стоит также добавить, что, хотя несколько случаев жестоких групповых изнасилований «мирянок» имело место, тем не менее, вопреки утверждениям пропаганды националистов, нет ни одного документально подтвержденного случая изнасилования монахинь. При этом имело место широкое использование «сексуального искушения» в отношении священников. Известны случаи, когда их пытались принудить к половой связи с проститутками, и после того, как это не удавалось, священников иногда кастрировали. Подобного рода действия могли быть мотивированы двумя причинами: 1) распространенным мнением о священниках как «бесстыдных соблазнителях», 2) их отказом от вступления в брак, что считалось синонимом отказа от сексуальной жизни. Как пишет по этому поводу Мэри Винсент: «Социальная власть мужчин покоилась на их сексуальной потенции: по крайней мере, на юге Испании, мужской це-

либат не являлся источником духовной силы, но проступком, неестественным и непостижимым состоянием» (*Vincent 2005: 87–88*)⁹.

Подобные демонстративные акты десакрализации Церкви вызвали резкое неприятие не только со стороны националистов, но также и либерально настроенных сторонников Республики, а также ее центральных властей (*Lincoln 1989: 133–136; Vincent 2005: 81, 84–88*).

Говоря о репрессиях в Республиканской зоне, также необходимо помнить о том, что, насколько можно судить, в общий список жертв красного террора попадают все, кто был здесь убит по политическим мотивам, в том числе жертвы трех крупных внутриреспубликанских столкновений в марте 1937 г. (Левант), мае того же года (Каталония) и марте 1939 г. (Мадрид), жертвами которых стали, по разным оценкам, от примерно 450 до более чем 3 тыс. чел. Кроме того сообщалось, что в первые несколько месяцев 1937 г. от рук сталинистов только в Барселоне и районе Мадрида погибло около 250 активистов НКТ (*Abad De Santillan 2006: 201; Cattell 1956: 133*), а всего погибших с обеих сторон в подобного рода столкновениях было еще больше.

Между тем, такого рода подход представляется крайне некорректным, тем более что он лишний раз способствует закреплению мифа о «двух Испаниях», которых в дей-

ствительности можно выделить три, о чем писал еще Гомес Касас: друг другу противостояли мятеж, революция и контрреволюция. На это же обращают и современные историки Крис Илэм и Майкл Ричардс, отмечая, что все попытки выставить гражданскую войну в свете концепции о противостоянии «двух Испаний» являются «примитивными манихейскими мифами», т.к. такого рода подход игнорирует внутриреспубликанский конфликт вокруг социальной революции (*Gómez Casas 2002: 241; Richards, Ealham 2005: 1*).

После прихода к власти в мае 1937 г. правительства правого социалиста Хуана Негрина республиканская репрессивная система стала активно действовать против самих же антифашистов (*Guillamón 2013; 2015*). Итогом этого стало то, что с апреля 1937-го по январь 1939 г. в одной только Каталонии через тюрьмы прошло 3734 антифашиста, до 90% из которых составляли члены НКТ (*Aguilera Povedano: 814*). Десятки, если не сотни антифашистов бесследно «исчезли»: не менее 60 членов НКТ «пропало» вскоре после барселонских уличных боев в мае 1937 г. (*Azaretto 1939: 150*).

Последними всплесками красного террора стали в начале 1939 г. убийства, осуществлявшиеся отступавшими республиканскими войсками в Каталонии и Леванте (*Casanova 2010: 194*).

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Что касается белого террора, то оценки его размаха в настоящее время варьируются от 58 (*Moа 2004:*

⁹ Что касается насилия над женщинами в целом, то, как отмечает Хулиан Касанова: «Среди жертв насилия в Республиканской зоне женщин было очень мало» (*Casanova 2010: 201*).

Сар. 7) до 200 (Richards 1998: 11) тысяч во время войны, а также от 20 (Preston 2013: 17) до примерно 200 (Macdonald 1987: 221) тысяч, после ее формального окончания. Стоит добавить, что еще в 1948 г. американский журналист Чарльз Фольц, ссылаясь на анонимный источник из франкистского Министерства юстиции, озвучил цифру в 192 694 казненных между апрелем 1939-го и июнем 1944 г. (Floros 2014: 62–63). В свою очередь современный историк Хулиус Руис называет информацию Фольца «анекдотическим источником» (Ruiz 2009: 454). При этом в качестве обоснования своей позиции он ссылается на авторитет Стэнли Пейна, далеко не всегда корректного в своих выводах и интерпретациях рассматриваемых им фактов¹⁰, а также статистических данных Саласа Ларрасабалья, чьи работы сегодня называют «единственным средством неофранкистской историографии»¹¹ (Espinosa 2009).

¹⁰ Кроме того, порой Стэнли Пейн и вовсе игнорирует неудобные для него факты. Так, например, он полностью обошел вниманием в своих книгах «Гражданская война в Испании, Советский Союз и коммунизм» (2004), «Гражданская война в Европе, 1905–1949» (2011) и «Гражданская война в Испании» (2012) тему массовых казней в Бадахосе после его взятия националистами. Кроме того выше уже писалось о том, как С. Пейн интерпретирует данные статистики о заключенных во франкистской Испании, упоминая о тюрьмах, но умалчивая при этом о концентрационных лагерях.

¹¹ В своей книге «Жертвы войны» Салас Ларрасабаль утверждал, что во время войны в Республиканской зоне жертвами политического террора стали 73 297 чел., а в Национальной – 57 883, и еще 22 716 после войны (Lagazabal 1977: 361, 390). Именно на эти цифры, как на наиболее, по его мнению, достоверные, ссылается известный современный неофранкист Пио Моа Родригес.

В любом случае, на сегодняшний день можно говорить лишь о приблизительных оценках масштабов белого террора в Испании, в т.ч. в силу того факта, что зачастую казни производились «неформально», люди попросту «исчезали», имела место практика расстрелов «при попытке к бегству», о чем нередко упоминается в рассказах очевидцев тех событий (Collier 1987: 161; MacMaster 1990: 205; Mintz 1982: 295; Renshaw 2011: 22). В конечном счете, насколько можно судить по имеющимся на сегодня данным, во время самой войны жертвами белого террора могло стать порядка 150–200 тыс. чел., и не менее 50 тыс. после ее окончания, возможно, до 190–200 тыс. Т.е. в общей сложности от 200 до 400 тыс. чел. было казнено националистами по политическим мотивам¹².

Также стоит отметить, что, по данным итальянского дипломата Галеаццо Чиано, летом 1939 г. ежедневно расстреливали до 200–250 чел. в Мадриде, до 150 в Барселоне и 80 в Севилье (Thomas 2012).

В 1947 г., после крупной забастовки¹³ в Стране Басков режимом Франко был принят «Закон о борьбе с бандитизмом и терроризмом», предусматривавший смертную казнь в т.ч. за членство либо даже за подозрение в членстве в не-

¹² Британская исследовательница Хелен Грэхем считает, что хотя в самой Испании за последние годы активно прошел процесс раскрытия тайн франкистского террора, за пределами страны о нем по-прежнему известно слишком мало (Graham 2014: 11).

¹³ С установлением диктатуры в Испании были запрещены любые забастовки.

законных организациях (ATUC: 292/946/35/64).

Ко всему этому стоит добавить утверждение современного испанского историка Мигеля Амороса о том, что количество умерших по различным причинам во франкистских лагерях приблизительно равно количеству казненных после войны (Amorós 2009: 331), а также историю с похищением из семей «республиканцев» после установления в стране диктатуры от 30 до 300 тыс. детей (Adler; Estesos Poves; Josephson 2013).

1 апреля 1959 г. состоялось торжественное открытие мемориала в Долине павших, официально объявленного «символом примирения» вчерашних врагов. В действительности же мемориал был задуман не более чем как личная усыпальница самого Франсиско Франко, а также в качестве символа победы в войне националистов, в результате чего покоящиеся там останки республиканцев вместе с останками солдат-националистов лежат под франкистским лозунгом «Павшим за Бога и Родину». При этом при сооружении мемориала, начавшегося в 1940 г., погибло множество строивших его заключенных-антифранкистов (Kobo; De Meneses 2001: 121).

О том, насколько массовым был террор националистов, говорят имеющиеся на сегодняшний день данные о франкистских репрессиях в Андалусии (до 57 413)¹⁴, Астурии

(до 21 000) и Валенсии (до 26 000) (Balance aproximativo; Fernández Albéndiz, Giráldez Díaz 2014: 52). И это далеко еще не полные данные.

Также сюда стоит добавить данные о репрессиях в Каталонии. На сегодняшний день количество жертв белого террора здесь оценивается по меньшей мере в 4,2 тыс. чел. Между тем косвенные свидетельства говорят о том, что количество жертв националистического террора в Каталонии может оказаться во много раз больше названного выше¹⁵. В пользу этого говорит количество пропавших без вести: за вычетом подсчитанных жертв боевых действий, бомбардировок и политических репрессий, судьба порядка 70–90 тыс. жителей региона остается неизвестной. Эта цифра включает в себя в том числе пропавших в результате вынужденной эмиграции (Mas; Surroca i Lluci 2014: 17), так что остается только гадать, сколько из «пропавших» могло стать жертвами политического террора.

Что касается непосредственно гражданской войны, то в ходе нее было немало случаев массовых расправ франкистов над своими противниками. Наиболее известные случаи произошли в Бадахосе (1936) и Малаге (1937), ставшие своего рода

идет о 8367–8715 жертвах политического насилия в Республиканской зоне (Fernández Albéndiz, Giráldez Díaz 2014: 52; Preston 2013: 817).

¹⁵ Встречается информация, что в течение нескольких месяцев после взятия Каталонии войсками националистов там было казнено до 35 тыс. чел. (Barcelona History; Mehrotra).

¹⁴ Красный террор в Андалусии также носил массовый характер, хотя его масштабы и были в несколько раз меньше националистического. По имеющимся данным, речь

символами испанского белого террора.

В первом случае речь идет о резне, учиненной националистами после взятия Бадахоса в августе 1936 г., когда многих пленных «республиканцев» расстреливали из пулеметов на городской арене для боя быков. На сегодняшний день количество жертв данной бойни оценивается от 1,5 до 9 тыс. чел. И это в городе, в котором по данным переписи 1930 г. проживало всего 41 122 чел., а общая численность населения провинции составляла 703 389 жителей. Вместе с тем общее количество жертв франкистского террора во всей провинции Бадахос достигает, по оценкам Энтони Бивора, от 6 до 12 тыс. чел. (Beevor 2006: 91).

Во втором случае речь идет о событиях, произошедших после взятия Малаги в феврале 1937 г. испано-итальянскими войсками.

После взятия города только в феврале, по итальянским данным, в нем было казнено 2800 чел., а всего — около 5 тыс. При этом, как и во всех случаях исследований белого террора в Испании, оценки его масштабов у разных исследователей существенно расходятся. Так, например, Майкл Ричардс пишет о 4,7 тыс. казненных с 8 февраля 1937 г. по 1 апреля 1939 г., общие же оценки франкистских репрессий в городе по данным современных испанских исследователей достигают цифры в 7471 чел. (Fernández Albéndiz, Giráldez Díaz 2014: 64; Moreno Gomez 2008: 12; Richards 2013: 79). В городской тюрьме оказалось до 10 тыс. чел. При этом население Малаги,

по данным на 1934 г., составляло всего 200 тыс. жителей.

Между тем, по некоторым данным общее количество жертв франкистского террора в Малаге могло достигать 20 тыс. чел., а за время его контроля республиканцами здесь было убито с начала войны, по оценкам националистов, 1005 чел. (Beevor 2006: 93; Coverdale 1975: 192; Richards 2013: 199).

В свою очередь американский историк Стэнли Пейн пишет, что всего в городе было казнено 2 тыс. чел., хотя и признает, что число жертв могло быть и больше. Вместе с тем, по его мнению, после событий в Малаге националисты расширили и регламентировали систему военных трибуналов, и, как утверждает автор, при последующих занятиях территорий франкисты уже не практиковали столь масштабных массовых убийств, хотя казни и продолжались (Payne 2012: 107).

Еще одним важным моментом в истории белого террора является его масштаб в Наварре. Причина такого внимания заключается в том, что влияние левых, республиканских и анархистских политических сил здесь было традиционно незначительным, в связи с чем данный регион попал под полный контроль мятежников без сопротивления, соответственно не было и красного террора. И тем не менее, количество жертв политического насилия здесь оказалось весьма значительным. По разным оценкам, в Наварре было казнено от 3280 до 3920 чел. (Кестлер 1937: 69; Balance aproximativo; Preston 2013: 24).

Впрочем, все это оказывается не столь уж удивительным, если вспомнить о том, что уже в самые первые дни командующий силами националистов в регионе генерал Эмилио Мола, выступая на совещании мэров Наварры, заявил им, что их задача «сеять ужас», что они должны без страха и колебаний уничтожать «всех, кто не думает как мы» (Preston 2013: 253). Такого рода установки были поняты активистами местных молодежных военизированных милиционных групп традиционалистов как призыв к своего рода «социальному возрождению», подразумевавшему «амальгаму „христианского милосердия“ с „террором и паникой“» (Richards 2013: 60). В итоге немногочисленные левореспубликанские круги столкнулись с массовым истреблением. Как пишет об этом Пол Престон, здесь был убит либо умер в заключении каждый десятый из голосовавших на февральских выборах 1936 г. за Народный фронт (Preston 2013: 259).

Наряду с массовыми казнями националисты также широко практиковали в своей зоне всевозможные формы издевательства над попадавшими им в руки политическими противниками и просто сочувствующими Республике, а также членами их семей. В частности, известны случаи, когда они заставляли своих жертв пить слабительное. Подобного рода действия, как правило, практиковались фалангистами¹⁶.

¹⁶ Члены созданной в 1934 г. фашистской партии «Испанская Фаланга и Хунты национал-синдикалистского наступления», или просто «Испанская Фаланга и ХОНС». Указом Франко от 19 апреля 1937 г. была

Также во время войны во франкистской зоне был широко распространен такой способ запугивания населения, как изнасилования женщин — членов семей политических противников. Это было в особенности характерно для солдат марокканских частей, на что армейское начальство, как правило, попросту закрывало глаза. В целом, издевательства над женщинами левых и республиканских взглядов, либо жен и дочерей активистов Народного фронта и анархо-синдикалистов носили систематический организованный характер (Кестлер 1937: 95; Preston 2013: 21, 25; De Meneses 2001: 111).

После окончания войны положение дел долгое время оставалось в целом тем же. Как пишет об этом Лейла Реншоу, собиравшая информацию в многочисленных интервью с жертвами репрессий либо с их родственниками, женщины из «республиканских» семей часто подвергались различным формам сексуального «насилия сразу после казни мужчин». Кроме того, семьям жертв политического террора новых властей запрещалось совершать «траурные обряды и вообще проявлять скорбь открыто» (Реншоу 2009: 480).

По словам Луиса Бунюэля: «Репрессии фашистов были безжалостными. Расстреливали всякого подозреваемого в либерализме» (Бунюэль 2009: 236).

объединена с Испанской конфедерацией автономных [независимых] правых (СЭДА), в результате чего возникла «Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС».

Унижения, преследования и / или смерть ждали подчас даже тех, кто просто голосовал на выборах за левые или либеральные (республиканские) партии, о чем уже упоминалось выше применительно к событиям в Наварре.

Тем же, кто избегал смерти или концлагеря и оставался на весьма условной «свободе», предстояло пережить множество других испытаний. В частности, данные «неблагонадежные элементы» подвергались крупным денежным штрафам за «политические преступления», что вгоняло их семьи в полнейшую нищету (А. Ш. 1951: 26–27; Реншоу 2009: 476, 481).

На страницах русского эмигрантского анархистского журнала «Дело Труда – Пробуждение» спустя 12 лет после окончания войны при описании испанских реалий упоминались ритуальные шествия фалангистов и духовенства «под звон колоколов и при свете факелов», оказывавшие сильный психологический эффект на население (А. Ш. 1951: 27). Это являлось важной частью психологического террора новых хозяев страны против всех тех, кого они называли «красными», в особенности тех из них, кто в той или иной степени выступал во время войны против католической Церкви.

По сути, франкистский террор до определенной степени знаменовал собой возвращение к традициям Святой Инквизиции времен Педро де Арбуэса и Томасо Торквемады. При этом «новая Инквизиция» и религиозная риторика приправлялась псевдонаучной демагогией в духе

смеси биологического и политического расизма о «врожденной» неполноценности носителей левых и республиканских идей, «биологических корнях марксизма», говорилось о необходимости «лечения» «красного психоза» (Renshaw 2011: 62; Richards 2013: 57).

Выражаясь словами Касорла Санчеса, политика Испании периода правления Франсиско Франко была построена на манипулировании страхом, терроре и политических махинациях (Cazorla Sánchez 2010: 17–56).

Ко всему этому необходимо добавить, что гражданская война со стороны националистов с конца 1936 г. была объявлена «Крестовым походом» (Cruzada) в защиту христианской веры, против безбожного атеизма¹⁷. Противники националистов обращали внимание на тот факт, что защита христианства происходит при массовом участии в данном «походе» марокканских солдат, исповедующих ислам. Отвечая на подобного рода выпады, Франко заявлял, что идущая война не является гражданской, что это «крестовый поход тех, кто верит в Бога», будь то христиане или мусульмане, «против атеизма и материализма» (цит. по: (Пожарская 2007: 75–76)).

Вместе с тем, как пишет Майкл Сейдман, рядовых марокканцев подпитывали пропагандистскими идеями, пропитанными антисеми-

¹⁷ Данная концепция, позже принятая официальной франкистской пропагандой, впервые была озвучена 30 сентября 1936 г. епископом Саламанки Энрике Пла-и-Даниэлем (Пожарская 2007: 74).

тизмом и идеями Джихада. Причем данная пропаганда велась таким образом, чтобы внушить марокканским солдатам тождественность иудаизма, атеизма и «коммунизма» (Seidman 2011: 38–40).

Все это сопровождалось полным игнорированием недавнего прошлого, когда в свете Второй марокканской войны испанская пропаганда представляла марокканцев как «жестоких, грубых и диких» варваров. В новых условиях речь стала идти о «дружелюбных маврах». При этом считалось, что «мавр достигал пика в своей трансформации в „испанца“, либо когда убивал „русского“, либо когда оказывался одним из героически павших». Прежний же образ «мавров», представлявший их в дегуманизованном виде, оказывался теперь ретранслированным на «красных» испанцев, терявших тем самым статус «соотечественников» (Nuñez Seixas 2005: 58).

К этому стоит добавить и тот факт, что испанские националисты, в особенности фалангисты, использовали в своей политической риторике антисемитские коннотации (и это с учетом того, что со времен Реконкисты в Испании практически не было евреев), заявляя о борьбе с мировым «иудо-большевизмом» и масонством, а также либерализмом и анархизмом. Заявлялось о том, что идет борьба с «масонами и коммунизмом», а также о «еврейско-большевистско-масонском» советском заговоре против испанской нации. Кардинал Гома прямо говорил о том, что «евреи и масоны» отравили испанский народ своими «абсурдными» идеями (Ке-

стлер 1937: 109–110; Beevor 2006: 96; Richards 2013: 9, 79).

Герберт Р. Саутуорт в своей книге «Миф о крестовом походе Франко» (1963) охарактеризовал этот самый «поход» следующим образом: «Да, господа, вы правы, это был Крестовый поход. Однако крест был свастикой» (Southworth 1963: 180).

Ужас от репрессий был таков, что даже сейчас многие испанцы неохотно говорят о периоде франкистской диктатуры. Об этом наглядно свидетельствуют исследования Лейлы Реншоу, собиравшей в 2003–2007 гг. информацию в сельской местности в многочисленных интервью с детьми и внуками жертв политических репрессий, а также с некоторыми из еще живых участниками тех событий. В своей статье «Правда вскрывается» она пишет о том, что интервьюируемые ей «[л]юди постоянно твердили, что боятся, и рассказывали, как были запуганы прежде». Страх, в котором многие прожили десятки лет, являлся, по их мнению, неким коллективным психическим состоянием, будучи «главным настроением эпохи» (Реншоу 2009: 478–479).

ПОДВОДЯ ЧЕРТУ

Возвращаясь к оценкам масштабов белого террора, необходимо отметить, что изучению данной проблемы в самой Испании серьезно препятствует принятый 15 октября и вступивший в силу 17 октября 1977 г., т. е. уже через два года после смерти Франко, так называемый «Закон об амнистии». Как пишет

Лейла Реншоу, первоначально про данный закон в народе говорили, что это «закон, подводящий черту», надеясь, что он поможет начать стране жить «с чистого листа», распрощавшись с мрачным наследием прошлого. На деле же все вышло совсем иначе, так что позднее его стали называть «Пактом молчания», «Пактом амнезии» либо «Пактом забвения», т.к. он попросту способствует замалчиванию преступлений периода диктатуры. Результатом этого стало то, что левые, подписавшие пакт, фактически стали «соучастниками замалчивания убийств и репрессий мирных граждан в годы гражданской войны и диктатуры», утратив свое реноме, ведь «[с]обственно, сговор с противниками — не что иное, как предательство по отношению к жертвам франкизма, полагают критики» (Реншоу 2009: 477).

Таким образом, долгие годы в Испании официально было де-факто запрещено исследование франкистских репрессий. Вместо «забвения» мрачного франкистского прошлого произошло обратное: «Переход от франкистского режима к парламентской монархии был задуман на основе преемственности, а не разрыва, тем самым эффективно легитимизирующего диктатуру». Так что, «во имя мира» была фактически принята официальная франкистская концепция истории (Ellington: 4; Hadzelek 2012: 164).

На этом фоне не приходится удивляться, что, как пишет в майской статье 2016 г. в «The Guardian» Джулиан Коман, по данным недавнего исследования в Испании, до «69%

респондентов в возрасте от 14 до 17 лет» ничего либо почти ничего не знают о гражданской войне (Coman 2016).

По словам Ульрике Капдепон, только в конце 1990-х гг. «как в прессе, так и в политических и гражданских дискуссиях стало зарождаться новое движение, требующее снятия табу с “пакта о молчании”». В 2000 г. было создано «Объединение по возвращению исторической памяти», целью которого стало расследование «по местонахождению “пропавших без вести” времен гражданской войны и более позднего периода». К 2005 г. количество подобных организаций выросло до 170 (Kandepon).

В ноябре 2002 г. парламент Испании единодушно выступил за осуждение франкистской диктатуры, а в 2007 г. был наконец принят закон «об исторической памяти», который, как пишет Юрген Шефер, «гарантирует родственникам жертв право на перезахоронение останков, но не прописывает исполнение». На деле данный закон оказался половинчатым, однако им дело не ограничилось. В следующем году испанский судья Бальтасар Гарсон, известный тем, что в 1998 г. именно он выдал ордер на арест бывшего чилийского диктатора Аугусто Пиночета, после чего тот был наконец арестован, опубликовал пространный «подзаконный акт», обосновывающий, «почему закон об амнистии, принятый в Испании в 1977 году, нарушает международное право». Суть данного акта была проста: «у преступлений против человечности нет срока давности», а потому необходимо раз и наве-

гда разобраться с темным прошлым эпохи Франсиско Франко. Первоначально Гарсон оценивал число пропавших без вести в период между июлем 1936 и декабрем 1951 г. в 114 266 чел., но уже к 2011 г. речь шла, по меньшей мере, о 152 237¹⁸ (*Шефер* 2011: 147). И это, как показывают современные исследования, далеко не окончательные цифры.

В ответ на начатую Гарсоном деятельность по расследованию политических преступлений периода франкизма «Фаланга¹⁹, легальная фашистская партия, подала иск против судьи» (*Гильямон*). В 2010 г. его отстранили от должности «якобы за нарушение закона об амнистии» (*La causa*), а через два года в итоге судебного разбирательства он был признан виновным в незаконном прослушивании телефонных переговоров, в результате чего на 11 лет был лишен права заниматься какой бы то ни было юридической деятельностью.

Таким образом, на сегодняшний день изыскания ведутся главным образом различными группами энтузиастов, такими как «Объединение по возвращению исторической памяти», проводящих поисковые экспедиции в различных регионах

Испании. Именно благодаря их работе на сегодняшний день стала возможной более или менее точная (но еще отнюдь не полная) оценка жертв белого террора в Андалусии, охарактеризованного несколько лет назад испанским исследователем Морено Гомесом не иначе как «франкистским геноцидом в Кордове». Однако исследования удается вести, лишь преодолевая серьезные политические и юридические затруднения. При этом в разных регионах страны возможности проведения полевых исследований далеко не одинаковые: где-то, как в Андалусии, условия для таких работ вполне благоприятные, где-то же, как в Каталонии, люди постоянно сталкиваются со всевозможными затруднениями, в т.ч. бюрократического характера.

Подводя итог, можно констатировать, что на сегодняшний день проблема изучения репрессивной политики как во время, так и после окончания испанской гражданской войны является не только научной, но во многом еще и политической. При этом испанская общественность продолжает активно обсуждать и спорить о наследии диктатуры, причем споры эти носят во многом политическую окраску. Стоит также обратить внимание и на то, что в Испании на повестке дня до сих пор даже не поднимается вопрос о восстановлении республиканского гимна, и государство продолжает использовать, пусть и в несколько измененном виде, гимн, доставшийся ему от эпохи франкистской диктатуры (*Hadzelek* 2012: 164). Так что «борьба за историю» продолжается.

¹⁸ По состоянию на 2008 г. пропавшими без вести в годы франкизма числилось 143 353 чел. (*Garzón*). Позднее оценки стали доходить до 200 тыс., а некоторые исследователи франкистского террора считают, что суммарное количество его жертв, скорее всего, достигает не менее 300 тыс. (*Balance aproximativo; Luis Gordillo*).

¹⁹ Речь идет о созданной в 1976 г. ультраправой партии «Испанская фаланга и ХОНС», наследнице прежней Фаланги.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10231. Оп. 1. Д. 294. Л. 5.

AHN 1526 – Archivo Histórico Nacional (AHN). FC-Causa General, 1526, exp.5.

AHN 1575 – Archivo Histórico Nacional (AHN). FC-Causa General, 1575, exp.5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А. Ш. 1951 – А. Ш. К 15-летию борьбы испанцев за свободу (1936–1951) // Дело Труда – Пробуждение [Нью-Йорк]. 1951. Ноябрь–декабрь. № 37.

Бунюэль 2009 – Бунюэль Л. Смутный объект желаний. М., 2009.

Гильямон б/д. – Гильямон А. «Скандал Мира», или Ненависть духовенства к анархистам // Международная ассоциация трудящихся. URL: <http://www.aitrus.info/node/4073> (дата обращения 26.12.2016).

Головченко 2006 – Головченко И. Ф. Органы государственной власти особой компетенции Испании периода гражданской войны (1936–1939 гг.): историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2006.

Кандепон б/д. – Кандепон У. Историческая память и диктатура Франко / общественная дискуссия в современной Испании // <http://urokiistorii.ru/history/soc/52128> (дата обращения 26.12.2016).

Кестлер 1937 – Кестлер А. Беспрецедентные жертвы. Зверства фашизма в Испании. М., 1937.

Кобо б/д. – Кобо Х. Развенчан миф об испанской Долине павших: Родственники погибших республиканцев требуют выноса их праха из мемориала // http://www.ng.ru/world/2008-07-17/7_memorial.html (дата обращения 26.12.2016).

Пожарская 2007 – Пожарская С. П. Франсиско Франко и его время. М., 2007.

Реншоу 2009 – Реншоу Л. Правда вскрывается: как менялись местами разоблачения и утаивание в «политике памяти» в Испании // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 475–493.

Сент-Экзюпери 2002 – Сент-Экзюпери А. де. Из книги «Смысл жизни» // Сент-Экзюпери А. де. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Маленький принц; Из книги «Смысл жизни»; Из книги «Военные записки. 1939–1944»; Из московских репортажей; Письма. М., 2002.

Туньон де Лара 1971 – Туньон де Лара М. Испанская церковь и война 1936–1939 гг. // Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 112–137.

Шеффер 2011 – Шеффер Ю. Возвращение из забвения // ГЕО. Непознанный мир: Земля. 2011. № 08 (161), август. С. 138–149.

Abad de Santillan 2006 – Abad de Santillan D. Por que perdimos la guerra: Una contribucion a la historia de la tragedia española. Barcelona: Plaza & Janés, 1977.

Adler б/д. – Adler K. Spain's Stolen Babies and the Families Who Lived a Lie // www.bbc.com/news/magazine-15335899 (дата обращения 23.12.2016).

Albéndiz, Díaz 2014 – Albéndiz F., Díaz G. La represión física en Andalucía // La memoria de todos: Las heridas del pasado se curan con más verdad. [Sevilla], 2014.

Alexander 1999 – Alexander R.J. The Anarchists in the Spanish Civil War. (2 vol.). Vol. 2. L., 1999.

Aunós 1943 – Aunós E. Prólogo // Causa general: La dominación roja en España, avance de la información instruída por el Ministerio publico. Madrid, 1943.

Azaretto 1939 – Azaretto M. Las Pendientes Resbaladizas. (Los anarquistas en España). Montevideo, 1939.

Balance aproximativo – Balance aproximativo de la represión durante la GCe // www.sbhac.net/Republica/Victimas/Repre.htm (date of access 26.12.2016).

Barcelona History – Barcelona History // <https://www.insightguides.com/destinations/europe/spain/barcelona/historical-highlights> (дата обращения 23.12.2016).

Beevor 2006 – *Beevor A.* The Battle for Spain: The Spanish Civil War, 1936–1939. London: Weidenfeld, 2006.

Casanova 2010 – *Casanova J.* The Spanish Republic and the Civil War. N. Y., 2010.

Cattell 1956 – *Cattell D. T.* Communism and the Spanish Civil War. Berkeley, 1956.

Cazorla Sánchez 2010 – *Cazorla Sánchez A.* Fear and Progress: Ordinary Lives in Franco's Spain, 1939–1975. Oxford, 2010.

Colodny 1958 – *Colodny R. G.* The Struggle for Madrid: The Central Epic of the Spanish Conflict (1936–37). N. Y., 1958.

Coman 2016 – *Coman J.* Eighty Years On, Spain May at Last Be Able to Confront the Ghosts of Civil War // <https://www.theguardian.com/world/2016/may/29/national-museum-spanish-civil-war-barcelona> (дата обращения 23.12.2016).

Coverdale 1975 – *Coverdale J. F.* Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton (N. Y.), 1975.

De Guzman 1974 – *Guzman E. de.* El año de la Victoria. Madrid, 1974.

De Guzman 2008 – *Nosotros los asesinos.* Madrid, 2008.

Domingo 2008 – *Domingo A.* Melchor Rodríguez y Los Libertos // *Germinal. Revista de Estudios Libertarias.* 2008. N 6, Octubre. P. 81–107.

Ealham 2005 – *Ealham C.* The Myth of the Maddened Crowd: Class, Culture and Space in the Revolutionary Urbanist Project in Barcelona, 1936–1937 // *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939.* Cambridge, 2005.

Ellington б/д. – *Ellington A.* Archaeology and Memory of the Spanish Civil War // <http://www.alba-valb.org/programs/essay-contest/Ellington-%20Ashley%20-%20Archaeology%20and%20>

[Memory%20of%20the%20Spanish%20Civil%20War.pdf](http://www.alba-valb.org/programs/essay-contest/Ellington-%20Ashley%20-%20Archaeology%20and%20Memory%20of%20the%20Spanish%20Civil%20War.pdf) (дата обращения 23.12.2016).

Esteso Poves б/д. – *Esteso Poves M. J.* Los 30.000 niños robados del Franquismo // <https://www.diagonalperiodico.net/saberes-global/30000-menores-robados-del-franquismo.html> (date of access 26.12.2016).

Garsia Oliver 1978 – *Garsia Oliver J.* El eco de los pasos: el anarcosindicalismo... en la calle... en el Comité de Milicias... en el gobierno... en el exilio. Barcelona, 1978.

Garzón б/д. – *Garzón* recibe 143.353 nombres de desaparecidos durante la Guerra Civil y el franquismo // www.laopinion-dezamora.es/nacional/2008/09/22/garzon-recibe-143353-nombres-desaparecidos-durante-guerra-civil-franquismo/303323.html (date of access 26.12.2016).

Gómez Casas 2002 – *Gómez Casas J.* Historia de la FAI: Aproximación a la historia de la organización específica del anarquismo e sus antecedentes de la Alianza de la Democracia Socialista. 3a ed. Madrid, 2002.

Graham 2002 – *Graham H.* The Spanish Republic at War 1936–1939. Cambridge, 2002.

Guillamón 2012 – *Guillamón A.* La revolución de los comites. Hambre y violencia en la Barcelona revolucionaria. De julio a diciembre de 1936. Barcelona, 2012.

Guillamón 2013 – *Guillamón A. (comp.)* El terror estalinista en Barcelona. 1938. Barcelona, 2013.

Guillamón 2015 – *Guillamón A.* La represión contra la CNT y los revolucionarios: Hambre y violencia en la Barcelona. De mayo a septiembre de 1937. Barcelona, 2015.

Hadzelek 2012 – *Hadzelek A.* Spain's 'Pact of Silence' and the Removal of Franco's Statues // *Past Law, Present Histories.* Cànberra, 2012. P. 153–176.

Han sido condenados a muerte 1936 – Han sido condenados a muerte. ¿No hay más culpables?... ¡Justicia! ¡Justicia! // *Solidaridad Obrera.* 1936. N 1350. 12.08.

Josephson 2013 — *Josephson K.* Stolen Babies in Spain: Human Rights Abuses and Post-transitional Justice. Thesis. N. p., 2013.

Julía 2008 — *Julía S.* Víctimas del terror y de la represión // Fuentes Quintana E., Comín Comín F. (coord.) Economía y economistas españoles durante la Guerra Civil. Vol. II. Barcelona, 2008. URL: http://www.santosjulia.com/Santos_Julia/2005-09_files/Vi%CC%81ctimas%20del%20terror%20y%20de%20la%20represio%CC%81n.pdf (date of access 26.12.2016).

La causa б/д. — La causa contra Garzón por la investigación del franquismo // http://elpais.com/elpais/2010/04/21/actualidad/1271837845_850215.html (date of access 26.12.2016).

La Iglesia 1936 — La Iglesia ha de ser arrancada de cuajo de nuestro suelo. Sus bienes han de ser expropiados // *Solidaridad Obrera*. 1936. N 1353. 15.08.

Lincoln 1989 — *Lincoln B.* Revolutionaere Exhumierungen in Spanien — Juli 1936 // Vom Wesen der Anarchie und vom Verwesen verschiedener Wirklichkeiten. Berlin, 1989. S. 131–153.

Luis Gordillo б/д. — *Luis Gordillo J.* España, el país de los 200.000 desaparecidos // <http://periodismohumano.com/sociedad/memoria/espana-el-pais-de-los-200-000-desaparecidos.html> (date of access 26.12.2016).

Macdonald 1987 — *Macdonald N.* Homage to the Spanish Exiles. Voices from the Spanish Civil War. N.Y.: Human Sciences Press, 1987.

Mas б/д. — *Mas A.* L'inici de la dictadura: Un país devastat i anorreat // <http://www.elpuntavui.cat/societat/article/5-societat/714327-un-pais-devastat-i-anorreat.html> (date of access 26.12.2016).

Mehrotra б/д. — *Mehrotra A.* Fascism & Football: The Political History of Spanish Football // <https://outsideoftheboot.com/2014/05/22/fascism-football-the-political-history-of-spanish-football/> (дата обращения 23.12.2016).

Moa 2004 — *Moa P.* Los crímenes de la Guerra Civil y otras polémicas. Madrid: La Esfera de los Libros, 2004. Cap. 7.

Moreno Gomez 2008 — *Moreno Gomez F.* 1936: el genocidio franquista en Córdoba. Barcelona, 2008.

Nuñez Seixas 2005 — *Nuñez Seixas X.-M.* Nations in Arms against the Invader: On Nationalist Discourses during the Spanish Civil War // *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939.* Cambridge, 2005. P. 45–67.

O. 1936 — *O.* Los malhablados // *Solidaridad Obrera*. 1936. N 1341. 01.08.

Payne 2012 — *Payne S. G.* The Spanish Civil War. Cambridge, 2012.

Peirats 2001 — *Peirats J.* The CNT in the Spanish Revolution. (3 vol.). Vol. 1. Hastings, 2001.

Preston 2013 — *Preston P.* El holocausto español: Odio y exterminio en la Guerra Civil y despues. Barcelona, 2013.

Prieto Borrego, Barranquero Texeira 2015 — *Prieto Borrego L., Barranquero Texeira E.* Political Violence in the Republican Zone: Repression and Popular Justice in a City Behind the Lines: Málaga, July 1936 – February 1937 // *Mass Killings and Violence in Spain, 1936–1952: Grappling with the Past.* N.Y., 2015. P. 91–111.

Ribeiro de Meneses 2001 — *Ribeiro de Meneses F.* Franco and the Spanish Civil War. L.; N.Y., 2001.

Richards 1998 — *Richards M.* A Time of Silence: War and the Culture of Repression in Franco's Spain, 1936–1945. Cambridge, 1998.

Richards 2013 — *Richards M.* After the Civil War. Making Memory and Re-Making Spain since 1936. Cambridge, 2013.

Richards, Eatham 2005 — *Richards M., Eatham C.* History, Memory and the Spanish Civil War: Recent Perspectives // *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939.* Cambridge, 2005. P. 1–20.

Ruiz 2014 — Ruiz J. The “Red Terror” and the Spanish Civil War: Revolutionary Violence in Madrid. N. Y., 2014.

Ruiz 2015 — Ruiz J. Paracuellos. Una verdad incomoda. Barcelona, 2015.

Salgado 2014 — Salgado J. F. Amor Nuño y la CNT. Crónicas de vida y muerte. Madrid, 2014.

Seidman 2002 — Seidman M. Republic of Egos. A Social History of the Spanish Civil War. Madison, 2002.

Seidman 2011 — Seidman M. The Victorious Counterrevolution. The Nationalist Effort in the Spanish Civil War. Madison, 2011.

Sender 1937 — Sender R. J. The War in Spain: A Personal Narrative. L., [1937].

Solidaridad Obrera 1936a — Solidaridad Obrera 1936. Organó de la Confederación Regional del Trabajo de Cataluña. Barcelona. Año VII. Época VI. 1936. N 1333. 24.07.

Solidaridad Obrera 1936b — Solidaridad Obrera 1936. N 1334. 25.07.1936.

Souchy 1987 — Souchy A. Nacht über Spanien. Anarcho-Syndikalisten in Revolution und Bürgerkrieg 1936-39. Ein Tatsachenbericht. Grafenau-Döffingen, 1987.

Southworth 1963 — Southworth H. R. El mito de la cruzada de Franco. Paris, 1963.

Surroca i Lluçà 2014 — Surroca i Lluçà I. Els soldats de la Pobla de Claramunt morts i desapareguts durant la Guerra Civil (1936–1939) // Revista d'Igualada. Segona epoca. Anoia, abril de. 2014. N 46. P. 17–33.

Vincent 2005 — Vincent M. ‘The Keys of the Kingdom’: Religious Violence in the Spanish Civil War, July–August 1936 // The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939. Cambridge, 2005. P. 68–89.

Volodarsky 2015 — Volodarsky B. Stalin’s Agent. Stalin’s Agent: The Life and Death of Alexander Orlov. Oxford, 2015.

Repressive Policy during and after the Spanish Civil War: History and Controversy

Fedorov Andrey Yu. — archaeologist specialist, “Metropolitan Archaeological Bureau” Ltd; fedorovan36@gmail.com

Key words: Spanish Civil War, political repression, Red Terror, White Terror, the dictatorship of Franco, anticlericalism.

This article is dedicated to the history of political terror during and after the Spanish Civil War. The features of terror in Republican (Red Terror) and National (White Terror) zones are discussed on the basis of concrete examples. Special attention is dedicated to the issue of anticlericalism and the place of Catholicism in the ideology of the Franco regime. Another important point is the issue of different forms of sexual violence, which became a prominent part of political terror. At the same time, information, being reproduced in an exaggerated form, about the anticlerical and sexual violence was used by nationalists for propaganda goals, and in the Republican zone political violence of the first months of the war actively encouraged by rumors about the role of the Catholic Church in the rebellion and sexual abuse by priests against women. In the last part of the article one of the most important problems in the historiography of francoism is discussed, related to the scale of political repression. According to the author of this article, it is too early to put an end to the study of political violence in the history of the 20th century, and the debate about it will last a very long time due to both the contradictory nature of available information, and the significant ideologization of the issue.

REFERENCES

A. Sh. K 15-letiyu bor'by ispartsev za svobodu (1936–1951). *Delo Truda – Probuzhdenie* [N'yu-York]. 1951. November–December. N 37.

Abad de Santillan D. *Por que perdimos la guerra: Una contribucion a la historia de la tragedia española*. Barcelona: Plaza & Janés, 1977.

Adler K. *Spain's Stolen Babies and the Families Who Lived a Lie*. URL: www.bbc.com/news/magazine-15335899 (date of access 23.12.2016).

Albéndiz F., Díaz G. La represión física en Andalucía. *La memoria de todos: Las heridas del pasado se curan con más verdad*. [Sevilla], 2014.

Alexander R.J. *The Anarchists in the Spanish Civil War*. (2 vols.). Vol. 2. Leningrad, 1999.

Aunós E. Prólogo. *Causa general: La dominación roja en España, avance de la información instruída por el Ministerio publico*. Madrid, 1943.

Azaretto M. *Las Pendientes Resbaladizas. (Los anarquistas en España)*. Montevideo, 1939.

Balance aproximativo de la represión durante la GCe. URL: www.sbhac.net/Republica/Victimas/Repre.htm (date of access 26.12.2016).

Barcelona History. URL: <https://www.insightguides.com/destinations/europe/spain/barcelona/historical-highlights> (date of access 23.12.2016).

Beevor A. *The Battle for Spain: The Spanish Civil War, 1936–1939*. London: Weidenfeld, 2006.

Buñuel L. *Smutnyy ob'ekt zhelaniya*. Moscow, 2009.

Casanova J. *The Spanish Republic and the Civil War*. New York, 2010.

Cattell D. T. *Communism and the Spanish Civil War*. Berkeley, 1956.

Cazorla Sánchez A. *Fear and Progress: Ordinary Lives in Franco's Spain, 1939–1975*. Oxford, 2010.

Colodny R.G. *The Struggle for Madrid: The Central Epic of the Spanish Conflict (1936–37)*. New York, 1958.

Coman J. *Eighty Years On, Spain May at Last Be Able to Confront the Ghosts of Civil War*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/29/national-museum-spanish-civil-war-barcelona> (date of access 23.12.2016).

Coverdale J.F. *Italian Intervention in the Spanish Civil War*. Princeton, N. Y., 1975.

De Guzman. *Nosotros los asesinos*. Madrid, 2008.

Domingo A. Melchor Rodríguez y Los Libertos. *Germinal. Revista de Estudios Libertarias*. 2008. N 6, Octubre. P. 81–107.

Ealham C. The Myth of the Maddened Crowd: Class, Culture and Space in the Revolutionary Urbanist Project in Barcelona, 1936–1937. *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939*. Cambridge, 2005.

Ellington A. *Archaeology and Memory of the Spanish Civil War*. URL: <http://www.albavalb.org/programs/essay-contest/Ellington-%20Ashley%20-%20Archaeology%20and%20Memory%20of%20the%20Spanish%20Civil%20War.pdf> (date of access 23.12.2016).

Esteso Poves M.J. Los 30.000 niños robados del Franquismo. URL: <https://www.diagonalperiodico.net/saberes-global/30000-menores-robados-del-franquismo.html> (date of access 26.12.2016).

Garcia Oliver J. *El eco de los pasos: el anarco-sindicalismo... en la calle... en el Comité de Milicias... en el gobierno... en el exilio*. Barcelona, 1978.

Garzón recibe 143.353 nombres de desaparecidos durante la Guerra Civil y el franquismo. URL: www.laopiniondezamora.es/nacional/2008/09/22/garzon-recibe-143353-nombres-desaparecidos-durante-guerra-civil-franquismo/303323.html (date of access 26.12.2016).

Gilyamon A. “Skandal Mira”, ili Nenavist' dukhovenstva k anarkhistam. *Mezhduna-*

rodная assotsiatsiya trudyashchikhsya. URL: <http://www.aitrus.info/node/4073> (date of access 26.12.2016).

Golovchenko I.F. *Organy gosudarstvennoy vlasti osoboy kompetentsii Ispanii perioda grazhdanskoj vojny (1936–1939 gg.): istoriko-pravovoy aspekt. Dis. ... kand. jurid. nauk.* Pyatigorsk, 2006.

Gómez Casas J. *Historia de la FAI: Aproximación a la historia de la organización específica del anarquismo e sus antecedentes de la Alianza de la Democracia Socialista.* 3a ed. Madrid, 2002.

Gordillo L.J. *España, el país de los 200.000 desaparecidos.* URL: <http://periodismohumano.com/sociedad/memoria/espana-el-pais-de-los-200-000-desaparecidos.html> (date of access 26.12.2016).

Graham H. *The Spanish Republic at War 1936–1939.* Cambridge, 2002.

Guillamón A. (comp.) *El terror estalinista en Barcelona. 1938.* Barcelona, 2013.

Guillamón A. *La represión contra la CNT y los revolucionarios: Hambre y violencia en la Barcelona. De mayo a septiembre de 1937.* Barcelona, 2015.

Guillamón A. *La revolución de los comites. Hambre y violencia en la Barcelona revolucionaria. De julio a diciembre de 1936.* Barcelona, 2012.

Guzman E. de. *El año de la Victoria.* Madrid, 1974.

Hadzelek A. Spain's 'Pact of Silence' and the Removal of Franco's Statues. *Past Law, Present Histories.* Canberra, 2012. P. 153–176.

Han sido condenados a muerte. ¿No hay más culpables?... ¡Justicia! ¡Justicia! *Solidaridad Obrera.* 1936. N 1350. 12.08.

Josephson K. *Stolen Babies in Spain: Human Rights Abuses and Post-transitional Justice.* Thesis. N. p., 2013.

Juliá S. Víctimas del terror y de la represión. *Fuentes Quintana E., Comín Comín F. (coord.) Economía y economistas españoles durante la Guerra Civil.* Vol. II. Barcelona, 2008. URL: http://www.santosjulia.com/Santos_Ju

lia/2005-09_files/Vi%CC%81ctimas%20del%20terror%20y%20de%20la%20represio%CC%81n.pdf (date of access 26.12.2016).

Kapdepon U. *Istoricheskaya pamyat' i diktatura Franko / obshchestvennaya diskussiya v sovremennoy Ispanii.* URL: <http://urokiistorii.ru/history/soc/52128> (date of access 26.12.2016).

Kestler A. *Besprimernye zhertvy. Zverstva fashizma v Ispanii.* Moscow, 1937.

Kobo Kh. *Razvenchan mif ob ispanskoj Doline pavshikh: Rodstvenniki pogibshikh respublikantsev trebuyut vynosa ikh prakha iz memorial.* URL: http://www.ng.ru/world/2008-07-17/7_memorial.html (date of access 26.12.2016).

La causa contra Garzón por la investigación del franquismo. URL: http://elpais.com/elpais/2010/04/21/actualidad/1271837845_850215.html (date of access 26.12.2016).

La Iglesia ha de ser arrancada de cuajo de nuestro suelo. Sus bienes han de ser expropiados. *Solidaridad Obrera.* 1936. N 1353. 15.08.

Lincoln B. Revolutionaere Exhumierungen in Spanien – Juli 1936. *Vom Wesen der Anarchie und vom Verwesen verschiedener Wirklichkeiten.* Berlin, 1989. S. 131–153.

Macdonald N. *Homage to the Spanish Exiles. Voices from the Spanish Civil War.* New York: Human Sciences Press, 1987.

Mas A. *L'inici de la dictadura: Un país devastat i anorreat.* URL: <http://www.elpuntavui.cat/societat/article/5-societat/714327-un-pais-devastat-i-anorreat.html> (date of access 26.12.2016).

Mehrotra A. *Fascism & Football: The Political History of Spanish Football.* URL: <https://outsideoftheboot.com/2014/05/22/fascism-football-the-political-history-of-spanish-football/> (date of access 23.12.2016).

Moa P. *Los crímenes de la Guerra Civil y otras polémicas.* Madrid: La Esfera de los Libros, 2004. Cap. 7.

Moreno Gomez F. *1936: el genocidio franquista en Cordoba.* Barcelona, 2008.

- Nuñez Seixas X.-M. Nations in Arms against the Invader: On Nationalist Discourses during the Spanish Civil War. *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939*. Cambridge, 2005. P. 45–67.
- O. Los malhablados. *Solidaridad Obrera*. 1936. N 1341. 01.08.
- Payne S. G. *The Spanish Civil War*. Cambridge, 2012.
- Peirats J. *The CNT in the Spanish Revolution*. (3 vol.). Vol. 1. Hastings, 2001.
- Pozharskaya S. P. *Fransisko Franko i ego vremya*. Moscow, 2007.
- Preston P. *El holocausto español: Odio y exterminio en la Guerra Civil y despues*. Barcelona, 2013.
- Prieto Borrego L., Barranquero Texeira E. Political Violence in the Republican Zone: Repression and Popular Justice in a City Behind the Lines: Málaga, July 1936 – February 1937. *Mass Killings and Violence in Spain, 1936–1952: Grappling with the Past*. New York, 2015. P. 91–111.
- Renshow L. Pravda vskryvaetsya: kak pomenyalis' mestami razoblacheniya i utaivaniye v «politike pamyati» v Ispanii. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. N 100. P. 475–493.
- Ribeiro de Meneses F. *Franco and the Spanish Civil War*. London; New York, 2001.
- Richards M. *A Time of Silence: War and the Culture of Repression in Franco's Spain, 1936–1945*. Cambridge, 1998.
- Richards M. *After the Civil War. Making Memory and Re-Making Spain since 1936*. Cambridge, 2013.
- Richards M., Ealham C. History, Memory and the Spanish Civil War: Recent Perspectives. *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939*. Cambridge, 2005. P. 1–20.
- Ruiz J. *Paracuellos. Una verdad incomoda*. Barcelona, 2015.
- Ruiz J. *The “Red Terror” and the Spanish Civil War: Revolutionary Violence in Madrid*. New York, 2014.
- Saint-Exupéry A. de. Iz knigi «Smysl zhizni». *Saint-Exupéry A. de. Sobranie sochineniy*: In 3 vols. Vol. 3: Malen'kiy prints; Iz knigi «Smysl zhizni»; Iz knigi «Voennye zapiski. 1939–1944»; Iz moskovskikh reportazhey; Pis'ma. Moscow, 2002.
- Salgado J. F. *Amor Nuño y la CNT. Crónicas de vida y muerte*. Madrid, 2014.
- Seidman M. *Republic of Egos. A Social History of the Spanish Civil War*. Madison, 2002.
- Seidman M. *The Victorious Counterrevolution. The Nationalist Effort in the Spanish Civil War*. Madison, 2011.
- Sender R. J. *The War in Spain: A Personal Narrative*. London, [1937].
- Shefer Yu. Vozvrashchenie iz zabyt'ya. *GEO. Nepoznanny mir: Zemlya*. 2011. N 8 (161), August. P. 138–149.
- Solidaridad Obrera* 1936. *Organo de la Confederacion Regional del Trabajo de Cataluña*. Barcelona. Año VII. Epoca VI. 1936. N 1333. 24.07.
- Solidaridad Obrera*. 1936. N 1334. 25.07.
- Suchy A. *Nacht über Spanien. Anarcho-Syndikalisten in Revolution und Bürgerkrieg 1936–39. Ein Tatsachenbericht*. Grafenau-Döffingen, 1987.
- Southworth H. R. *El mito de la cruzada de Franco*. Paris, 1963.
- Surroca i Llucà I. Els soldats de la Pobla de Claramunt morts i desapareguts durant la Guerra Civil (1936–1939). *Revista d'Igualada. Segona epoca. Anoia, abril de*. 2014. N 46. P. 17–33.
- Tunion de Lara M. Ispanskaya tserkov' i voyna 1936–1939 gg. *Problemy ispanskoy istorii*. Moscow, 1971. P. 112–137.
- Vincent M. 'The Keys of the Kingdom': Religious Violence in the Spanish Civil War, July–August 1936. *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939*. Cambridge, 2005. P. 68–89.
- Volodarsky B. *Stalin's Agent. Stalin's Agent: The Life and Death of Alexander Orlov*. Oxford, 2015.

ДЕКОММУНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: ПОИСК ПУТЕЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ, ИДЕНТИЧНОСТИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: Украинский институт национальной памяти, декоммунизация, Украина, советское прошлое, Вторая мировая война, коммунизм, нацизм.

В Украине, приблизившейся к критическому отрезку своей истории в ходе борьбы за выбор дальнейшего пути, продолжающейся с ноября 2013 г., в сфере законотворчества можно выделить три центральных пункта — языковой вопрос, конституционный процесс и намерения избавиться от советского наследия. Для последней цели был подготовлен так называемый «декоммунизационный пакет законов», принятый украинским парламентом 9 апреля 2015 г. Предметом нашего анализа являются четыре закона «декоммунизационного пакета», которые идеологически определяют, кто герой и кто враг в истории, как Украина относится ко Второй мировой войне, к коммунистическому и нацистскому режимам, а также открывают доступ к закрытым архивам.

Концепция памяти немецкого ученого Яна Ассмана, ставшая популярной в 1990-х гг., разделяет единую категорию истории и памяти, предлагая многогранную типологию характерных способов использо-

вания прошлого в современности. Касательно прошлого Ассман различает так называемую холодную и горячую память. Горячая память непосредственно формирует настоящую жизнь. Если же прошлое переходит в сферу холодной памяти, тогда оно теряет свою ежедневную актуальность, то есть превращается в культурную иллюстрацию и проблему (Ассман 2004: 72–74).

В Украине, приблизившейся к критическому отрезку своей истории, в ходе борьбы за выбор дальнейшего пути, продолжающейся с 2013 г.,

---

©Фединец Ч., Черничко С.С., 2016
Фединец Чилла — доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник Института национальных меньшинств Центра общественных наук Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия); fedinec.csilla@tk.mta.hu
Черничко Степан Степанович — кандидат филологических наук, доцент Закарпатского венгерского института им. Ференца II Ракоци (Берегово, Украина); cserniczko.istvan@kmf.uz.ua

в сфере законотворчества можно выделить три центральных пункта — языковой вопрос, конституционный процесс и намерения избавиться от советского наследия. Для последней цели был подготовлен так называемый «декоммунизационный пакет законов», принятый украинским парламентом 9 апреля 2015 г. и подписанный главой государства 15 мая. Профессиональная сторона этого законодательного пакета тесно связана с Украинским институтом национальной памяти, а также согласуется со ст. 11 Конституции, которая обязывает государство содействовать консолидации и развитию украинской нации, ее историческому сознанию. В сферу полномочий Украинского института национальной памяти входит подготовка законопроектов, разработка плана действий и материалов для реализации законодательства, а также все другие, связанные с этой задачей, вопросы. Работа УИНП направляется и координируется правительством.

Предметом нашего анализа являются четыре закона «декоммунизационного пакета» (Декомунізація), которые мы рассмотрим в более широком контексте. Упомянутые четыре закона определяют, кто герой и кто враг в истории, как Украина относится ко Второй мировой войне, к коммунистическому и нацистскому режимам, а также открывают доступ к закрытым архивам. Законы сурово и без каких-либо дальнейших дискуссий фиксируют приоритет идеи независимости государства и защиты идеала независимости любыми способами, как в прошлом, так и в настоящем.

Законы предполагают санкции за отрицание их содержания в виде привлечения к ответственности. Эту историю — а именно период до конца 2015 г. — горячую память, на которую повлияла политика, мы и попытаемся обобщить.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ «БЕЛОРУССКИЙ ПУТЬ»

С. Ф. Хантингтон в первой половине 1990-х гг. писал: «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий. <...> Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны, было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски» (Хантингтон 2003: 255). И дальше продолжал: «В результате отношения между Украиной и Россией могут развиваться тремя путями: вооруженный конфликт; раскол Украины по линии разлома на две части; Украина останется единой, но расколотой, останется независимой и в целом будет тесно сотрудничать с Россией» (Там же: 258).

По мнению Оксаны Пахльовской, вопрос в том, нужно ли Украине интегрироваться или реинтегрироваться в Европу. Католическая часть славянства в этом плане не имеет проблем, поскольку в ходе истории ее принадлежность к Европе никогда не подвергалась сомнению. Зато православное славянство

постоянно было занято тем, что доказывало свое радикальное отличие от остального европейского мира (*Пахльовська* 1994: 54).

Возрождение запрещенной в советские времена греко-католической церкви до сегодняшнего дня не является настолько успешным, чтобы существовала «греко-католическая Западная Украина». С другой точки зрения, несомненно, что между двумя частями Украины есть исторически-социальные различия. Неправильными являются ссылки на исторические корни упрощенной модели восточной и западной идентичности. Ведь регулярно вырисовывающаяся на картах с результатами выборов линия разлома пролегает не по границе бывших Австро-Венгерской и Российской монархий. В западноукраинской части Галичина идентична с Волынью, свободной от влияния Габсбургов, в то же время Буковина и Закарпатье показывают различные парадигмы. Идентичное понимание националистических идей в Галичине и Волыни – продукт более поздней эпохи, оно сформировалось в период между двумя мировыми войнами, когда эти регионы были в составе Польши. Польский авторитаризм, особенно усилившийся в 1930-х гг., открыл широкое пространство для украинского национализма, который не отказывался от радикальных средств, вплоть до политического экстремизма. А на советских землях, особенно в 1920-х гг., Украина и Беларусь были «образцовыми территориями», где с помощью украинского и белорусского языков была ликвидирована безграмотность, что дало толчок к развитию

национального самосознания. Когда же произошел поворот в сторону идеологии «единого советского народа», вследствие эмиграции в период Второй мировой войны большей части непоколебимого националистического ядра, не оказалось достаточного протестного потенциала для противостояния советской идеологии, его надо было возродить заново (*Миллер* 2007; *Михеева* 2007; *Рябчук* 2000).

С распадом Советского Союза стало понятно, что самый большой вопрос вызывают отношения трех бывших республик, а потом независимых государств, наследников Киевской Руси: России, Беларуси и Украины. С. Хантингтон отмечал: «В 1995 году Беларусь была во всем, кроме своего названия, частью России» (*Хантингтон* 2003: 254). В 1995 г. состоялся референдум, вследствие которого русский язык стал вторым государственным, а страна встала на путь экономической интеграции с Россией. По итогам переписи населения за 2009 г., 83,7% жителей Беларуси считают себя белорусами по национальности, но при этом на белорусском языке в процентном соотношении разговаривают меньше, чем в Украине – на русском. Из 9 503,8 тыс. населения родным языком считают белорусский 5 058,4 тыс., но только для 2 227,2 тыс. жителей это первый язык в повседневной коммуникации, тогда как вторым языком пользуются немногим более 1 млн чел. (Национальный статистический комитет).

Для Украины лозунг «возвращение в Европу» многозначный: возвращение украинских нациосозидателей

к нормам, компенсация исторической несправедливости или же процесс лечения патологического развития. Точка зрения, сформированная Николаем Рябчуком в монографии 2009 г. (*Riabchuk* 2009: 23), до сих пор ни в чем не утратила своей актуальности.

Еще в 1860-х гг. был подготовлен украинский перевод четырех Евангелий, но его напечатанию препятствовала политическая ситуация, поскольку украиноязычное Евангелие было бы подтверждением того, что существует самостоятельный украинский язык. Последствия такого факта непредсказуемы: может усилиться голос сепаратистов, требующих автономии. Министр внутренних дел Петр Валуев в 1863 г. своим циркуляром запретил издание религиозных текстов и учебников на украинском языке, при этом запрет не касался художественной литературы определенной тематики. В 1876 г. царь Александр II подписал Эмский указ, который предусматривал полный запрет печатания книг на украинском языке, см.: (*Миллер* 2000). Известная фраза из Валуевского циркуляра о том, что «малорусского языка не было, нет и быть не может», цитируется до сих пор. Реагируя на это высказывание, президент Украины Петр Порошенко в одном из своих выступлений осенью 2015 г. — через 152 года после выхода Валуевского циркуляра — сказал: «Наш ответ следующий: „Был, есть и будет!“» (Выступление Президента 2015).

Линия разлома в конце 2015 г., когда писалось данное исследование, больше просматривается вдоль ли-

нии языкового вопроса: в Украине уровень патриотизма и непатриотизма даже социологи в среде украиноязычных и русскоязычных измеряют отдельно (Идентичність громадян), и очень ясно вырисовывается мнение, что политические и общественные деятели одинаково пытаются объяснить возможность национальной консолидации вокруг роли языка как разрушителя национального сознания и как созидательного начала.

Часть пронационально настроенного политикума и интеллигенции традиционно говорит о двух Украинах. Одну часть страны они считают ментально и в плане языка украинской, а вторую — «креольской» (*Рябчук* 2005: 16). Последних граждан они видят насильно русифицированными украинцами, которых «надо вернуть» к украинскому языку и к нации. Большинство приверженцев такой логики применяют к населению страны моральные категории по этнолингвистическому принципу (*Масенко* 2007: 57). Украинских граждан, являющихся по национальности украинцами, но разговаривающих на русском, нередко называют «безотцовщиной», «предателями», «янычарами», забывшими свою родину и родительские корни (*Kulyk* 2001: 197–221; *Pavlenko* 2011: 37–58). Языковую ассимиляцию украинцев, ставших русскоязычными, как на это указывал С. Шумлянский (*Shumlianskyi* 2010: 142), считают моральным преступлением. Например, Ю. Гнаткевич обвинял украинцев, разговаривавших дома с детьми на русском, «в дегенерации украинской нации» и называл их «зараженными болезнью»

русификации, не желающими искать «лечения» (Гнаткевич 1999: 11).

Украинская интеллигенция однозначно отбрасывает путь Беларуси, но своего пока найти не смогла. Лариса Масенко считает, что Беларусь сказала «да» русскому и полностью русифицировалась; а Латвия однозначно сказала «нет» и приступила к развитию национального языка. Украина же регулярно на вызовы отвечает «не знаю» (Масенко 2015).

КТО ГЕРОЙ?

Если бы надо было назвать известных украинских исторических личностей, наверное, одно имя пришло бы в голову каждому, даже не украинцу: Степан Бандера. При этом мы даже не знаем по-настоящему его биографии, а научная литература о нем преимущественно компилятивная. Он был худощавым мужчиной низкого роста, с детства страдал от ревматизма, временами мог ходить лишь с палкой. Родился подданным Австро-Венгрии в украинском греко-католическом селе, где проживало несколько сот человек. В 1920–1930-х гг. был активистом в Галичине, принадлежавшей в то время уже Польше. А в период Второй мировой войны, когда радикальные бандеровцы, а также Украинская повстанческая армия участвовали в событиях, до сих пор вызывающих острые дискуссии, он почти все время просидел в тюрьме, наблюдая за событиями издалека. Но влияние его бесспорно. На сегодня в Украине воздвигнуто несколько десятков памятников Бандере, но только в западных об-

ластях. Закарпатье является исключением: здесь нет ни единого памятника в его честь.

Конфликтную ситуацию, возникшую из-за того, что в разных частях страны коллективная память отличается, а в отдельных аспектах она даже непримиримая, почувствовала и большая политика. Она попыталась дать два четких ответа. Виктор Ющенко, ставший президентом после «Оранжевой революции», совместную память попытался создать вокруг Голодомора начала 1930-х гг. В 2010 г. Ющенко присвоил Бандере звание Героя Украины, разместив его таким образом без национального консенсуса в официальном пантеоне украинских героев. На президентский указ болезненно отреагировали не только в Украине, но и за рубежом. Но в том же году на основании иска частных лиц суд, ссылаясь на то, что Бандера никогда не был гражданином Украины, а поэтому ему не может присваиваться звание Героя Украины, отменил указ В. Ющенко. Это решение оставил в силе и суд второй инстанции, и Верховный суд. Таким образом, кроме повторного разжигания страстей, ничего не изменилось, обоими решениями осталась довольна только часть страны, но в каждом случае – разные.

Согласно официальной историографии, украинские территории, вследствие своего геополитического расположения, были во время Второй мировой войны в эпицентре восточного фронта. Во время войны мобилизация имела регулярный характер, в советской армии служило около 10% украинского

населения, то есть несколько миллионов человек. Кроме этого, в движении сопротивления, организованном Организацией украинских националистов, а с 1942 г. в рядах Украинской повстанческой армии, созданной ОУН, воевало минимум 100 тыс. чел., для которых противником были и Советы. В последние два десятилетия мы были свидетелями того, как политические силы — как на всеукраинском, так и на региональном уровне — боролись за формирование политики памяти в вопросе антитетического, даже взаимоисключающего толкования этих двух фактов. При этом интерпретация вопроса вызывала напряжение в отношениях между Украиной и Россией.

В Украине национализация памяти связана с новым толкованием советского нарратива «Великой Отечественной войны», переоценкой основных событий, участников и исторических последствий в ходе формирования новой национальной идентичности и национальной «культуры памяти». Национализация совсем не означает «десоветизацию» памяти в каждом случае, если под этим понимать то, что мы целенаправленно хотим разобраться с прошлым. Скорее, местная власть из прагматических соображений по возможности незаметно демонтировала «архаические» советские символы, заменив их частично национальными и религиозными символами или интегрировав в новый исторический нарратив. При этом «совместная Победа» все еще сохраняет важное символическое содержание, а в украинско-российских отношениях служит для легитими-

зации проектов, связанных с постсоветской реинтеграцией и «стратегическим партнерством» двух стран (Журженко 2011: 100–101).

На сегодня чуть ли не единственный консенсус обеспечил Закон «О статусе и социальной защите ветеранов войны» от 1993 г., который причисляет к ветеранам всех, кто сражался с оружием в руках до 1944 г., то есть и бойцов Украинской повстанческой армии. На этом строился и Закон Украины № 314-VIII/2015 «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (Закон України № 314-VIII/2015). Закон различает индивидуальную и коллективную формы борьбы за независимость, признает легитимными такие государственные образования, в частности первой половины XX в., как Украинская Народная Республика, Украинское государство (Гетманат), Западноукраинская Народная Республика, Восточно-Лемковская Республика, а также Гуцульская Республика и Карпатская Украина (современная Закарпатская область). Признаются борцами за независимость участники всех их органов власти, организаций, структур и формирований, среди прочего Украинской повстанческой армии и Карпатской Сечи, защищавшей Карпатскую Украину.

ЧЬЯ ПОБЕДА?

Сегодня в России одним из самых больших государственных праздников является 9 Мая, то есть день «Великой Победы». В годы после распада Советского Союза вопрос о 9 Мая

в сфере внутрениполитических расчетов не относился к центральным. Но в 1995 г. 50-летие Победы в Москве отпраздновали с большим размахом и торжеством, организовав парад на Красной площади и военный парад на Поклонной горе, где к юбилею был возведен Мемориальный комплекс Победы (Мемориальный комплекс). С этого времени День Победы отмечают подобным образом в каждом году, а военный парад также проходит на Красной площади. Два самых важных атрибута торжественного празднования – Знамя Победы и георгиевская ленточка. Знамя Победы – это штурмовой флаг дивизии, который Алексей Берест, Михаил Егоров и Мелитон Кантария водрузили 1 мая 1945 г. на Рейхстаг. Историческую георгиевскую ленточку в 2005 г. раздавали волонтеры только в Москве, а в следующем году она стала символом, известным по всей стране, распространилась и за рубежом. Начиная с 2007 г. георгиевскую ленточку прикрепляют и руководители государства, в частности на торжествах, организованных на Красной площади.

Проблемы, связанные со Второй мировой войной, в украинской историографии и в общественном мнении до сегодняшнего дня принадлежат к дискуссионным вопросам, при этом в формировании политики памяти регулярно принимает участие политик (Portnov 2013: 233). Согласно официальной историографии, Вторая мировая война проходила на территории современной Украины в период с 22 июня 1941 г. по 28 октября 1944 г., но существуют точки зре-

ния, согласно которым для Украины Вторая мировая началась еще в марте 1939 г., когда Венгрия оккупировала Карпатскую Украину (то есть большую часть нынешней Закарпатской области).

В период правления Виктора Януковича произошла попытка включить Знамя Победы в число символов, связанных с праздником. В Закон Украины «О увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 2000 г. (Закон Украины 2000) в 2011 г. внесли изменения, включив фразу о том, что «Знамя Победы является символом победы советского народа и его армии и флота над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны». Изменениями предусматривалось, что Знамя нужно использовать на торжественных мероприятиях, посвященных Дню Победы, официально поднимать на зданиях вместе с государственным флагом Украины (Закон Украины 2011). Новый закон вызвал значительное сопротивление, поскольку Знамя Победы хоть и является флагом военной части, но система его символов однозначна: красное знамя с серпом и молотом и пятиконечной звездой. На основании гражданского обращения Конституционный Суд Украины признал изменения в законе неконституционными, ссылаясь на то, что Конституцией установлен исчерпывающий перечень государственных символов, какими являются государственный флаг, государственный герб и государственный гимн, а также установив, что государственные символы неотделимы в своем содержании

от государственного суверенитета (Рішення 2011).

В 2014 г. в украинском праздничном календаре произошли изменения и как раз в русле разрыва «российских связей». В своем выступлении ко Дню независимости 24 августа Президент Петр Порошенко отметил: «Украина никогда больше не будет праздновать этот праздник по военно-историческому календарю соседней страны. Мы будем чувствовать защитников своего Отечества, а не чужого!» (Выступ Президента 2014). Указом Президента Украины (Указ Президента 2014) вместо 23 февраля, которое раньше было Днем советской армии, а сегодня в России является Днем защитника Отечества, Днем защитника Украины стало 14 октября (по православному церковному календарю это день Покрова Пресвятой Богородицы). Праздник устанавливался с целью «чествования мужества и героизма защитников независимости и территориальной целостности Украины, военных традиций и побед украинского народа, содействия дальнейшему укреплению патриотического духа в обществе». 14 октября также считается днем запорожского казачества, а в 1942 г. в этот день была создана Украинская повстанческая армия. Возможно, было намерение таким образом объединить в празднике также чествование Украинской повстанческой армии. Но восприятие ее неоднозначно: так, согласно социологическому опросу, проведенному осенью 2015 г., всего 41 % населения считает, что Украинская повстанческая армия сыграла позитивную историческую роль (Оснач 2015).

На этом строился второй элемент «пакета законов о декоммунизации» — Закон Украины № 315-VIII/2015 «О увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» (Закон України № 315-VIII/2015). В тексте закона зафиксировано, что Вторая мировая война началась вследствие договоренностей между национал-социалистической Германией и коммунистическим Советским Союзом, во время войны на территории Украины обоими режимами были совершены преступления против человечества и человечности, военные преступления и преступления геноцида. Победу над нацизмом во Второй мировой войне празднуют 8 Мая как День памяти и примирения, а 9 Мая — как День победы над нацизмом во Второй мировой войне, сокращенно — День Победы.

Украинская политика памяти акцентирует внимание на вкладе украинцев в победу во Второй мировой войне, но при этом последовательно отрицает украинскую часть ответственности за любые преступления, совершенные Советской Армией. Так называемая «гибридная война» в Украине — обострение украинско-российского конфликта в апреле 2014 г. — стимулировала и обращение к исторической памяти западных соседних государств: на шоссе к венгерской границе украинцы апеллируют к событиям 1956 г., а на дороге к словацкой границе — к событиям 1968 г. (Pinau 2015). Добавим, что в обоих конфликтах участвовала не «русская», а Советская Армия, что является не просто риторической разницей.

АРХИВ ДЛЯ ВСЕХ

Текст Закона Украины № 316-VIII/2015 «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (Закон України № 316-VIII/2015) разработали Министерство культуры Украины и Украинский институт национальной памяти. Одним из его важных элементов является то, что действие Закона «О защите персональных данных» не распространяется на информацию, которую можно получить в рамках данного закона. Доступ к архивным документам с персональными данными могут получить только жертвы тоталитаризма или их близкие. Доступ к документам бесплатный и свободный, документы можно фотографировать и копировать собственными техническими средствами, или копии могут изготавливаться архивом за отдельную плату. Доступ к архивной информации предоставляется на основании документа, удостоверяющего личность, и письменного заявления.

Центральным распорядителем архивных документов становится Отраслевой государственный архив Украинского института национальной памяти, где должны в течение двух лет разместить всю соответствующую архивную информацию за 1917–1991 гг. Кроме того, закон вменяет государству в обязанность искать и хранить архивную информацию за рубежом.

По мнению критиков этого закона, размещение документов в одном архиве не только облегчит доступ

к ним, но одновременно разрушит существующую систему архивов. Неоднозначным является перечень «репрессивных органов», поэтому отбор документов может быть весьма произвольным. Дефиниция «жертва» очень расплывчата и может подразумевать также преступников, убийц и грабителей, совершивших уголовное преступление. Обнародование имен сотрудников силовых органов не учитывает различий или отдельных категорий, например, в одну и ту же категорию попадают и те, кто работал с «сексотопами», и те, кто расследовал уголовные преступления. Таким образом, общественность также не сможет сделать различий. О создании нового центрального архива решение принял не парламент, а правительство. Вместо перемещения документов из одного архива в другой более целесообразным и актуальным решением представляется их оцифровка и доступ к оцифрованным материалам с помощью современных технических средств (*Берковський* 2015).

ЛЕНИН В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Вследствие отсутствия единой политики памяти деструктивным процессом является не только возведение новых памятников, но и, например, демонтаж старых, советских. После распада Советского Союза самым верным признаком падения режима в общественном пространстве было свержение памятников Ленину в рамках самых разных ритуалов: публично в присутствии большой толпы, тайно среди ночи, просто и без пафоса, без каких-либо

народных празднований и т. д. Волна через некоторое время утихла, далеко не ликвидировав все монументы. В школах уже не было ленинских комнат, в общественных учреждениях больше не висели портреты Ленина, но традиция размещать в кабинетах портреты действующего главы государства никуда не делась. В 2013 г. по всей стране стояло еще несколько тысяч памятников Ленину. На рубеже 2013–2014 гг. в ходе «Революции достоинства» снова мощная волна: «Ленинопад, Лениновал, вождепад» пронесся по стране, уменьшив эту цифру наполовину (Наливайко 2014). Результаты одного опроса в 2012 г. показали, что центральные улицы большинства населенных пунктов носят имя Ленина (20 років Незалежності). Согласно данным правительства, в 2015 г. в стране было демонтировано всего 139 памятников представителям коммунистического режима, среди них 40 скульптур Ленина (Мало фантазии).

События 2013–2014 гг. привели не только к распаду Партии регионов, занимавшей сильные позиции в последние несколько циклов, но и к запрету Коммунистической партии. 26 августа 1991 г., через два дня после провозглашения независимости Украины, уже временно приостанавливалась деятельность партии, но в 1993 г. коммунисты возобновили партийную организацию и фактически до досрочных парламентских выборов в 2014 г. были единственной украинской партией, попадавшей во все созывы Верховного Совета. В июле 2014 г. в ходе регламентной процедуры была распущена фракция Коммунистиче-

ской партии, одновременно с этим прокуратура подала судебный иск против партии, которая еще смогла принять участие в парламентских выборах 2014 г., но не преодолела 5-процентный проходной барьер. Вскоре суд принял решение о запрете партии, которая подозревалась в поддержке сепаратизма и терроризма.

Еще до окончания судебного разбирательства был принят Закон Украины № 317-VIII/2015 «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» (Закон України № 317-VIII/2015). Закон предполагает не какой-то общий запрет, а дает точные определения понятий. Запрету подлежит пропаганда (советской) коммунистической партии, коммунистического и национал-социалистического (нацистского) режима, органов советской госбезопасности. К символике «коммунистического тоталитарного режима» закон причисляет флаги, гербы и другие государственные символы всех бывших социалистических стран, включая Советский Союз, его бывших республик (среди них Украинская Советская Социалистическая Республика); гимны СССР и советских республик; все флаги, символы, атрибуты, в которых воспроизводится сочетание серпа и молота, плуга и пятиконечной звезды; должностные лица компартии; изображения, памятники, памятные знаки, надписи, связанные с деятельностью компартии; а также названия населенных пунктов, улиц и так далее, связанные с руко-

водством и деятельностью компартии. Венецианская комиссия в декабре 2015 г. выразила опасения, что закон может препятствовать свободе выражения мнения, может лишить партию возможности участия в выборе, привести к непропорциональному привлечению к ответственности (Ukraine Lawbanning).

На сайте Украинского института национальной памяти в разделе «FAQ. Что нужно знать о декоммунизации» собраны ответы на наиболее частые вопросы, связанные с названным выше законом. На вопрос, действительно ли закон запрещает коммунистическую и нацистскую идеологию и символы, звучит ответ: «Ни идеологию, ни символы невозможно запретить, как невозможно запретить прошлое. Оно было таким, каким было. Закон осуждает тоталитарные режимы, которые выросли на фундаменте этих идеологий, как нечеловеческие, и запрещает пропаганду их символов. Пропаганда идеологии и символов коммунистического и нацистского тоталитарных режимов признается надругательством над памятью миллионов жертв коммунизма и нацизма и запрещается» (FAQ).

На вопрос, можно ли оставить старое название населенного пункта или другого географического объекта, если они подпадают под действие закона, ответ однозначный: «Нет, нельзя». Если местные органы самоуправления откажутся менять название, это будет саботажем и нарушением законодательства. При этом ветераны и в дальнейшем могут носить свои советские награды и отличия, а также запрещается

тревожить советскую символику на военных могилах. Интересно, что в личных документах, в документах на недвижимость и т.д. не обязательно менять названия, они независимо от этого и в дальнейшем остаются в силе.

В октябре 2015 г. Украинский институт национальной памяти опубликовал список из 520 имен, которые в Украине попадают под закон о декоммунизации (Список осіб). В список вошли лица с «советским» и/или «коммунистическим» прошлым, родившиеся как в Советском Союзе, так и иностранного происхождения. Среди них не только партийные или государственные функционеры, но и «общественные деятели», как, например, инженер Василий Бажанов, «один из организаторов советской угольной промышленности». В списке приведены имена лишь таких лиц, в честь которых в Украине еще названы населенные пункты или другие географические объекты. Таким образом, здесь указаны, например, Ленин, Надежда Крупская («жена Ленина»), Энгельс, Маркс, но нет Сталина, именем которого в Украине уже ничего не названо. Среди полутысячи имен встречается и несколько иностранцев, среди них представители Коминтерна, организаторы компартий нескольких стран или, например, единственный не функционер – французский журналист и писатель Анри Барбюс. Кроме него, в списке нет ни одного другого поэта или прозаика. Но есть в списке 14-летний ребенок – Витя Гурин, «ученик Юзовской школы № 1, убитый на Пасху в 1929 г. за антирелигиозную пропаганду в местном

клубе. Его имя широко использовалось в пропаганде коммунизма на Донбассе». Из 520 имен 70 связано с Донбассом.

В прессе была опубликована карта, на которой были указаны населенные пункты, подпадавшие под закон о декоммунизации (Эксперты; Які міста; Населені пункти). Согласно карте на сайте Украинского института национальной памяти, необходимо переименовать 3% населенных пунктов страны – на 8 июля 2015 г. – всего 877 городов, поселков и сел¹. Часть из них расположена в Крыму, находящемся де-факто в составе России, а также на территориях, пребывающих под контролем сепаратистов на Востоке Украины (Эксперты).

Было издано много пособий, в которых содержалась информация для городских и сельских глав, госслужащих, общественности о том, каким способом надо переименовывать географический объект или какое-либо учреждение. Украинский институт национальной памяти даже подготовил для всех интересующихся инфографику².

Не каждый населенный пункт спокойно соглашается с переименованием. В этом контексте показательной является история с городом Днепропетровск. Город был основан в XVIII в. под названием Екатеринослав, а в 1926 г. был переименован в честь реки Днепр и советского украинского полити-

ка Григория Петровского. Последний также числится в списке тех исторических лиц, именем которых в Украине запрещено называть географические объекты. В ходе выбора нового названия для областного центра на берегах самой большой реки в Украине возникло много вариантов, но бесспорно самой оригинальной оказалась идея городского совета (Депутати) и оппозиционного народного депутата Александра Вилкула (Вілкул). А.Вилкул даже зарегистрировал в парламенте постановление (Проект Постанови про збереження), согласно которому новое название Днепропетровска после переименования будет – Днепропетровск... Суть предложения в том, что в названии областного центра остается река Днепр, а вместо советского политика используется имя апостола Святого Петра. Таким образом, название населенного пункта остается Днепропетровск, но меняется его этимология: вместо Днепр + Петровский будет Днепр + (Святой) Петр.

Согласно информации, появившейся на сайте парламента, 1 февраля 2016 г. под № 3854 был зарегистрирован проект постановления о переименовании отдельных населенных пунктов и районов (Проект Постанови про перейменування). А уже 4 февраля депутаты проголосовали за это постановление (Пленарні засідання). К маю 2016 г. новые/старые названия получили уже более ста населенных пунктов («Декомунізовані» Дніпродзержинськ). Глава государства Петр Порошенко заявил: завершение декоммунизации является вопросом

¹ См.: [http://fs102.www.ex.ua/get/177593942/mara-pereyменування7_jp%20\(1\).jpg](http://fs102.www.ex.ua/get/177593942/mara-pereyменування7_jp%20(1).jpg).

² См.: http://fs152.www.ex.ua/get/172344833/infographic_names_new-page-001.jpg.

национальной безопасности (Порошенко: Декоммунизация). Кстати, после долгих споров 19 мая 2016 г. парламент принял постановление о переименовании Днепропетровска в Днепр... (Постанова 2016)

На интернет-портале «Korrespondent.net» появилась статья «Мало фантазии. Как проходит декоммунизация», в которой рассматриваются странности волны переименования и приводится несколько интересных случаев. Например, оказывается, что популярное в народе «Советское шампанское» также не может оставить старое название, вместо него производитель выбрал название «СоветОвское шампанское» (Мало фантазии).

Выводы

Ведя речь об этих законах, комментаторы в Интернете разделились на две основные группы: одна считает, что парламент поспешил, приняв решения без общественного обсуждения, а по мнению второй, дискуссия продолжается уже двадцать пять лет и наконец пришло время принимать решение (Кулик 2015). А нейтральную точку зрения профессионалов обобщила Оксана Шевель, отметив, что в отношении советской истории именно идеологизированная политика стремится определить, кто хороший и плохой, кто «наш», а кто «враг» (Шевель 2015).

В Украине, фактически пребывающей в таком состоянии с апреля 2014 г., вопрос, кто с нами, а кто против нас, является спорным

не только в осмыслении прошлого. Проблема генерирует дискуссии и в настоящем.

Президент Петр Порошенко время от времени отчаянно пытается создать точки соприкосновения между частями разделенного общества. Глава государства, например, заявлял, что 62 % воюющих в Восточной Украине являются русскоязычными (Порошенко: Большинство). Он также добавил, что «на русском языке Украину любят не меньше, чем на украинском» (Порошенко: на русском языке). А в выступлении 9 мая 2016 г. П. Порошенко отметил: «Сегодня потомки тех, кто ходил в атаку или под командованием Малиновского, или под руководством Шухевича, вместе защищают Украину от агрессии РФ» (От РФ защищают потомки). Но часть политиков и интеллигенции, позиционирующих себя как сторонники единства нации, склонна отказать русскоязычным, не разговаривающим (охотно) на украинском граждан в принадлежности к нации. Например, языковед Юрий Шевчук, преподающий украинский язык в Колумбийском университете (США), сомневается, могут ли русскоязычные быть хорошими патриотами: «Гибридная война из фронта на востоке перекинулась на фронт культурный, цивилизационный. Раньше было довольно четко видно, кто является сторонником, а кто – врагом украинцев в вопросе языка и культуры. Сейчас же появилось странное понятие “новых” патриотов, любящих Украину, но не любящих украинский язык. У меня это понятие вызывает серьезные опасения» (Шевчук, Власюк

2015). Шевчук занимает однозначную позицию касательно любых проявлений украинско-русской двуязычности: «Языковая шизофрения лишает украинский язык защитной роли в ситуациях экзистенциальных, когда есть угроза вашей жизни, и по языку вы можете отличить своего от врага» (Шевчук, Палажій 2015).

Один из самых известных украинских лингвистов Лариса Масенко также с тревогой оценивает русскоязычную часть украинского общества: «Для России победа в языково-культурной войне с Украиной стала предпосылкой ее нынешнего вооруженного вторжения и оккупации Крыма и части Донбасса. И в своих планах реанимации советской империи Кремль опирается на ту часть населения Украины, сознание которой ему удалось “выкристаллизовать” через контроль над украинскими средствами массовой информации» (Масенко 2015а).

Тарас Марусик видит параллельные черты между декоммунизацией и дерусификацией и утверждает: «Процесс декоммунизации, который еще продолжается, не будет полностью успешным без запуска процессов дерусификации и деколонизации» (Марусик 2016).

Созданное законодательством расстояние от имперского российского прошлого и советского исторического наследия, таким образом, в настоящем сочетается с намерением отмежеваться от главных символов царской России и Советского Союза, считающихся одинаково русификаторскими, а также от русско-

го языка. Мы считаем, было бы целесообразно признать, что в стране существуют различные трактовки исторической памяти. В настоящее время политика намеревается без широкого консенсуса канонизировать одну из этих трактовок. Приведет ли это к унификации широкого общественного мнения и как на это отреагируют другие акторы этого исторического прошлого, пока неизвестно. Нельзя игнорировать, что 11 июля 2016 г. нижняя палата польского парламента события 1943–1945 гг. на Вольни признала «геноцидом, совершенным украинскими националистами», и 11 июля установлено как день памяти (Сейм 2016).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

«Декомунізовані» Дніпродзержинськ б/д. — «Декомунізовані» Дніпродзержинськ і ще кілька міст отримали нові імена // <http://zakarpattya.net.ua/News/156133-Dekomunizovani-Dniprodzerzhynsk-i-shche-kilka-mist-otrimaly-novi-imena> (дата обращения 26.12.2016).

20 років Незалежності б/д. — 20 років Незалежності: Ленін все ніяк не Goodbye! // http://texty.org.ua/pg/article/devrand/read/37123/20-rokiv_Nezalezhnosti_Lenin_vse_nijak_ne (дата обращения 26.12.2016).

Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. (Studia historica).

Берковський 2015 — Берковський В. Дуже відкритий архів // Критика. 2015. Червень. URL: <http://krytyka.com/ua/solutions/opinions/duzhe-vidkrytyu-arkhiv> (дата обращения 26.12.2016).

Виступ Президента 2014 – Виступ Президента на параді на честь 23-ї річниці Незалежності України. Прес-служба Президента України, 24.VIII.2014 // <http://www.president.gov.ua/news/31066.html> (дата звернення 26.12.2016).

Виступ Президента 2015 – Виступ Президента на церемонії вшанування пам'яті жертв Голодомору в Україні. 28.IX.2015 // <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vshanuvannya-ramyati-zhertv-36377> (дата звернення 26.12.2016).

Вілкул б/д. – Вілкул пропонує перейменувати Дніпропетровськ у Дніпропетровськ // <http://www.pravda.com.ua/news/2016/02/4/7097863/> (дата звернення 26.12.2016).

Гнаткевич 1999 – Гнаткевич Ю. Чи злетить птах у синє небо? Нариси про русифікованих і русифікаторів та гірку долю української мови в незалежній Україні. Київ, 1999.

Декомунізація б/д. – Декомунізація // <http://www.memoiry.gov.ua/page/dekomunizatsiya-0> (дата звернення 01.04.2016).

Депутати б/д. – Депутати змінили «інтимологію», щоб зберегти назву Дніпропетровську // <http://www.pravda.com.ua/news/2015/12/29/7094054/> (дата звернення 26.12.2016).

Журженко 2011 – Журженко Т. «Чужа війна» чи «спільна Перемога»? Націоналізація пам'яті про Другу світову війну на україно-російському прикордонні // Україна Модерна. 2011. N 18. С. 100–101.

Закон України 2000 – Закон України № 1684-III/2000 «Про увічнення Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років» // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (дата звернення 26.12.2016).

Закон України 2011 – Закон України № 3298-VI/2011 «Про внесення змін

до Закону України “Про увічнення Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років”» // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3298-17> (дата звернення 26.12.2016).

Закон України № 314-VIII/2015 – Закон України № 314-VIII/2015 «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті» // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-viii> (дата звернення 26.12.2016).

Закон України № 316-VIII/2015 – Закон України № 316-VIII/2015 «Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917–1991 років» // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/316-viii> (дата звернення 26.12.2016).

Закон України № 317-VIII/2015 – Закон України № 317-VIII/2015 «Про застосування комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/317-viii> (дата звернення 26.12.2016).

Закон України № 315-VIII/2015 – Закон України № 315-VIII/2015 «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років» // <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/315-viii> (дата звернення 26.12.2016).

Ідентичність громадян б/д. – Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості // <http://www.uceps.org/upload/Identi-2016.pdf> (дата звернення 26.12.2016).

Кулик 2015 – Кулик В. Про неякісні закони та нечутливіх критиків // Критика. 2015. Травень. URL: <http://krytyka.com.ua/solutions/opinions/pro-neyakisni-zakony-ta-nechutlyvykh-krytykiv> (дата звернення 26.12.2016).

Мало фантазії б/д. – Мало фантазії. Как проходит декоммунизация // Корреспондент.net. URL:

<http://korrespondent.net/ukraine/3624948-brak-fantazyu-kak-prokhodyt-dekommunyzatsiya> (дата обращения 26.12.2016).

Марусик 2016 – *Марусик Т.* День слов'янської писемності і культури: декомунізація буде неповна без дерусифікації // Портал мовної політики. 2016. 12.06. URL: <http://language-policy.info/2016/06/den-slov-yanskoji-pysemnosti-i-kultury-dekomunizatsiya-bude-nerovna-bez-derusyifikatsiji/> (дата обращения 26.12.2016).

Масенко 2007 – *Масенко Л.* (У)мовна (У)країна. Київ, 2007.

Масенко 2015 – *Масенко Л.* Офіційна двомовність не об'єднує країну, а сприяє її розпаду // Портал мовної політики. 2015. 15.06. URL: <http://language-policy.info/2015/06/larysa-masenko-ofitsijna-dvovmnist-ne-ob-jednuje-krajinu-a-spryujae-jiji-rozpadu/> (дата обращения 26.12.2016).

Масенко 2015а – *Масенко Л.* Мовознавча солідарність по-українськи // Портал мовної політики. 2015. 24.09. URL: <http://language-policy.info/2015/09/larysa-Maszenko-movoznavcha-solidarnist-ro-ukrajinsky/#more-1821> (дата обращения 26.12.2016).

Меморіальний комплекс б/д. – Меморіальний комплекс Перемоги на Поклонній горі в Москві // <http://www.roklonnayaagora.ru/> (дата обращения 26.12.2016).

Миллер 2000 – *Миллер А.И.* «Український питання» в політиці властей і руському громадському мненні (друга половина XIX століття). СПб., 2000.

Миллер 2007 – *Миллер А.* Дуалізм ідентичностей на Україні // *Отечественные записки*. 2007. № 1 (34).

Михеева 2007 – *Михеева О.* Не все так просто з тими українцями... // *Отечественные записки*. 2007. № 1 (34).

Наливайко 2014 – *Наливайко С.* Ленінопад // *Країна*. 2014. 21.10. URL: http://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_

[leninopad/584056](http://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_leninopad/584056) (дата обращения 26.12.2016).

Населені пункти б/д. – Населені пункти, що підлягають перейменуванню у 2015 році // <http://infolight.org.ua/thememap/dekomunizatsiya-2015-se-la#5.00/49.498/31.140> (дата обращения 26.12.2016).

Национальный статистический комитет б/д. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь: Основные демографические и социальные характеристики населения Республики Беларусь по итогам переписи населения 2009 года // <http://web.archive.org/web/20100918015533/http://belstat.gov.by/index.htm> (дата обращения 26.12.2016).

Оснач 2015 – *Оснач С.* Як мова визначає наших героїв і вітчизну // Портал мовної політики. 2015. 02.12. URL: <http://language-policy.info/2015/12/yak-movavyznachaje-nashyh-herojiv-i-vitczyznu/> (дата обращения 26.12.2016).

От РФ защищают потомки б/д. – От РФ защищают потомки «красных» и УПА – Порошенко // <http://korrespondent.net/ukraine/3680137-ot-rf-zaschyschajut-potomky-krasnykh-y-upa-poroshenko> (дата обращения 26.12.2016).

Пахльовська 1994 – *Пахльовська О.* Україна: шлях до Європи... через Константинополь. Стаття 1: Історичний дуалізм української культури: Візантія чи Європа? // *Сучасність*. 1994. № 1.

Піташ 2015 – *Піташ В.* На виїзді з Закарпаття з'явилися білборди, що апелюють до історичної пам'яті сусідів України // *Закарпаття онлайн*. 2015. 22.07. URL: <http://zakarpattya.net.ua/News/142858-Na-vyizdi-z-Zakarpattia-zivlyysia-bilbordy-shcho-apeliuiut-dostorychnoi-pamiati-susidiv-Ukrainy> (дата обращения 26.12.2016).

Пленарні засідання 2016 – Пленарні засідання. 4.02.2016 // iportal.rada.gov.ua/news/Plenarni_

zasidannya/124779.html (дата звернення 26.12.2016).

Порошенко: Більшість б/д. – Порошенко: Більшість воюючих за Україну на Донбасі – російськомовні // <http://korrespondent.net/ukraine/3497931-Poroshenko-bolshinstvo-voiuichykh-za-ukraynu-na-donbasse-russkoiazychnye> (дата звернення 26.12.2016).

Порошенко: Декомунізація б/д. – Порошенко: Декомунізація повинна бути завершена // <http://korrespondent.net/ukraine/3682845-poroshenko-dekommunizatsiya-dolzha-byt-zavershena> (дата звернення 26.12.2016).

Порошенко: на російській мові б/д. – Порошенко: на російській мові Україну люблять менше, ніж на українській // <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/08/23/7035607/> (дата звернення 26.12.2016).

Постанова 2016 – Постанова Верховної Ради України № 1375-19 «Про перейменування міста Дніпропетровськ Дніпропетровської області», 19.05.2016 // <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1375-19> (дата звернення 26.12.2016).

Проект Постанови про збереження б/д. – Проект Постанови про збереження найменування міста Дніпропетровськ Дніпропетровської області (щодо зміни етимології найменування міста – визначення найменування міста Дніпро та на честь Святого Апостола Петра) // http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=58036 (дата звернення 26.12.2016).

Проект Постанови про перейменування б/д. – Проект Постанови про перейменування окремих населених пунктів та районів // http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57991 (дата звернення 26.12.2016).

Рішення 2011 – Рішення Конституційного Суду України № 6-рп/2011, 16.06.2011 // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v006p710-11> (дата звернення 26.12.2016).

Рябчук 2000 – Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ, 2000.

Рябчук 2005 – Рябчук М. Дві України: Реальні межі, віртуальні війни. Київ, 2003.

Журженко Т. Миф о двух Украинах // Перекрестки. 2005. № 3–4.

Сейм 2016 – Сейм Польщі визнав Волинську трагедію геноцидом поляків. 22.07.2016 // <http://language-policy.info/2016/06/den-slov-yanskoji-pysemnosti-i-kultury-dekomunizatsiyabude-nerovna-bez-derusyifikatsiji/> (дата звернення: 25.08.2016).

Список осіб б/д. – Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію // <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu> (дата звернення 26.12.2016).

Указ Президента 2014 – Указ Президента України № 806/2014 «Про День захисника України» // <http://www.president.gov.ua/documents/18252.html> (дата звернення 26.12.2016).

Хантінгтон 2003 – Хантінгтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Шевель 2015 – Шевель О. Щоб відповідати європейським стандартам, закони «про декомунізацію» потребують змін // VoxUkraine. 2015. 07.05. URL: <http://voxukraine.org/2015/05/07/decommunization-laws-ukr/> (дата звернення 26.12.2016).

Шевчук, Власюк 2015 – Шевчук Ю., Власюк Г. Двомовність як хвороба. Професор Колумбійського університету називає українську мовну ситуацію «мовною шизофренією» // Портал мовної політики. 2015. 05.07. URL: <http://language-policy.info/2015/07/dvomovnist-yak-hvoroba-profesor-kolumbijskoho-universytetu-nazyvaje-ukrajinsku-movnu-sytuatsiyu>

мовною-shyzofreniyeu/ (дата обращения 26.12.2016).

Шевчук, Палажій 2015 – *Шевчук Ю., Палажій Г.* Мовна шизофренія – нова, потужна форма русифікації // Портал мовної політики. 2015. 19.09. URL: <http://language-policy.info/2015/09/yurij-shevchuk-movna-shyzofreniya-novapotuzhna-forma-rusyifikatsiji/#more-1780> (дата обращения 26.12.2016).

Експерты б/д. – Эксперты создали карту декоммунизации Украины // <http://korrespondent.net/ukraine/3536680-eksperty-sozdaly-kartu-dekommunizatsyyu-ukraynu> (дата обращения 26.12.2016)

Які міста б/д. – Які міста позбавлять радянських назв? // http://www.bbc.com/ukrainian/politics/2015/04/150410_cities_to_be_renamed_vc (дата обращения 26.12.2016).

FAQ б/д. – FAQ. Усе, що ви хотіли дізнатися про декомунізацію // <http://www.memory.gov.ua/news/faq-use-shcho-vikhotili-diznatisya-pro-dekomunizatsiyu> (дата обращения 26.12.2016).

Kulyk 2001 – *Kulyk V.* The Politics of Ethnicity on Post-Soviet Ukraine: Beyond Brubaker // *Journal of Ukrainian Studies*. 2001. N 1–2 (26). P. 197–221.

Pavlenko 2011 – *Pavlenko A.* Language rights versus speakers' rights: on the

Applicability of Western Language Rights Approaches in Eastern European Contexts // *Language Policy*. 2011. N 10. P. 37–58.

Portnov 2013 – *Portnov A.* Memory Wars in Post-Soviet Ukraine (1991–2010) // *Memory and Theory in Eastern Europe* / Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York; Basingstoke; Palgrave: Macmillan, 2013.

Riabchuk 2009 – *Riabchuk M.* Cultural Fault Lines and Political Divisions: The Legacy of History in Contemporary Ukraine // *Contemporary Ukraine on the cultural map of Europe* / Eds. L. M. L. Onyshkevych Zaleska, M. G. Rewakowicz. New York: Armonk, 2009.

Shumlianskyi 2010 – *Shumlianskyi S.* Conflicting Abstractions: Language Groups in Language Politics in Ukraine // *International Journal of the Sociology of Language*. 2010. N 201.

Ukraine Lawbanning Communist and Nazi Propaganda has a Legitimate Aim, but Does not Comply with European Standards, Say Constitutional Law Experts of the Venice Commission and OSCE/ODIHR. Press Release – DC190(2015) // <https://www.google.hu/#q=gumit%C3%B6rv%C3%A9ny> (date of access 26.12.2016).

Decommunization in modern Ukraine: the search of paths in the field of history, identity and language policy

Fedinec Csilla – PhD, Senior Research Fellow, Institute for Minority Studies, Centre for Social Sciences, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary); fedinec.csilla@tk.mta.hu

Chernichkó István – candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian Institute (Beregove, Ukraine); csernicisko.istvan@kmf.uz.ua

Key words: Ukrainian Institute of national memory, decommunization, Ukraine, the Soviet past, World War II, communism, nazism.

There are three central points – the language issue, the constitutional process and the intention to get rid of the Soviet heritage – in the legislation of

modern Ukraine, which is approaching a critical period in the struggle for the choice of the path for the future, ongoing since November 2013. For the latter purpose, a so-called “decommunization package of laws” was prepared and adopted by the Ukrainian Parliament on 9 April 2015. The subject of our analysis are the four laws of the “decommunization package”, which ideologically determine who is the hero and who is the enemy in history, the attitude of Ukraine to the World War II, to the Communist and Nazi regimes, as well as open access to closed archives.

REFERENCES

“Dekomunizovani” Dniprodzerzhynsk'i i shche kil'ka mist otrimali novi imena. URL: <http://zakarpattya.net.ua/News/156133-Dekomunizovani-Dniprodzerzhynsk-i-shche-kilka-mist-otrymaly-novi-imena> (date of access 26.12.2016).

20 rokiv Nezalezhnosti: Lenin vse niyak ne Goodbye! URL: http://texty.org.ua/pg/article/devrand/read/37123/20_rokiv_Nezalezhnosti_Lenin_vse_niyak_ne (date of access 26.12.2016).

Assmann J. *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, 2004. (Studia historica).

Berkovskii V. Duzhe vidkritii arkhiv. *Kritika*. 2015. Cherven'. URL: <http://krytyka.com/ua/solutions/opinions/duzhe-vidkrytyy-arkhiv> (date of access 26.12.2016).

Dekomunizatsiia. URL: <http://www.memory.gov.ua/page/dekomunizatsiya-0> (date of access 26.12.2016).

Deputati zminili “intimologiiu”, shchob zberegti nazvu Dnipropetrovs'ku. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2015/12/29/7094054/> (date of access 26.12.2016).

Eksperty sozdali kartu dekomunizatsii Ukrainy. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3536680-eksperty-sozdaly-kartu-dekomunizatsii-ukrainy> (date of access 26.12.2016).

FAQ. Use, shcho vi khotili diznatisia pro dekomunizatsiiu. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/faq-use-shcho-vi-khotili-diznatisia-pro-dekomunizatsiiu> (date of access 26.12.2016).

Gnatkevich Iu. *Chi zletit' ptakh u sine nebo? Narisi pro rusifikovanikh i rusifikatoriv ta girku doliu ukrains'koi movi v nezalezhnii Ukraini*. Kiiv, 1999.

Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, 2003.

Iaki mista pozbavliat' radians'kikh nazv? URL: http://www.bbc.com/ukrainian/politics/2015/04/150410_cities_to_be_renamed_vc (date of access 26.12.2016).

Kulik V. Pro neiakisni zakoni ta nechutlivikh kritikiv. *Kritika*. 2015. Traven'. URL: <http://krytyka.com/ua/solutions/opinions/pro-neyakisni-zakony-ta-nechutlivikh-krytykiv> (date of access 26.12.2016).

Kulyk V. The Politics of Ethnicity on Post-Soviet Ukraine: Beyond Brubaker. *Journal of Ukrainian Studies*. 2001. N 1–2 (26). P. 197–221.

Malo fantazii. Kak prokhorit dekomunizatsiia. *Korrespondent.net*. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3624948-brak-fantazyi-kak-prokhorit-dekomunizatsiia> (date of access 26.12.2016).

Marusik T. Den' slov'ians'koi pisemnosti i kul'turi: dekomunizatsiia bude nepovna bez derusifikatsii. *Portal movnoi politiki*. 2016. 12.06. URL: <http://language-policy.info/2016/06/den-slov-yanskoji-pisemnosti-i-kultury-dekomunizatsiia-bude-nepovna-bez-derusifikatsii/> (date of access 26.12.2016).

Masenko L. *(U)movna (U)kraïna*. Kiiv, 2007.

Masenko L. Movoznavcha solidarist' po-ukrains'ki. *Portal movnoi politiki*. 2015. 24.09. URL: <http://language-policy.info/2015/09/larysa>

Maszenko-movoznavcha-solidarnist-poukrajinsky/#more-1821 (date of access 26.12.2016).

Masenko L. Ofitsiina dvomovnist' ne ob'ednue kraïnu, a spriiae ïï rozpadu. *Portal movnoï politiki*. 2015. 15.06. URL: <http://language-policy.info/2015/06/larysa-masenko-ofitsijna-dvomovnist-ne-ob-jednuje-krajynu-a-spryyaje-jiji-rozpadu/> (date of access 26.12.2016).

Memorial'nyi kompleks Pobedy na Poklonnogore v Moskve. URL: <http://www.poklonnayagora.ru/> (date of access 26.12.2016).

Mikheeva O. Ne vse tak prosto z timi ukraïntsiami... *Otechestvennye zapiski*. 2007. N 1 (34).

Miller A. Dualizm identichnostei na Ukraine. *Otechestvennye zapiski*. 2007. N 1 (34).

Miller A.I. "Ukrainskii vopros" v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraia polovina XIX veka). Saint Petersburg, 2000.

Nalivaiko S. Leninopad. *Kraïna*. 2014. 21.10. URL: http://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_leninopad/584056 (date of access 26.12.2016).

Naseleni punkti, shcho pidliagaiut' pereimenuvanniu u 2015 rotsi. URL: <http://infoflight.org.ua/thememap/dekomunizaciya-2015-sela#5.00/49.498/31.140> (date of access 26.12.2016).

Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus': Osnovnye demograficheskie i sotsial'nye kharakteristiki naseleniia Respubliki Belarus' po itogam perepisi naseleniia 2009 goda. URL: <http://web.archive.org/web/20100918015533/http://belstat.gov.by/index.htm> (date of access 26.12.2016).

Osnach S. Iak mova viznachae nashikh geroïv i vitchiznu. *Portal movnoï politiki*. 2015. 02.12. URL: <http://language-policy.info/2015/12/yak-mova-vyznachaje-nashyh-herojiv-i-vitchyznu/> (date of access 26.12.2016).

Ot RF zashchishchaiut potomki "krasnykh" i UPA – Poroshenko. <http://korrespondent.net/ukraine/3680137-ot-rf-zaschyschaut>

potomky-krasnykh-y-upa-poroshenko (date of access 26.12.2016).

Pakhl'ov's'ka O. Ukraïna: shliakh do Evropi... cherez Konstantinopol'. *Stattia 1: Istorichnii dualizm ukraïns'koï kul'turi: Vizantiia chi Evropa? Suchasnist'*. 1994. N 1.

Pavlenko A. Language rights versus speakers' rights: on the Applicability of Western Language Rights Approaches in Eastern European Contexts. *Language Policy*. 2011. N 10. P. 37–58.

Plenarni zasidannia. 4.02.2016. URL: http://portal.rada.gov.ua/news/Plenarni_zasidannya/124779.html (date of access 26.12.2016).

Poroshenko: Bol'shinstvo voiuushchikh za Ukrainu na Donbasse – russkoiazychnye. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3497931-Poroshenko-bolshynstvo-voiuishchikh-za-ukraynu-na-donbasse-russkoiazychnye> (date of access 26.12.2016).

Poroshenko: Dekommunizatsiia dolzhna byt' zavershena. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3682845-poroshenko-dekommunizatsiia-dolzha-byt-zavershena> (date of access 26.12.2016).

Poroshenko: na russkom iazyke Ukrainu liubiat ne men'she, chem na ukrainskom. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/08/23/7035607/> (date of access 26.12.2016).

Portnov A. MemoryWars in Post-Soviet Ukraine (1991–2010). *Memory and Theory in Eastern Europe*. Eds. U. Blacker, A. Et-kind, J. Fedor. New York; Basingstoke; Palgrave: Macmillan, 2013.

Postanova Verkhovnoï Radi Ukraïni N 1375-19 "Pro pereimenuvannia mista Dnipropetrovs'k Dnipropetrovs'koï oblasti", 19.05.2016. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1375-19> (date of access 26.12.2016).

Proekt Postanovi pro pereimenuvannia okremikh naselenikh punktiv ta raioniv. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57991 (date of access 26.12.2016).

Proekt Postanovi pro zberezhenia naimenuvannia mista Dnipropetrovs'k Dnipropetrovs'koï oblasti (shchodo zmîni etimologïi naimenuvannia mista – viznachennia naimenuvannia mista Dnipropetrovs'ka za nazvoiu riki Dniprota na chest' Sviatogo Apostola Petra). URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=58036 (date of access 26.12.2016).

Pipash V. Na viïzdi z Zakarpattia z'iavilisia bilbordi, shcho apeliuiut' do istorichnoï pam'ïati susidiv Ukraïni. *Zakarpattia online*. 2015. 22.07. URL: <http://zakarpattia.net.ua/News/142858-Na-vyizdi-z-Zakarpattia-ziavylysia-bilbordi-shcho-apeliuiut-do-istorychnoi-pamiati-susidiv-Ukraïny> (date of access 26.12.2016).

Riabchuk M. Cultural Fault Lines and Political Divisions: The Legacy of History in Contemporary Ukraine. *Contemporary Ukraine on the cultural map of Europe* / Eds. L. M. L. Onyshkevych Zaleska, M. G. Rewakowicz. New York: Armonk, 2009.

Riabchuk M. *Dvi Ukraïni: Real'ni mezhi, virtual'ni viïni*. Kiïv, 2003.

Riabchuk M. *Vid Malorosïi do Ukraïni: paradoksi zapiznilogo natsietvorennia*. Kiïv, 2000.

Rishennia Konstytusïmogo Sudu Ukraïni N 6-rp/2011, 16.06.2011. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v006p710-11> (date of access 26.12.2016).

Seim Pol'shchi viznav Volins'ku tragedïiu genotsidom poliakiu. 22.07.2016. URL: <http://language-policy.info/2016/06/den-slov-yanskoji-pysemnosti-i-kultury-dekomunizatsiya-bude-nepovna-bez-derusyfikatsiji/> (date of access 26.12.2016).

Shevchuk Iu., Palazhii G. Movna shizofreniia – nova, potuzhna forma rusyfikatsïi. *Portal movnoï politiki*. 2015. 19.09. URL: <http://language-policy.info/2015/09/yuriy-shevchuk-movna-shizofreniya-nova-potuzhna-forma-rusyfikatsiji/#more-1780> (date of access 26.12.2016).

Shevchuk Iu., Vlasiuk G. Dvomovnist' iak khvoroba. Profesor Kolumbiïskogo universitetu nazivae Ukraïns'ku mo-

vnu situatsïiu "movnoiu shizofrenieiu". *Portal movnoï politiki*. 2015. 05.07. URL: <http://language-policy.info/2015/07/dvomovnist-yak-hvoroba-profesor-kolumbijskoho-universytetu-nazyvaje-ukrajinsku-movnu-sytuatsïyu-movnoyu-shizofrenijeyu/> (date of access 26.12.2016).

Shevel' O. Shchob vidpovidati evropeïskim standartam, zakoni "pro dekomunizatsïiu" potrebuiut' zmin. *Vox Ukraine*. 2015. 07.05. URL: <http://voxukraine.org/2015/05/07/decommunization-laws-ukr/> (date of access 26.12.2016).

Shumlianskiy S. Conflicting Abstractions: Language Groups in Language Politics in Ukraine. *International Journal of the Sociology of Language*. 2010. N 201.

Spisok osib, iaki pidpadaiut' pid zakon pro dekomunizatsïiu. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsïyu> (date of access 26.12.2016).

Ukaz Prezidenta Ukraïni №806/2014 "Pro Den'zakhisnika Ukraïni". URL: <http://www.president.gov.ua/documents/18252.html> (date of access 26.12.2016).

Ukraine Lawbanning Communist and Nazi Propaganda has a Legitimate Aim, but Does not Comply with European Standards, Say Constitutional Law Experts of the Venice Commission and OSCE/ODIHR. Press Release – DC190(2015). URL: <https://www.google.hu/#q=gumit+rvény> (date of access 26.12.2016).

Vistup Prezidenta na paradi na chest' 23-ï richnitsi Nezalezhnosti Ukraïni. Pres-sluzhba Prezidenta Ukraïni, 24.VIII.2014. URL: <http://www.president.gov.ua/news/31066.html> (date of access 26.12.2016).

Vistup Prezidenta na tseremonïi vshanuvannia pam'ïati zhertv Golodomoriv v Ukraïni. 28.IX.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vshanuvannya-pamyati-zhertv-36377> (date of access 26.12.2016).

Vilkul'proponue pereimenuvati Dnipropetrovs'k u Dnipropetrovs'k. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2016/02/4/7097863/> (date of access 26.12.2016).

Zakon Ukraïni N 1684-III/2000 "Pro uvichnennia Peremogi u Velikii Vitchiznianii viïni 1941–1945 rokiu". URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (date of access 26.12.2016).

Zakon Ukraïni N 314-VIII/2015 "Pro pravovii status ta vshanuvannia pam'iaty bortsiv za nezalezhnist' Ukraïni u XX stolitti". URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-viii> (date of access 26.12.2016).

Zakon Ukraïni N 315-VIII/2015 "Pro uvichnennia peremogi nad natsizmom u Drugii svitovii viïni 1939–1945 rokiu". URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/315-viii> (date of access 26.12.2016).

Zakon Ukraïni N 316-VIII/2015 "Pro dostup do arkhiviv represivnikh organiv komunistichnogo totalitarnogo rezhimu 1917–1991 rokiu". URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/316-viii> (date of access 26.12.2016).

Zakon Ukraïni N 317-VIII/2015 "Pro zasudzhennia komunistichnogo ta natsional-sotsialistichnogo (natsists'kogo) totalitarnikh rezhimiv v Ukraïni ta zaboronu propagandi ikhn'oi simvoliki". URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/317-viii> (date of access 26.12.2016).

Zakon Ukraïni N 3298-VI/2011 "Pro vnesennia zmin do Zakonu Ukraïni "Pro uvichnennia Peremogi u Velikii Vitchiznianii viïni 1941–1945 rokiu". URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3298-17> (date of access 26.12.2016).

Zhurzhenko T. "Chuzha viina" chi "spil'na Peremoga"? Natsionalizatsiia pam'iaty pro Drugu svitovu viïnu na ukraïnososiis'komu prikordonnii. *Ukraïna Moderna*. 2011. N 18. P. 100–101.

Zhurzhenko T. Mif o dvukh Ukrainakh. *Perestrestki*. 2005. N 3–4.

Identichnist' gromadian Ukraïni v novikh umovakh: stan, tendentsii, regional'ni osoblivosti. URL: <http://www.uceps.org/upload/Identi-2016.pdf> (date of access 26.12.2016).

А. А. Селин

ОБРАЗ РЮРИКА В СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ*

Ключевые слова: Рюрик, Древнерусское государство, Северо-Запад России, ресентимент, архаизация историографии.

В статье делается попытка объяснить внимание современных властей российского Северо-Запада к фигуре Рюрика — легендарного основателя государства и связанной с этой фигурой коммеморативной практикой. Выдвигается гипотеза о связи этого внимания с архаизацией исторического знания в некоторых экспертных группах, ответственных за распространение исторического нарратива во властных кругах.

Споры о том, куда именно был призван Рюрик, один ли он был или «пришел с братьями» Синеусом и Трувором — вар.: «своими дружиной и родом», время от времени возрождаются даже в академиче-

ском сообществе (во всяком случае, в его публичной, так сказать, «пленарной» части). Варианты чтений Варяжской легенды в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописях, потребительское использование летописных данных многими историками и прежде всего археологами, не критическое отношение части академического сообщества к спекулятивным «татищевским известиям», плохое знание археологами (преимущественно в моем родном Санкт-Петербурге) специфики летописей как исторического источника — все эти факторы провоцируют вполне серьезные, без улыбки, споры, к примеру, о том, в Ладугу (Старую Ладугу)

© Селин А. А., 2016

Селин Адриан Александрович — доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург); aselin@hse.ru

* Данная статья является переработанной версией доклада, прочитанного на международной конференции «Прошлое — чужая страна. Публичная история в России», состоявшейся 3–4 июня 2016 г. в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Доклад и статья подготовлены в рамках проекта ПФИ НИУ ВШЭ «Трансформация режимов управления разномоделью: война, реформы, революции в Российской империи».

или в Новгород «пришел» Рюрик в 862 г. Некоторые археологи между тем пытаются определять конкретный пункт, куда был призван Рюрик, путем определения статуса того или иного археологического памятника (староладожское Земляное Городище, Рюриково Городище под Новгородом) (Янин, Носов 2011). Дьявол кроется, однако, в деталях: археологические источники ничего не говорят нам об именах; таким образом, такого рода аргументы не могут быть признаны научными. Хочется верить, что спекуляции в этой сфере в трудах ведущих историков и археологов не связаны с частным, административным интересом.

Легендарные утверждения, крайне часто воспроизводимые в академических трудах, становятся, однако, основаниями для разветвленных позднейших спекуляций. Споры, к примеру, о Рюрике (и шире – Варяжской проблеме) в последние годы оказали самое существенное влияние на публичные дискурсы региональных элит / медийных персон Северо-Запада. «Споры о том, где находилась первая столица Руси, будут продолжаться долго. Но факт остается фактом, и это признают все историки: Рюрик прибыл в Старую Ладугу и именно там был принят на княжение. Неоспоримо, что его правление началось именно на староладожской земле», – подчеркнул Александр Дрозденко (В Старой Ладогe 2012). Позднее появилось развитие этой идеи (Александр Дрозденко).

Я исхожу из того, что юбилеи являются тем языком, на котором

власти так или иначе готовы разговаривать с обществом и, уже, с историческим экспертным сообществом. Степень корректности, политичности и честности такого диалога зависит от обеих сторон (и, разумеется, в большей степени от экспертов). В общественном мнении современного постмодерного (например) общества археология играет роль поставщика сенсаций (безотносительно их археологической направленности). Если исследователь следует такому медиа-ориентированному направлению представления своих результатов/спекуляций, он в той или иной степени разрушает наиболее серьезную профессиональную задачу. Массовое появление «историко-графического мусора» – это только один из важных результатов этой тенденции. Человеку, не владеющему специальными знаниями/компетенциями в предметной области, достаточно сложно через такой «мусор» прорваться, в особенности в тех случаях, когда таковой мусор легитимируется научным аппаратом и академическими регалиями создателя.

Куда пришел Рюрик в 862 г.? Такая постановка вопроса не может быть признана исследовательской. В то же время современное российское общество ожидает, что на этот вопрос историки ему ответят. Разумеется, о Рюрике можно говорить лишь как о символической фигуре (равно как символична и дата 862 г., как правило транслирующаяся как дата основания «Российской государственности»). Создателю текста Начальной летописи было значительно проще: он не мог описывать

события прошлого (двухсотлетней и даже более давности) какими-то другими словами, не создавая текст Варяжской легенды.

Возможно, «места памяти», связанные с героями наиболее древних летописных текстов, будут снова и снова создаваться в современной России. А вот выбор именно Рюрика в качестве такого героя в публичной сфере последних двух десятилетий представляет серьезный интерес. Рюрик в современной России является своеобразной символической фигурой с определенным шлейфом мифологических текстов. При этом в позднесоветской традиции для Рюрика места не находилось, как в научной интерпретации Повести временных лет, так и в школьном нарративе. Тридцать лет назад «Советская историческая энциклопедия», а вслед за ней и школьные тексты сообщали, что Рюрик — «легендарный основатель династии» (а Олег — «первый исторически достоверный русский князь»). Полагаю, что отказ Рюрику в подлинности в позднесоветские времена должен рассматриваться в связи с его варяжским (германским) происхождением. Однако же в современном официальном историческом нарративе Рюрик — достоверная историческая фигура, происхождение которой, однако, как правило, не обозначается, а когда обозначается, то его «скандинавскость» в той или иной степени либо подвергается сомнению, либо оспаривается. Так, существуют тексты (созданные академическими учеными для трансляции региональным элитам), что Рюрик был «наполовину славянин, наполовину

скандинав»; вполне академический журнал «Вопросы истории» публикует статью некоего Анохина о том, что Рюрик — «солевар из Руссы» и т. д. (Анохин 2000).

Еще в 2006 г. городская администрация Великого Новгорода предполагала принять в подарок памятник Рюрику. Протесты местной общественности, отвергшей идею установки такого памятника, остановили попытку появления нового Рюрика в Новгороде. В то же время Рюрик в качестве *genius loci* зафиксировался и латентно продолжал существовать в представлении местной бюрократии о прошлом управляемого ими города. В 2012 г., накануне празднования «1150-летнего юбилея Российской государственности» был отчеканен памятный значок с изображением Рюрика (воспроизведенного по памятнику Тысячелетию России). Один из сценариев празднования этого юбилея в Новгороде предполагал, что в кульминационный момент Рюрик должен был спуститься с парашютом в центральную часть Новгородского Кремля (а изображать его должен был, по мысли создателей сценария, депутат ГД ФС РФ Николай Валуев).

В постсоветских театрализованных праздниках на территории Северо-Запада России есть и другие *genius loci*. Так, на празднике в пос. Любытино Новгородской области (2006 и 2016 гг., соответственно, 1060-летие и 1070-летие поселка) присутствовали княгиня Ольга (с прибытием которой связывают — благодаря деятельности представителей академической

Рис. 1

науки, организовавших юбилей — «основание» поселка), а также последний премьер-министр царской России Горемыкин (владевший здесь усадьбой) (рис. 1). Если Ольга играет роль, очень близкую Рюрику (основательницы), то Горемыкин выступает в качестве «добротного гения» с некоторыми специфическими признаками (пожилой сластолюбец и повеса). В Старой Руссе (где Рюрик, почему-то с боярами, также присутствует на местных праздниках — рис. 2) близкая роль принадлежит также Вере Комиссаржевской и Федору Достоевскому, который, по сценарию, «воспел Старую Руссу» (мы знаем, под каким именем — рис. 3).

В официальном, даже официозном дискурсе северо-западных областей России Рюрик занял свое место

благодаря активности археологов — представителей академического сообщества.

Около 30 лет назад определенный ажиотаж возник в связи с одним из археологических памятников в Батецком районе Новгородской области, в верхнем течении Луги. Взаимодействие между небольшой археологической экспедицией и начетничеством двух местных инициативных предпринимателей привели к попытке акцентировать внимание общественности к насыпи (действительно неординарной, грандиозной) X века (рис. 4). В связи с этим в 2000 г. эти предприниматели обратились на программу Первого канала «Искатель», которая провела «исследование» в поисках могилы Рюрика. Надо сказать, что в фольклорных текстах,

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

записанных начиная примерно с 1870-х гг. на Северо-Западе начинает присутствовать Рюрик. У меня нет сомнения в том, что он появился здесь в связи с установкой памятника в Новгороде и освещением этого памятника в тогдашней прессе. Предприниматели Батецкого района, разумеется, незнакомые с массивом этих текстов и не имеющие опыта работы с источниками этого жанра, смогли привлечь внимание к зафиксированному в 1878 г. тексту, связанному именно с данным археологическим памятником (*Быстров* 1880). Однако дальше дело не пошло. Надо сказать, что взаимодействие археологического академического сообщества с предпринимателями дошло до того, что их «привели» в Academia и убедили в том, что они способны писать

научные тексты. Однако большого количества «академического мусора» они произвести не успели.

Впрочем, в 2012 г. уже новгородские археологи смогли привлечь средства Совета министров Северных стран для создания «живого музея» в Батецком районе; однако, как я понимаю, проект активно не заработал. Вместе с тем, некоторый резонанс, связанный ли с программой «Искатель», либо в целом с некоторой символической возбужденностью современного общества, привел к тому, что в конце 2015 г. разгорелся скандал после того, как петербургское общество «Царский дом Рюрика» установило на сопке деревянный крест (рис. 5).

Наиболее важное «место памяти» в области — Старая Ладога. Миф

Нижерх

Тема недели: Собственное банкротство обойдется гражданам-должникам в «круглую» сумму

НОВОСТИ

Комитет охраны культурного наследия потребовал демонтировать деревянный крест, установленный на Шумгоре в Батецком районе

Новости > 10 Октября 2015 - 9:45 > Просмотров: 248 Комментариев: 0

Органы по охране культурного наследия потребовали снести трехметровый деревянный крест, незаконно установленный якобы на могиле князя Рюрика под Великим Новгородом. По этому факту уже возбуждено дело об административном правонарушении. Этот деревянный крест, установленный на сопке X века, называемой Шумгора, возможно, глубоко забетонирован, чем нанесен ущерб памятнику федерального значения. На снос конструкции отведено два месяца.

Как пишет издание, Planet Today, в сентябре группа граждан из Санкт-Петербурга, называющая себя «Царский дом Рюрика», установила «крест в память о родоначальнике Царского Рода Рюриковичей - князе Рюрике, бывшим по ряду свидетельств христианином». Инициаторы акции считают, что именно здесь скрыта могила варяга Рюрика, ставшего основателем Российского государства.

По данным археологов, Шум-гора под названием «Накыль номер пять» входит в группу сопки

03.06.2016 11

Добавить

РУБРИКИ

- Авто
- Город
- Культура
- Мелиши
- Общест
- Полити
- Пронци
- Событи
- Спорт
- Эконом

Подел

КАЛЕНДА

Рис. 5

о Рюрике в Ладогe присутствует, что немаловажно, одновременно и в публичной сфере, и в академических трудах. В 1970-х и 1980-х гг. это было мейнстримом для ленинградского археологического фольклора. Затем, в 1997 г., связанный с Рюриком и Варяжской легендой «староладожский миф» был застолблен в статье Г.С. Лебедева и позднее воспроизводился в работах Анатолия Кирпичникова (2002) и Дмитрия Мачинского (2003). Так в поздней и постсоветской историографии родилась идея возрождения Рюрика — «основателя Руси», которая «пошла из Ладоги». С привлечением внимания власти к данной сфере в 2002–2003 гг. и официальным празднованием «1250-летия Старой Ладоги — древней столицы Руси» летом 2003 г. стали возникать

и новые объекты, пропагандирующие «древность» Ладоги в контексте «возникновения Руси» (рис. 6).

Надо сказать, что академическая и публичная активность этих авторов имела следствием не только создание такого «места памяти» в Старой Ладогe и переход ангажированных текстов академических авторов, через экскурсионное обслуживание, в публичную историю, в местный школьный нарратив. В 2004 г. новый памятный камень был воздвигнут в Приозерске, с характерной надписью: «В 879 г. умер Рюрик в Кореле» (рис. 7). Этот забавный текст (как мы понимаем, Повесть временных лет ничего не говорит и не может говорить о Кореле) возник благодаря осуществленной Дмитрием Мачинским публикации небольшой летопис-

Рис. 6

Рис. 7

ной компиляции XVIII в. с таким мотивом, достаточно типичным для московской историографической культуры конца XVII – начала XVIII в. (Мачинский 2003а)

Следует заметить, что популярность Рюрика и викингов в целом, характерная для Северо-Запада России, привела примерно 12–15 лет назад к сближению реконструкторских движений России и скандинавских стран. Интернационализация исторической реконструкции вела к обширным контактам, в частности, и между теми участниками этих движений, кто избрал своим объектом эпоху викингов. Примерно с 2005 г. власти Северо-Запада восприняли это движение всерьез и стали использовать в различных театрализованных мероприятиях не образы Александра Невского,

Рис. 8

оставшиеся от позднесоветского времени, но именно «Начало Руси», настаивая, впрочем, в случае Ленинградской области, на том, что реконструируются не «викинги», но «древняя Русь». Наиболее интернационально активен в 2001–2006 гг. был шведский клуб, связанный с деревней викингов Стурхольмен, в исторической области Рослаген в пригороде Стокгольма Нортелье, где чуть ранее был поставлен памятник «Рюрику, Олегу и Игорю» (рис. 8).

Образ Рюрика в публичной сфере действительно представляет особый интерес. Изображение Рюрика в Радзивилловской летописи (рис. 9), первое из сохранившихся, никакого резонанса не имело, так как стало известным сравнительно

поздно, когда уже существовал другой Рюрик — из царского Титулярника — лицевой рукописи, созданной в 1672 г. в Посольском приказе (Портреты... 1901). Этот Рюрик хорошо вооружен, у него нет бороды, но есть усы (рис. 10). Польское происхождение такого Рюрика несомненно. Веком позже, в 1760-х, Рюрик (практически тот же самый) был воспроизведен на отчеканенной в Санкт-Петербурге медали (в паре с Олегом) (рис. 11; Пчелов 2010). Этот Рюрик, плоскостной, в 2011 г. попал на золотую монету, выпущенную Банком России (рис. 12).

В 1862 г. Рюрик, уже с бородой, появляется на микешинском памятнике Тысячелетию России в Новгородском кремле («группа Рюрика» создавалась не Микешиным, а другим скульптором, Михайловым)

Рис. 9

Рис. 10

(рис. 13). После многочисленных Рюриков (и Олегов и проч.), плоскостных (возводимых к изображениям Титулярника), Рюрик микешинского памятника создал определенный канон: в разнообразных научно-популярных (да и в научных) изданиях

XIX–XXI вв. именно этот образ многократно воспроизводился.

С 2007 г. идея соорудить новый памятник Олегу и Рюрику неоднократно инициировалась Анатолием Кирпичниковым, руководителем Староладожской археологической экспедиции. Экспедиция работает в Старой Ладогe с 1972 г., ее глава — человек хорошо известный властям самого разного уровня (можно сказать даже, что нескольким поколениям властей). В конце концов один из губернаторов Ленинградской области согласился поставить новый памятник «древним и истинным создателям Российской государственности».

В октябре 2012 г. Правительство Ленинградской области объявило конкурс на создание памятника Рюрику и Олегу. В феврале 2012 г. выставка, на которой было представлено 38 проектов такого памятника, открылась для публики (выставочный зал «Смольный») (рис. 14 и 15). Идеи памятника были самыми разными, но победил проект скульптора Оле-

Рис. 11

Рис. 12

га Шорова (Золотоносов 2013). Рюрик, согласно Шорову, вновь стоит в паре с Олегом, причем Олег – воин (с мечом и щитом), но Рюрик – гражданский. Разумеется, сложно говорить о том, станет ли новый образ «гражданского» Рюрика столь же каноническим. Сравнить его (нового Рюрика) стоит не только с Рюриками уже известными (1672 и 1862 гг.), но и с другими Рюриками, представленными на выставке в 2013 г. Сложно сказать, что именно повлияло на победу проекта Олега Шорова. Еще во время выставки Анатолий Кирпичников попытался как-то скорректировать гражданский облик князя («Это князь или сельский староста?» – спросил он (Глезеров 2013)). Осенью 2013 г. в Старой Ладоге был воздвигнут камень, извещающий о будущем памятнике, а в 2015 г. появились и фигуры.

Появление парного Рюрику князя Олега в Старой Ладоге несомненно связано с существованием здесь еще одного «места памяти» – так называемой «Олеговой могилы» (рис. 16). Это современное название одного из больших курганов в северной части поселка (датируется примерно концом IX–X в.). Археологи, работавшие в Ладогe в 1970-е гг., называли его между собой «Олеговой моги-

Рис. 13

лой» (помещая видимые древности в контекст исторического предания из Новгородской Первой летописи) (Панченко и др. 1999). Полагаю, что связь между «Олеговой могилой» и новым Олегом в центре Старой Ладоги очевидна. Олег-воин (присоединивший юг – среднее течение Днепра с Киевом, согласно ПВЛ, в 882 г.) сопоставлен с Рюриком – гражданским, миролюбивым основателем (избранным на первых русских выборах, как говорят современные

Рис. 14

Рис. 15

медиа), в руках у Рюрика — рукопись. Страшно подумать, на каком языке и какими буквами эта рукопись создана. Вместе они символизируют нечто вроде созидательной агрессии.

Выбор места для нового «места памяти» имеет особую историю. Памятник поставлен на так называемой Варяжской улице (рис. 17), что, вместе с идеей двух основателей, добавляет дополнительное символическое

Рис. 16

Рис. 17

№4 2016

Рис. 18

напряжение монументу. В местном нарративе, созданном в музейном сообществе и поддерживаемом им, эта улица часто именуется «улицей X века», а то и «древнейшей улицей на Руси». Разумеется, два сохранившихся здания конца XIX в. и воспоминания об археологических раскопках неподалеку от них (действительно выявивших застройку эпохи викингов) не делают эту часть Старой Ладogi «наиболее древней». Открывающийся от вновь сооруженного памятника вид на только что выстроенную башню крепости — реконструкцию сооружения XVII в. — вместе с самими фигурами Рюрика и Олега формируют постмодерновый облик Старой Ладogi (рис. 18).

Кстати, сооружение монумента прошло не без некоторой борьбы и определенного общественного со-

противления. После предварительного решения губернатора построить будущий 5-метровый памятник на «сакральной» Варяжской улице был запущен процесс подписания петиции (на платформе «Демократор») (рис. 19). Ее подписало порядка 450 человек (Об установке памятника), и губернатор был несколько смущен, так как не вполне понял ситуацию: и инициаторы создания памятника, и те, кто инициировал сопротивление идее его сооружения, — «ученые», академическое сообщество, разумеется, для власти представляющееся гомогенным. Дрозденко пообещал принять окончательное решение о месте монумента «после широких консультаций с общественностью, архитекторами и художниками», но, в конце концов, 8 мая 2013 г. решение было принято без всяких консультаций (рис. 20), и 12 сентября 2015 г. памятник был открыт

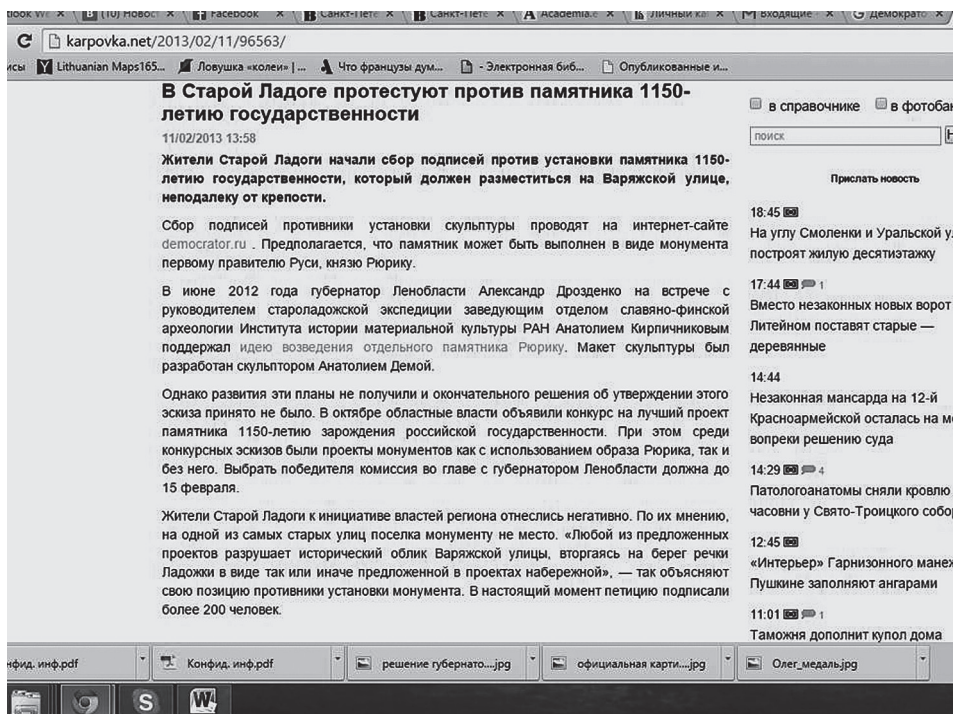

Рис. 19

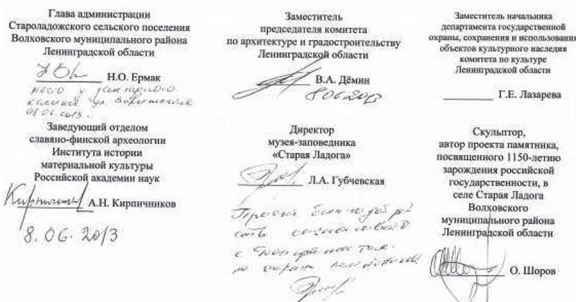
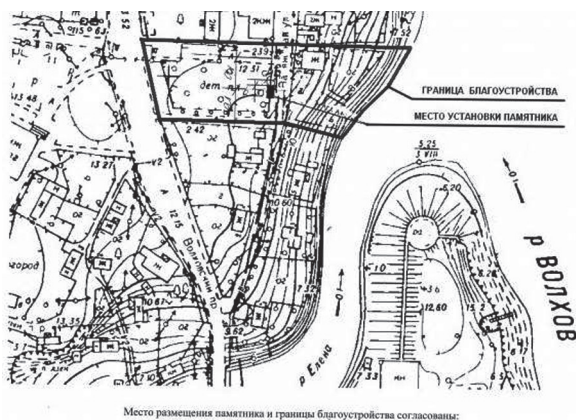

Рис. 20

Рис. 21

в присутствии министра культуры Российской Федерации (рис. 21–24). Следующий день был днем губернаторских выборов. За пределами Ленинградской области это событие практически не освещалось; мне удалось найти только текст на националистическом сайте «Zarusskiy.Org», где событие интерпретировалось как новый шаг в «возвращении Малороссии домой в Россию» (рис. 25) (В Старой Ладоге на Варяжской).

Выводы

Выбор Рюрика в качестве нового символического основателя Российской государственности несколько странен, но легко объясним. Он объясним прежде всего в целом архаизирующим трендом в массовом

популярном историческом жанре. Советские «монстры истории» — академики Греков, Тихомиров, Рыбаков — справедливо именовали Рюрика мифологическим персонажем. Что интересно, вполне себе идеологически ангажированный А.Н. Сахаров воспроизводил тезис о легендарности Рюрика, именуя при этом реальными Кия и Бравлина (Сахаров 1986). Новые же создатели образа Рюрика основывают свои спекуляции на авторитете Карамзина или чаще — на непосредственном «обращении к летописям», «подлинности текстов летописей» (разумеется, буквально, потребительски толкуя тексты летописных памятников). Парадоксально такое создание мифов происходит на фоне ярко развивающегося научного изучения Древней Руси (работы Игоря Данилевского (2001 и др.), Алексея

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

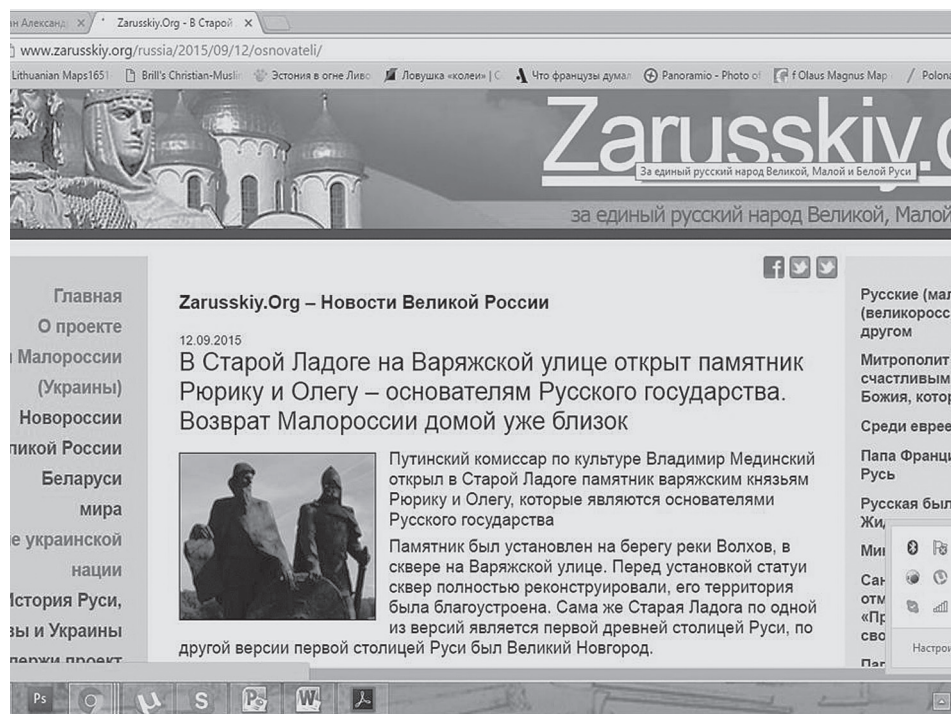

Рис. 23

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Толочко, (2005, 2015), Петра Стефановича (2013) и других). Использование такой архаизирующей историографии несомненно связано со взятой некоторыми представителями Academia линией на успех трансляции идеи автократии (и автохтонности) среди представителей власти (идеи, сформулированной в 1830–1840 гг.) в совокупности с определенным безразличием к публике, так сказать, профанной, «непосвященной», т. е. собственно на то самое «создание сенсаций», о котором говорилось ранее.

Думаю, что имя Рюрика в последние полтора десятилетия создало новую точку, где сошлись интересы властей и некоторых высокопоставленных менеджеров современной academia. Постсоветский ресентимент представителей современной российской власти открыт к тому, чтобы воспринять простые и понятные идеи «возникновения Российской государственности» без детальных историографических экскурсов и ненужных коннотаций. Образ Рюрика неслучаен: его несложно распознать (спасибо позднесоветским фильмам – и тут опять ресентимент), Варяжская легенда проста и ясна; некоторая неловкость в связи с происхождением варягов позволяет в то же время популяризировать эту идею в широких кругах.

Важно подчеркнуть, что весь этот дискурс, связанный с Рюриком, актуален только для Северо-Запада Российской Федерации (сейчас не останавливаюсь на кейсе Калининградской области, где в 2006 г. была особая история с Рюриком

в публичной сфере); может быть, отчасти проблематика, связанная с Рюриком, понятна в Москве. Нет никаких (или почти никаких) дискуссий о Рюрике, ни в academia, ни в медиа на Урале и в Сибири: здесь видится еще одна ошибка тех, кто готовил обоснование празднования юбилея Российской государственности в 2012 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александр Дрозденко б/д. – Александр Дрозденко выстрелил из пушки в честь Староладожской крепости // http://47channel.ru/video_clip/96019/ (дата обращения: 03.06.2016).

Анохин 2000 – Анохин Г. Новая гипотеза о происхождении государственности на Руси // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 51–61.

Быстров 1880 – Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии // Известия Русского археологического общества. 1880. Т. 9. Вып. 4. С. 381–410.

В Старой Ладогe 2012 – В Старой Ладогe будет установлен памятник Рюрику – Ленобласть. 25 июня 2012 г. // ИА REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/1545127.html> (дата обращения: 03.06.2016).

В Старой Ладогe на Варяжской б/д. – В Старой Ладогe на Варяжской улице открыт памятник Рюрику и Олегу – основателям Русского государства. Возврат Малороссии домой уже близок // <http://www.zarusskiy.org/russia/2015/09/12/osnovateli/> (дата обращения: 03.06.2016).

Глезеров 2013 – Глезеров С. Зачем Рюрику посох // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. N 55, 26 марта.

Данилевский 2001 – Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001.

Золотоносов 2013 – Золотоносов М. «Предлагаю создать памятник Рюрика в обнимку с одним подполковником КГБ, тоже легендарным» // Город 812 Online. URL: <http://www.online812.ru/2013/02/22/011/> (дата обращения: 03.06.2016).

Кирпичников 2002 – Кирпичников А.Н. 1250-летие Старой Ладogi // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 39–47.

Козляков 2007 – Козляков В.Н. Развитие земской идеи в нижегородском ополчении // Мининские чтения – 2006. Н. Новгород, 2007. С. 163–183.

Лебедев 1997 – Лебедев Г.С. Веданта Волхова: парадигма гуманитарного знания и технология ее реализации в перспективе развития музея-заповедника в Старой Ладoge // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 28–36.

Мачинский 1995 – Мачинский Д.А. Первоначальные Aldeigja/Ладoga и Gardar/Русь // Ладoga и Северная Русь: Чтения, посвященные Анне Мачинской. СПб., 1995. С. 61–65.

Мачинский 2003 – Мачинский Д.А. 1250-летие зарождения русской государственности и 300-летие возникновения Российской империи // Ладoga – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 5–11.

Мачинский 2003а – Мачинский Д.А. (ред.) Подробнейшая история государей Российских // Ладoga – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 253–300.

Милютенко 1997 – Милютенко Н.И. Средневековая Ладoga – научный миф или историческая реальность (по данным летописей и археологии) // XIII

Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1997. С. 127–130.

Об установке памятника б/д. – Об установке памятника Рюрику и Олегу в Старой Ладoge // <https://democrator.ru/petition/ob-ustanovke-pamyatnika-ryuriku-i-olegu-v-staroj-1/> (дата обращения: 03.06.2016).

Панченко и др. 1999 – Панченко А.А., Петров Н.И., Селин А.А. «Дружина пирует у берега...» На границе научного и мифологического мировоззрения // Русский фольклор. Т. 30. СПб., 1999. С. 82–91.

Портреты 1903 – Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.

Пчелов 2010 – Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010.

Сахаров 1986 – Сахаров А.Н. «Мы от рода Русского...». Л., 1986.

Стефанович 2012 – Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружина: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012.

Толочко 2005 – Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева. М.; Киев, 2005.

Толочко 2015 – Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

Успенский, Литвина 2006 – Успенский Ф.Б., Литвина А.Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Шахматов 1908 – Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Янин, Носов 2011 – Янин В.Л., Носов Е.Н. К 1150-летнему юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; В. Новгород, 2011. С. 9–11.

The image of Rurik in the modern space of the North-West of Russia

Selin Adrian A. — doctor of Historical Sciences, Professor, HSE (St. Petersburg);
aselin@hse.ru

Key words: Rurik, Old Russian State, Russian North-West, resentment, archaization of history.

The article is an attempt to explain the contemporary attention of local stockholders in Russian North-West to the figure of Prince Rurik — the legendary founder of Russian State. The hypothesis is that the attention is linked with the growing archaization of historical knowledge in those groups of experts that are responsible in sharing the historical narrative in public police.

REFERENCES

Aleksandr Drozdenko *vystrelil iz pushki v chest' Staroladozhskoi kreposti*. URL: http://47channel.ru/video_clip/96019/ (date of access: 03.06.2016).

Anokhin G. Novaia gipoteza o proiskhozhdenii gosudarstvennosti na Rusi. *Voprosy istorii*. 2000. N 3. P. 51–61.

Bystrov M. Ostatki stariny bliz Peredol'skogo pogosta Luzhskogo uezda Sankt-Peterburgskoi gubernii. *Izvestiia Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1880. Vol. 9. Iss. 4. P. 381–410.

Danilevskii I.N. *Drevniaia Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)*. Moscow, 2001.

Glezerov S. Zachem Riuriku posokh. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 2013. N 55, 26 March.

Ianin V.L., Nosov E.N. K 1150-letnemu iubileiu rossiiskoi gosudarstvennosti: istochniki i problem. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda*. Vol. 1. Saint Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, 2011. P. 9–11.

Kirpichnikov A.N. 1250-letie Staroi Ladogi. *Kul'tura, obrazovanie, istoriia Leningradskoi oblasti*. Saint Petersburg, 2002. P. 39–47.

Kozliakov V.N. Razvitie zemskoi idei v nizhegorodskom opolchenii. *Mininskie chteniia – 2006*. Nizhnii Novgorod, 2007. P. 163–183.

Lebedev G.S. Vedanta Volkhova: paradigma gumanitarnogo znaniia i tekhnologiia ee realizatsii v perspektive razvitiia muzeia-zapovednika v Staroi Ladoge. *Divinets Staroladozhskii*. Saint Petersburg, 1997. P. 28–36.

Machinskii D.A. (ed.) *Podrobneishaia istoriia gosudarei Rossiiskikh. Ladoga – pervaiia stolitsa Rusi. 1250 let nepreryvnoi zhizni: VII chteniia pamiati Anny Machinskoi*. Saint Petersburg, 2003. P. 253–300.

Machinskii D.A. 1250-letie zarozhdeniia russkoi gosudarstvennosti i 300-letie vznikoveniia Rossiiskoi imperii. *Ladoga – pervaiia stolitsa Rusi. 1250 let nepreryvnoi zhizni: VII chteniia pamiati Anny Machinskoi*. Saint Petersburg, 2003. P. 5–11.

Machinskii D.A. Pervonachal'nye Algeigja/Ladoga i Gardar/Rus'. *Ladoga i Severnaia Rus': Chteniia, posviashchennnye Anne Machinskoi*. Saint Petersburg, 1995. P. 61–65.

Miliutenko N.I. Srednevekovaia Ladoga — nauchnyi mif ili istoricheskaia real'nost' (po dannym letopisei i arkheologii). *XIII Konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finskiandii*. Petrozavodsk, 1997. P. 127–130.

Ob ustanovke pamiatnika Riuriku i Olegu v Staroi Ladoge. URL: <https://democrator.ru/petition/ob-ustanovke-pamyatnikariuriku-i-olegu-v-staroi-1/> (date of access: 03.06.2016).

Panchenko A.A., Petrov N.I., Selin A.A. "Druzhina piruet u brega..." Na granitse nauchnogo i mifologicheskogo mirovozzreniia. *Russkii fol'klor*. Vol. 30. Saint Petersburg, 1999. P. 82–91.

Pchelov E. V. *Riurik*. Moscow, 2010.

Portrety, gerby i pečati Bol'shoi gosudarstvennoi knigi 1672 g. Saint Petersburg, 1903.

Sakharov A. N. "My ot roda Russkogo...". Leningrad, 1986.

Shakhmatov A. A. *Razyskaniia o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh*. Saint Petersburg, 1908.

Stefanovich P. S. *Boiare, otroki, družhina: voenno-politicheskaia elita Rusi v X–XI vv.* Moscow, 2012.

Tolochko A. P. "Istoriia Rossiiskaia" *Vasiliia Tatishcheva*. Moscow; Kiev, 2005.

Tolochko A. P. *Očerki nachal'noi Rusi*. Kiev; Saint Petersburg, 2015.

Uspenskii F. B., Litvina A. F. Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. *Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*. Moscow, 2006.

V Staroi Ladoge budet ustanovlen pamiatnik Riuriku – Lenoblast'. 25 iunია 2012 g. *IA REGNUM*. URL: <http://www.regnum.ru/news/1545127.html> (date of access: 03.06.2016).

V Staroi Ladoge na Variazhskoi ulitse otkryt pamiatnik Riuriku i Olegu – osnovateliu Russkogo gosudarstva. *Vozvrat Malorossii domoi uzhe blizok*. URL: <http://www.zarusskiy.org/russia/2015/09/12/osnovateli/> (date of access: 03.06.2016).

Zolotonosov M. "Predlagaiu sozdat" pamiatnik Riurika v obnimku s odnim podpolkovnikom KGB, tozhe legendarnym' Gorod 812 Online. *Gorod 812 Online*. URL: <http://www.online812.ru/2013/02/22/011/> (date of access: 03.06.2016).

В. А. Шнирельман

«ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ»: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И ТАТАРСТАНСКИЕ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ*

Идеологический плюрализм, характерный для 1990-х гг., в начале 2000-х стал вызывать у власти беспокойство. В эти годы делались попытки избавиться от него с помощью, во-первых, введения федерального образовательного стандарта, во-вторых, недопущения к образовательной сфере учебников, написанных с либеральных позиций, в-третьих, реализации программы «патриотического воспитания» молодого поколения. Эти намерения стали еще более определенными после того, как в 2009 г. партия власти «Единая Россия» объявила своей идеологической

платформой «русский консерватизм» и в связи с этим обратила внимание на состояние школьного исторического образования. Одновременно продолжилось сближение государства с РПЦ, от которой оно ожидало весомой поддержки в деле патриотического воспитания. Вдобавок к этому в годы третьей каденции Путина государство озаботилось формированием единой российской идентичности, которую за отсутствием действенных демократических политических институтов предполагалось выстраивать на единой культурно-исторической основе.

© Шнирельман В. А., 2016

Шнирельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва); shnirv@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода» (грант Российского научного фонда № 14-18-03090).

Для наведения порядка в этом непростом вопросе Путин дал указание подготовить единый федеральный учебник по истории страны, который бы вырабатывал «позитивную идентичность» (*Путин* 2013). При этом «русской нации» дается «цивилизационная трактовка», делающая акцент не на политических институтах, а всё на той

же культурно-исторической основе и «единстве исторической судьбы». При этом делалась ссылка на некий неизблемый «культурно-исторический код» (Путин 2014). В этом контексте единый федеральный учебник истории должен быть государственным, подчеркивающим территориальное и историко-культурное единство России, ее славное прошлое и общие ценности.

С этой точки зрения полезно проанализировать, как история воспринимается в национальных республиках, готовы ли там воспринять такую единую версию истории или там имеются свои версии, которые с трудом увязываются с взглядом на историю из федерального центра. Показательным примером может служить версия истории татарского народа, которая преподавалась в Татарстане и в некоторых существенных моментах отличалась от представленной в федеральных учебниках. В данной статье сопоставляются трактовки истории, содержащиеся, с одной стороны, в федеральных учебниках, а с другой – в учебной литературе Татарстана. Акцент делается на соперничестве по следующим направлениям: древность народа, древность его пребывания на современной территории, древность самостоятельной государственности, древность принятия мировой религии, образы славных предков, а также соотношение миролюбия и агрессии. Также рассматриваются попытки найти компромиссные решения для трудных моментов общей истории.

Обсуждение проекта единого школьного учебника, предложенного президентом Путиным, пока-

зало, что в Татарстане имелся иной взгляд на историю, не совпадавший с федеральным. Так, вице-президент Академии наук Татарстана, директор Института истории АН республики Рафаэль Хакимов заявил, что «из Москвы взгляд на отечественную историю всем понятен. А взгляд из Казани с ним не совсем совпадает». И в июле 2013 г. спикеру Госдумы Сергею Нарышкину даже пришлось посетить Казань для обсуждения спорных вопросов (Учебниковые маневры... 2013).

Татары являются одним из крупнейших народов России. Они отличаются высоким уровнем образования, располагают сильной интеллектуальной элитой и хранят память о славном прошлом, когда их предки не только обладали своим собственным независимым государством (Казанское ханство), но и властвовали в огромной империи (Золотая Орда). Между тем, в российской исторической традиции татары веками изображались одними из самых коварных и жестоких недругов Руси. Эта традиция была оживлена в СССР начиная с 1940-х гг., что неизменно вызывало раздражение у татар (подробно см. Алишев 1994; Shnirelman 1996). Поэтому им немаловажно, как их предки представлены в современных федеральных школьных учебниках истории (Пискарев и др. 2005; Измайлов 2005, 2006; Гибатдинов 2006; Хаким 2007: 189). Их, в частности, не устраивал русоцентризм многих федеральных учебников (Khasanova 2004; Хаким 2007: 237).

Сегодня татары претендуют на роль одного из важнейших субъектов

российской истории. По словам Р. Хакимова, «у России <...> два истока, или две “ноги”. С одной стороны, православие и Киевская Русь, с другой — ислам и Золотая Орда». Именно это он и предлагал положить в основу новой концепции истории России (Хакимов 2005: 6, 8). По его мнению, во-первых, следовало начинать историю России с более ранних времен (имеются в виду ранние тюркские государственные объединения), чем это еще недавно было принято в федеральных учебниках, а во-вторых, требовалось скорректировать взгляды на периоды Золотой Орды, татаро-монгольского ига, Куликовскую битву и взятие Казани (Учебниковые маневры... 2013). Одновременно министр образования и науки Республики Татарстан высказывал пожелание, чтобы татары были признаны «государствообразующим народом страны, а ислам и его наследие — неотъемлемой частью культуры России» (Шайхелисламов 2005: 10). В дни празднования тысячелетнего юбилея Казани в конце августа 2005 г. на встрече президентов постсоветских государств тогдашний президент Татарстана М. Шаймиев также сетовал на то, что образ татар в истории России представлен неадекватно.

Татарстан интересен еще и тем, что там конфликт исторических версий проявляется на двух уровнях. Первое — это внешний конфликт, так как местный взгляд на историю не только значительно отличается от федерального курса глубиной хронологии, расстановкой акцентов и оценкой отдельных исторических эпох и событий, но и нередко

вступает с ним в достаточно жаркие споры. А второе — это внутренний конфликт, ибо одновременно в Татарстане продолжается соперничество между «татаристами» и «булгаристами» (Shnirelman 1996; Шнирельман 2002), которое до сих пор находит отражение в учебниках. «Татаристы» мечтают об объединении всех татар вокруг Казани и поэтому делают акцент на славных моментах общетюркской истории, связанных, во-первых, с огромной территорией, заселенной тюрками на разных этапах истории, а во-вторых, с древними имперскими образованиями, созданными когда-то тюрками, — Тюркскими каганатами и Золотой Ордой. А для «булгаристов» много важнее доказательство политических прав казанских татар на территорию Среднего Поволжья вплоть до образования независимого государства, и потому они всеми силами пытаются доказать, во-первых, автохтонность тюрков в этом регионе, а во-вторых, полную преемственность между Волжской Булгарией и Казанским ханством. В то же время они стремятся дистанцироваться от наследия Золотой Орды. Поэтому и «войны учебников» в данном случае следует рассматривать на двух разных уровнях — как, во-первых, напряженный диалог между федеральными и татарстанскими учебниками, а во-вторых, между самими татарстанскими учебниками. Правда, в последние 10–15 лет татаристы и булгаристы постарались найти компромисс, и в местных учебниках различия между ними максимально сглажены.

Обращаясь к образу прошлого, татарский национализм делает акцент

на ранней истории, когда предки этого народа были независимы и играли роль важного политического фактора на просторах Азии и Европы. Поэтому непреходящее значение для него имеет история до середины XVI в., т. е. до падения Казанского ханства. Ключевыми моментами этой истории являются ранние тюркские государства (VI–X вв.), Волжская Булгария (X–XIII вв.), Золотая Орда (XIII–XV вв.) и Казанское ханство (1438–1552). До конца 2007 г., когда «региональный компонент» был исключен из школьной программы, ранняя история Татарстана преподавалась в 6-м классе общеобразовательной школы. Однако учебники по истории татарского народа выходили и позднее. Проанализируем, как наиболее острые моменты истории рассматриваются в федеральных учебниках и в учебниках, выпускавшихся в Татарстане. Речь пойдет об учебниках, изданных главным образом за последние десять лет.

В большинстве федеральных учебников история ранних Тюркских каганатов игнорировалась, а древнейшие тюркские государства были представлены Хазарским каганатом и Волжской Булгарией. В некоторых учебниках давалась краткая характеристика Волжской Булгарии как раннего тюркского государства в Волго-Камье, преемником которого стало Казанское ханство (Кацва, Юрганов 2007: 22, 202; Перевезенцев, Перевезенцева 2009: 10–12; Сахаров 2010: 18; 2013: 19–20; Данилов 2011: 11; Данилов и др. 2011а: 50–51; Данилевский, Андреев 2012: 29–30; Киселев, Попов 2012: 24–25; Пчелов 2012: 20–21). Но при этом иной раз говори-

лось о том, что болгары наряду с хазарами мешали русской торговле, за что и были наказаны князем Святославом (Киселев, Попов 2012: 50).

В Татарстане ранняя история края до падения Казанского ханства в начале преподавалась в 6-м классе (Хузин, Пискарев 2004)¹. Но затем было решено преподавать ее в 5-м классе, и в 2011 г. для этого было издано учебное пособие, подготовленное коллективом авторов исключительно татарского происхождения (История и культура 2011). В нем развивался подход более раннего учебного пособия, но не столь заметные там этноцентристские тенденции получали здесь дальнейшее развитие.

В соответствии с «татаристским» подходом письменная история, история предков и история государственности начинались с древнетюркского периода. И если в федеральных учебниках история открывалась восточными славянами догосударственной эпохи, то татарские учебники подчеркивали, что далекие предки татар, древние тюрки, во-первых, появились на исторической сцене много раньше славян; во-вторых, едва ли не изначально обладали огромной по территории охвату государственностью; в-третьих, до ислама имели свою монотеистическую религию – тенгрианство². И хотя авторы учебного пособия для 5-го класса на первой же странице утверждали,

¹ В 2012 г. вышло второе издание этого учебного пособия.

² Правда, в более раннем учебном пособии для 6-го класса речи о тенгрианстве еще не было. См.: (Хузин, Пискарев 2004: 14–23).

что «история России справедливо воспринимается всеми народами как своя собственная история» (История и культура... 2011: 3), содержание этой книги показывало, что либо татары и их предки имели историю, существенно отличавшуюся от «истории России», либо авторы пособия понимали Россию с пантюркистских позиций, т. е. иначе, чем федеральные учебники.

Учебное пособие для 5-го класса состояло из четырех глав. Две из них были посвящены славным предкам: одна – древним тюркам, другая – Волжской Булгарии, причем каждая из них занимала около четверти всего объема книги. Около половины книги приходилось на «историю тюрко-татарской культуры», где давались материалы о семейных традициях, костюме, питании, фольклоре, музыке, народных играх, обрядах и праздниках, а также роли ислама. При этом речь шла о народной культуре, не только сложившейся в глубокой древности, но и якобы устойчиво присущей татарам как народу и связывающей их с тюркским миром (иными словами, культура эссенциализировалась и проблема ее эволюции и изменений оставалась за скобками). Примечательно, что в данной главе речь шла скорее не о татарах, а о «тюрко-татарах», и термин «тюрки» здесь встречался чаще, чем «татары». Это возвращает нас к историографии 1920-х гг., когда это было принятым приемом, подчеркивавшим неразрывную связь татар с тюркским миром. Кроме того, акцент делался на древности и исконности обычаев, обрядов и традиционных норм, которые идут от далеких предков и должны

сохраняться и служить путеводной нитью их современным потомкам.

Специально отмечалось, что «история татарского народа начиналась в других краях» (История и культура 2011: 31). Предки появлялись из далекой Азии, причем сразу как сильные и великие, обладавшие своей государственностью. Иными словами, школьники получали представление о Золотом веке, связанном со славой и могуществом далеких предков, подчинивших себе огромные пространства от Тихого океана до Черного моря и создавших там свои огромные империи – это отражено на схематических картах.

Исторические данные составляли в учебном пособии лишь половину первого раздела, а другую половину занимало изложение мифов, легенд и верований, т. е. того, что помогало романтизировать предков и апеллировало больше к воображению и эмоциям³. Со ссылками на раннесредневековых авторов тюркские предки рисовались высокоморальными людьми, примером для подражания (История и культура... 2011: 77–78). Здесь использовался прием, к которому когда-то прибегали немецкие историки, рисуя нравственные качества древних германцев со ссылками на римских авторов (Krebs 2011). Кроме того, славные предки-завоеватели, принесшие из далеких краев государственность, оказывались более ценными, чем скромные предки-автохтоны, – это обычно характерно для тех политических проектов,

³ Более раннее учебное пособие ограничивалось историческими сведениями, и мифы там не рассматривались.

которые нацелены на создание национального государства (Шнирельман 2013).

В ходе исторического процесса ранние тюркские империи распались и дробились, а их обитатели расселились в самых разных направлениях. Одним из таких осколков империи и была Волжская Булгария. Ее романтизация в учебном пособии (и это продолжало линию более раннего учебного пособия, см.: Хузин, Пискарев 2004: 24–42)⁴ — это вызов России, так как Волжская Булгария, во-первых, возникает не позднее Киевской Руси, во-вторых, принимает одну из мировых религий (ислам) раньше, чем произошло крещение Руси, в-третьих, ее столица Биляр рисуется крупнейшим городом Европы того времени, в-четвертых, по современной татарской версии, Казань возникла якобы раньше Москвы (авторы датировали это 1005 г.). И в учебном пособии подчеркивалось, что «Волжская Булгария стала одним из крупнейших, могущественных и богатых государств Восточной Европы» (История и культура... 2011: 83), «одним из крупнейших средневековых государств Восточной Европы» (История и культура... 2011: 89), «страной городов» (История и культура... 2011: 90)⁵, «одной из ярких цивилизаций Европы» (История и культура... 2011: 105). А изображение Казани болгарской крепостью, возникшей на рубе-

же X–XI вв. (История и культура... 2011: 93–94)⁶, позволяло подчеркнуть преемственность между современным Татарстаном и Волжской Булгарией.

Примечательно также, что авторы лишь скороговоркой упоминали о военных столкновениях между Волжской Булгарией и Владимиро-Суздальским княжеством, но зато отмечали заключение ими мирных договоров (История и культура... 2011: 98). Иными словами, учащимся предлагался идеализированный образ предков и Волжской Булгарии. При этом, отдавая дань евразийству, авторы всячески подчеркивали связь Волжской Булгарии с исламским миром и в то же время называли ее «одной из ярких цивилизаций Европы». В более раннем учебном пособии авторы также лишь вскользь упоминали о войнах между Волжской Булгарией и сначала — Киевской Русью, а затем — Владимиро-Суздальским княжеством, но больше внимания уделяли заключенным мирным договорам (Хузин, Пискарев 2004: 38, 41–42).

Зато для большинства федеральных учебников взаимоотношения Древней Руси и Владимиро-Суздальского княжества с Волжской Булгарией не представляли никакого интереса и полностью игнорировались (Кацва, Юрганов 2007: 96–98; Андреев, Данилевский, Кириллов 2007; Журавлева, Пашкова, Кузин 2007: 60–61; Данилевский, Андреев 2012: 57–58; Перевезенцев, Перевезенцева 2009: 113–119; Данилов 2011: 30–31; Баранов и др. 2012:

⁴ Там также отмечался высокий уровень грамотности местного населения (с. 38).

⁵ Это — особый вызов Древней Руси, так как обычно именно к ней относится термин «страна городов» («Гардарики»), взятый из скандинавских источников.

⁶ У археологов имеются серьезные сомнения на этот счет.

125; Черникова 2013: 80–82). В некоторых учебниках волжские булгары изображались врагами Москвы, которой приходилось постоянно обороняться от их грабительских набегов. Поэтому русские князья временами устраивали ответные походы (Борисов 2010: 60–62; Сахаров 2010: 79; Лубченков, Михайлов 2013: 85–86). Но иногда, упоминая походы владими́ро-суздальских князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского на Волжскую Булгарию, авторы учебников оставляли их причины без объяснения (Павленко, Андреев 2013: 70, 73; Пчелов 2012: 116–117). Примечательно, что некоторые авторы, очевидно, по соображениям политкорректности, со временем исключили этот сюжет из позднейшего издания своего учебника (ср. Киселев, Попов 2008: 89, 94 и 2012: 94–95, 103–105).

В татарских учебниках обязательно упоминалось героическое сопротивление булгар монгольскому нашествию. Школьники узнавали, что монголы несколько раз безуспешно пытались нападать на Волжскую Булгарию, прежде чем в 1236 г. им наконец удалось ее завоевать и лишить независимости. Но и позднее булгары не раз поднимали восстания (Хузин, Пискарев 2004: 44–46).

Для федеральных учебников этот сюжет никакого значения не имел. Зато там по-прежнему говорилось как о страшном уроне, понесенном Русью от монгольских (монголо-татарских) завоевателей, так и об иноземном иге (Пчелов 2003: 119–128; Борисов 2010: 99–102; Андреев, Данилевский, Кириллов 2007: 43–52; Журавлева, Пашикова, Кузин 2007: 81–90; Перевезен-

цев, Перевезенцева 2009: 170–185, 278; Сахаров 2010: 101–116; 2013: 124–131; Данилов и др. 2011а: 124–135; Лубченков, Михайлов 2013: 106–124; Павленко, Андреев 2013: 102–117). Правда, с недавних пор термин «иго» исчез из учебников и был заменен «властью Орды» или «зависимостью от Орды» (Киселев, Попов 2008: 148–153; 2012а: 147–151; Данилов 2011: 38; Баранов и др. 2012: 178–186; Данилевский, Андреев 2012: 103; Пчелов 2012: 127–146; Черникова 2013: 116–135).

Однако этническая принадлежность завоевателей представлялась в разных учебниках по-разному. Еще в советское время татарская общественность выражала недовольство тем, что завоеватели отождествлялись с «татарами». Ведь это заставляло русских дистанцироваться от татар, а у татар порождало комплекс неполноценности. В 1970-х гг. татары добились того, что в советской историографии термин «татаро-монголы» был заменен на «монголо-татары».

Но в постсоветское время былая политкорректность утратила свою действенность. Вначале некоторые авторы даже вернулись к популярным в дореволюционной литературе терминам «татары» и «татарское иго», которые звучали в средневековых русских летописях (Преображенский, Рыбаков 1999: 71–76, 118)⁷.

Между тем татарские эксперты, проанализировавшие федеральные

⁷ На территории Троице-Сергиевой Лавры (Сергиев Посад) до сих пор стоит обелиск, где говорится о «татарском иге» и битве Дмитрия Донского с «татарами» на Куликовом поле.

учебники, справедливо указывали на терминологический разнобой и настаивали на том, что в учебниках следовало говорить о «монгольском нашествии» (вместо «монголо-татарского») и «золотоордынском иге» (вместо «монголо-татарского»). Отсылка к болгарской версии татарского этногенеза помогала им изображать предков татар не менее героическими борцами против монгольских завоевателей, чем были сами русские (Пискарев и др. 2005: 146–148). Очевидно, поэтому в последние годы федеральные авторы в изложении этого периода истории постепенно начинают пользоваться термином «монголы» и отказываются от термина «иге»⁸.

Впрочем, у самих татарских ученых и татарской общественности нет согласия относительно того, как надо трактовать некоторые спорные сюжеты средневековой истории. Так, Р. Хакимов, участвовавший в обсуждении учебников, свободно пользовался терминами «татаро-монгольское нашествие» и «татарская конница» (Хакимов 2005). Зато бывший советник Президента Академии наук РТ И. Л. Измайлов отвергал как понятие «монголо-татарское нашествие», так и болгарскую версию татарского этногенеза (Измайлов 2005: 38). В то же время в татарской газете звучал протест против замены термина «татары» на «монголов»: автор заметки вы-

⁸ Примечательно, что это новшество было с возмущением встречено газетой «ЛДПР», издаваемой одноименной партией В. Жириновского. Там это восприняли как унижение русского народа, который якобы показан варварским по сравнению с принесшими цивилизацию монголами (Седых 2013).

сказывал справедливое недоумение тем, что в результате ни в Золотой Орде, ни в средневековой Казани школьнику найти татар не удавалось (Сагитова 2005: 71).

Татарские авторы учебной литературы подчеркивали, что в условиях Золотой Орды завоеватели смешались с местным населением и выработали единую культуру, что и стало основой для формирования татарского народа, хотя болгары еще долго сохраняли свое имя⁹. Такая формула, интегрирующая историю Золотой Орды в историю татарского народа (Хузин, Пискарев 2004: 48–64), помогала примирить болгаристов с татаристами.

Традиционной для русской историографии (но не советской 1920–1930-х гг.) всегда оставалась трактовка вопроса о покорении Казани и завоевании других татарских ханств во второй половине XVI в. как продолжения оборонительной политики против бесконечных грабительских набегов. Эта тема также находила неоднозначное освещение в различных федеральных учебниках. Большинство из них следовало догме российской дореволюционной, а затем и советской историографии послевоенного периода, которая заключалась в однозначном обвинении средневековых татар в постоянных опустошительных набегах на Московскую Русь и в представлении о враждебности татаро-исламского мира (об этом

⁹ Утверждая, что самоназвание «татары» обрело популярность много позднее, а термин «болгары» использовался едва ли не до XIX в., учебное пособие делало уступку болгаристам (Хузин, Пискарев 2004: 70).

см. Бацын 1997: 20; Аймермахер, Бордюгов, Вашик 1999: 30). Все эти аргументы с железной последовательностью до сих пор воспроизводятся во многих российских учебниках (Пчелов 2003: 213–214; Сахаров 2010: 205; 2013: 206–208; Журавлева, Пашкова, Кузин 2007: 169; Кацва, Юрганов 2007: 264; Андреев, Данилевский, Кириллов 2007: 89–90; Данилевский, Андреев 2012: 190–191; Борисов 2010: 141; Данилов 2011: 64; Данилов и др. 2011а: 226; Киселев, Попов 2012: 221; Пчелов 2012: 178, 218; Павленко, Андреев 2013: 201; Черникова 2013: 205). Такой подход, представляющий покорение татарских ханств необходимым оборонительным шагом, который должен восприниматься как благо для Руси (Борисов 2010: 175), культивирует очевидную татарофобию, на что неоднократно указывали татарские авторы.

Авторы некоторых федеральных учебников сообщали, что московским князьям удалось на время поставить Казань в зависимость от себя, и тогда часть татарской знати шла служить русскому князю (Журавлева, Пашкова, Кузин 2007: 169; Перевезенцев, Перевезенцева 2009: 241, 258; Данилов и др. 2011а: 226–227; Киселев, Попов 2012: 184; Лубченков, Михайлов 2013: 152; Пчелов 2012: 178; Павленко, Андреев 2013: 156; Сахаров 2013: 187, 206–208). Но другие авторы либо оставляли без объяснения причины враждебности между Москвой и Казанью, либо объясняли это тем, что московским князьям так и не удалось посадить в Казани своих ставленников, которые бы не посягали на восточные пределы Московского государства (Перевезенцев, Перевезенцева 2010: 35–36; Борисов

2010: 141; Данилевский, Андреев 2012: 190–192). Упоминания о захватнических планах Москвы, заинтересованной в богатых поволжских землях, а также в свободном доступе к торговому пути на восток, можно найти лишь в некоторых учебниках преимущественно для 10-го класса (Данилов и др. 2011а: 124–135; Пчелов 2003: 212; 2012: 218; Павленко, Андреев 2013: 200–202).

Зато для татарских авторов Казанское государство, обретшее самостоятельность после распада Золотой Орды, выступало последней главой независимой истории. Но, подчеркивая, что оно было преемником Волжской Булгарии, а его население составляли болгары, авторы снова шли на уступки болгаристской концепции (Хузин, Пискарев 2004: 70–71). При этом Казанское ханство рисовалось страной высокой культуры и широкой грамотности, ни в чем не уступавшей соседям.

Московское царство описывалось как враждебная сила, постоянно посягавшая на казанский престол, причем неоднократно, хотя и с переменным успехом, устраивавшая ради этого военные походы. При этом отмечалось, что «Казанское ханство отражало посягательства на свою независимость, само совершало успешные походы» (Хузин, Пискарев 2004: 81). Всё же Москве удалось установить свой протекторат и начать сажать в Казани своих ставленников. Однако длительного успеха это не принесло, и Казань снова заключила союз с крымскими ханами, причем новому хану удалось совершить успешный поход

на Москву и даже заставить князя Василия III платить ему дань. С тех пор взаимоотношения между Казанью и Москвой окончательно стали враждебными. Совершались взаимные военные походы, пока, наконец, в 1552 г. царю Ивану Грозному после тяжелой месячной осады не удалось взять Казань. Город подвергся разграблению и пришел в запустение, так как его жители были частью уничтожены или взяты в полон, а частью разбежались. Так Казанское ханство прекратило свое существование, и его территория была присоединена к Москве (Хузин, Пискарев 2004: 86–87).

Некоторые татарские интеллектуалы выказывают недовольство тем, что в описаниях взятия Казани русскими в 1552 г. в федеральных учебниках вовсе не говорилось о том, что ее защитниками были татары (Сагитова 2005: 71). Действительно, в ряде учебников защитники Казани назывались «казанцами» (Андреев, Данилевский, Кириллов 2007: 89–90; Данилевский, Андреев 2012: 192; Пчелов 2012: 220; Павленко, Андреев 2013: 201; Черникова 2013: 206). Правда, и в татарских учебниках защитники Казани назывались не «татарами», а «казанцами» (Хузин, Пискарев 2004: 86; Гилязов, Пискарев, Хузин 2008: 89). Но в последние годы некоторые авторы федеральных учебников стали называть защитников Казани «татарами» (Киселев, Попов 2008: 222–224; 2012: 222; Лубченков, Михайлов 2013: 188; Сахаров 2013: 208).

Если в некоторых федеральных учебниках отмечалось, что вместе с русскими во взятии Казани участвовали марийцы, мордовцы, чуваш-

и, черкесы и даже татары (Сахаров 2013: 206–208), то татарское учебное пособие называло среди защитников Казани татар, марийцев и чувашей, но умалчивало о том, что их можно было найти и в русском войске (Хузин, Пискарев 2004: 86).

Татарское учебное пособие завершалось указанием на то, что Казанское ханство было важным этапом в истории татарского народа и других народов Среднего Поволжья (Хузин, Пискарев 2004: 88). Подводя итоги, авторы учили школьников тому, что история Татарстана «уходит в глубь тысячелетий. Его общий путь пролегал от первобытнообщинного общества к непрочным государственным образованиям и к развитым государствам средневековья. Свой след в ней оставили ранние тюркские государства Евразии, без которых невозможно представить и историю России в целом. Важное место в исторических судьбах народов края сыграла Волжская Булгария. Эти судьбы неотделимы от истории Золотой Орды и Казанского ханства» (Хузин, Пискарев 2004: 89).

Примечательно, что больше всего места в рассматриваемом учебном пособии было отведено монгольскому завоеванию и Золотой Орде (24 с.), затем – Казанскому ханству (22 с.), Волжской Булгарии (19 с.) и ранним тюркским государствам (10 с.).

Как правило, современные федеральные учебники обходят вопрос о последствиях присоединения Казани для местного населения. Во многих учебниках лишь гово-

рится об освоении приволжских земель русскими поселенцами, но умалчивается о том, как это отражалось на местном населении. В одном учебнике хотя и отмечается факт его обезземеливания, подчеркивается, что русские должны были платить более высокий налог, чем местные жители (*Буганов, Зырянов, Сахаров* 2010: 95). Авторы другого умалчивают о тяжелых последствиях русской колонизации для местного населения, но зато подчеркивают, что в процессе его сосуществования с русскими постепенно выработался опыт взаимопонимания и дружбы (*Лубченков, Михайлов* 2013: 190). Некоторые авторы усматривают в насильственной христианизации позитив, поскольку она якобы была направлена против «идолопоклонства». При этом ислам не упоминается (*Павленко, Ляшенко, Твардовская* 2007: 84).

Только в учебниках Данилова и Косулиной детально сообщалось о раздаче татарских земель русской знати и монастырям, о насильственной христианизации и русификации татар и других поволжских народов, а также о развитии татарского просветительства и национального движения (*Данилов, Косулина* 1998а: 220–221, 333–337; 1998б: 132–133; 1999: 47–53, 154–155, 249, 303; 2001: 271–273). Эти темы мельком затрагивались и в некоторых других учебниках (*Зуев* 1995: 105; *Сахаров* 2003а: 284–285; 2003б: 114, 221–222; 2010: 209; *Сахаров, Боханов* 2003: 174–175). Но в последние годы в учебниках об этом упоминается очень редко, равно как и о том, что, будучи недобровольно утратой земель, местное население поднимало восстания (*Да-*

нилов и др. 2011б: 37, 39, 136–137; *Сахаров* 2013: 209; *Черникова* 2013: 207).

Поэтому татарские эксперты сетовали на то, что, во-первых, федеральные учебники занижали уровень развития татар в XVI в., изображая русских культуртрегерерами, якобы познакомившими казанцев с земледелием, ремеслом и торговлей и принесшими им просвещение; во-вторых, искажали характер взаимоотношения Московского княжества с Казанским ханством, обвиняя последнее в «опустошительных набегах», хотя следовало бы говорить о «военно-политическом соперничестве»; в-третьих, прибегали к фигуре умолчания, вовсе не упоминая татар среди присоединенных к Московскому царству народов Поволжья и Приуралья и обходя вопрос о гонениях на ислам в годы насильственной христианизации. Особое недоумение у татарских экспертов вызывало полное игнорирование или недооценка роли татар в последующей российской истории (активное участие татар в знаменитых крестьянских войнах, участие татар в освобождении Москвы от поляков в 1612 г., роль Казанского Адмиралтейства в создании российского флота, роль татарских купцов в торговле со Средней Азией, широкое участие служилых татар в российской армии и, наконец, татарское происхождение немалого числа дворянских фамилий) (*Пискарев и др.* 2005: 150–155). В татарской учебной литературе все эти темы были представлены (*Гилязов, Пискарев* 2005; *Гилязов, Пискарев, Хузун* 2008).

Но в федеральных учебниках по истории XVII–XIX вв. татары

полностью исчезали. Кроме того, если в федеральных учебниках немало внимания уделяется православию и истории Русской Православной Церкви, то об исламе говорится лишь вскользь и нередко как о враждебной силе. Фактически лишь из учебника Данилова для 10-го класса можно было узнать о динамике государственной политики в отношении ислама (от гонений до веротерпимости) в течение XVIII в. (Данилов и др. 2011б: 136–137).

Таким образом, если во многих федеральных учебниках Казанское ханство было показано агрессором, а Московское государство выглядело исключительно обороняющейся стороной, то в татарских учебных материалах давалась обратная картина. Теперь уже специалисты из Министерства образования РФ сетовали на то, что такой подход «формирует негативное отношение к русским» (Кузьмин и др. 2005: 140). Совершенно очевидно, что этноцентристский подход, проявленный обеими сторонами, заводил в тупик. Преодолеть это могли только обоюдная добрая воля и кардинально новая парадигма.

Это нашло свое отражение в изменениях, внесенных в федеральные учебники нового поколения, начавшие выходить в 2015 г. в соответствии с новым учебным стандартом в издательствах «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово». Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, принятая в 2013 г., требовала уделять больше внимания народам России, и в ней описание монгольского нашествия и его последствий

обходилось без термина «татары» (Концепция 2015: 15).

Рассмотрим линейку учебников издательства «Просвещение», выпущенных в соответствии с этой концепцией. Здесь первой ласточкой стал учебник А. А. Данилова для 6-го класса, в котором рассматривалась история России с древнейших времен до XVI в. (Данилов 2015). В этот учебник, во-первых, был включен раздел о соседях восточных славян, где говорилось о ранних тюркских государствах (Тюркский каганат, Аварский каганат, Хазарский каганат, Великая Болгария) и упоминалось о возникновении Волжской Булгарии в начале X в., а во-вторых, при описании нашествия с востока в XIII в. использовался только термин «монголы» (лишь однажды было упомянуто, что в ту эпоху соседи называли «татарами» всех кочевников Центральной Азии). Не было в учебнике и термина «иго», хотя говорилось о тяжелых последствиях монгольского завоевания и об «ордынском владычестве». Помимо негативной стороны нашествия отмечалось также, что русские князья заимствовали у монголов особенности политического устройства и методы управления (Данилов 2015: 36–37, 40–41). В то же время снова полностью обходился вопрос о взаимоотношениях Владимиро-Суздальского княжества с Волжской Булгарией. О завоевании Казанского ханства говорилось скороговоркой, причем объяснялось, что это требовалось для прекращения грабительских набегов и увода людей в полон. Впрочем, не больше было сказано о покорении Сибирского ханства Ермаком (Данилов

2015: 70–71). Очевидно, это был пробный учебник, так как он вышел малым тиражом.

В 2016 г. ему на смену пришел новый учебник для 6-го класса, вышедший под редакцией академика А. В. Торкунова, где Данилов был лишь одним из авторов. Учебник открывался объявлением России родиной многих народов, каждый из которых внес свой вклад в формирование «российской цивилизации» (Торкунов 2016а, ч. 1: 6–8). Здесь снова говорилось о ранних тюркских государствах, причем Тюркский каганат был назван одним из крупнейших государств в мире. Несколько больше места, чем в учебнике Данилова, было отведено Хазарии и Волжской Булгарии. Причем, идя навстречу современной татарской историографии, авторы учебника упоминали, что в болгарский период недалеко от Волги была поставлена крепость Казанка (Торкунов 2016а, ч. 1: 23). Упомянулся и поход князя Владимира на Волжскую Булгарию, которая, как объясняли авторы, препятствовала русской торговле (Торкунов 2016а, ч. 1: 50). Затем в разделе о внешних контактах Киевской Руси было сказано о взаимоотношениях с Волжской Булгарией как важным центром ислама, но вопрос о войнах был полностью обойден. Не было этого и в разделе о Владимир-Суздальском княжестве. При описании монгольского завоевания и Золотой Орды авторы применили те же приемы, что и в учебнике Данилова: термин «татары» был упомянут лишь единожды как название для пришедших тюркских кочевников, ставшее популярным с рубежа XIV–XV вв. (Торкунов 2016а, ч. 2: 27).

В этом учебнике сообщалось о формировании ханств на обломках Золотой Орды и говорилось о сложных взаимоотношениях Москвы и Казани в XV в. (Торкунов 2016а, ч. 2: 79–82). Предками населения Казанского ханства назывались болгары, и обсуждались особенности взаимоотношений Москвы и Казани в XV в., когда казанскому хану Улу-Мухаммеду даже иной раз удавалось одерживать победы над русским войском. В то же время упоминалось о расколе в среде казанской элиты и о переходе ее части на московскую службу, что положило начало Касимовскому царству (Торкунов 2016а, ч. 2: 81–82).

В учебнике для 7-го класса достаточно подробно говорится о распаде Золотой Орды и о появлении на ее землях Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств, а также Ногайской Орды. Больше, чем в более ранних учебниках, дается информации о сложных взаимоотношениях Москвы и Казани, а также о соперничестве Московского царства и Крымского ханства за влияние на Казань. Снова подчеркивается, что грабительские набеги со стороны Казанского ханства несли серьезную угрозу для русских земель и требовали защитных мероприятий. Показывается, что речь шла о политическом противостоянии, а не об этнических противоречиях: ведь на стороне русских выступали «служилые татары», а Казань пользовалась поддержкой местных поволжских народов (Торкунов 2016б, ч. 1: 39–40, 51–56, 58).

Между тем походу Ивана Грозного на Казань дается маловразумительное

объяснение. Якобы, с одной стороны, к середине XVI в. Казань уже не представляла опасности для Московского государства, но с другой — казанские татары продолжали набег и держали у себя до 100 тыс. русских невольников. Якобы поэтому Иван Грозный решил окончательно обезопасить границы государства. Однако тут же раскрываются и иные мотивы — оказывается, Церковь и дворяне рассчитывали расширить свои земельные владения, а купцы мечтали о контроле над волжским путем (Торкунов 2016б, ч. 1: 58–59). И действительно, как сообщается далее, присоединенные поволжские земли щедро раздавались русским служилым людям, а также «служилым татарам»; крупные надель получили бояре и дворяне. Правда, сообщается, что и местная знать сохранила свои угодья, но как именно делились земли между ней и пришлыми людьми, не объясняется (Торкунов 2016б, ч. 1: 61, 77–78).

Не забыта и Церковь, получившая значительные земельные угодья и создавшая Казанскую епархию, активно занимавшуюся миссионерской деятельностью. Речь шла якобы о «добровольном обращении», однако такая «добровольность» щедро вознаграждалась льготами и привилегиями (впрочем, далее сообщается о принудительной христианизации, вызывавшей народные волнения, см.: (Торкунов 2016б, ч. 2: 83)). Кроме того, в 1593 г. был издан указ против возвращения в ислам или язычество, хотя из-за наступившей вскоре смуты он не выполнялся. Впрочем, ислам сохранил свои позиции, и на землях бывшего Казанского ханства процветало му-

сульманское образование. В учебнике рассказывается и о расцвете татарской литературы в XVI в., а также о некоторых особенностях татарской народной культуры и быта (Торкунов 2016б, ч. 1: 78–79, 102, 104, 108–110; ч. 2: 116–117). Но о взятии Казани говорится скороговоркой, хотя и подчеркивается мужественное сопротивление «казанцев» (Торкунов 2016б, ч. 1: 59–61).

Казанское ханство описывается как «одно из самых развитых государств, граничивших с Россией», отличавшееся высокой культурой и грамотностью. Школьники узнают о его «многонациональном составе», включавшем, кроме татар, также башкир, чувашей, марийцев, удмуртов и мордву. Сообщается, что его религией был ислам, и мусульманское духовенство занимало высокое положение в обществе (Торкунов 2016б, ч. 1: 51–53).

Из учебника для 8-го класса учащиеся узнают о том, что «Новокрещенская контора», созданная при Анне Иоанновне, занималась насильственной христианизацией поволжских народов, а при Елизавете Петровне в татарских селах, где жили православные, уничтожались мечети. Но несмотря на это многие татары оставались верны исламу (Торкунов 2016в, ч. 1: 108). Впрочем, во второй половине XVIII в. было решено, что кампания по христианизации Поволжья прошла успешно, и «Новокрещенская контора» была упразднена. Императрица Екатерина II издала указ о веротерпимости, позволивший снова строить мечети и медресе, причем многие обращенные вернулись в ислам (Торкунов 2016в, ч. 2: 35–36, 102).

Более поздняя история татар в Российской империи не находит в новых учебниках никакого освещения. Между тем следовало бы сказать о движении джадидов, которое оказало большое влияние на исламскую массу населения. Внимания заслуживала бы и тема пантюркизма, также зародившегося в России. А в учебнике для 10-го класса опускается вопрос о Забулачной республике начала 1918 г., а также о политической роли М. Султан-Галиева как выразителя идей тюркской советской элиты 1920-х гг.

Таким образом, сегодня длительное соперничество между федеральными и татарскими учебниками сменилось компромиссом, на который идут новейшие федеральные учебники. Там, во-первых, в ряде случаев даются шаблонные формулировки, не ущемляющие достоинство татар, во-вторых, создается более адекватное представление о роли тюрков в мировой истории, наконец, в-третьих, Волжская Булгария и Казанское ханство показаны развитыми высококультурными государствами, т.е. достойными соперниками русских княжеств. Кроме того, дается представление не только о позитивных, но и о негативных последствиях присоединения Казанского ханства к России. Обсуждение такого рода вопросов должно показывать школьникам неоднозначность и противоречивость исторических процессов и учить толерантности.

Вместе с тем некоторые важные темы (джадидизм, пантюркизм, татарские национальные проекты и Султан-Галиев) и ныне остаются

за рамками федеральной учебной литературы. Тем не менее рассмотренные материалы показывают, что открытые и заинтересованные переговоры между соперничающими сторонами дают возможность достичь компромисса и выработать приемлемые версии истории и соответствующий язык для их изложения. Очевидно, эту практику следует продолжать также во взаимоотношениях федерального центра с другими республиками, особенно с северокавказскими. Не менее важно развивать этот опыт во взаимоотношениях между историками соседних республик, где также накопилось немало вопросов, требующих своего разрешения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аймермахер, Бордюгов, Вашик 1999 — *Аймермахер К., Бордюгов Г., Вашик К. (ред.) «Свое» и «чужое» прошлое в постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999.*

Алишев 1994 — *Алишев С. Х. Татарофобия в советской литературе // Литвин А. Л. и др. (ред.). Феномен народофобии. XX век. Казань: Казанский университет, 1994. С. 81–86.*

Андреев, Данилевский, Кириллов 2007 — *Андреев И. Л., Данилевский И. Н., Кириллов В. В. История России с древнейших времен до конца XIX в.: 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Мнемозина. (12 тыс. экз.)*

Баранов и др. 2012 — *Баранов П. А. и др. История России. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2012. (5 тыс. экз.)*

Бауын 1997 — *Бауын В. К. О реформе исторического и обществоведческого образования в современной российской школе // Преподавание истории в школе. 1997. № 8. С. 16–22.*

Борисов 2010 — Борисов Н. С. История России с древнейших времен до конца XVII века: 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2010. (35 тыс. экз.)

Буганов, Зырянов, Сахаров 2010 — Буганов В. И., Зырянов П. Н., Сахаров А. Н. История России. Конец XVII — XIX век: 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2010. (30 тыс. экз.)

Гибатдинов 2006 — Гибатдинов М. М. Проблемы национальной идентичности и федеральные учебники в России // Исхаков Д. М. (ред.) Татарская нация в XXI веке: проблемы развития. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 129–136.

Гилязов, Пискарев 2005 — Гилязов И. А., Пискарев В. И. История Татарстана (вторая половина XVI — XVIII в.): Уч. пособие для 7 класса основной школы. Казань: Хэтер, 2005. (7500 экз.)

Гилязов, Пискарев, Хузин 2008 — Гилязов И. А., Пискарев В. И., Хузин Ф. Ш. История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века: Уч. пособие для 10 класса средней общеобраз. школы. Казань: Хэтер, 2008. (48 тыс. экз.)

Данилевский, Андреев 2012 — Данилевский И. Н., Андреев И. Л. История России с древнейших времен по XVI век: 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Мнемозина, 2012. (10 тыс. экз.)

Данилов 2011 — Данилов А. А. История России с древнейших времен до конца XVI века: 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2011. (7 тыс. экз.)

Данилов 2015 — Данилов А. А. История России с древнейших времен до конца XVI века: 6 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2015. (3300 экз.)

Данилов и др. 2011а — Данилов А. А. и др. История России. Ч. 1: 10 класс. Учебник

для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2011. (20 тыс. экз.)

Данилов и др. 2011б — Данилов А. А. и др. История России. Ч. 2: 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2011. (20 тыс. экз.)

Данилов, Косулина 1998а — Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. Учебник для 6–7 классов основной школы. М.: Интеллект-Пресс, 1998. (20 тыс. экз.)

Данилов, Косулина 1998б — Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. Учебник для 8 класса основной школы. М.: Центр гуманитарного образования, 1998. (145 тыс. экз.)

Данилов, Косулина 1999 — Данилов А. А., Косулина Л. Г. История государства и народов России. XVI–XVIII вв.: Учебник для 7 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Новый учебник, 1999. (70 тыс. экз.)

Данилов, Косулина 2001 — Данилов А. А., Косулина Л. Г. История государства и народов России. XIX в.: Учебник для 8 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Новый учебник, 2001. (132 тыс. экз.)

Журавлева, Пашкова, Кузин 2007 — Журавлева О. Н., Пашкова Т. И., Кузин Д. В. История России: 10 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2007. (3 тыс. экз.)

Зуев 1995 — Зуев М. Н. История России IX–XIX вв.: Учебное пособие по истории для 10–11 классов. М.: Дрофа, 1995. (30 тыс. экз.)

Измайлов 2005 — Измайлов И. Л. Национальная история в федеративной стране: опыт Татарстана // Султанов Ф. М., Гибатдинов М. М. (ред.). Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 25–41.

Измайлов 2006 — Измайлов И. Л. Прошлое татарского народа как средство этнонациональной мобилизации // Исааков Д. М. (ред.) Татарская нация в XXI веке: проблемы развития. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 100–116.

История и культура... 2011 — История и культура татарского народа (Древний мир и Средние века): Уч. пособие для 5 класса осн. общеобразоват. школы с русским яз. обучения. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. (21 тыс. экз.)

Кацва, Юрганов 2007 — Кацва Л. А., Юрганов А. Л. История России с древнейших времен до конца XVI в. М.: Просвещение, 2007. (10 тыс. экз.)

Киселев, Попов 2008 — Киселев А. Ф., Попов В. П. История России. С древнейших времен до XVI века: 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2008. (20 тыс. экз.)

Киселев, Попов 2012 — Киселев А. Ф., Попов В. П. История России. С древнейших времен до XVI века: 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2012. (3 тыс. экз.)

Концепция 2015 — Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Российское историческое общество. 2015. 13 августа. URL: <http://rushi.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-rotechestvennoj-istorii.html> (дата обращения 23.12.2016).

Кузьмин и др. 2005 — Кузьмин М. Н. и др. Анализ учебных изданий, имеющих гриф органа управления субъекта Российской Федерации // Султанов Ф. М., Гибатдинов М. М. (ред.) Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 120–143.

Лубченков, Михайлов 2013 — Лубченков Ю. Н., Михайлов В. В. История России.

С древнейших времен до конца XVI века: 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Мнемозина, 2013. (3 тыс. экз.)

Павленко, Андреев 2013 — Павленко Н. И., Андреев И. Л. История России: 10 класс. Углубленный уровень. Ч. 1. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2013. (1 тыс. экз.)

Павленко, Ляшенко, Твардовская 2007 — Павленко Н. И., Ляшенко Л. М., Твардовская В. А. История России. XVIII–XIX века: 10 класс. Профильный уровень. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2007. (15 тыс. экз.)

Перевезенцев, Перевезенцева 2009 — Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В. История России с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2009. (10 тыс. экз.)

Пискарев и др. 2005 — Пискарев В. И. и др. История татарского народа и Татарстана в федеральных учебниках // Султанов Ф. М., Гибатдинов М. М. (ред.) Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 144–160.

Преображенский, Рыбаков 1999 — Преображенский А. А., Рыбаков Б. А. История России: Учебник для 6–7 классов общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 1999. (20 тыс. экз.)

Пчелов 2012 — Пчелов Е. В. История России с древнейших времен до конца XVI в.: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. (5 тыс. экз.)

Путин 2013 — Путин: Разный подход к изучению истории нарушит пространство «нашей многонациональной нации» // Национальный акцент. 2013. 29 марта. URL: <http://nazaccent.ru/content/7298-putin-vystupil-za>

kanonicheskij-podhod-k.html (дата обращения 23.12.2016).

Путин 2014 – Владимир Путин: «Отечественная история – основа нашей национальной идентичности» // Русская народная линия. 2014. 16 января. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/01/16/vladimir_putin_otchestvennaya_istoriya_osnova_nashej_nacionalnoj_identichnosti/ (дата обращения 23.12.2016).

Сагитова 2005 – Сагитова Л. В. Гражданская и культурная идентичности в российских учебниках истории в контексте демократизации поликультурных сообществ // Султанов Ф. М., Гибатдинов М. М. (ред.) Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 62–73.

Сахаров 2003а – Сахаров А. Н. История России. С древнейших времен до конца XVI в.: Учебник для 10 класса средних общеобразовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003. (25 тыс. экз.)

Сахаров 2003б – Сахаров А. Н. История России. XVII–XVIII века: Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2003. (20 тыс. экз.)

Сахаров 2010 – Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVI в.: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2010. (20 тыс. экз.)

Сахаров 2013 – Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVIII в. Ч. 1: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. Углубленный уровень. М.: Русское слово, 2013. (10 тыс. экз.)

Сахаров, Боханов 2003 – Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XVIII–XIX века. Ч. 2: Учебник для 10 класса обще-

образовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003. (40 тыс. экз.)

Седых 2013 – Седых А. Ни русских, ни татар, ни России // ЛДПР. 2013. № 11. С. 8.

Торжунев 2016а – Торжунев А. В. (ред.) История России. 6 класс: В 2 ч. Учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2016. (35 тыс. экз.)

Торжунев 2016б – Торжунев А. В. (ред.) История России. 7 класс: В 2 ч. Учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2016. (40 тыс. экз.)

Торжунев 2016в – Торжунев А. В. (ред.) История России. 8 класс: В 2 ч. Учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2016. (50 тыс. экз.)

Учебниковые маневры 2013 – Учебниковые маневры // Коммерсант. 2013. 17 июля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2235283> (дата обращения 23.12.2016).

Хакимов 2005 – Хакимов Р. С. Выступление на открытии II Межрегиональной научно-практической конференции // Султанов Ф. М., Гибатдинов М. М. (ред.) Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 3–8.

Хузин, Пискарев 2004 – Хузин Ф. Ш., Пискарев В. И. История Татарстана: уч. пособие для 6 класса общеобраз. школы. Казань: Хэтер, 2004. (42 900 экз.)

Черникова 2013 – Черникова Т. В. История России с древнейших времен до XVI века: 6 класс. Учебник для общеобразовательных учебных учреждений. М.: Дрофа, 2013. (1 тыс. экз.)

Шайхелисламов 2005 – Шайхелисламов Р. Ф. Историческое образование в Республике Татарстан: проблемы и пути решения // Султанов Ф. М., Гибатдинов М. М. (ред.) Реализация национально-регионального компонента истори-

ческого образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 9–13.

Шнирельман 2002 — *Шнирельман В. А.* Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман 2013 — *Шнирельман В. А.* Национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 9–25.

Khasanova 2004 — *Khasanova G.* Nation-Building and Values in Russian Textbooks // Nation-Building and

Common Values in Russia / Eds. P. Kolsto, H. Blakkisrud. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2004. P. 269–299.

Krebs 2011 — *Krebs Ch. B.* A most dangerous book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 2011.

Shnirelman 1996 — *Shnirelman V.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D.C.; Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.

«Common past»: the Federal and Tatarstan history school textbooks

Shnirelman Victor A. — Doctor of Sciences (History), chief researcher of the Institute of Ethnology and anthropology N.N. Miklukho-Maklai, RAS (Moscow)

REFERENCES

Aimermakher K., Bordiugov G., Vashik K. (red.) “Svoe” i “chuzhoe” proshloe v postsovetsskikh gosudarstvakh. Moscow: AIRO-XX, 1999.

Alishev S. Kh. Tatarofobiia v sovetskoj literature. *Litvin A. L. et al. (eds.). Fenomen narodofobii. XX vek.* Kazan: Kazanskii universitet, 1994. P. 81–86.

Andreev I.L., Danilevskii I.N., Kirillov V.V. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XIX v.: 10 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Mnemozina.

Baranov P.A. et al. *Istoriia Rossii. 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Ventana-Graf, 2012.

Batsyn V.K. O reforme istoricheskogo i obshchestvovedcheskogo obrazovaniia v sovremennoi rossiiskoi shkole. *Prepodavanie istorii v shkole.* 1997. N 8. P. 16–22.

Borisov N.S. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka: 10 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2010.

Buganov V.I., Zyrianov P.N., Sakharov A.N. *Istoriia Rossii. Konets XVII – XIX vek: 10 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2010.

Chernikova T.V. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do XVI veka: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Drofa, 2013.

Danilevskii I.N., Andreev I.L. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen po XVI vek: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Mnemozina, 2012.

Danilov A.A. et al. *Istoriia Rossii. Ch. 1: 10 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2011.

Danilov A.A. et al. *Istoriia Rossii. Ch. 2: 10 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2011.

Danilov A.A. *Istoriia. Rossiia s drevneishikh vremen do kontsa XVI veka: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2011.

Danilov A. A. *Istoriia. Rossiia s drevneishikh vremen do kontsa XVI veka: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii*. Moscow: Prosveshchenie, 2015.

Danilov A. A., Kosulina L. G. *Istoriia gosudarstva i narodov Rossii. XVI–XVIII vv.: Uchebnik dlia 7 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii*. Moscow: Novyi uchebnik, 1999.

Danilov A. A., Kosulina L. G. *Istoriia gosudarstva i narodov Rossii. XIX v.: Uchebnik dlia 8 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii*. Moscow: Novyi uchebnik, 2001.

Danilov A. A., Kosulina L. G. *Istoriia Rossii. Uchebnik dlia 6–7 klassov osnovnoi shkoly*. Moscow: Intellect-Press, 1998.

Danilov A. A., Kosulina L. G. *Istoriia Rossii. XIX vek. Uchebnik dlia 8 klassa osnovnoi shkoly*. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniia, 1998.

Gibatdinov M. M. Problemy natsional'noi identichnosti i federal'nye uchebniki v Rossii. *Iskhakov D. M. (ed.) Tatarskaia natsiia v XXI veke: problemy razvitiia*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2006. P. 129–136.

Giliazov I. A., Piskarev V. I. *Istoriia Tatarstana (vтораia polovina XVI – XVIII v.): Uch. posobie dlia 7 klassa osnovnoi shkoly*. Kazan: Kheter, 2005.

Giliazov I. A., Piskarev V. I., Khuzin F. Sh. *Istoriia Tatarstana i tatarskogo naroda s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka: Uch. posobie dlia 10 klassa srednei obshcheobraz. shkoly*. Kazan: Kheter, 2008.

Istoriia i kul'tura tatarskogo naroda (Drevnii mir i Srednie veka): Uch. posobie dlia 5 klassa osn. obshcheobrazovat. shkoly s russkim iaz. obucheniiia. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2011.

Izmailov I. L. Natsional'naiia istoriia v federativnoi strane: opyt Tatarstana. *Sultanov F. M., Gibatdinov M. M. (eds.) Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 25–41.

Izmailov I. L. Proshloe tatarskogo naroda kak sredstvo etnonatsional'noi mobilizatsii. *Iskhakov D. M. (ed.) Tatarskaia natsiia v XXI veke: problemy razvitiia*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2006. P. 100–116.

Katsva L. A., Iurganov A. L. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVI v.* Moscow: Prosveshchenie, 2007.

Khakimov R. S. Vystuplenie na otkrytii II Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. *Sultanov F. M., Gibatdinov M. M. (eds.) Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 3–8.

Khasanova G. Nation-Building and Values in Russian Textbooks. *Nation-Building and Common Values in Russia. Eds. P. Kolsto, H. Blakkisrud*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2004. P. 269–299.

Khuzin F. Sh., Piskarev V. I. *Istoriia Tatarstana: uch. posobie dlia 6 klassa obshcheobraz. shkoly*. Kazan: Kheter, 2004.

Kiselev A. F., Popov V. P. *Istoriia Rossii. S drevneishikh vremen do XVI veka: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow: Drofa, 2008.

Kiselev A. F., Popov V. P. *Istoriia Rossii. S drevneishikh vremen do XVI veka: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow: Drofa, 2012.

Kontseptsiiia novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoi istorii. *Rossiiskoe istoricheskoe obshchestvo*. 2015. 13 August. URL: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii.html> (date of access 23.12.2016).

Krebs Ch. B. *A most dangerous book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich*. New York; London: W. W. Norton & Co., 2011.

Kuz'min M. N. et al. Analiz uchebnykh izdaniia, imeiushchikh grif organa upravleniia sub"ekta Rossiiskoi Federatsii. *Sultanov F. M., Gibatdinov M. M. (eds.) Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 42–48.

zatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy. Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 120–143.

Lubchenkov Iu. N., Mikhailov V. V. *Istoriia Rossii. S drevneishikh vremen do kontsa XVI veka: 6 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Mnemozina, 2013.

Pavlenko N. I., Andreev I. L. *Istoriia Rossii: 10 klass. Uglublennyyi uroven'. Ch. 1. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Drofa, 2013.

Pavlenko N. I., Liashenko L. M., Tvardovskaia V. A. *Istoriia Rossii. XVIII–XIX veka: 10 klass. Profil'nyi uroven'. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Drofa, 2007.

Pchelov E. V. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVI v.: Uchebnik dlia 6 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Russkoe slovo, 2012.

Perevezentsev S. V., Perevezentseva T. V. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do nachala XVI veka: Uchebnik dlia 6 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Russkoe slovo, 2009.

Piskarev V. I. et al. *Istoriia tatarskogo naroda i Tatarstana v federal'nykh uchebnikakh. Sultanov F. M., Gibatdinov M. M. (eds.) Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy.* Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 144–160.

Preobrazhenskii A. A., Rybakov B. A. *Istoriia Rossii: Uchebnik dlia 6–7 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Russkoe slovo, 1999.

Putin: Raznyi podkhod k izucheniiu istorii narushit prostranstvo “nashei mnogonatsional'noi natsii”. *Natsional'nyi aktsent.* 2013. 29 March. URL: <http://nazaccent.ru/content/7298-putin-vystupil-zakanonicheskij-podhod-k.html> (date of access 23.12.2016).

Sagitova L. V. *Grazhdanskaia i kul'turnaia identichnosti v rossiiskikh uchebnikakh istorii v kontekste demokratizatsii politikul'turnykh soobshchestv. Sultanov F. M., Gibatdinov M. M. (eds.) Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy.* Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 62–73.

Sakharov A. N. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVI v.: Uchebnik dlia 6 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2010.

Sakharov A. N. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. Ch. 1: Uchebnik dlia 10 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. Uglublennyyi uroven'.* Moscow: Russkoe slovo, 2013.

Sakharov A. N. *Istoriia Rossii. S drevneishikh vremen do kontsa XVI v.: Uchebnik dlia 10 klassa srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii.* Moscow: Russkoe slovo, 2003.

Sakharov A. N. *Istoriia Rossii. XVII–XVIII veka: Uchebnik dlia 7 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii.* Moscow: Prosveshchenie, 2003.

Sakharov A. N., Bokhanov A. N. *Istoriia Rossii. XVIII–XIX veka. Ch. 2: Uchebnik dlia 10 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii.* Moscow: Russkoe slovo, 2003.

Sedykh A. Ni russkikh, ni tatar, ni Rossii. *LDPR.* 2013. N 11. P. 8.

Shaikhelislamov R. F. *Istoricheskoe obrazovanie v Respublike Tatarstan: problemy i puti resheniia. Sultanov F. M., Gibatdinov M. M. (eds.) Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy.* Kazan: Institut istorii AN RT, 2005. P. 9–13.

Shnirelman V. *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia.* Washington D. C.; Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.

Shnirelman V.A. Identichnost' i obrazy predkov: tatarы pered vyborom. *Vestnik Evrazii*. 2002. N 4. P. 128–147.

Shnirelman V.A. Natsionalizm i arkheologiya. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2013. N 1. P. 9–25.

Torkunov A. V. (ed.) *Istoriia Rossii. 6 klass: V 2 ch. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii*. Moscow: Prosveshchenie, 2016.

Torkunov A. V. (ed.) *Istoriia Rossii. 7 klass: V 2 ch. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii*. Moscow: Prosveshchenie, 2016.

Torkunov A. V. (ed.) *Istoriia Rossii. 8 klass: V 2 ch. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh organizatsii*. Moscow: Prosveshchenie, 2016.

Uchebnikovyе manevery. *Kommersant*. 2013. 17 July. URL: [\[mersant.ru/doc/2235283\]\(http://mersant.ru/doc/2235283\) \(date of access 23.12.2016\).](http://www.kom-</p></div><div data-bbox=)

Vladimir Putin: “Otechestvennaia istoriia – osnova nashei natsional'noi identichnosti”. *Russkaia narodnaia liniia*. 2014. 16 Januar. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/01/16/vladimir_putin_otchestvennaya_istoriya_osnova_nashej_nacionalnoj_identichnosti/ (date of access 23.12.2016)..

Zhuravleva O.N., Pashkova T.I., Kuzin D.V. *Istoriia Rossii: 10 klass. Uchebnik dlia uchashchikhsia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow: Ventana-Graf, 2007.

Zuev M.N. *Istoriia Rossii IX–XIX vv.: Uchebnoe posobie po istorii dlia 10–11 klassov*. Moscow: Drofa, 1995.

Э. Н. Абдулаев

ЧЕМУ РАВЕН ИКС? РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧАСТНИКА ЗАСЕДАНИЯ РИО

1 ноября 2016 г. состоялось заседание Российского исторического общества, на которое я был приглашен как главный редактор журнала «Преподавание истории в школе». Так, увы, сложилось, что попытки организовать профессиональное сообщество учителей истории снизу и сделать Ассоциацию учителей истории и обществоведения органом, способным представлять интересы и взгляды действительно широкого учительского сообщества, организовывать его и реально влиять на принимаемые в профессиональной сфере решения, не увенчались успехом. Я не буду сейчас анализировать причины этого печального, но во многом закономерного явления. Как правило, решения по важным профессиональным вопросам, существенно влияющим на работу массы учителей и методистов, вынужденных их выполнять, принимаются *наверху*, а профессиональное сообщество лишь ставится перед фактом принятого решения. В силу сложившейся практики весьма интересно было бы услышать мнение *верхов* по ряду существенных вопросов, для чего я и принял решение использовать приглашение и посетить заседание РИО.

Мне, безусловно, была любопытна историческая часть выступлений, и я с интересом и большим вниманием прослушал доклад А.Г. Звягинцева о Нюрнбергском процессе, к 70-летию которого приурочено заседание РИО. Но как учителя и методиста меня более интересовала оценка образовательной деятельности общества, с кратким отчетом о которой выступил академик А. О. Чубарьян.

Тезисно:

Одна из основных заслуг РИО – разработка ИКС (историко-культурного стандарта по истории Отечества).

Планируется проведение совместной с Ассоциацией учителей истории и обществоведения конференции (расширенного заседания) по итогам года преподавания по ИКС.

В планах – содействие министерству образования и науки в совершенствовании образовательного процесса (было упомянуто обсуждение новой концепции по обществоведению), а также совершенствование программ для высшей школы.

Я очень ждал продолжения образовательной темы, но его, увы,

© Абдулаев Э. Н., 2016

Абдулаев Энвер Нажмутинович – главный редактор журнала «Преподавание истории в школе» (Москва); enver_abdulaev@bk.ru

не последовало. Вопросов же в образовании, которые касаются РИО, гораздо больше, чем ответов. Но интересующей меня информации озвучено не было. Попробую перечислить вопросы, ответы на которые я надеялся получить, но так и не услышал.

Вопрос об ИКС. Он был затронут в выступлении А.О. Чубарьяна, но его скупое освещение породило лишь новые вопросы. С ИКС по отечественной истории существует много проблем. Значительная, я бы сказал, подавляющая, часть учителей-практиков считают ИКС по истории сильно перегруженным и нереализуемым в преподавании. Это, на мой взгляд, происходит потому, что составлением ИКС занимаются прежде всего ученые-историки, а преподаватели, методисты, учителя, т.е. те, кто должен его реализовывать, как правило, или находятся на вторых ролях, или вовсе отодвинуты в сторону. Тем не менее важно понимать один психологический момент. Дело в том, что историки идут в своей работе «от частного к общему», из деталей восстанавливая целостную картину исторического периода или явления. Для них частности сверхважны, им от них крайне трудно бывает отказаться, а преподаватель идет в своей работе от уже имеющейся общей картины, которую он должен сформировать в головах своих учеников. Частности для него не столь важны и существенны. И там, где историк впишет десять частных, преподавателю достаточно двух-трех. Но последнее слово — за историками, и от этого и происходит «перегруз стандарта». Надо принимать

во внимание и наличие регионального лобби, для которого «делом чести, доблести и геройства» является вставить в ИКС «своих» героев. И на будущее нужно учитывать, что обсуждение ИКС по истории с реальным учетом мнений учительского сообщества может привести к признанию того факта, что в нынешнем виде он нереализуем, и его нужно или существенно сокращать (и менять программы), или существенно увеличивать количество часов на преподавание истории в школе. Интересно было бы заранее знать мнение РИО по этому вопросу: готово ли оно менять формат разработки ИКСов или же готово выступить с инициативой (и последовательно добиваться ее исполнения министерством образования) об увеличении количества часов на преподавание истории? Кстати, ничего не было сказано ни про проблемы с разработкой ИКС по обществоведению, ни про колоссальные проблемы с ИКС по всеобщей истории, которые изначально, как сказал один из участников совещания по их обсуждению, были просто чудовищны. Вообще в последнее время всё чаще и чаще наблюдается печальная тенденция: программы, ИКСы и прочие важные документы для образовательной сферы принимаются абсолютно не теми, кто их должен будет реализовывать в классах и аудиториях. А это серьезно влияет на качество и содержания документов, и принимаемых по ним решений. Декларации должны подкрепляться практическими решениями, а у нас в профессиональном сообществе нет общей точки зрения на то, что такое системно-деятельностный подход в обучении

истории на практике, и как он должен реализовываться в конкретных программах и учебниках. Впрочем, об учебниках чуть ниже. Кроме того, в своем выступлении А.О. Чубарьян сказал, что РИО собирается подводить итоги первого года преподавания по ИКС совместно с Ассоциацией учителей истории и обществоведения, что тоже вызывает резонный вопрос о том, какие эмпирические материалы и исследования будут положены в основу этого обсуждения. Желательно услышать ответ на этот вопрос не в день открытия соответствующей конференции и заседания. Пользуясь случаем, хочу сказать, что наш журнал «Преподавание истории в школе» готов публиковать практико-ориентированные материалы по этой теме.

Вопрос о взаимодействии РИО и Ассоциации учителей истории во многом связан с предыдущим вопросом. На последнем, III съезде Ассоциации планировалось создать постоянно действующие рабочие группы по ряду актуальных для учительского сообщества проблем. Это, как писалось выше, проблема участия профессионального учительского сообщества в разработке ИКС, проблема контроля над разработкой и совершенствованием КИМов ЕГЭ по истории, проблема разработки и апробации учебников нового поколения и ряд других, не менее актуальных проблем. Однако идея создания рабочих групп не была реализована на практике. Это, на мой взгляд, лишает как РИО, так и профессиональное сообщество учителей возможности оперативно взаимодействовать

и учитывать мнение не только ученых-историков, но и практикующих учителей и методистов. Однако проблемам взаимодействия РИО с Ассоциацией учителей истории и обществоведения тоже не было уделено ни слова. А ведь именно учителям отводится многотрудная функция реализации на практике многих исторических концепций и проектов.

Так называемые *трудные вопросы* истории. Институт всеобщей истории совместно с ГАУГН и Ассоциацией учителей истории начал реализовывать довольно мощный проект, направленный на научно-методическую проработку проблемных вопросов в рамках нового ИКС, который мог бы оказать помощь учителям в преподавании. Выпущен целый ряд небезынтересных пособий, разработанных учеными-историками и методистами совместно. Однако работа над этим проектом позволила накопить опыт, выявивший не только достижения, но и проблемы в этой области, которые касаются прежде всего взаимодействия историков и методистов в рамках данного проекта, а также тиражей выпускаемых пособий и вариантов их широкой апробации. В решении этих проблем роль РИО с его возможностями трудно переоценить.

Один из самых главных и самых болезненных вопросов — это вопрос о трех новых линейках учебников по истории, разрабатываемых и выпускаемых издательствами «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово». Просматривая материалы к общему собранию Российского

исторического общества, полученные перед заседанием, я прочел весьма заинтересовавшую меня фразу: «По итогам апробации новых учебников в школе Комиссия РИО приняла решение рекомендовать линию учебников под редакцией академика А.В. Торкунова (т.е. линейки учебников издательства “Просвещение”) в качестве учебника РИО». Учитывая тот факт, что учебник «Просвещения» (как, впрочем, и учебники двух других издательств, допущенных к изданию учебников истории) неоднократно критиковался профессиональным сообществом, что вполне понятно и объяснимо, а апробация и ее критерии и формат остались неизвестными для большей части профессионального сообщества, мне бы хотелось узнать поподробнее, на основании чего РИО сделало выбор в пользу учебника под редакцией А.В. Торкунова, являющегося сопредседателем Российского исторического общества? Важен и актуален вопрос, когда и как будет проходить лицензирование новых линеек учебников, которые готовятся издательствами. Авторами и методистами неоднократно поднимался вопрос о предоставлении издательствам большего периода времени на разработку и о перенесении жестких сроков лицензирования, но, к сожалению, проблема учебников осталась за рамками выступления, а формат заседания не пред-

усматривал возможности задать вопросы, а уж тем более устроить дискуссию. Распросы «в кулуарах» лишь подтвердили, что решение РИО по учебнику «Просвещения» было принято, но подробностей добиться так и не удалось. Проблема учебников осложняется еще и тем, что с методической точки зрения (которая по умолчанию или по другим, неведомым мне причинам выносится за рамки обсуждения РИО) они лишь формально соответствуют тем принципам, которые заложены во ФГОСы нового поколения и это может серьезно снизить их роль в решении проблемы модернизации исторического образования. Сформулировать мнение, что такое учебник нового поколения не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения методики, сейчас, на мой взгляд, необходимо. Так как РИО участвует в экспертизе учебников, то его позицию и мнение по данному вопросу тоже было бы интересно узнать.

В заключение хочу сказать, что, понимая, какую важную роль играет РИО в организации и развитии исторического и обществоведческого образования и принятии решений в его рамках, очень желал бы видеть новые возможности для более интенсивного, а главное, продуктивного диалога между Российским историческим обществом и остальными членами профессионального сообщества.

What is X equal? Reflections of the participant of the meeting of RHS

Abdullaev Enver N. – Chief editor of the journal “Prepodavanie istorii v shkole” (Moscow)

В. А. Китаев

Рец.: Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.

Важной вехой в истории отечественного источниковедения стал коллективный труд, созданный группой преподавателей Российского государственного гуманитарного университета и увидевший свет в 1998 г. (переизд.: 2000, 2004). Жанр этой работы определялся ее авторами весьма скромно: «Учебное пособие для гуманитарных специальностей». Однако ее реальное содержание выходило далеко за пределы обозначенной целевой установки. В сущности, мы получили тогда манифест разрыва со ставшим уже привычным позитивистским (и одновременно марксистским) «историческим источниковедением». Представленный здесь опыт научно-педагогической школы Московского историко-архивного института базировался не на материалистической теории отражения. Он выстраивался на основополагающих идеях «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, сформулированных в духе неокантианства.

«Источниковедение» 1998 г. нацеливало не на обозначение «служебной» функции исторического источника, а на понимание его как продукта культуры. При таком под-

ходе он рассматривался уже в качестве единого объекта различных гуманитарных наук, а источниковедение решительно повышало свой статус, прощаясь со «вспомогательностью» и становясь «антропологически ориентированной парадигмой новой исторической науки, охватывающей, по существу, все стороны истории и функционирования культуры» (с. 12).

Мы совсем не случайно отодвинули начало разговора о новейшем «Источниковедении» на семнадцать лет назад. Родословная этой работы, изданной теперь уже «под шапкой» Высшей школы экономики, ведет все-таки в Российский государственный гуманитарный университет конца XX в. Да, заметно изменился состав авторского коллектива (в нем по-прежнему присутствуют только М. Ф. Румянцева и И. Н. Данилевский). Если в первом опыте «Источниковедения» основная тяжесть теоретической работы пришла на долю О. М. Медушевской, то теперь она легла уже на плечи М. Ф. Румянцевой. И в руках у нас — не очередное, третье по счету переиздание хорошо известного пособия, а вполне автономное произведение. Об этом говорят, кстати, его обновленная структура и немалое число новых содержательных моментов. Но все эти внешние отличия не могут скрыть главного — родовой, генетической связи между двумя явлениями новейшей

© Китаев В. А., 2016

Китаев Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), vlakit@mail.ru

отечественной историографии источниковедения. Главные эпистемологические ориентиры остаются прежними. Это — «Методология истории» Лаппо-Данилевского с ее феноменологической теорией источниковедения и восходящая к ней концепция когнитивной истории О. М. Медушевской. Этот момент теоретико-методологического единства важен для нашего анализа, ибо дает возможность понять, в каком направлении развивалась и чем содержательно обогатилась в эти годы та источниковедческая школа, которая заявила о себе в 1998 г.

Основополагающие идеи учебного пособия сформулированы в лаконичном, но чрезвычайно важном для понимания замысла этой работы введении, которое написано М. Ф. Румянцевой. Авторский коллектив исходит из видения трех компонентов современного источниковедения: 1) источниковедение как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания; 2) источниковедение как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе; 3) источниковедение как один из инструментов исторического исследования. Источниковедение в своем историческом развитии вписывается, кроме того, в процесс смены моделей науки в целом (классическая, неклассическая, постнеклассическая, неоклассическая). Это понимание места и роли дисциплины в современной социокультурной ситуации продиктовало структуру пособия, придало ему, как полагает М. Ф. Румянцева, «принципиальную новизну и соответствие актуальному пониманию статуса ис-

точниковедения в системе научного знания» (с. 13).

Первый из трех разделов книги — «Источниковедение как дисциплина исторической науки» — состоит из двух частей: «История источниковедения» и «Теория источниковедения». Он написан М. Ф. Румянцевой и предваряется короткой преамбулой, в которой она обозначает еще один важный для себя методологический ориентир — парадигмальную модель развития науки, предложенную Томасом Куном в его «Структуре научных революций». Кумулятивная модель отбрасывается ею как устаревшая по той причине, что она несет в себе «аксиоматическую веру» в «существование так называемой объективной, т. е. не зависящей от познающего субъекта реальности» и «ее познаваемость в качестве таковой» (с. 18). Автор указывает на тот факт, что источниковедение как самостоятельная дисциплина сформировалось только в XX в., и предупреждает читателя, что по этой причине источниковедческая проблематика будет вычленяться преимущественно из работ по методологии истории.

Прослеживая судьбу источниковедения в рамках классической модели науки (XVIII–XIX вв.), М. Ф. Румянцева видит кульминацию этого периода в формировании позитивистской парадигмы, продемонстрировавшей свою поразительную живучесть до сегодняшнего дня. Она вынуждена признать, что позитивизм как направление в философии не принадлежит к классическому типу рациональности, поскольку не предполагает описания так называемой объективной реальности,

но то, что принято обычно называть позитивистской историографией, все-таки не выходит, по ее мнению, за пределы рациональности классического типа. Завершая представление источниковедческих идей европейских и русских исторических методологов-позитивистов, М. Ф. Румянцева делает следующий вывод: «В течение XIX в. в рамках классической модели науки источниковедение оформилось в качестве неотъемлемой составляющей исторического метода, его задача — помогать историку в вовлечении в историческое исследование добротного исторического материала» (с. 41).

Для М. Ф. Румянцевой очевиден факт обособления на рубеже XIX–XX вв. теории источниковедения в «самостоятельное направление». Она объясняет это как кризисом позитивизма (хотя он и продолжал сохранять свои позиции в исследовательской практике), так и рождением неокантианства, обратившегося к осмыслению специфики наук о культуре. Именно неокантианству «в его русской версии», полагает она, суждено было сыграть определяющую роль в том, что источниковедение в рамках теперь уже неклассической модели науки превратилось «в самостоятельную субдисциплину исторической науки».

Автор приводит немалое число доводов в пользу оригинальности русской версии неокантианства. Главным же ее признаком, считает она, стал «принцип признания чужой одушевленности». Именно он в качестве методологической основы источниковедения был разработан А. С. Лапшо-Данилевским. Русский

ученый «предложил целостную теоретико-познавательную концепцию гуманитарного познания, системообразующее начало которой составляла методология источниковедения, основанная на феноменологическом понимании объекта исторического познания — исторического источника» (с. 57). Суть же феноменологического характера его концепции заключается в следующем: с одной стороны, исторический источник — «объективированный результат человеческого творчества, но, с другой стороны, в качестве такового он опознается исследователем и в этом смысле представляет исследовательский конструкт» (с. 59).

Рождение новой исторической науки в XX в., воплотившейся прежде всего в школе «Анналов», несло с собой расширение проблематики исторической науки, сопровождалось критикой позитивистских способов изучения исторических источников, требовало присоединения к письменным свидетельствам источников иных типов — вещественных, аудиовизуальных, изобразительных. Но эти сдвиги, по наблюдениям М. Ф. Румянцевой, не повлекли за собой принципиальных изменений в европейском источниковедческом мышлении. Позитивистское «Введение в изучение истории» Ланглюа и Сеньбоса «так и осталось вершиной развития учения об исторических источниках в европейской методологии истории на протяжении всего XX в.» (с. 82).

Завершает «историческую» часть первого раздела экскурс в отечественное источниковедение советского периода.

Отправной точкой в рассмотрении вопросов теории источниковедения, конечно же, должно было стать определение понятия «исторический источник». В решении этой ключевой задачи М.Ф. Румянцева еще раз демонстрирует верность «заветам» А.С. Лаппо-Данилевского, идя от его определения — «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением». А вот его авторская, актуализированная версия: «Исторический источник — объективированный результат творческой деятельности / продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих» (с. 90). Это решение потребовало мобилизации аргументов против принятой в советском источниковедении «отражательной» дефиниции, наращивания доводов в пользу поливариантности того, что обычно принято называть «объективной реальностью», замены понятия «критика исторического источника» исследовательской «интерпретацией» его содержания. Интересны размышления автора о причинах живучести старого определения с его формулой «всё, отражающее... и дающее возможность...».

Переходя к анализу проблемы классификации источников, М.Ф. Румянцева сразу же отделяет эту процедуру от систематизации как действия, которое не претендует на всеохватность эмпирической совокупности, а связано с конкретными целями исследования. Она принимает в принципе уже прижившуюся типологическую классификацию, предложен-

ную в свое время Л.Н. Пушкаревым. Но дело этим не заканчивается. Во-первых, к хорошо известным семи типам (письменные, вещественные, устные, этнографические, лингвистические, кинофотодокументы, фонодокументы) автор совершенно справедливо добавляет массив образительных источников. Во-вторых, у нее находятся веские причины для того, чтобы посомневаться в универсальности предложенного Л.Н. Пушкаревым критерия деления («способ кодирования информации»). Этот способ, справедливо замечает М.Ф. Румянцева, не работает применительно к устным, лингвистическим и этнографическим источникам, информация которых в случае ее использования требует перекодировки. И, наконец, включения в типологический ряд требуют новые источники — «машиночитаемые документы (от перфокарт и перфолент до современных носителей, таких как CD или флешкарты) и интернет-ресурсы».

М.Ф. Румянцева не оставляет без объяснений факт доминирования письменных источников в историческом познании. Здесь ей на помощь приходит идея Ю.М. Лотмана о том, что только письменная культура с ее специфическим механизмом памяти имеет историю.

Рассматривая варианты классификации письменных источников, автор отказывается принять в качестве основания для деления «сходные признаки их структуры, их внутренней формы». Этот подход, как известно, был предложен Л.Н. Пушкаревым. Ближе ей оказывается критерий «единства целеполагания», при-

нятый И.Д. Ковальченко. Основы этого подхода, уточняет при этом М.Ф. Румянцева, были все-таки заложены А.С. Лаппо-Данилевским, «правда, на иной концептуальной основе». Эта линия, напоминает она, была продолжена в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской. Синтезируя сказанное тремя предшественниками, автор предлагает собственную версию: «Вид исторического источника определяется по целеполаганию его автора и соответствует той социальной функции, которую выполнял созданный человеком продукт – произведение человеческого творчества в породившей его культуре» (с. 112).

Видовая структура представлена как исторически эволюционирующая проекция культуры. За ее изменениями при переходе от средних веков к Новому времени стоит, по мнению М.Ф. Румянцевой, феномен «индивидуализации человека», описанный Эриком Фроммом. Весьма продуктивной применительно ко всей совокупности источников кажется ей понятие «эмпирическая реальность исторического мира», введенное О.М. Медушевской. Именно эта «реальность» и должна стать объектом гуманитаристики, а источниковедению, «неоклассическая модель» которого воплощена в пособии, предстоит исполнить роль ее надежного научного фундамента.

Инструментальной функции источниковедения в историческом исследовании посвящен третий, заключительный раздел книги. Поначалу может показаться, что разрыв между его проблематикой и содержанием первого (исторического и теоретическо-

го) раздела выглядит искусственным. Ведь в «Источниковедении» 1998 г. теория, история и метод источниковедения рассматривались в одной части, а пособие имело двоичную структуру (вторая часть: «Источники российской истории»). Но это усложнение построения следует признать все-таки логически и методически оправданным. Рассмотрению проблематики источниковедческого анализа и синтеза (она является содержательной доминантой раздела) действительно должно предшествовать знакомство с самим корпусом источников по российской истории. К этой теме мы еще вернемся.

Как известно, А.С. Лаппо-Данилевский в своей «Методологии истории» активно пользовался понятием «историческая критика» (оно равнозначно понятию «критика исторического источника»). Современные последователи автора «Методологии» – от О.М. Медушевской до М.Ф. Румянцевой – принципиально отказались от «критики», предпочитая ей «источниковедческий анализ». «Критика» отнесена к числу атавизмов, унаследованных от позитивистской методологии. В рамках нового источниковедения речь может идти только об анализе происхождения и содержания исторического источника. Аналогичным образом «толкование» в анализе содержания заменяется «интерпретацией». «Смена вех» и в том, и в другом случае подкрепляется достаточно убедительным обоснованием. Тщательно прописываются сами аналитические процедуры.

Самостоятельное источниковедческое исследование не сводится

только к анализу происхождения и содержания исторического источника. За ним, утверждает М. Ф. Румянцева, следует завершающая процедура — источниковедческий синтез, цель которого состоит в «конструировании исторического источника как феномена культуры» (с. 589). Определив ее именно таким образом, автор вынуждена признать, что в этой ситуации источниковедение перерастает статус субдисциплины исторической науки и, следовательно, обсуждение проблемы синтеза неуместно в разделе, посвященном источниковедению как инструменту исторического исследования. Этот явный диссонанс оправдывается только необходимостью сохранить органическую связь между процедурами источниковедческого анализа и источниковедческого синтеза.

В качестве объекта исследования, нацеленного на источниковедческий синтез, может быть избран как отдельно взятый исторический источник или вид исторического источника, так и их группа, которая обособляется по тому или иному осмысленному критерию. Особенность источниковедческого синтеза, отмечает М. Ф. Румянцева, заключается в его самостоятельности, в отличие от результата источниковедческого анализа. «Результат источниковедческого синтеза, — пишет она, — представление исторического источника как социокультурного феномена, выявление его места в видовой структуре корпуса исторических источников, порожденных определенной культурой, и, соответственно, его функционирования в этой культуре» (с. 589–590). Первым по времени

собственно источниковедческим исследованием М. Ф. Румянцева называется монографию А. Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения» (М., 1980).

Содержание раздела не ограничивается рассмотрением вопросов анализа и синтеза источников. Оно дополняется характеристикой источниковедческого подхода к изучению историографических источников (глава написана С. И. Маловичко). Здесь же присутствуют чисто методические рекомендации по формированию и представлению источниковой базы исторического исследования в работах квалификационного характера (М. Ф. Румянцева). Завершается раздел информацией об эдиционных (археографических) практиках в России (О. И. Хоруженко).

Эпистемологическая парадигма нового источниковедения, объединяющая издания 1998 и 2015 гг., во многом определяет характер представления корпуса источников российской истории во втором разделе книги. В решении этой задачи не могло произойти чего-то революционного — ведь авторы двух первых частей, посвященных периодам XI–XVII вв. и XVIII — началу XX в., те же. Это, соответственно, И. Н. Данилевский и М. Ф. Румянцева. Как нам показалось, их работа свелась главным образом к некоторому сокращению первоначальных текстов. «Новобранцем» оказался только Д. А. Добровольский, перу которого принадлежит материал об источниках российской истории XX в. По своему объему и содержанию он заметно отличается от того, что было написа-

но В.В. Кабановым (1934–2002) для издания, вышедшего в РГГУ.

Принципиально новое для учебной литературы по источниковедению – включение в рассматриваемый раздел двух частей: «Компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования» (М.Ф. Румянцева) и «Источниковедение историографии» (С.И. Маловичко при участии М.Ф. Румянцевой и Р.Б. Казакова).

М.Ф. Румянцева – не новичок в области сравнительного источниковедения. Этой теме была уже посвящена значительная часть ее учебного пособия «Теория истории» (М., 2002). Как тогда, так и сейчас она начинает издаюка, ab ovo, демонстрируя завидную философскую эрудицию. Сначала осуществляется погружение в методологическую проблематику сравнительно-исторического исследования безотносительно к источниковедению. Выясняется, что и в этом случае ее главным теоретическим авторитетом остается А.С. Лаппо-Данилевский, сумевший синтезировать номотетический и идиографический подходы. Самой М.Ф. Румянцевой два вопроса сравнительно-исторического исследования представляются главными – выбор одномасштабных и изоморфных объектов и определение критериев для сравнения. Вместе с автором читатель проходит через исторические теории XVIII–XX вв., создатели которых внесли вклад в разработку теоретических основ исторической компаративистики. Наконец называются объекты для сопоставления – Россия и Европа. Для сравнительной характеристики

избраны три группы исторических источников (источники личного происхождения, периодическая печать, законодательство), «адекватно фиксирующие структурные связи в системе *личность–общество–государство*». Анализ идет в хронологических границах Нового времени и переходных к нему и от него эпох.

С еще большим основанием претендует на новизну 3-я часть второго раздела, посвященная источниковедению историографии. Здесь мы находим определение историографического источника, данное опять-таки в духе феноменологической теории источниковедения Лаппо-Данилевского. Приступая к разработке вопросов классификации, авторы начинают с принципиально важного шага – предлагают разделить корпус историографических источников на две большие группы: научный и социально ориентированный типы исторического знания. В их рамках осуществляется видовая классификация.

В отдельной главе, которая присутствует уже в составе третьего раздела, раскрывается суть источниковедческого подхода к изучению историографических источников (С.И. Маловичко). Анализ их происхождения и содержания дополнен здесь процедурой деконструкции – «специфичным» для историографических источников этапом. Это не что иное, как «расслоение, разборка структур историографического источника: исторических (построенных на данных исторических источников), теоретических, риторических для уточнения места изучаемой работы в историографической культуре ее времени» (с. 598).

Зная теперь, что представляет собой в концептуальном отношении «Источниковедение-2015», можно переходить к оценочно-критической части нашего отклика, хотя, по правде говоря, справиться с решением этой задачи непрофессионалу в области источниковедения будет чрезвычайно трудно. И все-таки. Может быть, до известной степени отстраненный взгляд окажется также небесполезным в ряду других впечатлений от книги.

Идя на нарушение канона учебного пособия как историографического источника, М. Ф. Румянцева в роли ответственного редактора позволяет себе краткое «последнее слово» — «Вместо заключения» (с. 629–630). Именно здесь она называет те «перспективные направления и актуальные проблемы источниковедения, которые авторам пока еще не удалось представить целостно и системно».

Что же, на ее взгляд, не получило в книге должного освещения?

Во-первых, создателям пособия на деле все-таки не удалось преодолеть устаревший взгляд на источниковедение как дисциплину, изучающую только письменные источники, несмотря на состоявшиеся визуальный и вещный повороты в гуманитарном знании. И визуальные, и вещественные источники остались за пределами их внимания. Во-вторых, это — комплекс проблем, порожденных появлением источников на электронных носителях. В-третьих, ничего не сказано о задачах и возможностях компаративного изучения самого источниковедения. М. Ф. Румянцева видит причину этих

пробелов в «скудости имеющейся исследовательской практики, не дающей возможностей для обобщений».

Это обозначение «белых пятен» призвано, как нам представляется, открыть молодым (и не только) гуманитариям новые исследовательские горизонты, разбудить их творческую мысль. Но здесь нельзя не расслышать и ноток самокритики — так что констатация умолчаний съедает изрядную долю рецензентского хлеба. А между тем рецензент еще до знакомства с содержанием книги ожидал от нее прорыва именно на двух первых направлениях. Это ожидание усиливалось под действием неоднократно повторенных здесь утверждений о всеохватывающем, тотальном характере источниковедения. Что же касается тезиса о зависимости теоретических обобщений от состояния исследовательской практики, то гуманитарные науки знает немало примеров, когда синтез успешно предшествовал анализу эмпирического материала. Думается, что в случае с вещественными и визуальными источниками можно было решиться на их предварительную (гипотетическую) классификацию и по возможности учесть их в характеристике источниковой основы российской истории.

Коль скоро мы снова оказались в области теории источниковедения, то следует заметить, что определенная недосказанность дает знать о себе тогда, когда речь заходит о классификации источников. Далеко не всё существенное сказано об эвристических возможностях деления источников по способу фиксации содержащейся в них информации. Молчанием обходится факт существования рядом с языками естественными

языков условных (конвенциональных), в семиотике — первичных и вторичных знаковых систем. Можно было, на наш взгляд, обозначить и те трудности, которые возникают при попытке задействовать музыку («продукты» музыкального творчества) в качестве исторического источника. Но о музыке в пособии не говорится вообще ни слова.

Удивляет своей скупостью экскурс в историю источниковедения советского периода — не наберется и трех страниц авторского текста. Эта явная бедность не компенсируется неординарной по своим размерам библиографической справкой, приведенной в подстрочной ссылке. А между тем М. Ф. Румянцева сама провоцирует у читателя большие ожидания, заявив ранее, что источниковедение как самостоятельная дисциплина сформировалось «в полной мере» «только в специфическом советском контексте» (с. 19). Неудовлетворенный интерес к феномену советского источниковедения подогревается автором и отсылкой к своей статье, посвященной «теории отражения» (она фигурирует в самом начале «теоретической» части). Полемика с С. О. Шмидтом, Л. Н. Пушкаревым и И. Д. Ковальченко по проблемам определения исторического источника и классификации их множества говорит о наличии еще одного содержательного ресурса, который мог быть использован в представлении советского источниковедения.

Перейдем к источниковедению историографии. Представляется, что введенное в пособии понятие «историографический источник»

не лишает права на существование другого, близкого по смыслу — «источник историографического исследования». Его определение вместе с представлением соответствующих разновидностей должно было обрести свое законное место.

Как уже было отмечено, «целеполагание автора» историографического источника принято в качестве критерия для видовой классификации. Тут, правда, возникает вопрос: а не требуется ли в данном случае учитывать уровень профессиональной подготовки его создателя?

Нереализованной осталась возможность ввести наряду с понятиями социально ориентированного и научного знания понятие исторической мысли. Если бы таковая была признана в качестве части объекта историографического исследования, повысилась бы, разумеется, и степень видового разнообразия источников.

В представлении типов и видов источников по истории исторического знания не нашлось, к сожалению, места такому жанру, как курсы лекций по истории России. Как тут не вспомнить классику русской историографии начала XX в. — соответствующие труды В. О. Ключевского и А. А. Корнилова! Только в каком из двух типологических рядов оказались бы они?

Авторы «Источниковедения историографии» безоговорочно включают работы по историческому краеведению в группу источников, относящихся к социально ориентированному историописанию. Закрадывается вопрос: правильно ли это? Вряд ли можно оспорить вклад профессиональных

историков в конструирование местных исторических концепций.

Учебная литература (с некоторыми оговорками) фигурирует в первой группе. Однако «учебники по национальной истории» отправлены во вторую. Логика такого решения требует большей ясности.

Сравнивая между собой пособия 1998 и 2015 гг., нельзя не заметить, что текст последнего в большей степени адаптирован к потребностям собственно учебного процесса за счет его тщательной структуризации в теоретико-методологических частях. При всем том новейшее издание не только сохраняет, но и наращивает прежний интеллектуальный потенциал. Авторский коллектив не скрывает своих амбиций (в самом хорошем смысле этого слова). Уже во введении указаны две читательские группы, к которым он хотел бы адресоваться. Если это студенты, то прежде всего те из них, кто намерен не только освоить источниковедение «на высоком уровне профессионализма», но понимает образование «как образование личности в прямом смысле, т. е. работу над своей личностью и углубленную

саморефлексию». Тут же констатируется факт «сильной дифференциации» современного научного сообщества историков и гуманитариев по уровню профессионализма. А потом, по ходу изложения, лидер проекта М. Ф. Румянцев будет не раз сетовать на устарелость философско-теоретических представлений у значительной части исторического цеха в наши дни. Свою миссию в отношении архаистов с дипломами она и ее коллеги-соавторы видят в том, чтобы поднять мышление этого сегмента читательской аудитории на уровень современного понимания проблем источниковедения.

Хотелось бы надеяться, что поставленные задачи будут успешно решаться. Авторы пособия выполнили впечатляющую по своей масштабности и теоретической глубине образовательную часть работы, предполагающей сотворчество сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источниковедение 1998 — Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998.

Rec.: Iсточnikovvedenie: Ucheb. posobie / I. N. Danilevskii, D. A. Dobrovolskii, R. B. Kazakov i dr.; otv. red. M. F. Rumyanцева; Nac. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. 685, [3] s.

Kitaev Vladimir A. — doctor of Historical Sciences, Professor, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

REFERENCES

Iсточниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие.

I. N. Danilevskii, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumiantseva. Moscow: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 1998.

М. В. Медоваров

ЯКОБИТЫ В НОВОМ СВЕТЕ

Рец.: *Станков К. Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб.: Алетейя, 2016. 416 с. (Pax Britannica)

Юбилеи якобитских восстаний 1715–1716 и 1745–1746 гг., широко отмечаемые в последние два года в Англии и особенно Шотландии, ознаменовались выходом множества популярных изданий для широкой публики о династии Стюартов, якобитском движении, Куллоденской битве. К сожалению, советская и российская историография якобитизма если и не скудна количественно (число небольших научных статей на эту тему в последнее время стало исчисляться десятками), то, во всяком случае, бедна качественно. До недавнего времени существовала лишь одна обобщающая диссертация на эту тему (*Зарницкий* 1987). Новая монография К. Н. Станкова, венчающая собою целую серию его статей последних лет, позволяет говорить о качественном изменении данной историографической

ситуации — разумеется, наряду с учетом достижений Л. И. Ивониной, В. Ю. Апрыщенко и С. Г. Малкина.

Первая глава книги К. Н. Станкова поражает эрудированностью автора в зарубежной и отечественной историографии британской истории XVII–XVIII вв. Не ограничиваясь формальными характеристиками теорий различных историков, К. Н. Станков отдает явное предпочтение наиболее концептуальным из них, отказавшимся от устаревшего тезиса об узкоконфессиональной католической сущности политики Якова II в пользу рассмотрения его политики в широком контексте: начиная от широчайшей религиозной и национальной терпимости курса короля и заканчивая пересмотром попыток сравнения его курса с абсолютизмом Людовика XIV. Отнюдь не идя в хвосте у зарубежных историков, К. Н. Станков самостоятельно выделяет наименее изученные «белые пятна» в историографии: особенности мирной тактики сторонников Якова II до начала первой якобитской войны; политика Якова

¹ © Медоваров М. В., 2016

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); mmedovarov@yandex.ru

П в Ирландии; реалистическая оценка шансов короля на победу в противостоянии с Вильгельмом Оранским в разные годы; специфика якобитского движения собственно в Англии. Разумеется, автор отмечает растущую популярность культурологических и историко-антропологических исследований якобитизма как культурного и даже психологического феномена на протяжении целого столетия (с. 27).

Источниковая база исследования выгодно отличается от зарубежных аналогов обращением к источникам российского происхождения, начиная от дневника Патрика Гордона, который частично опубликован (*Гордон* 2000; 2003; 2005; 2009), частично утерян, а за последний период (1690–1699 гг.) продолжает храниться в РГВИА, и заканчивая придворными «Курантами» и грамотами Посольского приказа (с. 383–384). Большой интерес представляет судьба мемуаров самого Якова II в десяти томах, охватывавших период до его свержения: они погибли во время Великой французской революции, но отдельные их фрагменты были опубликованы ранее, и аутентичность этого текста вызывает споры (с. 47–49).

Книга К. Н. Станкова во многом основана на анализе биографий отдельных личностей и мотивов их деятельности. Предвосхищая общее впечатление от книги, хотелось бы сделать акцент на невероятной «текучести» политической ориентации большинства английских государственных деятелей конца XVII в. Почти все соратники Якова II времен его правления ра-

нее, до восшествия на престол, являлись его заклятыми врагами. Те, кто был настроен против короля и свергал его в 1688 г., уже вскоре в массе своей также превратились в его сторонников. Имели место и обратные случаи. По прочтении монографии К. Н. Станкова складывается устойчивое впечатление, что диаметрально менять свою мировоззренческую и политическую позицию было нормальным явлением в Англии той эпохи. Уже сам по себе этот факт заслуживает внимания: он лишней раз подчеркивает, что личные и клановые интересы явно преобладали над идеологическими, а характеризовать политику Якова II как исключительно «католическую» или «абсолютистскую» вовсе невозможно, учитывая широчайший диапазон его сторонников (как, впрочем, и противников).

Во второй главе К. Н. Станков признает, что для трехлетнего правления Якова II в Англии и Шотландии были характерны попытки резко улучшить положение католиков, но только наряду с повышением статуса радикальных протестантских сектантов, из которых наиболее ярким приверженцем короля являлся знаменитый Уильям Пенн, основатель Пенсильвании. Не отказывался король и от поиска опоры внутри англиканской церкви. При этом кадровая политика Якова II была подчас излишне прямолинейной и раздражала многих; лишь накануне свержения он стал проявлять незаурядную гибкость. Вполне оправданным представляется выделение в отдельные параграфы рассмотрения военных реформ короля (как доказывает автор, многое из сделанного им навсегда остави-

ло след в формировании регулярной английской армии и флота нового типа) и его шотландской и ирландской политики. Детальное рассмотрение клубка противоречий между различными соратниками Якова II, их взаимных интриг, противостояния их политических программ является отличительной чертой всего труда К. Н. Станкова. Заслуживает внимания общий вывод автора, что за годы своего недолгого правления Яков II успел осуществить ряд крайне полезных реформ в религиозной, военной и образовательной сфере, которые подчас опережали свое время более чем на столетие и потому остались непонятны многим современникам (с. 122–123).

Третья глава посвящена скрупулезному рассмотрению переворота 1688–1689 гг. и способна преподнести немало сюрпризов российскому читателю. Так, выясняется, что большинство противников Якова II вовсе не желали видеть Вильгельма III на английском троне, и произошедшая узурпация стала для них неожиданностью. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, почему, вернувшись в Лондон, Яков II вторично сбежал оттуда в конце 1688 г.: странное сочетание робости, промедления и нежелания усугублять кровопролитие имело не менее фатальные последствия, чем отказ короля нанести удар всей своей армией по оранжистским войскам, когда победа была ему практически гарантирована (с. 147–152). Подобные ошибки и необъяснимые промахи Яков II продолжал совершать и в дальнейшем.

Детально анализируя состав и мотивы первоначального ядра якобитов

(с. 152–161), автор вскрывает ряд причин, не позволивших Якову II в конце 1688 г. вовремя сосредоточить достаточно сил и быстро отреагировать на вторжение Оранского (с. 161–162). В то же время впервые в мировой историографии столь подробно освещен период борьбы якобитов мирными средствами в английском и шотландском парламентах до весны 1689 г., когда судьба двух корон висела на волоске и лишь с минимальным перевесом после четырех месяцев подковерных интриг Вильгельм и Мария были провозглашены монархами Англии и Шотландии. Во многом этому способствовала опрометчивость Якова II, пошедшего на поводу у Мелфорта и вопреки мнению большинства своих сторонников подписавшего чрезвычайно резкое воззвание к Конвенции сословий (с. 191–192). Представляет большой интерес и рассмотрение причин перехода многих бывших радикальных противников Якова II на его сторону весной 1689 г. — Вильгельм Оранский теперь стал казаться им куда большим тираном, нежели его свергнутый предшественник (с. 197–206).

В пятой главе, посвященной якобитской войне 1689–1692 гг. в Ирландии и Шотландии, тонкий анализ военно-дипломатического расклада сил в Европе на фоне постоянных боевых действий между Францией и остальными державами сочетается с рассмотрением особенностей боевого искусства якобитов и оранжистов. Не забывает К. Н. Станков уделить внимание и таким аспектам, как разногласия между Людовиком XIV и якобитами по вопросу о конечных целях и средствах их

борьбы против Оранского или политика Якова II в качестве короля Ирландии в эпоху Патриотического парламента 1689 г. и после нее (с. 215–218). Десятки страниц посвящены победе при Килликранки и гибели виконта Данди, после чего, по мнению автора, Яков II остался без гениальных полководцев, а также неудачным заговорам Монтгомери и Престона. Почему-то гораздо меньше внимания в книге уделено решающей битве на реке Бойн — одному из крупнейших европейских сражений своей эпохи, когда Яков II вновь отступил в одном шаге от победы и в итоге проиграл всю войну. Впрочем, якобитская армия и после этой битвы сохранилась как боеспособное целое, а по Лимерикскому договору 1691 г. Вильгельм III позволил ей беспрепятственно уйти на службу французскому и испанскому королям (событие, вошедшее в историю под названием «перелет диких гусей»). Завершает пятую главу критический анализ резни в Гленкоу 1692 г., несмотря на свой ограниченный масштаб ставшей на столетия вперед тяжелой травмой для шотландского самосознания (с. 282–284).

Шестая глава освещает события 1692–1701 гг. После анализа причин провала плана высадки франко-якобитского десанта в 1692 г., по мнению автора, центр активности сторонников Якова II вновь перемещается из Ирландии и Шотландии в Англию. К. Н. Станкову удается показать, что в 1694–1696 гг. было несколько моментов, когда власть Вильгельма III висела на волоске, но Яков II каждый раз упускал благоприятный момент, не оказывая нуж-

ной поддержки своим сторонникам. Якобитам удалось создать «параллельное государство», расставив своих сторонников на ключевые посты в английском правительстве, армии и флоте, однако приказа выступить и действовать скоординированно они так и не дождались (с. 301–310). Хотя К. Н. Станков и считает очень удачным и гениальным документом декларацию Якова II от 17 апреля 1693 г., объявляющую широчайшую амнистию и политические уступки с целью сплочения всех недовольных Оранским сил в Трех Королевствах (с. 334–338), она не возымела реальных последствий из-за продолжавшейся внутренней борьбы между сподвижниками короля, расколотыми на «непримиримых» и «умеренных». В итоге, когда военная обстановка позволила подготовить второй франко-якобитский десант на рубеже 1695–1696 гг., все приготовления опять сорвались из-за нежелания Якова II подвергнуть риску жизнь своего главного врага Вильгельма III (с. 312–319). После этого якобитам оставалось лишь лучше обустроиться во Франции вокруг Сен-Жерменского двора своего короля (с. 320–334). Признание Францией де-юре Вильгельма III по Рисвикскому миру на время подорвало позиции Якова II: от него отвернулись и папство, и Габсбурги, и немецкие князья. Окончательно сломленный, Яков II перед смертью простил всех своих личных и политических врагов, что послужило дополнительным аргументом во время подготовки к процедуре его канонизации католической церковью — впрочем, не законченной и по сей день (с. 345).

Последний параграф труда К.Н. Станкова посвящен деятельности якобитов в России в конце правления Софьи и начале правления Петра I. Безусловно, самым выдающимся из них был Патрик Гордон, имевший огромный вес при дворе Якова II (с. 346–367). Благодаря его усилиям, Россия не признавала Вильгельма Оранского вплоть до весны 1691 г. (с. 363), и даже после этого Петр продолжал поддерживать якобитов до начала Великого посольства (с. 366). Карьера сына Гордона, Джеймса, шла в гору в России и после смерти отца (с. 367–370). К.Н. Станков вскользь касается и судеб других якобитов на русской службе в конце XVII в., хотя расцвет их деятельности придется уже на XVIII столетие.

В заключение (с. 376–382) автор подводит итоги своего исследования, особо выделяя основное противоречие между весьма широкой социальной базой Якова II и его многократными реальными шансами вернуть себе власть, которые он каждый раз упускал из-за досадных промахов: то отсутствия гибкости, то несогласованности действий различных фракций своих сторонников, то робости и отсутствия военного гения. Нельзя списывать со счетов и тот факт, что лишь немногие современники (в их числе, например, епископ Фрэнсис Тёрнер) предвидели, что сохранение у власти Вильгельма III в перспективе повлечет за собой распространение атеистических и республиканских идей по всей Европе. С другой стороны, подтверждается старый вывод М. Хэя о том, что религиозный и внутриполитический курс Якова II намного опередил свою

эпоху и предвосхитил события XIX–XX вв.

Монография К.Н. Станкова, безусловно, является настоящим прорывом в отечественной историографии якобитского движения. Даже по сравнению с лучшими из англоязычных монографий (*Callow* 2004; *Szechi* 2009) она представляет собой явный шаг вперед, будучи основанной на кропотливой работе с сотнями наименований источников и научных трудов. Книга К.Н. Станкова в значительной степени корректирует бытующие даже среди историков стереотипы о британской политической культуре как якобы последовательно протестантской и либеральной. На смену представлениям о мнимой легкой и бескровной победе «Славной революции» приходит осознание изнурительного столетнего противостояния на равных двух политических культур, оранжистской (позже ганноверской) и якобитской, со своими системами ценностей и поведенческих норм, причем такие крупнейшие деятели XVIII в., как Джонатан Свифт и Сэмюэль Джонсон, оказываются принадлежащими к якобитской культуре (*Лабутина* 1995; *Косых* 2013). Противостояние двух культур отчасти сгладились к концу XVIII в., но его отголоски можно ощутить и у ряда авторов XIX в. (В. Скотт, Дж. Макдональд, Дж. Рёскин), и даже сегодня, когда в Шотландии снова вспыхивают страсти по поводу резни в Гленкоу в 1692 г. и поведения «мясника Камберленда» в 1746 г. (*MacGillivray* 2016)

Книга К.Н. Станкова завершается смертью Якова II и его главного противника Вильгельма III в конце 1701 – начале 1702 г. Безусловно,

хочется пожелать автору продолжить исследования якобитского движения в XVIII в. вообще и в связи с Россией в особенности, тем более что существующие историографические прецеденты (Wills 2002) не являются полными и настойчиво требуют продолжения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гордон 2000 – Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000.

Гордон 2003 – Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2003.

Гордон 2005 – Гордон П. Дневник. 1677–1678. М., 2005.

Гордон 2009 – Гордон П. Дневник. 1684–1689. М., 2009.

Зарницкий 1987 – Зарницкий Г. С. Якобитское движение в Великобритании в кон-

це XVII – первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Косых 2013 – Косых Т. А. Политическое кредо доктора Джонсона: якобит или тории? // Запад, Восток и Россия: Символы Власти и Власть Символа: Вопросы всеобщей истории. Вып. 15. Екатеринбург, 2013. С. 243–249.

Лабутина 1995 – Лабутина Т. Л. «Консерватор» Свифт и «реформатор» Дефо // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 39–48.

Callow 2004 – Callow J. King in Exile. James II: Warrior, King and Saint. Thrupp, 2004.

MacGillivray 2016 – MacGillivray (Norrie K.) The Nine of Diamonds: Surroial Mordantless. Edinburgh, 2016.

Szechi 2009 – Szechi D. The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788. Manchester; N. Y., 2009.

Wills 2002 – Wills R. The Jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton, 2002.

The Jacobites in a new perspective. Rec.: Stankov K. N. Korol' Yakov II Styuart i stanovlenie dvizheniya yakobitov. 1685–1701. SPb.: Aleteiya, 2016. 416 s. (Pax Britannica)

Medovarov Maxim V. – candidate of Historical Sciences, senior lecturer, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

REFERENCES

Callow J. *King in Exile. James II: Warrior, King and Saint*. Thrupp, 2004.

Gordon P. *Dnevnik. 1635–1659*. Moscow, 2000.

Gordon P. *Dnevnik. 1659–1667*. Moscow, 2003.

Gordon P. *Dnevnik. 1677–1678*. Moscow, 2005.

Gordon P. *Dnevnik. 1684–1689*. Moscow, 2009.

Kosykh T. A. Politicheskoe kredo doktora Dzhonsona: iakobit ili torii? *Zapad, Vostok i Rossiia: Simvol'y Vlasti i Vlast' Simvola: Voprosy*

useobshchei istorii. Iss. 15. Yekaterinburg, 2013. P. 243–249.

Labutina T. L. “Konservator” Svift i “reformator” Defo. *Voprosy istorii*. 1995. N 11–12. P. 39–48.

MacGillivray (Norrie K.) *The Nine of Diamonds: Surroial Mordantless*. Edinburgh, 2016.

Szechi D. *The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788*. Manchester; New York, 2009.

Wills R. *The Jacobites and Russia, 1715–1750*. East Linton, 2002.

Zarnitskii G. S. *Iakobitskoe dvizhenie v velikobritanii v kontse XVII – pervoi polovine XVIII v.: dis. ... kand. ist. nauk*. Moscow, 1987.

Э. Ю. Россман

БЕРЛИН И DEATH STUDIES: ПОЧЕМУ СТОИТ ЧИТАТЬ КНИГУ МОНИКИ БЛЭК

Рец.: *Блэк М.* Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии / Пер. с англ. В. А. Третьяковой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 408 с.

Монография Моники Блэк, американской исследовательницы, профессора Университета Теннесси в Ноксвилле, вышла на английском языке в 2010 г. Книгу выпустило издательство Кембриджского университета. Работу хорошо приняло международное историческое сообщество, о чем свидетельствуют тексты рецензий¹ и тот факт, что исследование было отмечено Центральноевропейским историческим обществом (Central European History Society), а также получило премию им. Ганса Розенберга как выдающийся труд по истории Центральной Европы. На русском языке монографию опубликовало издательство «Новое литературное обозрение» в первой половине 2015 г., и пока что работа не получила ни одной разверну-

той рецензии: можно найти лишь несколько коротких упоминаний о ней в СМИ, а также публикации глав в интернет-изданиях. В нашей статье мы попробуем исправить эту ситуацию.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ

Монография Блэк состоит из шести глав, введения и заключения. Работа организована по хронологическому принципу: первая глава посвящена «смерти в Берлине на рубеже 1920–1930-х годов», останавливается исследовательница на 1961 г. — годе возведения Берлинской стены.

Первый вопрос, возникающий даже при поверхностном знакомстве с книгой: почему автор выбрала именно этот временной период. Блэк отвечает на него во введении: ее интересует, как представления, связанные со смертью, и ритуалы погребения трансформировались в Берлине сначала в связи с невиданным количеством смертей в Первую мировую войну, а потом — с не менее страшными потерями

© Россман Э. Ю., 2016

Россман Элла Юрьевна — бакалавр культурологии, выпускница Школы культурологии НИУ ВШЭ (г. Жуковский Моск. обл.); eyurossman@gmail.com

¹ См., напр.: (*Blessing* 2010: 354–355; *Fenemore* 2011: 681–682; *Gregor*). В открытом доступе также есть отдельные реплики из рецензий и отзывы исследователей: <http://www.cambridge.org/us/academic/subjects/history/twentieth-century-european-history/death-berlin-weimar-divided-germany>.

Второй мировой. Автора интересует и то, как в переживающем эти войны Берлине один за другим установились четыре различных режима и как идеологии этих режимов влияли на похоронные ритуалы и способы говорить о смерти.

Последний момент кажется наиболее интересным, в том числе потому, что он позволяет по-новому взглянуть на одно из знаковых явлений XX в., принесшее многочисленные изменения в области международного права, академического знания и самоощущения граждан разных стран: речь, конечно, о национал-социализме. За 70 лет, прошедших со времен краха нацистского режима, он был многократно описан и осмыслен в научной и художественной литературе. В академической сфере нацизм — а в частности, методы, с помощью которых нацисты пришли к власти и продержались целых 12 лет — рассматривался в самых разных плоскостях и при привлечении разных методов. Работа Моника Блэк, на наш взгляд, ценна именно тем, что исследовательнице удалось найти новую точку зрения на это явление. Поэтому единственная глава, посвященная национал-социализму, кажется нам центральной и наиболее сильной во всей монографии. Рассмотрим подробнее ее содержание.

«КУЛЬТУРА К СМЕРТИ» В ПРОПАГАНДЕ НАЦИСТОВ

Для антропологов не будет новостью, что практики и представления, связанные со смертью, являются сферой, в которой фиксируются

мельчайшие особенности организации тех или иных обществ. В случае с идеологиями смерть (по материалам, приведенным Блэк, — во всех четырех немецких режимах) оказывается ключевым топосом государственной пропаганды. В то же время связанная со смертью сфера повседневных практик остается резистентной к прямому влиянию «сверху». Во многом это происходит благодаря табу, связанному с разными аспектами погребения и говорения о смерти, — табу, которые есть в каждом обществе и нарушение которых может вызвать непредсказуемую реакцию людей, вплоть до массовых протестов и открытого насилия². Из-за этих табу практики, связанные со смертью, даже в тоталитарных режимах остаются сферой, открытой и в некоторой степени безопасной для свободного выражения своих идей и настроений разными слоями населения.

Перспектива, которую предлагает Блэк, позволяет говорить о жителях национал-социалистического Берлина не как о пассивных заложниках режима, «загипнотизированных» нацистской пропагандой, но и как об активных участниках всего, что происходило в городе и за его пределами. Например, согласие большинства горожан с «ариезацией» еврейских кладбищ при таком рассмотрении становится ярким политическим жестом, суть кото-

² Примером таких реакций могут быть потасовки на улицах веймарского Берлина, где вопрос о смыслах многочисленных жертв Первой мировой мог вызывать конфликтные ситуации, зачастую заканчивавшиеся стычками. Об этом см.: (Блэк 2015: 85).

рого нельзя свести к «незнанию» истинного положения дел или «недопониманию» ситуации. Неуважительное отношение к немецким кладбищам, в котором подозревались власти время от времени, воспринималось берлинцами крайне остро, так что в этом случае речь вряд ли идет о культурной нечуткости населения. История с кладбищами, как и другие истории в этой книге, показывает, как быстро государственный антисемитизм был воспринят немецким народом — и насколько крепко он уже «сидел» в головах людей до пришествия Гитлера к власти. В этом аспекте Моника Блэк подтверждает многочисленные данные немецких и американских историков нацистской Германии, пишущих со времен «антропологического поворота» и становления дисциплины истории повседневности³, добавляя к их работкам новые подробности.

Исследование изменений того, как берлинцы говорят о смерти и загробном мире, как хоронят близких и ухаживают за их могилами, позволяет обнаружить и глубинные травмы немецкого социума веймарского периода, «больные места», которые использовали национал-социалисты в своей пропаганде. В основном, речь идет о попытке нацистов по-новому интерпретировать ошеломившие берлинцев по своему числу и характеру⁴ смерти в Первую мировую. Блэк предлагает подумать над следующим вопросом: что ока-

залось в большей степени соблазнительным для немцев в пропаганде НСДАП: обещание экономических благ в период кризиса или же указания нацистских пропагандистов на то, что только они могут превратить бессмысленные смерти немецких солдат из ненужной жертвы в исполненный значением подвиг героев-«первопроходцев», своей жизнью заплативших за тысячелетнее процветание рейха. Тела этих «героев» в пропаганде становились инструментом колонизации иных земель: кровь и плоть немецких солдат превращала «почву» чужих территорий в земли рейха (Блэк 2015: 126–130). По Блэк нацизм явил собой движение, «вдохновленное и руководимое желанием искупить смерть», и эта его черта могла быть определяющей (и не осмысленной при этом рационально) для берлинцев, выбиравших, за кого им проголосовать на выборах 1933 года (Блэк 2015: 93).

ГОРОД ДОРОГ: РАЗНЫЕ ИСТОРИИ В ЕДИНОМ «СРЕЗЕ»

Перспектива, предложенная Блэк, имеет важное достоинство, на котором имеет смысл остановиться отдельно. Взгляд на историю города с позиций антропологии смерти позволяет описывать и жизнь обычных берлинцев, и истории жертв Шоа — две реальности, сосуществующие в книге так же, как они сосуществовали в пределах города и страны. Нам, живущим в эпоху после Катастрофы, может быть сложно представить, как уживались в одном пространстве чинные берлинские «фрау», ухаживавшие

³ Об этом см., напр.: (Журавлев 2010).

⁴ Речь идет о новых типах ранений, появившихся с возникновением нового оружия в Первую мировую и производивших страшное впечатление на людей.

за могилами сыновей, мужей и отцов⁵, и еврейские семьи, скрывавшиеся внутри склепов и за монументами кладбищ от преследований. В книге эти истории описаны как часть противоречивой повседневности одного города.

Особенность современного восприятия нацизма связана с тем, что после обнародования сведений о преступлениях национал-социалистов режим начали репрезентировать в качестве «трансгрессивного другого», чья сущность принципиально «внечеловечна», в некотором роде «порнографична» и потому может быть даже недоступной для осмысления. Подобные репрезентации можно найти как в области массовой, так и в сфере «высокой» культуры. Например, на рубеже 60-х и 70-х в сфере «высокой культуры» появились два значимых фильма, включающих подобные репрезентации, — «Ночной портье» Лилианы Кавани и «Гибель богов» Лукино Висконти. Яркий пример из массовой культуры: чуть ранее, в 60-х, еще в период «дела Эйхмана» в Израиле распространились так называемые «Шталаг» — порнографические комиксы, в которых повествование выстраивается вокруг образа сексуально привлекательной и жестокой смотрительницы концентрационного лагеря, издевающейся над главным героем⁶. Можно вспомнить и более современные произведе-

ния, например, документальный мини-сериал 2003 г. «Гитлер: восхождение дьявола». Предлагаемым в этих произведениях эмоционально окрашенным образом «нациста» или — шире — «фашиста», трансгрессивного другого и «идеального врага», легко манипулировать: не случайно он часто появляется в различных дискуссиях на общественные и политические темы, в том числе в российском публичном поле.

В таком контексте разговор о смерти, казалось бы, тоже явлению трансгрессивном и «внечеловеческом», позволяет «склеить» расколотую картинку, демифологизировать ее и проанализировать нацизм как повседневность — и как процесс. Этот анализ, подчеркнуто далекий от расхожих образов и коннотаций, делает книгу Блэк особенно ценной, особенно в России, где наблюдается недостаток разносторонних исследований нацизма, литературы, основанной на архивных материалах и достоверных сведениях.⁷

Исследование представлений о смерти и связанных с ней практик у берлинцев также дает возможность фиксировать и находить подтверждение описанным ранее другим особенностям немецкого общества (точнее будет — «немецких обществ») в рассматриваемое автором сорокалетие истории Берлина. Похоронные ритуалы и представления о смерти позволяют судить о гендерном порядке в различных «Германиях», об особенностях социальной стратификации (что актуально в том числе в разговоре о Третьем

⁵ Как показывает Блэк, практики захоронения и ритуалы посещения могил во всех четырех «Берлинах» имели отчетливую гендерную окраску, это была одна из черт, объединивших столь разные режимы.

⁶ Об этом см. документальный фильм «Шталаг» (Stalags, реж. Ари Либскер, 2008).

⁷ Об этом см. (Тесля б/д).

рейхе, где, по словам лидеров этого государства, классовость общества была упразднена и марксистская повестка стала абсолютно неактуальной⁸) и о многом другом. Интересным образом материал, найденный Блэк, позволяет говорить о послевоенном Берлине — или «Берлинах». Исследовательница выявляет не только очевидные различия между всё более отдалявшимися друг от друга частями города, но и внутренние трудноуловимые сходства, которые часто не рассматриваются в работах, посвященных Берлину 50-х. Эти сходства, как пишет исследовательница, обнажились, когда в обоих «Берлинах» возник вопрос о том, как должна вестись публичная дискуссия о могилах немецких солдат, сражавшихся на стороне Третьего рейха и похороненных в черте города. Именно в области разговора о смерти денацификация, как можно вывести из работы Блэк, проходила особенно тяжело и долго — и на Западе, и на Востоке.

***

Хочется отдельно отметить, что архивные материалы по вопросу, к которому обращается Блэк, по словам самой исследовательницы, весьма разрозненны и не могут фиксировать всех деталей похоронных практик. Осталось множество директивных документов, однако то, как осуществлялись практики на деле, редко фиксировалось письменно. Тем не менее Блэк удается реконструировать картину происходившего, и делает она это очень тонко и мастерски.

Книгу, вышедшую в издательстве «Новое литературное обозрение», отличает прекрасный перевод на русский язык, выполненный В.А. Третьяковой. В русскоязычном варианте текста хорошо передан оригинальный, несколько утяжеленный стиль Моники Блэк, необычный для современных англоязычных монографий. В целом, работу можно назвать *must read* для исследователей идеологий, политтехнологий и подобных феноменов, так как она предлагает новый взгляд на эти явления — подход, позволяющий не «отрывать» элементы официального дискурса от повседневных практик представителей общества, на который этот дискурс призван воздействовать. Книга может быть интересна и широкому кругу читателей, интересующихся организацией разных режимов и желающих найти новые «пути» для их осмысления.

Интересно, что «путь», предложенный Блэк, актуализировался в среде российских исследователей в том же году, в котором вышел русский перевод книги. Осенью 2015 г. появился первый номер журнала «Археология русской смерти», полностью посвященный оптике *death studies* в изучении российского и советского общества. Возможно, такой интерес к дисциплине вызван желанием со стороны интеллектуалов найти новые источники и способы понять, как устроен нынешний российский режим — и любые другие режимы. В последнее время, когда намеренно подогреваемая агрессия в общественной сфере и информационный «шум» масс-медиа делает почти неразличимым

⁸ Об этом см., напр.: (Rupp 1979; Fisher 1996).

происходящее вокруг, поиск таких новых позиций взгляда кажется насущным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блэк 2015 — Блэк М. Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии / Пер. с англ. В.А. Третьяковой. М., 2015.

Журавлев 2010 — Журавлев С.В. Предисловие: история повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3–27.

Тесля б/д. — Тесля А. Пока еще ничего не кончилось. Рец.: Нойманн Ф.Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. URL: <http://>

gefter.ru/archive/14732 (дата обращения 22.11.2015).

Blessing 2010 — Blessing B. Review of Monica Black. Death in Berlin: From Weimar to Divided Germany (Cambridge: Cambridge UP, 2010) // Central European History. 2010. P. 354–355.

Fenemore 2011 — Fenemore M. Death in Berlin: From Weimar to Divided Germany // German History. 2011. Vol. 29. N 1. P. 681–682.

Fisher 1996 — Fisher C. The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany. 1996.

Gregor б/д. — Gregor N. Рец.: The American Historical Review <http://ahr.oxfordjournals.org/content/117/2/625.2.full> (дата обращения 23.12.2016).

Rupp 1979 — Rupp L.J. Women, Class, and Mobilization in Nazi Germany // Science and Society. 1979. N 43 (Spring).

Berlin and Death Studies: why you should read the book by Monica Black. Rec.: Black M. Smert' v Berline: ot Veimarskoi respubliki do razdelennoi Germanii / Per. s angl. V. A. Tret'yakovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 408 s.

Rossman Ella Y. — bachelor of arts degree, graduate School of cultural studies, HSE (Zhukovsky, Moscow. reg.), eyurossman@gmail.com

REFERENCES

Black M. *Smert' v Berline: ot Veimarskoy respubliki do razdelennoy Germanii*. Transl. V.A. Tret'yakovoy. Moscow, 2015.

Zhuravlev S.V. Predislovie: istoriya povsednevnosti — novaya issledovatel'skaya programma dlya otechestvennoy istoricheskoy nauki. Lyudtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti*. Moscow, 2010. P. 3–27.

Teslya A. *Poka eshche nichego ne konchilos'*. Ret.s.: Noymann F. L. *Begemot. Struktura i praktika natsional-sotsializma 1933–1944*. URL: <http://gefter.ru/archive/14732> (date of access 22.11.2015).

Blessing B. Review of Monica Black. Death in Berlin: From Weimar to Divided Germany (Cambridge: Cambridge UP, 2010). *Central European History*. 2010. P. 354–355.

Fenemore M. Death in Berlin: From Weimar to Divided Germany. *German History*. 2011. Vol. 29. N 1. P. 681–682.

Fisher C. The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany. 1996.

Gregor N. *Peu.: The American Historical Review* <http://ahr.oxfordjournals.org/content/117/2/625.2.full> (date of access 23.12.2016).

Rupp L.J. Women, Class, and Mobilization in Nazi Germany. *Science and Society*. 1979. N 43 (Spring).

А. С. Стыкалин

Рец.: Новосельцев Б.С. Внешняя политика Югославии (1961–1968). М.: Институт славяноведения, 2015. 352 с.

Специфика югославской модели социализма, сложившейся в особых условиях, под влиянием мощного внешнеполитического вызова (разрыва Советского Союза и его сателлитов с Югославией в 1948 г. и последующей массивной антиюгославской кампании, балансировавшей вплоть до смерти Сталина на грани перерастания в настоящую войну), неоднократно становилась предметом изучения в отечественной историографии. Основное внимание исследователей привлекали функционирование экономического механизма в титовской Югославии, межнациональные и межреспубликанские отношения в рамках югославской федерации, где с каждым новым десятилетием усиливались дезинтеграционные, центробежные тенденции. Из внешнеполитических сюжетов неплохо изучены проблемы советско-югославских отношений (истоки и дальнейшее развитие конфликта 1948 г. в работах Л. Я. Гибианского¹, процесс нормализации советско-югославских отношений в 1953–1956 гг. в фундаментальной монографии А. Б. Едемского (*Едем-*

ский 2008)). В книге А. С. Аникеева (*Аникеев* 2002) были рассмотрены основные моменты, связанные с выходом Югославии из внешнеполитической изоляции после ее разрыва с советским блоком, с активизацией как ее региональной политики (Балканский пакт 1950-х гг.), так и отношений с США и ведущими западноевропейскими державами. Однако внешняя политика Югославии в 1960-е гг. (не считая разве что ее позиции в условиях Пражской весны и военного вмешательства ряда стран Организации Варшавского договора в Чехословакии в 1968 г.) изучена у нас была весьма слабо, и в силу этого книга Б. С. Новосельцева заполнила немалую лауну в отечественной историографии международных отношений новейшего времени. Лауну тем более существенную, учитывая, что ФНРЮ (преобразованная в тех же 1960-х гг. в СФРЮ) не только проводила активную, динамичную внешнюю политику, но была весьма сильным игроком на мировой арене, причем ее политический вес был непропорционален реальному экономическому и оборонному потенциалу страны. Влиянию СФРЮ способствовал, конечно, большой международный авторитет маршала Тито, выдающегося политика, осмелившегося не подчиниться диктату Сталина и при этом сохранившего в очень непростых внешнеполитических условиях приверженность ведомой им страны коммунистическому выбору. А в еще большей мере этому

© Стыкалин А. С., 2016

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

¹ См. прежде всего фундаментальную публикацию материалов трех совещаний Коминформа с большим научным аппаратом и статьями Л. Я. Гибианского, Г. М. Адиебекова (Совещания Коминформа 1998).

способствовала роль титовской Югославии как одного из инициаторов и по сути дела лидеров Движения неприсоединения, которое в некоторые исторические периоды выступало значительным фактором мировой политики, не просто балансируя на противоречиях между двумя противостоявшими в холодной войне блоками, но и в известной мере являясь амортизатором межблоковых конфликтов.

Конечно, отдельные проблемы, затронутые в монографии, становились предметом изучения историков в странах пост-югославского пространства². Однако в самые последние годы был введен в научный оборот огромный комплекс архивных документов, которые еще несколько лет назад не были доступны исследователям. Речь идет прежде всего о записях встреч лидеров СССР и Югославии на высшем уровне, в ходе которых обсуждались важнейшие проблемы мировой политики: стороны обменивались мнениями по поводу тех или иных внешнеполитических шагов друг друга, советовались, прилагали усилия в целях координации своей линии на некоторых направлениях (проблемы разоружения, европейской безопасности, германский вопрос, перманентный ближневосточный кризис, активизация антиколониального движения в странах Азии и Африки). Имеются в виду и некоторые другие источники, также лишь в самое последнее

² См., например, сербские сборники статей по ключевым проблемам внешней политики Югославии в 1950–1960-х гг. и в том числе в условиях чехословацкого кризиса 1968 г.: (Spoljna politika Jugoslavije 2008; 1968 – четрдесет годин после 2008).

время становящиеся достоянием заинтересованного читателя (переписка лидеров двух стран, записи встреч советских руководителей с югославскими дипломатами, справки и записки по проблемам отношений с СФРЮ, готовившиеся для руководства СССР). Первые фундаментальные издания всего этого круга источников вышли совсем недавно в обеих странах³, причем в работе над комментариями и научным аппаратом к ним принял активное участие и автор рецензируемой монографии.

Монография Б. С. Новосельцева — это, на наш взгляд, первый в международной историографии труд по истории внешней политики Югославии 1960-х гг., сделанный на новой документальной базе, с привлечением источников, еще недавно неизвестных исследователям. Дело отнюдь не ограничивается осмыслением документов, вошедших в вышеупомянутые сборники. Следует отметить ценные находки самого автора, проводившего скрупулезные изыскания в архивах как Москвы, так и Белграда. Им изучены фонды референтуры по Югославии, США, Египту и Вьетнаму в Архиве внешней политики Российской Федерации, фонды комиссии по иностранным делам ЦК СКЮ, кабинета президента СФРЮ и союзного министерства иностранных дел СФРЮ в сербских архивах. Введенные исследователем в научный оборот документы дополняют новыми конкретными сведениями наше знание о поездке Тито в США в октябре 1963 г., взаимоотношениях титовской Югославии

³ См.: (Встречи и переговоры 2014; Југославија 2014).

с ее соседями по Балканам и партнерами по Движению неприсоединения, реакции на войну во Вьетнаме и «шестидневную войну» 1967 г. на Ближнем Востоке.

Монография Б.С. Новосельцева хорошо вписывается в историографический контекст, предлагая свой ответ на недостаточно изученные или остающиеся дискуссионными вопросы. Если роль Югославии в Движении неприсоединения, отношения Тито с влиятельнейшими политиками «третьего мира» Дж. Неру, Г.-А. Насером, позиция официального Белграда в условиях Суэцкого кризиса 1956 г. и шестидневной войны 1967 г. становились в той или иной мере специальным предметом рассмотрения, то активизация в середине 1960-х гг. европейского вектора в политике режима Тито не привлекала, насколько нам известно, достаточного внимания исследователей. На основании проанализированных документов автор показывает, как в условиях усилившихся противоречий и центробежных тенденций в Движении неприсоединения (они были связаны с обострившимся индо-пакистанским территориальным спором, с резким прокитайским креном в политике режима Сукарно в Индонезии, с неоднозначным отношением в «третьем мире» к государственному перевороту в Алжире в июне 1965 г. и свержению режима Бен Беллы) в Белграде в известной мере разочаровались в продуктивности «афро-азиатской» политики и перенесли в середине 1960-х гг. центр своей внешнеполитической активности на Европу, выдвинув ряд инициатив в области создания механизма европейской безопасности,

призванных привлечь внимание как западных держав, так и союзников СССР. Пожалуй, только победоносная война Израиля против давнего партнера Югославии по Движению неприсоединения Египта и его арабских союзников в июне 1967 г. (так называемая «шестидневная война») стала тем событием, которое вновь актуализировало для официального Белграда ближневосточный внешнеполитический вектор.

В работе неплохо показана динамика советско-югославских отношений начиная с Белградского саммита движения неприсоединения в сентябре 1961 г. Заявленная на нем в речи Тито внешнеполитическая программа Югославии вызвала позитивный отклик в Москве своей антиимпериалистической и антиколониальной риторикой. С другой стороны, советским лидерам импонировала публично выраженная в выступлениях Тито 1962 г. решимость, не порывая с внеблоковой политикой, встать вместе с тем на сторону КПСС в обострившейся с начала 1960-х гг. ее полемике с КПК по вопросу об отношении к войне и миру. Показательно, что в декабре 1962 г. на сессии Верховного совета СССР в присутствии Тито, впервые после венгерских событий 1956 г. посетившего СССР, Хрущев противопоставил авантюристической левацкой политике Китая и Албании, угрожающей делу мира во всем мире, стремление Югославии к сближению позиций с СССР и его союзниками по ключевым международным проблемам (разоружение, германский вопрос и т.д.). Позитивная динамика советско-югославских отношений вплоть до 1968 г. сохранялась и после смены руководства

КПСС в октябре 1964 г. В 1965–1966 гг. И. Броз Тито и Л. И. Брежнев обмениваются государственными визитами, в ходе долгих бесед выявив общность или близость подходов к целому ряду проблем международных отношений (вопросы европейской безопасности, война во Вьетнаме, урегулирование национально-территориальных споров в «третьем мире» и т. д.). Подчеркивая сохраняющуюся внеблоковую направленность югославской внешней политики, руководство СКЮ дистанцировалось от участия в проведенной под эгидой Москвы в апреле 1967 г. конференции европейских компартий в Карловых Варах, настаивая на созыве более широкого совещания левых сил, не ограниченного одними лишь коммунистами. Однако всего через полтора месяца, в июне, неприсоединившаяся Югославия в отличие от союзной с СССР Румынии всецело солидаризировалась с позицией СССР, занятой в связи с нападением Израиля на соседние арабские государства («шестидневная война»). Вместе с руководителями стран-членов ОВД югославские лидеры приняли участие (что было очень редким случаем) в московском (9–10 июня) и будапештском (середина июля) совещаниях европейских социалистических стран, посвященных выработке общей тактики в условиях глубокого кризиса на Ближнем Востоке. Столь определенная антиизральская позиция СФРЮ явилась не столько знаком дальнейшего сближения с Москвой, сколько была адресована арабскому миру, призвана была продемонстрировать верность Белграда своим традиционным союзникам по Движению неприсоединения (иная тактика подорвала бы внешне-

политическое влияние СФРЮ и популярной в «третьем мире» югославской модели социализма). Как бы то ни было, именно во второй половине 1967 – начале 1968 г. советско-югославские отношения, как показывает автор, переживали чуть ли не «медовый месяц», и Тито собственной персоной возглавил делегацию СКЮ, прибывшую в Москву на юбилейные торжества по случаю 50-летия Октябрьской революции. Однако в считанные месяцы ситуация изменилась. Наступила Пражская весна, в отношении которой позиции Белграда и Москвы резко разошлись, что проявилось уже в ходе встречи Брежнева и Тито в конце апреля 1968 г. В Кремле опасались, что идеи более гуманного социализма, перекинувшись в СССР, подорвут партийную монополию на истину, и уже весной 1968 г. взяли курс на подавление чехословацкого эксперимента. В Белграде же увидели в советской политике новую попытку централизации мирового коммунистического движения, совершенно неприемлемую для нейтрального социалистического государства, которое и вследствие конфликта 1948 г., и после публикации в апреле 1958 г. новой программы СКЮ уже объявлялось объектом общей критики всех компартий в соответствии с новой линией, продиктованной из Москвы. В отношениях Москвы и Белграда в очередной раз наступило похолодание. Шаги к новому сближению были предприняты каждой из сторон под влиянием так называемой «хорватской весны» 1970–1971 гг., означавшей серьезный националистический вызов руководству СКЮ. Усиление центробежных тенденций в Югославской федерации было фактором, благоприят-

ствовавшим полной нормализации отношений с Москвой к осени 1971 г. Остается открытым вопрос (до сих пор дискутируемый в среде не столько историков, сколько политологов и журналистов): в случае иного развития событий в августе 1968 г., более твердого сопротивления чехословацкой армии и политической элиты военному вторжению армий ряда стран ОВД, насколько далеко идущие шаги готов был бы предпринять Кремль для нейтрализации титовской Югославии — традиционно не управляемого из Москвы внешнеполитического игрока, обладавшего немалым весом в мировом коммунистическом движении? И насколько имели реальную почву под собой опасения вторжения в Югославию, проявившиеся осенью 1968 г. в Белграде на фоне обострившегося в это время болгаро-югославского спора по македонскому вопросу? Не было ли муссирование темы военной угрозы для Югославии, сопровождавшееся новыми маневрами войск и реорганизацией системы гражданской обороны, прежде всего тактическим ходом, на который пошло руководство СКЮ в интересах консолидации многонационального общества перед лицом усилившихся центробежных вызовов? Ответы на эти и другие вопросы оставим для последующих работ Б.С. Новосельцева. Хотелось бы предложить ему в новых работах уделить также больше внимания изучению реакции официального Белграда на те или иные моменты в политике стран-сателлитов СССР, которые свидетельствовали о большем или меньшем дистанцировании от СССР и советского опыта строительства социализма (речь идет о некоторых самостоятельных

внешнеполитических инициативах Польши — плане Рапацкого и т.д., о линии чехословацкого руководства в условиях Пражской весны, но особенно о всё более четко проводимом с начала 1960-х гг. особом курсе руководства Румынии).

Структура рецензируемой работы представляется оптимальной. Обоснованным кажется выбор нижней грани — формальное образование в 1961 г. на белградском саммите Движения неприсоединения, одним из лидеров которого стала титовская Югославия. Пожалуй, можно было бы уделить несколько больше внимания предыстории рассматриваемых в монографии событий начиная от переломного для двусторонних отношений визита Хрущева и возглавляемой им делегации в Югославию в мае-июне 1955 г. и кончая большим московским совещанием компартий 1960 г., в итоговую декларацию которого в качестве компромисса между КПСС и китайской компартией был включен, как известно, тезис с критикой югославского «ревизионизма», доставлявший в последующие годы так много неудобств как Москве, так и Белграду в поисках путей их сближения. Чуть больше внимания можно было бы уделить и развитию югославо-китайских отношений. Ведь при всей однозначно негативной оценке Пекином югославского «ревизионизма» в 1960-х гг. надо помнить о том, что вплоть до принятия весной 1958 г. новой Программы СКЮ Мао Цзэдун и его окружение не раз пытались разыграть югославскую карту в интересах противодействия реальному или мнимому советскому гегемонизму. Да и в 1968 г., при

всей огромной дистанции между позициями и ролью Пекина и Белграда в мировом коммунистическом движении, объективная основа для сближения была, и заключалась она также в общем неприятии, грубо говоря, советского диктата, получившего к тому же теоретическое обоснование в ряде программных выступлений КПСС осени 1968 г., сформулировавших так называемую «доктрину Брежнева». В критике лидерами КНР и СФРЮ советской политики в условиях чехословацкого кризиса 1968 г. присутствовали и некоторые общие моменты, что можно было бы проследить на основе текстуального анализа.

Высказанные замечания и соображения, впрочем, нисколько не меняют принципиальной оценки. Первая монография Б. С. Новосельцева кажется нам очень добротной, принадлежащей перу хотя и начинающего, но уже профессионально достаточно зрелого автора.

Rec.: Novoseltsev B. S. Vneshnyaya politika Jugoslavii (1961-1968). M.: Institute of Slavic studies, 2015. 352.

Stykalin Aleksandr S. — candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute of Slavic studies, RAS (Moscow)

REFERENCES

1968 – chetrdeset godin posle Forty years later. Zbornik radova. Beograd, 2008.

Anikeev A.S. *Kak Tito ot Stalina ushel. Jugoslaviia, SSSR i SShA v nachal'nyi period "kholodnoi voiny"*. Moscow, 2002.

Edemskii A.B. *Ot konflikta k normalizatsii: sovetsko-jugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 gg.* Moscow, 2008.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникеев 2002 — Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». М., 2002.

Встречи и переговоры 2014 — Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. М., 2014.

Едемский 2008 — Едемский А. Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008.

Совещания Коминформа 1998 — Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. М., 1998.

Spoljna politika Jugoslavije 2008 — Spoljna politika Jugoslavije, 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.

1968 — чetrdeset godin posle 2008 — 1968 — чetrdeset godin posle. Zbornik radova. Beograd, 2008.

Югославија 2014 — Югославија — СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководица Југославије и СССР. 1946–1964. Т. 1. Београд, 2014.

Jugoslavija – CCCP. Susreti i razgovori na najvishem nivou rukovodilatsa Jyugoslavije i SSSR. 1946–1964. Vol. 1. Beograd, 2014.

Soveshchaniia Kominforma. 1947, 1948, 1949. M., 1998.

Spoljna politika Jugoslavije, 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.

Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Jugoslavii v 1946–1980 gg. Vol. 1. Moscow, 2014.

А. В. Голубев

ПОПУЛЯРНАЯ КОНСПИРОЛОГИЯ

Рец.: *Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010;*
Snyder T. Black Earth: The Holocaust as History and Warning. New York: Tim Dugan Books, 2015

Украинские события 2014 г. сделали Тимоти Снайдера, профессора Йельского университета, специализирующегося на центрально- и восточноевропейской истории, одним из наиболее заметных публичных интеллектуалов в США. Способствовала этому не только научная деятельность Снайдера, но и его четко обозначенная политическая позиция. Снайдер глубоко симпатизирует восточноевропейским национальным движениям, которые он считает основным препятствием на пути к потенциальному «российскому доминированию» и необходимым шагом к объединенной Европе (*Snyder 2014*). В контексте украинского политического кризиса, вхождения Крыма в состав РФ и вооруженного конфликта на Донбассе Снайдер стал востребованным комментатором для многих американских и западноевропейских СМИ. «Радио Свобода» представило его в недавнем интервью как историка, «в одиночку противостоящего российской пропаганде о том, что Украина не является настоящим государством» (*Shimov 2015*). В последней книге Снайдера «Черно-

зем: Холокост как история и предупреждение» (2015) политическая и исследовательская проблематика равнозначны, что отражено и в заголовке, и в отзывах на задней обложке, где профессиональные историки Иан Кершо и Дебора Липстадт соседствуют с политиками Генри Киссинджером и Збигневом Бжезинским и журналистами Энн Эпплбаум и Леоном Уисельтиром. В политическом отношении Снайдер удачно апеллирует к ряду проблем, беспокоящих современное западное общество. Так, в частности, он призывает смотреть на холокост как на предупреждение западному обществу о потенциальных катастрофических последствиях климатических изменений (экологическая катастрофа является одной из базовых метафор холокоста в «Чернозем»), об опасности уничтожения государственных структур в результате внешних вторжений и гражданских войн, а также об угрозах, исходящих от внешней политики российского и китайского руководства.

В то же время известность Снайдер получил именно благодаря позиционированию своих работ как радикального переосмысления холокоста. Именно этому посвящены две его последние монографии:

© Голубев А., 2016

Голубев Алексей Валерьевич — кандидат исторических наук, Университет Торонто (Канада),
golubevalexei@gmail.com

«Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» (2010) и «Чернозем: Холокост как история и предупреждение» (2015), которые и рассматриваются в данной рецензии. Обе книги, в особенности вторая, развивают его общую концепцию о том, что холокост нельзя интерпретировать исключительно как порождение нацистского режима. Вместо этого Снайдер предлагает рассматривать геноцид евреев в нацистской Германии в контексте того, что можно назвать транснациональной историей насилия. Холокост в его интерпретации является продуктом ломки устоявшихся государственных, социальных и политических структур нацистским и советским режимами. Хотя Снайдер не повторяет печально известные тезисы Эрнста Нольте о том, что нацизм был защитной реакцией немецкого общества на коммунизм, связь между советским строем и преступлениями нацистского режима все же принимает у него причинно-следственную форму. «Не только холокост, но и все основные немецкие преступления произошли на тех территориях, где государственные институты были разрушены, уничтожены или серьезно скомпрометированы», — пишет Снайдер в заключение «Чернозема» (Snyder 2015: 337). Присоединение и советизация Западной Украины и Западной Белоруссии, а также прибалтийских республик, таким образом, объясняется им как невольная подготовка почвы советским правительством для холокоста.

Данная концепция и лежит в основе амбициозной заявки Снайдера на глобальное переосмысление на-

силия в период 1930–1940-х гг. в Восточной Европе как на комплексный транснациональный продукт советского и нацистского режимов. «Кровавые земли» и «Чернозем» призваны по-разному изложить и доказать эту концепцию. «Кровавые земли» написаны по принципу метонимии: исследовательская логика здесь трактует смежность «кровавых» территорий (Польша, Украина, Белоруссия, Прибалтика) как повод и основание написать единый нарратив об истории насилия на них, начиная с голода 1932–1933 гг. и заканчивая послевоенной депортацией немцев из Восточной Европы, что связывает эти события в единую причинно-следственную цепочку. Базовым исследовательским тропом «Чернозема» является, в свою очередь, метафора: здесь Снайдер объясняет историю насилия в Восточной Европе через постулируемое им сходство советских и нацистских практик в плане разрушения структур и институтов восточноевропейских наций. Тем самым обе книги можно рассматривать как любопытную иллюстрацию известной теории Романа Якобсона о том, что метафора и метонимия являются двумя базовыми семантическими операциями, лежащими в основе порождения новых смыслов (Якобсон 1990). Это особенно заметно, поскольку в обеих книгах Снайдера концепция является доминирующим элементом, в то время как фактический материал подается в качестве иллюстрации тезисов, вытекающих из его общей абстрактной концепции. Источники и факты сугубо вторичны по отношению к теоретической модели. Особенно показательна в этом от-

ношении работа Снайдера с архивными источниками.

Библиография «Кровавых земель» начинается с внушительного перечня из 17 архивов, документы которых были использованы в исследовании. При этом общее число сносок, содержащих отсылки к архивным материалам — 19. Два российских архива из перечня — ГАРФ и АВП РФ — упоминаются по одному разу. В обоих случаях отсылки к их материалам не имеют прямого отношения к тексту Снайдера, а используются как некое уточнение или комментарий к другим цитируемым источникам. Длинный список архивов придает «Кровавым землям» наукообразность и только: ни о какой аналитической работе с архивными материалами говорить не приходится. С точки зрения научной этики здесь все корректно, но в несоответствии длинного списка архивов и мизерного количества используемых документов все же присутствует некое лукавство. В «Черноземе» Снайдер в большей степени обращается к архивным материалам, однако, как и в «Кровавых землях», они используются либо в качестве уточнений к другим источникам, либо в качестве исторических анекдотов. Общая концепция остается сугубо умозрительным конструктом, априорным знанием, под которое целенаправленно подбираются доказательства, но которое они не могут поколебать.

В остальных отношениях доказательная база Снайдера также вызывает много вопросов. Например, и в «Кровавых землях», и (в меньшей степени) в «Черноземе» Снай-

дер постоянно ссылается на желания, страхи, мнения и даже мысли Сталина для объяснения истории СССР и Восточной Европы (Snyder 2010, xi, 75, 105, 157, 313, 339, 366, 370). При этом если другой американский историк, Стивен Коткин, поставивший своей исследовательской целью «залезть Сталину в голову», чтобы понять его мыслительный процесс, изучил все доступные ему опубликованные и архивные документы за авторством Сталина (Kotkin 2013¹; 2014), то Снайдер — делающий, по сути, аналогичные заявления — не включает в свои работы ни одного аналогичного источника. Утверждения вроде того, что «Сталин хотел, чтобы СССР оставался на имперской стадии истории, сколько бы долго она ни продолжилась» (Snyder 2010: 157), что уже к январю 1945 г. «Сталин знал, какого рода Польшу он хочет построить» (Там же: 313) или что к началу 1950-х гг. Сталин считал советских евреев «скрытыми американскими агентами» (Там же: 362) приводятся как прописные истины без каких-либо отсылок к источникам.

В ряде случаев, когда Снайдер подкрепляет свои утверждения ссылкой на источники, они либо имеют опосредованное отношение к его нарративу, либо просто ему противоречат. Так, в «Черноземе» Снайдер делает следующее утверждение:

¹ Лекция в Гуверовском институте войны, революции и мира, аннотация к которой предлагает «поместить аудиторию в голову Сталина и тем самым переосмыслить процесс принятия решений Сталиным и формирование тоталитарной системы» («re-examine Stalin's decision making and the formation of the totalitarian system by putting the audience inside Stalin's head»).

«[После войны] одним из неприятных фактов, с которым приходилось считаться советским пропагандистам, было то, что холокост начался ровно на тех территориях, куда СССР принес свой новый революционный порядок в 1939 и 1940 гг. Другим было то, что в уничтожении евреев с немцами сотрудничали советские граждане всех национальностей, включая значительное число коммунистов, на всех оккупированных территориях: как на тех, которые СССР аннексировал в 1939 и 1940 гг., так и на довоенных советских территориях, в том числе и в РСФСР. Как следствие, советские пропагандисты постарались с оруэлловской точностью переписать историю с этнической точки зрения, ограничив ответственность за холокост литовцами и латвийцами, т. е. именно теми нациями, чьи государства СССР уничтожил в 1940 г., а также западными украинцами, чьи национальные притязания также были сокрушены советской властью. Этот перенос моральной ответственности, скорее всего, служил в качестве оправдания очередного захвата Советским Союзом этих территорий после войны» (Snyder 2015: 149).

В тексте Снайдер, таким образом, утверждает, что послевоенная советская пропаганда сделала литовцев, латвийцев и западных украинцев коллективными козлами отпущения за пособничество в геноциде евреев. При этом даже беглый взгляд на первоисточники — официальные советские заявления того периода, раз уж речь зашла о пропаганде — показывает, что никакой «этнизации истории» в советских официальных за-

явлениях не было: доминирующим оставалось классовое объяснение общественных процессов, включая коллаборационизм. «Гитлеровским захватчикам не удалось превратить трудящихся Литвы в своих покорных рабов», утверждал на XI сессии ВС СССР (апрель 1945 г.) депутат от Литовской ССР М. А. Гедвилас (Одиннадцатая сессия 1945: 57). Ему вторил депутат от Станиславской (сейчас Ивано-Франковская) области Г. В. Гавришук, заявивший, что ни «[гитлеровским] кровопийцам», ни «их пособникам — украинско-немецким националистам» «не удалось сломить волю свободолюбивого [украинского] народа» (там же: 279). Для обоснования своего утверждения Снайдер ссылается на... самого Снайдера — на свою более раннюю монографию «Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь, 1569–1999», а конкретно на те разделы, где он обсуждает вооруженное противостояние украинских и литовских националистов и советских органов власти. Это противостояние — несомненный исторический факт, но использование борьбу советской власти с «лесными братьями» и Украинской повстанческой армией как доказательство послевоенной «оружелловской» пропаганды, направленной на дискредитацию литовцев, латвийцев и западных украинцев, является нарушением базовых принципов исторического исследования. Данный пример является симптоматическим: в обеих рецензируемых работах Снайдер «подгоняет» доказательную базу под свою концепцию, игнорируя как историографию тех вопросов, которыми они занимается, так и собственную политическую

позицию. Его книги представляют практически идеальный пример того, что Р.Д. Коллингвуд назвал методом «ножниц и клея», последователи которого «сначала решают, о чем мы хотим знать, затем переходят к поиску свидетельств о нем... Обнаружив в такого рода суждении нечто, относящееся к поставленной проблеме, историк извлекает его из источника и включает... изложив его в подобающем, по его мнению, стиле, в свою собственную историю» (Коллингвуд 1980: 245).

Западное научное сообщество неоднозначно восприняло аналитический и политический посыл последних работ Снайдера. Среди специалистов, профессионально занимающихся Центральной и Восточной Европой, они вызвали негативную оценку. Ричард Эванс, профессор Кембриджского университета, сыгравший важную роль в дискредитации ревизионизма Эрнста Нольте и Дэвида Ирвинга, опубликовал в «Лондонском книжном обозрении» резко отрицательный отзыв на «Кровавые земли». Указав на многочисленные фактические ошибки и сомнительные аналитические операции, Эванс завершил рецензию фразой о том, что «Кровавые земли» «не представляют никакой ценности» (Evans 2010: 22). В мае 2016 г. «Хроника высшего образования», профессиональная газета американского научного сообщества, опубликовала статью Омера Бартова, профессора Брауновского университета, посвященную критическому разбору «Чернозема» и озаглавленную «Как не следует писать историю холокоста» (Bartov 2016). При этом исследова-

тели из смежных дисциплин, равно как и широкая читательская аудитория, отнеслись к работам Снайдера положительно и даже восторженно. На момент написания этого текста обе книги входили в топ-100 по категориям «холокост», «Вторая мировая война» и «история Германии» в крупнейшем книжном интернет-магазине «Amazon.com».

Как можно объяснить популярность «Кровавых земель» и «Чернозема», которую они получили, несмотря на спекулятивный характер и негативные рецензии в профессиональных изданиях? Мое предположение заключается в том, что эти работы вошли в идеальный резонанс с доминирующими формами исторического воображения, которые сложились в западном обществе применительно к советской истории. Иными словами, форма подачи исторического знания оказалось настолько же важной, как и его содержание. Это требует некоторых пояснений.

В предисловии к «Кровавым землям» Снайдер следующим образом обосновывает свой объект исследования — транснациональную историю насилия в Восточной Европе: «Без истории, написанной и отстаиваемой с совершенно новых позиций, мы обнаружим, что Гитлер и Сталин продолжают определять то, как мы понимаем их деяния» (Snyder 2010: xviii). Подобной историографической несправедливости (постулируемой максимально абстрактно, без какой-либо историографии) Снайдер противопоставляет свой подход, который должен «вернуть голоса самих жертв,

а также из друзей и родственников» (там же: xvii). Но когда речь доходит до собственного нарратива Снайдера, в нем нет ничего от истории, «написанной и отстаиваемой с совершенно новых позиций», кроме эпизодических сентиментальных вставок. Вместо этого он объясняет историю как цепь причинно-следственных событий, определяемых руководством СССР и нацистской Германии — в первую очередь, лично Сталиным и Гитлером, — причем делает это так, что вся логика исторического процесса сводится у него к решениям, принимаемым в Кремле или Рейхсканцелярии. Выше приводились примеры, связанные с использованием Сталина как универсального исторического аргумента; иногда это доходит до смешного, когда, например, Снайдер утверждает, что «Сталин позволил (allowed) Гитлеру начать войну» (там же, xi) или что «Сталин хотел, чтобы японцы двинулись на юг (т. е. напали на США. — А. Г.), и тщательно спланировал внешнюю и военную политику, которая привела ровно к такому результату» (там же: 211). В таких утверждениях сталиноцентричность Снайдера достигает уровня советской пропаганды 1930-х — начала 1950-х гг., пусть в другом контексте и с противоположной модальностью. Неудивительно, что Томас Кюне из Университета Кларка, подметивший эту особенность «Кровавых земель», охарактеризовал книгу как написанную в теоретической рамке «героя и толпы» (Kühne 2012: 137–138).

Как упоминалось выше, практически все эти утверждения приводятся без доказательной базы и при

этом не вызывают ощущения противоречия у большинства читателей. Причиной этого мне видится то, что использование Сталина как основной движущей силы советской истории стало общим местом западной культуры и образования. Хорошим примером являются университетские учебники. Один из них представляет Сталина как единственную причину всех политических, экономических и социальных изменений в СССР. Среди прочего, авторы утверждают, что «в 1929 г. Сталин начал свою (sic) кампанию коллективизации» и «Сталин заново ввел жесткие ограничения на развод и аборт, а также награждал женщин, рожавших много детей, деньгами и медалями» (Adler, Pouwells 2012: 588). В другом учебнике истории говорится, что «в начале 1929 г. Сталин утвердил свое тотальное господство над этой огромной нацией, после чего повел ее в другую революцию — экономическую и социальную трансформацию, превратившую ее в великую индустриальную державу» (Bulliet et al. 2007: 878). Во вполне понятных условиях, когда авторам необходимо объяснить исторический процесс на протяжении нескольких веков и в глобальной или хотя бы региональной (истории Европы) перспективе, объяснения через исторические личности являются удобным и экономичным выходом, позволяющим в нескольких предложениях описывать сложные исторические явления. Побочным эффектом этой объяснительной экономии становится то, что подобные утверждения, подразумевающие фигуру всемогущего и всемогущего Сталина, являются в за-

падной образовательной практике правилом, а не исключением. В результате возникает ситуация, когда для образованной англоязычной аудитории объяснения советской истории «через Сталина» являются одновременно наиболее ожидаемыми и узнаваемыми.

Выбрав в качестве своей аудитории широкую читающую публику, Снайдер смог уйти от ряда ограничений, накладываемых жанром академического письма: например, не упоминать историографический контекст, что придало его работам сенсационализм, не обеспеченный ни глубокой аналитикой, ни новизной материала. Эта же ориентация на широкую публику — без желания оспорить типичные для нее стереотипы — обусловила и концептуальный аппарат его работ. Утверждение о косвенной причастности Сталина к японскому нападению на Перл-Харбор противоречиво логически, но не стилистически, и поэтому появляется в «Кровавых землях». Уже упоминавшийся выше Роман Якобсон предлагал рассматривать процесс коммуникации не как линейный процесс (адресат—отправитель), а как комплексное взаимодействие, где ожидания аудитории и общий культурный контекст настолько же важны для формирования текста-сообщения, как и смысл, который хочет вложить в него автор (Якобсон 1975). Успех работ Снайдера видится в том, что они потакают сложившимся вкусам и пристрастиям англоязычных читателей, выдавая за совершенно новое знание легко узнаваемый материал — но данная ситуация диалектична, поскольку вкусы и при-

страстия публики тем самым «соучаствуют» в нарративе Снайдера, оказывая непосредственное влияние на его создание.

Есть и еще одна причина, почему работы Снайдера представляют интерес для понимания доминирующих форм исторического воображения в современном (причем не только западном) обществе. Эта причина — в жанре, в котором написаны «Кровавые земли» и «Чернозем». Как известно, Хейден Уайт выделил четыре жанра исторического повествования: трагедию, комедию, сатиру и романтическое повествование (Уайт 2001: 18). Источниковой базой для этой классификации послужили работы видных историков XIX в.; гипотетическое включение в нее работ Снайдера (как и многих других работ в жанре популярной истории, например, трудов Н.В. Старикова и В.Р. Мединского), возможно, расширило бы схему до пяти элементов, включив в нее жанр конспирологической теории. Этот жанр подразумевает понимание истории как процесса, за которым стоит тщательное и рациональное планирование в верхах. Задачей историка является разоблачение этих замыслов: авторы, пишущие в этом жанре, вскрывают (а на самом деле, конечно, конструируют) причинно-следственную связь между важными историческими фигурами и социально-политическими изменениями.

В современной популярной культуре конспирологический жанр переживает бурный рост. В качестве примера можно привести рассказы о Шерлоке Холмсе. В авторском

корпусе самый знаменитый антагонист Холмса, профессор Мориарти — «Наполеон преступного мира» — присутствует всего в одном рассказе из шестидесяти. При этом этот рассказ — «Последнее дело Холмса» — является наименее детективным из всех рассказов Артура Конана Дойля. В нем нет никакой загадки и знаменитого дедуктивного метода; Холмс сообщает имя преступника буквально на первых строчках, а сам рассказ выстроен как приключенческая история. Однако за последние десятилетия роль Мориарти в вымышленном мире Конана Дойля выросла до такой степени, что в последних экранизациях он превратился в альтер эго главного героя. Эта популярность Мориарти обусловлена тем, что он является литературным архетипом злодея, стоящего в центре некоего заговора, и тем самым апеллирует к вкусам современной массовой аудитории. Конан Дойль описывает его следующим образом: «Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы».

Работы Снайдера экстраполируют эту культурную логику (и сопутствующее им историческое воображение) на советскую и восточноевропейскую историю. Сталин у него изображается как Мориарти: как злой гений, способный прорисовывать внешнеполитические

ситуации на много ходов вперед и безжалостно добиваться поставленных целей. В этой логике история становится не детективом, поскольку с «уликовой парадигмой» (Гинзбург 1994) методология Снайдера не имеет ничего общего — а откровением, призванным сорвать покров секретности со стратегических замыслов советских и нацистских лидеров. Когда Ричард Эванс в рецензии на «Кровавые земли» отменил истории о конкретных жертвах голода, репрессий и холокоста как «искусственную сентиментальность», не имеющую отношения к предмету исследования, он был не совсем прав (Evans 2010). Истории о страдании и гибели, которыми перемежается нарратив и в «Кровавых землях», и в «Черноземе», действительно ничего не дают с объяснительной точки зрения, однако их обильное включение в текст обеих книг является жанровой необходимостью. Конспирологическое откровение как жанр исторического письма требует не столько фактологических доказательств, сколько риторического убеждения, основанного на моральном подтексте. В конечном итоге, «Кровавые земли» и «Чернозем» воплощают в себе моралистическое понимание истории, в котором советская/российская история не может рассматриваться как самоценный исторический опыт, а может лишь служить политическим предупреждением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гинзбург 1994 — Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 27–61.

Одиннадцатая сессия 1945 – Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР. 24 апреля – 27 апреля 1945 г.: Стенографический отчет. М., 1945.

Якобсон 1975 – Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. М., 1975. С. 198–204.

Якобсон 1990 – Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.

Adler, Randall 2012 – Adler P.J., Randall L.P. *World Civilizations*. Vol. 2: Since 1500. Boston, 2012.

Bartov 2016 – Bartov O. How Not to Write a History of the Holocaust // *Chronicle of Higher Education*. 2016. 6 March. URL: <http://chronicle.com/article/How-Not-to-Write-a-History-of/235564/> (дата обращения 23.12.2016).

Bulliet 2007 – Bulliet R. W. et al. *The Earth and Its Peoples: A Global History*. New York; Boston, 2007.

Evans 2010 – Evans R. Who remember the Poles? // *London Review of Books*. 2010. 4 November. P. 21–22.

Kotkin 2013 – Kotkin S. *Stalin's Collectivization: Crime of the Century*

or Necessity? 2013. URL: <http://www.hoover.org/news/stephen-kotkins-talk-be-titled-stalins-collectivization-crime-century-or-necessity> (дата обращения 23.12.2016).

Kotkin 2014 – Kotkin S. *Stalin*. Vol. I: *Paradoxes of Power, 1878–1928*. New York, 2014.

Kühne 2012 – Kühne Th. Great Men and Large Numbers: Undertheorising a History of Mass Killing // *Contemporary European History*. 2012. N 21 (2). P. 133–143.

Shimov 2015 – Shimov Ya. Historian Timothy Snyder: «History Is Always Plural» // *Radio Free Europe / Radio Liberty*. 2015. 20 June. URL: <http://www.rferl.org/content/russia-ukraine-interview-bloodlands-timothy-snyder-history/27082683.html> (дата обращения 23.12.2016).

Snyder 2014 – Snyder T. Ukraine: The Antidote to Europe's Fascists? // *The New York Review of Books*. 2014. 27 May. URL: <http://www.nybooks.com/daily/2014/05/27/ukraine-antidote-europes-fascists/> (дата обращения 23.12.2016).

The popular conpirology. Rec. : Snyder T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010; Snyder T. *Black Earth: The Holocaust as History and Warning*. New York: Tim Dugan Books, 2015

Golubev Alexey V. – PhD, University of Toronto (Canada)

REFERENCES

Adler P.J., Randall L.P. *World Civilizations*. Vol. 2: Since 1500. Boston, 2012.

Bartov O. How Not to Write a History of the Holocaust. *Chronicle of Higher Education*. 2016. 6 March. URL: <http://chronicle.com/article/How-Not-to-Write-a-History-of/235564/> (date of access 23.12.2016).

Bulliet R. W. et al. *The Earth and Its Peoples: A Global History*. New York; Boston, 2007.

Evans R. Who remember the Poles? *London Review of Books*. 2010. 4 November. P. 21–22.

Ginzburg K. Primety: Ulikovaia paradigma i ee korni. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994. N 8. P. 27–61.

Jakobson R. Dva aspekta iazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii. *Teoriia metafory*. Moscow, 1990. P. 110–132.

Jakobson R. Lingvistika i poetika. *Strukturalizm: "za" i "protiv"*: Sb. statei. Moscow, 1975. P. 198–204.

Kotkin S. *Stalin*. Vol. I: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York, 2014.

Kotkin S. *Stalin's Collectivization: Crime of the Century or Necessity?* 2013. URL: <http://www.hoover.org/news/stephen-kotkins-talk-be-titled-stalins-collectivization-crime-century-or-necessity> (date of access 23.12.2016).

Kühne Th. Great Men and Large Numbers: Undertheorising a History of Mass Killing. *Contemporary European History*. 2012. N 21 (2). P. 133–143.

Odinnadtsataia sessiia Verkhovnogo Soveta SSSR. 24 apreliia – 27 apreliia 1945 g.: Stenograficheskiĭ otchet. Moscow, 1945.

Shimov Ya. Historian Timothy Snyder: “History Is Always Plural”. Radio Free Europe / Radio Liberty. 2015. 20 June. URL: <http://www.rferl.org/content/russia-ukraine-interview-bloodlands-timothy-snyder-history/27082683.html> (date of access 23.12.2016).

Snyder T. Ukraine: The Antidote to Europe’s Fascists? *The New York Review of Books*. 2014. 27 May. URL: <http://www.nybooks.com/daily/2014/05/27/ukraine-antidote-europes-fascists/> (date of access 23.12.2016).

А. С. Гладышева

ОБОРОННАЯ СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СЕРЕДИНЕ 1950-х — 1980 г.*

Рец.: *Улуян Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013

В 2013 г. на полках книжных магазинов появилась новая монография авторитетного российского историка Ар. А. Улуяна «Балканский “щит социализма”. Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.)»¹. Узким специалистам этот труд, вероятно, уже хорошо знаком, поэтому наши размышления о прочитанном будут обращены в первую очередь к тем, кто еще не брал эту книгу в руки.

© Гладышева А. С., 2016.

Гладышева Анна Сергеевна — младший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва); aneta_08.09@mail.ru

* Рецензия подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 15-31-01003: Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв.).

¹ Публикации монографии предшествовали следующие статьи автора: (*Улуян* 2008; 2010; 2012; 2013а; б; в).

Автором затронута история формирования и развития национальных военных доктрин четырех государств Балканского полуострова: внеблоковой Югославии, одного из инициаторов создания Движения неприсоединения, и трех очень разных по характеру своей политики членов Организации Варшавского Договора. Если Албания в одностороннем порядке денонсировала договор 1955 г. на партийном и государственном уровне в 1968 г., а Румыния стремились постепенно дистанцироваться от политики СССР, то Болгария являлась одним из самых верных и последовательных союзников Кремля. Ар. А. Улуян вполне обоснованно выходит за рамки рассмотрения оборонной стратегии указанных государств и характеризует также позиции других государств региона, а именно стран-членов НАТО — Турции и Греции².

² Особенности военно-политических доктрин Турции и Греции уже рассматривались Ар. А. Улуяном: (*Улуян* 2001).

Впервые в отечественной историографии в рамках одного исследования отражены особенности оборонной политики балканских государств в условиях функционирования в них коммунистических режимов³. Автор характеризует военный потенциал стран, тщательно анализирует состояние не только политических, военных, но и экономических отношений стран, как внутри «социалистического лагеря», так и за его пределами, в частности — с капиталистическим миром и участниками Движения неприсоединения. Появление данного труда стало возможным благодаря частичному или полному рассекречиванию документов делопроизводства военных и внешнеполитических министерств и ведомств, органов безопасности балканских и западных государств. При этом крайне ограниченным остается доступ к документам советских силовых и разведывательных структур. В этих условиях отраженные автором концепции, а также некоторые стратегические планы советского руководства, представленные на основе американских разведанных, требуют сопоставления с документами российских архивов.

Балканский регион всегда занимал особое место на политической карте Европы, не потерял он своего значения и в разгар холодной войны. Если в Центральной Европе Со-

ветскому Союзу удалось разграничить свои интересы с союзниками по антигитлеровской коалиции, то в Юго-Восточной Европе дела обстояли куда сложнее, так как за пределами советской сферы влияния оказалась Греция, а после первого кризиса в «социалистическом лагере» и Югославия. Нерешенным остался и вопрос с режимом черноморских проливов⁴. Таким образом, если в Центральной Европе СССР обеспечил себя надежным «поясом безопасности» из дружественных стран, то на Балканах его позиции выглядели менее устойчивыми. Американский историк М. Крамер пишет, что географические (скорее геополитические) и исторические причины обусловили большее значение для внешнеполитической стратегии Москвы Восточной Германии, Польши и Чехословакии, названных им «Северным ярусом» Варшавского пакта: они «составляли ядро советской командной структуры военного времени для Цен-

⁴ Неофициальное «процентное соглашение» между У. Черчиллем и И. В. Сталиным о разделе сфер влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, обсуждавшееся в 9 октября 1944 г. и во многом определившее послевоенный раскол Европы, отводило Великобритании (в сотрудничестве с США) доминирование в Греции на 90 %, а в Югославии — 50 на 50 % (состоявшаяся на следующий день беседа А. Идена с В. М. Молотовым свидетельствовала о том, что советская сторона пыталась пересмотреть в свою пользу договоренность по Югославии). В ходе встречи И. В. Сталин поднимал также вопрос о политике Турции и возможности пересмотра конвенции Монтрё (1936 г.) о статусе черноморских проливов в пользу создания для СССР благоприятного режима прохода через Босфор и Дарданеллы. Британский премьер-министр дал понять Сталину, что он не против его просьбы, но и спешить в этом вопросе не хочет, дабы не испугать Турцию. См.: (Ржевский 2004: 418–435).

³ В отечественной историографии вопросы оборонной политики Югославии, Албании, Болгарии и Румынии частично затрагивались в работах как самого Ар. А. Улуяна, так и в исследованиях других авторов. См., напр. (Улуян 2001; Алиев 2002; Отечественный военно-промышленный... 2005; Бруз 2006; Быстрова 2007; Едемский 2008; Волков 2009; Романенко 2011; Новосельцев 2015).

тральной Европы, известной как Западный театр военных действий, и должны были играть важную роль в действиях против НАТО» (Крамер 1995: 140). Эти страны и экономически выигрывали перед лицом менее развитых балканских государств, чья роль в ОВД была не столь значимой. Об этом свидетельствовало отсутствие советских войск в регионе, за исключением Румынии, из которой они были выведены в 1958 г.⁵ Сам Ар. А. Улунян характеризует положение этих государств в межблоковом противостоянии как «географическую периферию» (с. 9).

Особого внимания заслуживает документальная база исследования: материалы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Национального архива Великобритании; документальные коллекции, в том числе делопроизводство отечественных и зарубежных спецслужб, которые в последние годы стали доступны исследователям в интернете. Широко привлечены и опубликованные

источники (распоряжения и постановления высших правительственных и партийных органов, правовые государственные акты, выступления и речи партийно-государственных деятелей, материалы партийных съездов, документы по истории межгосударственных отношений и внутренней политике стран региона, аналитические материалы министерств и ведомств, мемуаристика, пресса и т. д.). К сожалению, вне поля зрения автора осталось такое важное издание, как трехтомник черновых записей и протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС, опубликованный в 2003 г.⁶ Улунян изучил необходимую литературу на русском и английском языках, привлек наиболее значимые работы национальной историографии всех четырех стран. За годы, прошедшие с момента выхода книги, были частично раскрыты новые источники, например документы Отдела по связям с коммунистическими рабочими партиями социалистических стран за 1957–1965 гг.⁷, румынское делопроизводство, касающееся ОВД, в частности документы, которые характеризуют формирование «особого» курса Румынии по вопросам внутриблоковой оборонной политики, ее действия в деле укрепления своих позиций на Балканах

⁵ После войны советские войска находились и в Болгарии, но были выведены в конце 1947 г. В Центральной Европе ситуация сложилась иначе. Советские войска должны были уйти из Чехословакии в ноябре–декабре 1945 г., поскольку никакой юридической основы для их оставления в стране победившей коалиции не было. В Венгрии они остались в соответствии с Парижским договором 1947 г. С Польшей СССР договорился о пребывании войск для поддержания коммуникации с военным контингентом в Германии, так как поляки получили выгодные западные границы и присутствие советских войск не могло не рассматриваться ими в тех условиях как один из главных гарантов этих границ.

После войны советские войска находились и в Болгарии, но были выведены в конце 1947 г.

⁶ См. (Президиум ЦК КПСС 2004–2008). Документы были переизданы в 2015 г.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Если за последующие годы (1966–1984) исследователи могли частично ознакомиться в архиве с делопроизводством этого отдела, то за 1957–1965 гг. были доступны лишь документы Общего отдела ЦК КПСС, которые давали обрывочные сведения о взаимоотношениях СССР с социалистическими странами.

и на международной арене⁸. Указанные материалы, безусловно, будут полезны для будущих исследователей. В целом же источниковая база рецензируемой книги является репрезентативной и позволяет автору прийти к серьезным и доказательным заключениям.

Хронологические рамки труда – середина 1950-х – 1980 г. – вполне обоснованны. В середине 1950-х гг., после создания Организации Варшавского Договора в 1955 г. окончательно сформировалась биполярная система международных отношений, сложилась единая внутриблоковая политика стран советской сферы влияния. Нижняя граница исследования обусловлена завершением процесса разрядки в международных отношениях на рубеже 1970–1980-х гг. В региональных масштабах важной вехой в выстраивании новой системы межгосударственных отношений стала смена политического руководства в Югославии со смертью И. Броз Тито. Сам автор обосновывает нижний рубеж тем, что лишь до начала 1980-х гг. на разработку основ оборонной политики оказывало влияние «военно-стратегическое планирование и вероятное использование СССР и США ядерного оружия» (с. 8).

Монография состоит из трех глав, хронологически соответствующих условным этапам, которые автор выделяет в истории формирования военных доктрин Албании, Болгарии, Румынии и Югославии, их

⁸ ANIC. Fond Tratatul de la Varovia. Ministerul Afacerilor Externe (ani extremi: 1954–1991, 1993).

национальных особенностей и обусловленности внутри- и внешнеполитическими факторами. Главы разделены на небольшие параграфы, освещающие либо узкие проблемно-хронологические сюжеты, либо отдельные аспекты оборонной политики рассматриваемых стран. При этом Улуняну не удалось избежать повторения тех или иных сюжетов в разных параграфах. Рассмотрены ключевые позиции государств, которые в целом на коротком временном отрезке не менялись, а напротив, год за годом озвучивались на разных совещаниях и встречах, что и сам автор неоднократно повторяет. Масштабы исследовательской задачи, которую поставил перед собой автор, и ее успешная реализация вызывают глубокое уважение. Но, как и любое исследование, работа Ар. А. Улуяна не свободна от слабостей и недостатков. На некоторые из них хотелось бы обратить внимание.

Краткое трехстраничное введение, предваряющее исследование, представляется явно недостаточным. Оно поверхностно вводит читателя в проблематику труда объемом более 57 печатных листов. На наш взгляд, следовало бы раскрыть исторический контекст, отметить в том числе традиционные связи народов региона и влияние исторических традиций на формирование внешнеполитического курса рассматриваемых стран. После Второй мировой войны большое значение имели сохранявшиеся взаимные территориальные претензии. Клубок внутрибалканских противоречий, к которому автор в дальнейшем неоднократно обра-

щается в работе, был связан со спорами Югославии и Болгарии вокруг Вардарской Македонии, Албании и Югославии вокруг Косово, а также с обострением бессарабского вопроса в советско-румынских отношениях. Кроме того, на эти споры накладывались и непростые отношения с балканскими странами-членами НАТО: претензии Албании и Болгарии к Греции по поводу Северного Эпира и Эгейской Македонии соответственно, обострение болгаро-турецких отношений по вопросу о Восточной Фракии. Наиболее спокойной оставалась лишь румыно-югославская и румыно-болгарская границы. Несмотря на то что в румынской части Баната проживало сербское меньшинство, это не провоцировало реваншистских настроений со стороны Югославии. Что касается проблемы Южной Добруджи, то и она исчерпала себя уже в 1940 г., когда после обмена населением по Крайовскому договору в регионе осталось менее 2 % румын.

В первой главе исследователь рассматривает период от создания ОВД до чехословацких событий 1968 г., т. е. до оформления нового внешнеполитического курса СССР в отношениях с союзниками с позиций «ограниченного суверенитета» (так называемая «доктрина Брежнев»). Ар. А. Улунян затрагивает процесс формирования национальных военных доктрин Албании, Болгарии, Румынии, Югославии с учетом внутриблоковых кризисов (венгерская революция, польские события 1956 г., «Пражская весна») и важных событий внутриблоковой и международной политической

жизни (XX съезд КПСС, Суэцкий кризис, распад Балканского пакта, формирование Движения неприсоединения, советско-китайский конфликт, кипрский вопрос, индо-пакистанский, ближневосточный конфликты, проблема ядерного разоружения и подготовка договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)). В работе подчеркивается роль XX съезда, вызвавшего раскол международного рабочего и коммунистического движения. Его причины автор монографии связывает с «отношением руководства ряда компартий, прежде всего правивших, к политическому и идеологическому наследию сталинизма, а также стремлением высших партийных кругов в этих государствах обезопасить свои позиции, не допустив прихода к власти возможных сторонников десталинизации» (с. 21). Съезд послужил причиной постепенного дистанцирования от Москвы двух ее балканских союзников – Албании и Румынии. Но если тенденции к обособленности Румынии проявлялись и до 1956 г., на что указывает автор, привлекая обнаруженные им американские документы (с. 31–32), то для Албании переломным моментом стал именно секретный доклад Н. С. Хрущева на XX съезде. К 1961 г. режим Э. Ходжи переходит на позиции «нейтралитета», но «ориентированного на самоизоляцию» (с. 80). Тенденция к усилению национальных позиций имела место и в Болгарии, но в болгарском случае она обладала особенностью – подчеркнутой лояльностью в отношении Москвы в обмен на получение ее согласия в деле решения региональных проблем (с. 100). Тем

временем Югославия во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., сохраняя за собой региональное лидерство, не в последнюю очередь под влиянием албано-китайского сближения, начинает ориентироваться на сотрудничество со странами «третьего мира», стремясь объединить их в мощное политическое движение и стать одним из его лидеров (*Новосельцев* 2015: 109).

Несомненной заслугой автора является указание на тесную взаимосвязь оборонной политики ОВД и проблем внутриблокового экономического развития в условиях начавшегося кооперирования и специализации производства важнейших взаимосвязанных отраслей хозяйства. Уже на первом специальном совещании представителей стран — членов СЭВ 20–23 мая 1958 г. рассматривался вопрос об увязке планов производства оборонной промышленности и взаимных поставках военной техники (*Гладышева* 2015). Именно по линии СЭВ начинает оформляться «особая» позиция Румынии в «социалистическом лагере». Однако при изложении этого сюжета Ар. А. Улунян допускает ряд неточностей. В тексте упоминается совещание представителей стран — членов СЭВ в августе 1961 г. и февральское (1962 г.) заседание руководящих органов СЭВ (с. 88). Но в эти месяцы не было ни заседаний на высшем партийно-государственном уровне, ни сессий СЭВ, а Исполком СЭВ приступил к своей работе лишь в июле 1962 г. Главы государств — членов СЭВ собирались в этот период в 1958, 1962 и 1963 гг., а сессии СЭВ проводились в феврале–марте

и декабре 1961, в июне и декабре 1962 г., в июле 1963 г. (*Costache* 2012: 216–217). При анализе событийной канвы следовало бы не ограничиваться фразой «заседание СЭВ», а давать точные названия органов Совета, совещания которых проводились в тот или иной период. Указанный в работе план создания наднационального органа планирования был озвучен на июньском (1962 г.) совещании представителей стран — членов СЭВ, тогда же румынский лидер Г. Георгиу-Деж и подверг его критике. При этом начало разногласий Бухареста с советской стороной по экономическим вопросам обозначилось уже в 1959 г. на XII (софийской) сессии СЭВ при обсуждении проекта Устава организации (*Гладышева* 2015).

Нельзя согласиться с позицией автора в отношении политизированного историографического штампа о существовании так называемого «плана Валева». Авторитетный российский историк-румынист Т. А. Покивайлова в 2013 г. опубликовала фундаментальную статью о советско-румынских отношениях в конце 1950-х — середине 1960-х гг., в которой затронула и сюжет, связанный со статьей профессора МГУ Э. Б. Валева «Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР». На основе личной беседы с Э. Б. Валевым и ряда документов она убедительно показала, что статья выражала позицию и взгляды ученого, не была заказной со стороны высшего руководства страны (*Покивайлова* 2013). Румынскими же исследователями, хотя и не отрицающими в большинстве своем факт существования

«плана по превращению Болгарии и Румынии в аграрный придаток лагеря», была опубликована запись беседы Э.Б. Валева со вторым секретарем посольства РНР в СССР Г. Марином 3 июня 1964 г. В ходе встречи советский ученый заявил, что в статье он всего лишь размышлял об экономических связях придунайских районов трех стран, которые имели схожие экономические и географические условия, позволявшие им быстрее и эффективнее развиваться и рациональнее распределять производительные силы Болгарии, Румынии и СССР (*Croitor, Bor a* 2014: 473–476). Существование «плана Валева» не подтверждается и российскими документами. «План Валева», таким образом, можно считать не более чем вольной интерпретацией текста статьи о перспективах промышленного и сельскохозяйственного развития Нижне-Дунайского производственно-территориального комплекса на основе сходных природно-климатических, транспортно-географических и трудовых ресурсов (*Гладышева* 2015).

Возвращаясь к сюжетам первой главы, отметим, что уже с конца 1950-х гг. начинается соперничество социалистических балканских стран за доминирование в регионе. И здесь мощным катализатором явилось, с одной стороны, межблоковое ядерное противостояние, а с другой – попытки его сдерживания и начало переговоров по вопросу о подписании ДНЯО. Хотя этот аспект международной политики – многолетние переговоры по вопросу о подписании ДНЯО – и рассматривается автором в монографии,

но, на наш взгляд, представлен в несколько упрощенном виде. Проблема предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия стала как никогда актуальна после Карибского кризиса (1962) и подписания московского договора о запрете ядерных испытаний в трех сферах (1963). В 1962–1968 гг., в Женеве заседал Комитет 18 государств по разоружению, ошибочно названный Ар. А. Улуняном «Комитетом по разоружению восьми стран» (с. 243–244). В его заседаниях участвовало два балканских государства – Болгария и Румыния, которые в 1960 г. входили и в первый «Комитет 10 государств по разоружению». Если правительство Т. Живкова поддержало позицию СССР по этому вопросу на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, то Г. Георгиу-Деж, а затем и Н. Чаушеску постепенно начинают предъявлять свои собственные требования к будущему договору (с. 142–143, 242–243). Ситуация вокруг ДНЯО вызвала борьбу между двумя странами за региональное влияние на Балканах. Еще на рубеже 1950–1960-х гг. под влиянием польского «плана Рапацкого» Бухарест и София выступили с инициативами создания безъядерной зоны на Балканах, однако столкнулись с сопротивлением других государств полуострова, в том числе Греции и Турции. При этом Белград, идя по пути сближения с Румынией и Болгарией, как пишет Ар.А. Улунян, «надеялся на создание неформального “Балканского сообщества” в международной политике таким образом, чтобы с ним считались в политическом, а при определенных условиях, и военном отношении, как на Западе,

так и на Востоке» (с. 182). Фактически к борьбе за региональное лидерство подключились все страны кроме Албании, которая, в свою очередь, стремилась блокировать любой возможный сценарий сближения государств, а также не допустить доминирования сверхдержав на полуострове, видя в этом угрозу своей национальной безопасности.

К середине 1960-х гг. определилась, по утверждению автора, новая черта во взаимоотношениях СССР и стран, которые находились в состоянии конфронтации или оппозиции: они стали «выступать как открытые оппоненты Кремля, либо пытались избежать слишком очевидной ассоциации своей политики с действиями СССР, видя в ней угрозу своим интересам расширять контакты с Западом» (с. 143–144). Наиболее ярким примером по-прежнему была Румыния, активно расширявшая свои экономические связи с капиталистическими странами и «третьим миром», а также установившая в 1967 г. дипломатические отношения с ФРГ и не солидаризировавшаяся с внутриблоковой позицией в отношении ближневосточного конфликта.

Решающим фактором в формировании национальных военных доктрин Албании, Болгарии, Румынии и Югославии стал ввод войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. Из государств Балканского полуострова его поддержала лишь Болгария. Югославия и Румыния рассматривали «Пражскую весну» как «шанс усиления собственных позиций на международном уровне», а Бухарест — в Восточном блоке, «где появлялся

в лице дубчековской Чехословакии сторонник укрепления национального суверенитета в рамках ОВД» (с. 251). Албания окончательно порвала связи с ОВД, денонсировав в одностороннем порядке на партийно-государственном уровне договор 1955 г. Страх повторения пражского сценария в отношении Румынии, выступившей против военного вторжения в Чехословакию, побудил Бухарест пойти на сближение с Югославией и искать помощь за пределами «соцлагеря». Автор указывает, что аналогичные опасения возникли также у руководства Албании и Югославии.

Вторая глава хронологически охватывает период от подавления «Пражской весны» до подписания в 1975 г. Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ар. А. Улуян приходит к заключению, что чехословацкие события определили концепцию национальной обороны Албании, Румынии и Югославии на последующие годы, а для Румынии она осталась практически неизменной вплоть до падения режима Н. Чаушеску в 1989 г. Новую военную доктрину трех государств автор охарактеризовал как концепцию «общепланетарной войны» (с. 277, 299). В указанных странах начинается подготовка к общепланетарной оборонительной войне, проводятся мероприятия по реорганизации вооруженных сил (по территориальному принципу), созданию военизированных отрядов и новой системы военного образования, проводится техническое переоснащение армий, развивается соответствующая транспортная инфраструктура,

сооружаются новые оборонительные укрепления. Ар. А. Улунян показывает взаимосвязь этих реформ и внутривнутриполитического положения в странах, где под их влиянием происходит отстранение от власти ряда видных военно-политических деятелей. Задачу же болгарской политики после 1968 г. автор определяет как «минимизацию негативных последствий подавления “Пражской весны” для отношений с балканскими государствами и путем налаживания особых отношений с Бухарестом и Белградом» (с. 317).

К середине 1970-х гг. под влиянием кипрского конфликта и арабо-израильской войны наряду с СССР свое военно-политическое присутствие на Балканах усиливают и США. Вашингтон постепенно меняет внешнеполитическую стратегию в регионе, переходя с позиций «гибкого реагирования» к политике «наведения мостов» (с. 333, 587). Этой ситуацией воспользовалась Румыния, проявившая интерес к закупке американских военных технологий, в то время как прежде, в 1971–1975 гг., она приобретала большую часть военной техники в СССР (с. 314, 596).

Большое влияние на оборонную политику балканских государств оказало подписание в 1975 г. Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ар.А. Улунян показывает, что итоговый документ отвечал интересам Румынии, Югославии и Болгарии. Албания же, стремясь избежать давления со стороны сверхдержав, отказалась принимать участие в работе Совещания.

В итоге Тирана стала испытывать большие трудности в реализации своей оборонной политики, находясь в полной зависимости от Китая по части политического и военно-технического сотрудничества (с. 600, 609). При этом ее отношения с последним не были уже столь крепкими, как в предыдущие годы.

Заключительная, третья глава монографии отражает трансформацию военно-политических доктрин Албании, Болгарии, Румынии и Югославии в условиях политики разрядки во второй половине 1970-х гг. Автор акцентирует внимание читателей на том факте, что несмотря на ослабление международной напряженности в отношениях между балканскими странами оставались серьезные противоречия, не позволявшие им выступать единым фронтом даже ради сохранения внутривнутрирегиональной стабильности. Назревание системного кризиса в «социалистическом лагере» нашло свое отражение и на Балканах, где старая политическая элита оказалась беспомощна перед необходимостью проведения реформ. Огромные капиталовложения в оборонную промышленность за счет игнорирования социально-экономических проблем подтачивали политические режимы коммунистических и рабочих партий.

Подводя итоги, следует подчеркнуть колоссальную работу, проделанную автором для ответа на вопрос, «щитом» или «брешью» внутриблоковой оборонной политики являлся балканский регион. Ар.А. Улунян приходит к выводу, что балканский «щит социализма» являл собой «достаточно

противоречивое во всех отношениях явление международной жизни и межблокового противостояния» (с. 862). Соперничество на региональном уровне и лавирование между «зубастыми» покровителями для реализации собственных национальных интересов не давали Албании, Болгарии, Румынии и Югославии выступить единым фронтом, снижая эффективность их присутствия в международной политике и их восприятие другими странами как ее (политики) значимых субъектов.

Монография снабжена постраничными комментариями. Справочный материал представлен таблицами, характеризующими количественный и качественный состав армий и их вооружения, военные расходы Албании, Болгарии, Румынии и Югославии, поставки вооружения и долговые обязательства балканских государств по ним; а также картами вероятных военных операций ОВД в Европе и на Юго-Западном ТВД. К сожалению, отсутствуют списки сокращений и именной указатель, которые, на наш взгляд, просто необходимы в работе такого масштаба. Также отметим несоблюдение автором государственных стандартов оформления сносок на интернет-ресурсы, которыми он активно оперирует. Ряд ссылок в настоящее время недоступен по указанным адресам, поэтому изначально было бы целесообразно указывать дату обращения к первоисточнику.

Данные критические замечания никоим образом не умаляют достоинств книги и заслуг Ар.А. Улуяна. Выход в свет рецензируемой монографии позволил ввести в на-

учный оборот богатейшую коллекцию документов по вопросам оборонной политики не только ОВД, но и НАТО. Эти материалы, несомненно, углубляют наши знания о военно-политических доктринах балканских государств и их трансформации в исторической ретроспективе. Очевидно, что работа вызовет интерес широкого круга читателей и станет добротной основой для дальнейших изысканий в области военно-политической истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникеев 2002 — *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

Бруз 2006 — *Бруз В. В.* Военно-политическая деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности. Историкографическое исследование. М., 2006.

Быстрова 2007 — *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс. Проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2007.

Волков 2009 — *Волков В. В.* Советско-албанские отношения (40–50-е годы XX века). СПб., 2009.

Гладышева 2015 — *Гладышева А. С.* Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х — середина 1960-х гг.) // История: Научно-образовательный журнал. 2015. Т. 6. Вып. 11 (44) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001341-4-1> (дата обращения 05.09.2016). DOI: 10.18254/S0001341-4-1.

Едемский 2008 — *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

Крамф 1995 — Крамф М. Кризисы в отношениях СССР со странами Восточной Европы, 1948–1981: Использование новых данных // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995.

Новосельцев 2015 — Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015.

Отечественный военно-промышленный... 2005 — Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / Под ред. О. Д. Бакланова и О. К. Рогозина. М., 2005.

Покивайлова 2013 — Покивайлова Т. А. От Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М., 2013. С. 177–206.

Президиум ЦК КПСС 2004–2008 — Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Под ред. А. А. Фурсенко. М., 2004–2008. Т. 1–3.

Ржешевский 2004 — Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы и комментарии 1941–1945. М., 2004.

Романенко 2011 — Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством» Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX в. — 1991 год). М., 2011.

Улуныан 2001 — Улуныан Ар. А. Балканы: Горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001.

Улуныан 2008 — Улуныан Ар. А. Кризис «коммунистического единства»: балканский аспект (середина 60-х — начало 70-х гг. XX в.) // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. М., 2008. С. 135.

Улуныан 2010 — Улуныан Ар. А. Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е гг. XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2010. Вып. 3: История и общества. С. 177–193.

Улуныан 2012 — Улуныан Ар. А. Готовился ли переворот в Албании? Дело Т. Сейко: версии // Славяноведение. 2012. № 1. С. 16–32.

Улуныан 2013а — Улуныан Ар. А. Военные доктрины Албании, Румынии, Югославии в конце 60-х — начале 70-х годов XX века // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 54–62.

Улуныан 2013б — Улуныан Ар. А. 1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М., 2013. С. 355–376.

Улуныан 2013в — Улуныан Ар. А. Распад СФРЮ и советский фактор в оценках и сценариях Вашингтона и Тираны (1970–1972 гг.) // Власть. 2013. № 2. С. 107–111.

Croitor, Borza 2014 — Croitor M., Borza S. Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito, 1954–1964. Cluj-Napoca, 2014. Vol. II. Documente.

Costache 2012 — Costache B. Activitatea României în Consiliul de Ajutor Economic Reciproc, 1949–1974. București, 2012.

The defense strategy of the socialist countries of the Balkan Peninsula in the mid-1950s and 1980. Rec.: Ulunyan Ar. A. Balkanskii "schit socializma". Oboronnaya politika Albani, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 50-h gg. • 1980 g.). M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2013

Gladysheva Anna S. — junior researcher of the Department of Eastern Europe history after the Second World War, Institute of Slavic studies, RAS (Moscow); aneta_08.09@mail.ru

REFERENCES

Anikeev A.S. *Kak Tito ot Stalina ushel: Iugoslaviia, SSSR i SShA v nachal'nyi period "kholodnoi voiny" (1945–1957)*. Moscow, 2002.

Bruz V.V. *Voенно-politicheskaia deiatel'nost' Organizatsii Varshavskogo Dogovora po obespecheniiu evropeiskoi bezopasnosti. Istoriograficheskoe issledovanie*. Moscow, 2006.

Bystrova I.V. *Sovetskii voенно-promyshlennnyi kompleks. Problemy stanovleniia i razvitiia (1930–1980-e gody)*. Moscow, 2007.

Costache B. *Activitatea Rom neni n Consiliul de Ajutor Economic Reciproc, 1949–1974*. Bucure ti, 2012.

Croitor M., Bor a S. *Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hru ciov i Tito, 1954–1964*. Cluj-Napoca, 2014. Vol. II. Documente.

Gladysheva A.S. *Sovetskie plany ekonomicheskoi integratsii v ramkakh SEV i pozitsiia rumynskogo rukovodstva (seredina 1950-kh – sredina 1960-kh gg.)*. *Istoriia: Nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. 2015. Vol. 6. Iss. 11 (44). URL: <http://history.jes.su/s207987840001341-4-1> (date of access 05.09.2016). DOI: 10.18254/S0001341-4-1. Edemskii A.B. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow, 2008.

Kramer M. *Krizisy v otnosheniiakh SSSR so stranami Vostochnoi Evropy, 1948–1981: Ispol'zovanie novykh dannykh. Kholodnaia voina. Novye podkhody, novye dokumenty*. Moscow, 1995.

Novosel'tsev B.S. *Vneshniaia politika Iugoslavii (1961–1968 gody)*. Moscow, 2015.

Otechestvennyi voенно-promyshlennnyi kompleks i ego istoricheskoe razvitiie. Ed. O. D. Baklanov, O. K. Rogozin. Moscow, 2005.

Pokivailova T.A. *Ot Georgiu-Dezha k N. Chaushesku. Rumyno-sovetskie otnosheniia: smena vekh. Moskva i Vostochnaia Evropa. Neprostye 60-e... Ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow, 2013. P. 177–206.

Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniia. Ed. A. A. Fursenko. Moscow, 2004–2008. Vol. 1–3.

Romanenko S.A. *Mezhdru "proletarskim internatsionalizmom" i "slavianskim bratstvom" Rossiisko-iugoslavskie otnosheniia v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo XX u. – 1991 god)*. Moscow, 2011.

Rzheshevskii O.A. *Stalin i Cherrhill'. Vstrechi. Besedy. Diskussii: Dokumenty i kommentarii 1941–1945*. Moscow, 2004.

Ulunian Ar. A. 1968 god. Bukharest v ozhidanii sovetskogo vtorzheniia (Diplomatiia i oborona). *Moskva i Vostochnaia Evropa. Neprostye 60-e... Ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow, 2013. P. 355–376.

Ulunian Ar. A. *Balkany: Goriachii mir kholodnoi voiny. Gretsii i Turtsiia mezhdru Zapadom i Vostokom. 1945–1960 gg*. Moscow, 2001.

Ulunian Ar. A. *Gotovilsia li perevorot v Albanii? Delo T. Seiko: versii. Slavianovedenie*. 2012. N 1. P. 16–32.

Ulunian Ar. A. *Krizis "kommunisticheskogo edinstva": balkanskii aspekt (seredina 60-kh – nachalo 70-kh gg. XX v.). Mnogostoronnaia diplomatiia v gody kholodnoi voiny*. Moscow, 2008. P. 135.

Ulunian Ar. A. *Mif "Novoi Maloi Antanty". K istorii poiavleniia odnoi kontseptsii (60-e gg. XX v.). Evropeiskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia*. Moscow, 2010. Vol. 3: *Istoriia i obshchestva*. P. 177–193.

Ulunian Ar. A. *Raspad SFRiU i sovetskii faktor v otsenkakh i stsenariiakh Vashingtona i Tirany (1970–1972 gg.)*. *Vlast'*. 2013. N 2. P. 107–111.

Ulunian Ar. A. *Voенnye doktriny Albanii, Rumynii, Iugoslavii v kontse 60-kh – nachale 70-kh godov XX veka. Novaia i noveishaia istoriia*. 2013. N 1. P. 54–62.

Volkov V.V. *Sovetsko-albanskii otnosheniia (40–50-e gody XX veka)*. Saint Petersburg, 2009.

Д. И. Раскин

«ПРОКОНСУЛ КАВКАЗА» В ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКЕ

Рец.: *Ермолов А. П.* Кавказские письма. 1816–1861 / Вступ. ст. Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов; сост.: Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов. СПб.: Звезда, 2014

Подготовленное группой петербургских историков издание «кавказских» писем А. П. Ермолова (*Ермолов* 2014) является продолжением исследований авторского коллектива¹, посвященных Кавказской войне и А. П. Ермолову.

Как справедливо отмечают авторы вступительной статьи к сборнику, А. П. Ермолов стал легендой еще при жизни, а впоследствии оказался в центре внимания всех историков Кавказа и Кавказской войны. «Многих Ермолов привлекает как сильная личность, “покоритель Кавказа”, проводник российской имперской идеи, патриот, посвятивший себя служению Отечеству и его интересам. Другие видят в нем

жестокого завоевателя, душителя и гонителя независимости кавказских народов, обвиняют его в геноциде, то есть целенаправленном уничтожении непокорных горских народов. На вопрос, какова истина и насколько справедливы возвеличивание деятельности Ермолова на Кавказе, с одной стороны, и непреодолимая ненависть — с другой, дают ответ более четкий, чем другие источники, опубликованные в данном издании его частные письма, в которых он был искренним и откровенным» (с. 13).

Действительно, значение частных писем А. П. Ермолова как первоклассного исторического источника трудно переоценить.

Другое дело, что степень искренности и откровенности его писем зависела от их адресата. В уже цитированной вступительной статье отмечается, что, например, письма А. А. Закревскому «были не только

© Раскин Д. И., 2016

Раскин Давид Иосифович — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России СПбГУ (Санкт-Петербург), d.raskin@mail.ru

¹ См., напр.: (*Гордин* 2001; 2011; 2012; *Лисицына* 2009; *Миловидов* 2009; Кавказ и Российская империя 2005; Кавказские письма 2011).

интимно-дружественные, но преследовали цель создать нужное представление о намерениях Ермолова в окружении императора, министров, вельмож, имеющих влияние на принятие нужных для него решений» (с. 13–14). Аналогичными соображениями руководствовался Ермолов в письмах к М. С. Воронцову (периода службы Ермолова на Кавказе), распространявшихся среди окружения Воронцова. Авторы вступительной статьи справедливо отмечают, что письма А. П. Ермолова были средством влияния как на бюрократические круги, так и на общественное мнение. А наиболее откровенными были письма Ермолова, адресованные самым близким друзьям. Не случайно большая часть этих писем доставлялась через фельдъегерей, с оказией (через приезжающих с Кавказа офицеров).

Всего в данном сборнике опубликовано около 500 писем А. П. Ермолова.

В практике публикации эпистолярных источников сложилось два типа изданий — издание писем определенного лица и полный корпус переписки, т. е. писем данного лица и его корреспондентов. Второй тип гораздо более редок как по причине сохранности всего корпуса переписки, так и потому, что зачастую публикаторы не считают ответные письма корреспондентов героя своей публикации достойными издания. Составители сборника «кавказских» писем А. П. Ермолова ограничили свою задачу публикацией писем самого Ермолова, причем только писем, либо относящихся

к его пребыванию на Кавказе, либо связанных с Кавказом. Такой подход в данном случае представляется вполне целесообразным. Письма Ермолова за период его командования на Кавказе — несомненно, ценнейший исторический источник. А поскольку и после отставки он вплоть до конца своей жизни не терял пристального интереса ко всему, что происходит на Кавказе, его письма этого периода также представляют безусловный интерес для историков Кавказа. Думается, однако, что издание намного бы выиграло, если бы составители в комментариях воспроизвели также некоторые письма Ермолову его корреспондентов (хотя бы в выдержках). Сохранившиеся архивные фонды (например, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов фонд Ермоловых) представляют в ряде случаев такую возможность.

В сборник включен и ряд писем, относящихся к деловой переписке Ермолова. Такое решение составителей оправдано, т. к. в противном случае была бы разрушена тематическая целостность сборника. К тому же для документации того времени характерна невозможность во многих случаях разделить официальные и личные письма должностных лиц. Не случайно сенатские указы неоднократно (16 августа 1802 г., а затем 30 ноября 1814 г.) предписывали начальникам губерний «по всем делам, до их должности касающимся» направлять письма «не к лицам, а прямо в те места, до которого дело принадлежит, и никаких личных переписок... не принимали бы» (ПСЗ). Но, разумеется, на прак-

тике еще долго эти требования не соблюдались. Целесообразным представляется и включение в сборник письма Ермолова Николаю I об отставке (с. 401), хотя сам адрес письма предполагает отнесение документа к разряду рапортов. Это же относится и к рапорту Александру I от апреля 1820 г. (с. 221–222).

Составители сборника проделали большую работу по выявлению полного корпуса писем А.П. Ермолова в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Ставрополя и Киева, в том числе в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном военно-историческом архиве, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома), Институте рукописей национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Материалы из перечисленных выше хранилищ и составили основной корпус публикаций в сборнике.

Многие из включенных в сборник писем Ермолова были в свое время изданы в Сборнике Русского исторического общества, «Русском архиве», «Русской старине», а в советское время в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издаваемом в Махачкале. Но большинство дореволюционных публикаций содержат отступления от подлинника, сокращения, в том числе вызванные цензурными соображениями. В данном сборнике

ке большинство писем публикуется по сохранившимся оригиналам. Воспроизведение подлинных текстов соответствует всем нормам современной археографии. Исключения составляют письма, подлинники которых не дошли до наших дней, например, письма, хранившиеся в Дагестанском музее (с. 20).

В опубликованной переписке зримо предстает образ А.П. Ермолова — полководца, государственного деятеля, человека.

Масштаб его личности очевиден. Он соразмерен эпохе великих войн и великих (хотя и незавершенных) преобразований, эпохе Кутузова и Барклая де Толли, Сперанского и Кочубея, плеяде выдающихся военных и государственных деятелей, которыми было так богато царствование Александра I и которым не нашлось места при Николае I.

В А.П. Ермолове сочеталось обостренное чувство собственного достоинства с большим честолюбием, сильная воля и не менее сильный интеллект, обширность замыслов с необходимым для полководца и государственного деятеля здравым смыслом, позволяющим реалистически оценивать возможности осуществления этих замыслов, прямота и способность к дипломатии (в том числе и в отношениях с правительством и обществом).

Я.А. Гордин назвал Ермолова солдатом империи. С не меньшим основанием его можно было бы назвать строителем империи. Судьба поставила его во главе армии и администрации на Кавказе. И покорение,

а затем обустройство этого края стали смыслом его жизни и деятельности надолго, если не навсегда.

Одной из причин цензурных купюр при прежних изданиях писем Ермолова были его нелицеприятные высказывания о народах Кавказа, а также о поляках, немцах, французах и др. В настоящем издании эти купюры восстановлены. Да, такие высказывания имели место. Некоторые из них перекликаются с риторикой ранних декабристов. Но одновременно Ермолов воздаёт должное, покровительствует, способствует карьере представителей этих народов, независимо от их происхождения, если видит, что они полезны для службы, для строительства империи. Достаточно привести в пример В. Г. Мадатова, ставшего одним из ближайших сподвижников Ермолова. Среди множества имен, о награждении или повышении в чине которых Ермолов хлопотал в своих письмах А. А. Закревскому (в то время дежурному генералу Главного штаба), можно найти и армянские, и грузинские, и немецкие. «Люблю людей, государю и земле нашей надобных», писал А. П. Ермолов Закревскому (с. 309). Так закладывались основы имперской традиции на Кавказе. Об этой традиции писал С. Ю. Витте: «...так как большая часть населения Кавказа приняла подданство России по собственному желанию и так как православное население Кавказа, вообще все христианское население его, в продолжение всей кавказской истории было верно России, то наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью Империи и что к христиан-

скому населению Кавказа в особенности надо относиться так же, как к русским. В этом смысле они не делали никакой разности между русскими и туземцами... Я отлично помню то время, когда в каждом полку большая половина офицеров или начальников были местные туземцы, и эти туземцы — грузины, армяне, татары — в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили Кавказскую армию» (Из архива С. Витте 2003: 48–49, 51).

А. П. Ермолов в своих письмах демонстрирует большой реализм и большое беспристрастие и в оценке потенциального противника: «Я видел регулярные войски Персии. Артиллерия в весьма хорошем порядке: мне показывали практическое ее учение, и у нас не все так хорошо приучены. Мне представляли учение баталиона пехоты. Я мало видел войск, лучше обученных, а в Грузии все мои вообще хуже их в учении» (с. 97). Никаким европейским высокомерием здесь и не пахнет.

Готов он и изучать и применять приказы нелюбимых им М. Б. Баркляя де Толли и И. И. Дибича об обучении армии: «Всё равно, что хорошее изобретается, где бы то делано ни было, а последовать доброму всегда полезно» (с. 140).

В своих письмах А. П. Ермолов неоднократно поднимает вопрос о своих полномочиях по управлению краем и взаимоотношениях с главами центральных ведомств, т. е. министерств. Следует отметить, что, несмотря на все жалобы Ермолова,

объем его полномочий, как и всех тогдашних генерал-губернаторов, был не так уж мал. Но вопрос сочетания генерал-губернаторского (наместнического) управления с министерской системой был в те годы весьма актуальным. Как раз в год назначения Ермолова на Кавказ был подготовлен проект разделения России на наместничества, получивший развитие в дальнейших планах правительства, но так и не осуществленный². Когда слух об этом проекте дошел до Ермолова, он писал А.А. Закревскому 10 августа 1818 г.: «Любопытно постановление о наместниках, но если и они, подобно губернаторам, будут рабами министров, то это никуда не годится и лучше старого беспутства не умножайте новым. Иначе будут они весьма непристойным государя изображением (с. 147). А вскоре (17 августа) тому же Закревскому он писал: «Весьма любопытен слух о разделении на 12 наместничеств. Отличные места сии, по крайней мере, ту принесут пользу, что почетным образом можно удалить нашу братью из армии. А как мы за сии должности возьмемся с усердием, то со временем уподобимся Сенату! Впрочем, если будут люди способные, то конечно, могут принести пользу» (с. 150).

В «Списке губерний с распределением по наместническим округам», составленном около 1818–1819 гг., в качестве кандидатуры на пост генерал-губернатора по 10-му округу (Астраханская, Кавказская губернии, Грузия, Имеретия, Мингре-

лия) указан Ермолов (Институт генерал-губернаторства 2003: 60).

Реакция военных и государственных деятелей на этот проект, как и позиция должностных лиц, управлявших окраинами России, по поводу министерской системы централизованного управления (тогда еще сравнительно новой) заслуживает дальнейшего изучения.

Меньше всего в переписке Ермолова (при всей поправке на адреса-тов) заметна его склонность к либеральным идеям. Похоже, не только в отношении к тайным обществам и революциям 1821 г. в Испании и Италии, но и в вопросе отмены крепостного права и в видении будущего России он решительно расходился с декабристами, возлагавшими на Ермолова немало надежд. Но, конечно, ни с Аракчеевым, ни с будущими деятелями николаевского царствования ему также было не по пути.

Издание «кавказских» писем Ермолова снабжено подробными комментариями. Труд составителей по комментированию публикуемых текстов заслуживает самой высокой оценки. Можно сделать лишь несколько незначительных замечаний. Так, например, в письме А.А. Закревскому от 10 августа 1819 г. говорится о «населении военном в здешнем (Кавказском. — Д.Р.) краю, причем Ермолов считал, что оно не должно уподобляться “нынешнему”, и опасался, что если его представление “рассматриваемо будет на *Литейной*»³, то

² См.: (Институт генерал-губернаторства 2001: 65–92).

³ Курсив в рецензируемом издании.

может быть и смешается с грязью» (с. 146). Здесь явно речь идет о военных поселениях, насаждавшихся гр. А. А. Аракчеевым, и о доме на Литейном проспекте (д. 20), в котором находилась приемная Аракчеева, где он работал, а нередко и ночевал. В данном случае был бы полезен более подробный комментарий, хотя в комментарии к письму А. А. Закревскому от 26 января 1817 г. указывается, что по указанному выше адресу на Литейном проживал А. А. Аракчеев, а в начале Литейного проспекта находились здания Артиллерийского департамента (с. 660), о местонахождении которого в данном случае и идет речь. Письмо А. А. Закревскому от 11 ноября 1919 г. начинается с обращения: «Любезный и почтенный князь Арсений Андреевич!» (с. 207). Поскольку князем А. А. Закревский не был никогда, а в графы (Великого княжества Финляндского) был возведен лишь в 1831 г., это обращение нуждается в комментарии (если это не опечатка или не ошибка прочтения). В письмах Ермолова близким друзьям он нередко называет общих знакомых прозвищами. В некоторых случаях составители в комментариях раскрывают эти прозвища (например, «Красота» — полковник И. В. Шатилов (с. 653)), но в некоторых случаях они так и остаются нераскрытыми в комментариях. Имело бы смысл также более подробно прокомментировать упоминаемые в переписке кавказские этнонимы и в ряде случаев топонимы.

В целом сборник подготовлен на высоком научном и археографическом уровне.

Документальный сборник «кавказских» писем А. П. Ермолова вносит, несомненно, заметный вклад в изучение истории как Кавказа, так и Российской империи в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гордин 2001 — *Гордин Я. А.* Земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2001.

Гордин 2011 — *Гордин Я. А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2011.

Гордин 2012 — *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012.

Ермолов 2014 — *Ермолов А. П.* Ермолов Кавказские письма. 1816–1861. СПб., 2014.

Из архива С. Витте 2003 — Из архива С. Витте: Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003.

Институт генерал-губернаторства 2001 — Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001.

Институт генерал-губернаторства 2003 — Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. СПб., 2003.

Кавказ и Российская империя 2005 — Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб., 2005.

Кавказские письма 2011 — Кавказские письма А. П. Ермолова М. С. Воронцову. СПб., 2011.

Лисицына 2009 — *Лисицына Г. Г.* Административная деятельность генерала А. П. Ермолова на Кавказе // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009.

Миловидов 2009 — *Миловидов Б. П.* К истории публикации эпистолярного наследия А. П. Ермолова // Генерал А. П. Ер-

молов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 32. № 25738. 1814. 30.11.

«Proconsul of the Caucasus» in the personal correspondence. Rec.: Ermolov A. P. Kavkazskie pis'ma. 1816-1861 / Vstup. st. Ya. A. Gordin, G. G. Lisicyna, B. P. Milovidov; sost.: G. G. Lisicyna, B. P. Milovidov. SPb.: Zvezda, 2014

Ruskin David I. — doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the Source Studies of the History of Russia SPbGU (Saint Petersburg)

REFERENCES

Gordin Ya. A. *Zemlya i krov': Rossiya v Kavkazskoy voyne XIX veka.* Saint Petersburg, 2001.

Gordin Ya. A. *Kavkazskaya Atlantida. 300 let voyny.* Moscow, 2011.

Gordin Ya. A. *Aleksey Ermolov. Soldat i ego imperiya.* Saint Petersburg, 2012.

Ermolov A. P. *Ermolov Kavkazskie pis'ma. 1816-1861.* Saint Petersburg, 2014.

Iz arkhiva S. Vitte: Vospominaniya. Vol. 1: Rasказы v stenograficheskoy zapisi. Kn. 1. Saint Petersburg, 2003.

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiyskoy imperii. Vol. 1. Saint Petersburg, 2001.

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiyskoy imperii. Vol. 2. Saint Petersburg, 2003.

Kavkaz i Rossiyskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Saint Petersburg, 2005.

Kavkazskie pis'ma A. P. Ermolova M. S. Vorontsovu. Saint Petersburg, 2011.

Lisitsyna G. G. Administrativnaya deyatelnost' generala A. P. Ermolova na Kavkaze. General A. P. Ermolov i rossiysko-kavkazskie otnosheniya v XIX — nachale XX veka. Saint Petersburg, 2009.

Milovidov B. P. K istorii publikatsii epistolyarnogo naslediya A. P. Ermolova. *General A. P. Ermolov i rossiysko-kavkazskie otnosheniya v XIX — nachale XX veka.* Saint Petersburg, 2009.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Vol. 32. N 25738. 1814. 30.11.

Э. Е. Эпштейн

Рец.: *Макарова Н.В.* Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения). М.: Экон-информ, 2012. 393 с.

В первой четверти XXI столетия в отечественной и зарубежной историографии появились весьма показательные исследования по истории российской жандармерии. В России были защищены три диссертации по истории III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (*Рослякова* 2003; *Романов* 2008; *Бибиков* 2009), в которых авторы на основе богатого комплекса источников реконструировали историю создания и функционирования III Отделения и Отдельного корпуса жандармов. Начиная с правления Николая I, данные ведомства отвечали за внутреннюю и внешнюю безопасность империи. Исследователи российского опыта создания института жандармерии обращают внимание на разные стороны деятельности политической полиции: О.Б. Рослякова изучает историю III Отделения посредством обращения к политическим биографиям его начальников – А.Х. Бенкендорфа и А.Ф. Орлова; ульяновский историк В.В. Романов на структурном уровне оценивает эффективность жандармских подразделений в регионах империи, Г.Н. Бибиков, используя антропологический подход, углубляется в аспекты политической карьеры А.Х. Бенкендорфа и в изучение его роли в создании и функционировании III Отделения.

© Эпштейн Э. Е., 2016

Эпштейн Эдуард Евгеньевич – студент I-го курса магистратуры «Историческое знание» НИУ ВШЭ (Москва); eduardred1995@gmail.com

Еще одна группа отечественных исследователей использовала документы III Отделения для освещения сюжета, связанного с надзором за иностранцами, пребывавшими на территории Российской империи (*Абакумов* 2008; *Тихонова* 2014). Эти работы объединяет исследовательский подход, при котором авторы рассматривают III Отделение как орган по контролю и надзору за населением империи. Казанский профессор А.Н. Бикташева (*Бикташева* 2015) отмечает в недавно вышедшей статье надзорные и контрольные функции учрежденного ведомства, а также обращает наше внимание на диагностические функции III Отделения, следившего за состоянием губернской администрации империи и выявлявшего управленческие нарушения и злоупотребления.

В зарубежной историографии стоит отметить два ключевых исследования. В 2000 г. в Париже прошла крупная конференция, по итогам которой был издан сборник статей, освещающий различные аспекты истории и функционирования жандармерии на территории Европы в XIX в. (*Jean-Noël* 2002). Исследования, входящие в данный сборник, до сих пор не потеряли своей актуальности в связи с наличием в нем большого числа оригинальных авторских подходов при изучении опыта организации жандармского устройства во Франции, Испании, России в сравнительной перспек-

тиве. Из зарубежных авторов также можно отметить и знаменитую работу английского историка К. Эмсли (*Emsley* 1999), обратившего внимание на различные практики контроля, надзора и безопасности, появившиеся после внедрения жандармерии в полицейскую сферу в эпоху Наполеона и постнаполеоновское время.

Таким образом, историографический задел при изучении жандармерии в России и за рубежом весьма разнообразен. Тем не менее все вышеупомянутые работы содержат в себе схожие модели описания опыта создания жандармской полиции, объектом которых является полицейский функционал созданного ведомства. В связи с однородностью исследовательских оптик появление монографии Н.В. Макаровой, главной целью которой было «изучение общественной и частной жизни сословий российского общества второй четверти XIX века по официальным документам III Отделения» (*Макарова* 2012: 3), представляет особый интерес.

Действительно, подход Н.В. Макаровой обладает новизной и оригинальностью. Во-первых, автором рассматривается III Отделение и его деятельность с нестандартной стороны. В обозначенной выше историографии, как правило, III Отделение выступает в качестве полицейского органа, его функции распространяются на контроль, слежку, сдерживание оппозиционных настроений. Что касается взгляда автора на III Отделение, то Н.В. Макарова предлагает его воспринимать как «агента импера-

тора», который снабжает его информацией о том, что происходит в империи, как живет ее население. Этот подход позволяет обособиться от распространенной точки зрения на III Отделение как карательного органа и помогает сосредоточиться на других, менее изученных страницах истории данного ведомства. Несомненным плюсом исследования является обильное использование автором документов фонда 109¹; Н.В. Макаровой вводится в оборот огромное количество новых дел, содержание которых позволит по-новому взглянуть на такие сюжеты, как взаимоотношения сословий и власти, роль жандармов в управлении империей. Н.В. Макарова знакомит читателя с новым, не распространенным среди историографии образом «голубого ведомства», освещает детально, на основе собранной базы архивных документов ведомства, роль информаторов, которую выполняли жандармы после создания III Отделения и Корпуса жандармов.

Работа Н.В. Макаровой² состоит из трех глав. Первая глава посвящена истории III Отделения: его компетенции, штату, структуре, а также основным направлениям деятельности. Данная глава не содержит

¹ В ф. 109 содержатся документы Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Данный орган являлся высшим органом политической полиции Российской империи.

² Н.В. Макарова – канд. ист. наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Института сервиса Российского государственного университета туризма и сервиса, г. Москва. В 2013 г. защитила докторскую диссертацию, текст которой преимущественно составляет содержание рецензируемой книги.

принципиально нового фактического материала, так как об истории упомянутого ведомства писали много вышеназванные авторы. Вторая и третья главы составляют основное содержание монографии, и в них уделено внимание изучению на материале документов III Отделения общественной и частной жизни сословий. Во второй главе объектом исследования автора стали привилегированные сословия (дворянство, духовенство, чиновничество), а также царская семья, в третьей – автор затрагивает некоторые аспекты жизни податных сословий (купечество, мещанство, крестьянство).

Перед тем как непосредственно перейти к реконструкции повседневной жизни сословий на основе документов ведомства политической полиции, Н.В. Макарова предлагает читателям ознакомиться с теоретической рамкой, которую она выбрала для изучения исследовательской проблемы. Я специально обращаю внимание на методологический и теоретический аспекты работы, так как, на мой взгляд, именно данный момент в книге является ключевым.

Главным теоретическим фундаментом выступает концепт «образ жизни, который может считаться теоретической основой для отображения общественной и частной жизни социальных слоев общества» (с. 109). В качестве обоснования автор ссылается на определение *образа жизни* как теоретического концепта в философском словаре и утверждает, что, «согласно данному определению, общественная

жизнь является частью образа жизни определенных слоев общества и может быть описана с помощью исторических методов как социально-исторический образ жизни» (с. 110). При этом автор не приводит в пример ни одной работы, в которой данная концепция применялась бы на историческом материале, а также не упоминает авторов, разрабатывавших этот концепт в теории, тем самым затрудняя читательское понимание того, зачем *образ жизни* как теоретическая рамка вводится при работе с документами III Отделения. Между тем понятие «образ жизни», не раскрытое автором, неоднократно уточнялось в гуманитарных науках из-за своей неоднозначности.

Впервые обоснование данной категории было дано К. Марксом и Ф. Энгельсом в XIX столетии (*Маркс, Энгельс* 1970), а социологическое обоснование образа жизни – М. Вебером (*Вебер* 1990). В социологическом понимании научная категория «образ жизни» впервые сформировалась после появления дефицита в анализе отдельных видов жизнедеятельности людей, а также с изменением в социальных отношениях между ними. В последнее время в науке был разработан специальный подход, который необходимо учитывать при изучении образа жизни социума. Суть этого подхода (его полное название – полипарадигмальный подход) заключается в создании определенной системы понятий, в которой будут отражаться различные процессы жизнедеятельности людей, в движении и статичном положении. Этими понятиями наряду с образом

жизни станут стиль и способ жизни³. Допускаю, что данная теория была использована автором не в полной мере; это было сделано для того, чтобы дать научное обоснование «общественной и частной жизни» сословий, сформировать вокруг хорошо изученного сюжета рамочный теоретический задел. Более того, впоследствии будет очевидно, что данная теория не работает на конкретном историческом материале, что также может свидетельствовать о недооценке автором потенциала выбранной теории.

Обратим пристальное внимание на то, как автор работает с источником и срабатывает ли выбранная ею теория. Во второй главе Н.В. Макарова, описывая жизнь царской семьи, фронтально просматривает все экспедиции фонда III Отделения и ищет там все возможные упоминания императорской семьи. Вначале автор по хронологии отмечает дела, в которых фигурируют имена императорской фамилии во время посещения городов (с. 119–122), затем дела, где фиксировались путешествия императорских особ (с. 123), а также различные семейные дела. При этом Н.В. Макарова допускает сухой пересказ содержания документа, не делая каких-либо выводов о том, зачем эти дела в целом создавались и какое значение имели для понимания исследуемого сюжета. Остается непонятным, для чего автор стремится к перечислению как можно большего количества документов высшей полиции о жизни сословий, делая при этом следующие заключения: «Сведений

о придворных кругах Российской империи сохранилось немного, но и имеющиеся дела показывают, что III Отделение собирало информацию об их образе жизни...» (с. 136). Являлось ли III Отделение единственным источником изучения жизни царской семьи?⁴ Автор учитывается лишь одна оптика, как и в случаях с остальными сословиями.

В дальнейшем автор действует по заданной схеме: выбирается сословие, затем по хронологическому принципу просматриваются все пять экспедиций фонда и перечисляются все дела, относящиеся к этому сословию. Причем это перечисление доходит до банального: например, описывая образ жизни дворянства, автор опять прибегает к перечислению названия дел, в которых фигурирует это сословие, не раскрывая их содержания: «Еще одной характеристикой образа жизни дворянского сословия можно назвать участие в дуэлях. <...> В 1837 г. донесено о штаб-капитане Дорохове, ранившем отставного ротмистра Сверчкова (сноска на дело). В 1843 г. сообщено о дуэли между курляндскими дворянами Клейстом и Сакеном, а также о дуэли князя Вяземского с подпоручиком Бахметевым...» (с. 177). Или, например, такое же перечисление у автора прослеживается, когда она описывает сюжет, связанный с наблюдениями III Отделения за губернаторами (с. 197–199). При этом совершенно не раскрывается

⁴ Например, богатым источником для изучения жизни императорской семьи являются камер-фурьерские журналы. См. подробнее: (Агеева 2008; Лурье 2009).

³ См. подробнее: (Возьмитель, Осадчая 2009).

содержание дел, хотя в историографии этот сюжет изучен и известно, каким информационным потенциалом обладают такого рода документы (Бикташева 2013). Однако, перечисляя проекты, поданные иностранцами в III Отделение о преобразовании какой-либо сферы жизни (любопытный сюжет, который автор, по сути, проигнорировал), Н.В. Макарова ограничивается десятью примерами, хотя в одной экспедиции за период с 1835 по 1842 гг. мною было обнаружено около тридцати проектов (с. 249). Такая же небрежность присутствует у автора и при работе с цифрами, которые ей нужны для количественного подсчета населения. Например, фиксируя положение иностранцев в империи при Николае I, Н.В. Макарова отмечает: «сколько иностранцев проживало в России в царствование Николая I, мы таких сведений не имеем, но косвенные данные свидетельствуют, что не менее 200 000 человек» (с. 242). Остается лишь гадать, какими косвенными данными располагает автор. Такого рода упущения и недосказанности вызывают вопрос о тех критериях, которыми руководствовалась Н.В. Макарова, а также о смысле проделанной ею работы: количество без качества для исторического исследования бессмысленно. Также вызывает удивление стиль автора и язык изложения. Несколько раз Н.В. Макарова употребляла такие выражения, как «объективный» (с.121), «достоверный» (с.134), «правдивый» (с. 118), «возможная полнота» (с. 328), претендуя таким образом на получение исчерпывающего знания об изучаемой эпохе.

Как можно убедиться на основе анализа некоторых частей работы Н.В. Макаровой, авторская задумка с применением теоретического концепта «образ жизни», а также с всесторонним и комплексным анализом жизни всех сословий на основе документов экспедиций III Отделения не сработала. Во-первых, автор оставляет после своей работы целые тематические и проблемные лакуны, для заполнения которых Н.В. Макаровой не было выработано каких-либо средств: не проработана методика работы с документами, что крайне важно для данного вида источника, не аргументирована проблема и не предложены способы для ее решения, а также до сих пор остается непонятным, каким образом теория применяется к конкретному историческому материалу.

Обработанная автором тысяча дел не позволяет читателю получить полноценной характеристики состояния жизни сословий при Николае I. Такие выводы, как «По делам III Отделения не прослеживается определяющая роль аристократии и придворных кругов в управлении империей, так как все основные решения принимались императором Николаем I» (с. 336), «общественная жизнь сословий в первой половине XIX века настолько усложнилась, что один человек, даже работающий по 16–18 часов в сутки, как император Николай Павлович, был просто не в состоянии взять эту жизнь под контроль» (с. 338), «... труд императора Николая Павловича Романова не пропал, об этом может свидетельствовать и тот факт, что крестьянство, то есть самое бедное сословие Российской

империи, организовало сбор сумм “на вечное поминовение Николая I”» (с. 340), «на наш взгляд, тезис “о полицейском режиме” Николая I не находит полного подтверждения в источниках» (с. 90), могут свидетельствовать о том, что автор без достаточной доказательной базы использует исторические факты, не контекстуализируя их, не проблематизируя сюжет исследования и не предлагая для ее решения репрезентативную источниковую базу и грамотно подобранную литературу, согласующуюся с появившимися и появляющимися историографическими и методологическими трендами. Тем не менее фокус исследования жизни имперского общества с привлечением документов высшей политической полиции является новым любопытным направлением, которого не было до сих пор. Работа Н.В. Макаровой создала определенный задел для дальнейшего изучения темы, но для ее более плодотворной разработки недостаточно будет собрать дела одного фонда без грамотно выстроенных теоретической и методологических баз. Это, пожалуй, является перспективной работой для исследователей в дальнейшем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абакумов 2008 – Абакумов О.Ю. «Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.

Агеева 2008 – Агеева О.Г. Императорский двор России: 1700–1796 годы. М., 2008.

Бибиков 2009 – Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

Бикташева 2015 – Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 132–143.

Бикташева 2013 – Бикташева А.Н. Информационный потенциал жандармского делопроизводства для изучения губернского управления в российской империи // *Российская империя в исторической ретроспективе: Сборник научных статей*. 2013. № 8. С. 12–17.

Вебер 1990 – Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 495–546.

Возьмитель, Осадчая 2009 – Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // *Социологические исследования*. 2009. № 8.

Лурье 2009 – Лурье Ф.М. Возвращение «поденных записок»: Жизнь императорской фамилии глазами камер-фурьеров // *Родина*. 2009. № 2.

Макарова 2012 – Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения). М., 2012.

Маркс, Энгельс 1970 – Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: противоположность идеалистического и материалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 3 т. Т. 1. М., 1970. С. 2–43.

Романов 2008 – Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826–1860 гг. (на материалах Поволжья): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ульяновск, 2008.

Рослякова 2003 – Рослякова О.Б. III Отделение в царствование императора Ни-

колая I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

Тихонова 2014 – Тихонова А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2014.

Jean-Noël 2002 – Gendarmerie, État et société au XIXe siècle / Jean-Noël L. (dir.). Paris, 2002.

Emsley 1999 – Emsley C. Gendarmes and the State in Nineteenth century Europe. Oxford, 1999.

Rec.: Makarova N.V. Zhizn' rossiiskikh soslovii v epohu pravleniya Nikolaya I (po materialam III Otdeleniya). M.: Ekon-inform, 2012. 393 s.

Epstein Edward E. – first year student of the “Historical knowledge” magistracy, HSE (Moscow); eduardred1995@gmail.com

REFERENCES

- Abakumov O. Yu. “*Chtob npravstvennaia zara-za ne pronikla v nashi predely*”: iz istorii bor'by III Otdeleniia s evropeiskim vliianiem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-kh gg.). Saratov, 2008.
- Ageeva O. G. *Imperatorskii dvor Rossii: 1700–1796 gody*. Moscow, 2008.
- Bibikov G. N. A. *Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaia I*. Moscow, 2009.
- Biktasheva A. N. Informatsionnyi potentsial zhandarm'skogo deloproizvodstva dlia izucheniia gubern'skogo upravleniia v rossiiskoi imperii. *Rossiiskaia imperiia v istoricheskoi retrospektive: Sbornik nauchnykh statei*. 2013. N 8. P. 12–17.
- Weber M. O nekotorykh kategoriakh ponimaiushchei sotsiologii. *Weber M. Izbr. Proizvedeniia*. Transl. from German. Moscow, 1990. P. 495–546.
- Biktasheva A. N. Zhandarmy i modernizatsiia mestnogo upravleniia v Rossii (opyt i perspektivy izucheniia). *Quaestio Rossica*. 2015. N 2. P. 132–143.
- Emsley C. *Gendarmes and the State in Nineteenth century Europe*. Oxford, 1999.
- Gendarmerie, État et société au XIXe siècle*. Jean-Noël L. (dir.). Paris, 2002.
- Lur'e F. M. Vozvrashchenie "podennykh zapisok": Zhizn' imperatorskoi familii glazami kamer-fur'erov. *Rodina*. 2009. N 2.
- Makarova N. V. *Zhizn' rossiiskikh soslovii v epokhu pravleniia Nikolaia I (po materialam III Otdeleniia)*. Moscow, 2012.
- Marx K., Engels F. Feierbakh: protivopozhnost' idealisticheskogo i materialisticheskogo vozzrenii. *Marx K., Engels F. Izbr. proizvedeniia*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 1970. P. 2–43.
- Romanov V. V. *Mestnye organy politicheskoi politsii Rossiiskoi imperii: struktura, kompetentsiia, osnovnye napravleniia deiatel'nosti v 1826–1860 gg. (na materialakh Povolzh'ia)*: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Ulyanovsk, 2008.
- Rosliakova O. B. *III Otdelenie v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Saratov, 2003.
- Tikhonova A. V. *Nadzor za inostrantsami v Rossiiskoi imperii (1801–1861): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Briansk, 2014.
- Voz'mitel' A. A., Osadchaia G. I. *Obraz zhizni: teoretiko-metodologicheskie osnovy analiza. Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2009. N 8.

А. В. Девятков

Рец.: Харитонов Н.И. Приднестровский конфликт (1988–2012 гг.). М.: Линия-График, 2015

Известный французский философ М. Фуко считал и своим примером доказывал, что ученый может занимать политическую позицию в отношении актуальных общественных событий и выстраивать свои исследования с целью реформирования существующих социальных реалий. По его мнению, это вполне соотносится с поиском научной «истины», особенно если исследователь использует научную методологию, открытые и достоверные источники информации и приходит к верифицируемым выводам.

Сказанное имеет прямое отношение к книге канд. ист. наук, доцента РАНХиГС Н.И. Харитоновой об истории приднестровского конфликта. Этот труд займет достойное место среди исследований по данной проблематике, в том числе потому что затрагивает один из ключевых вопросов современной внешней политики России на постсоветском пространстве — ее отношения с так называемыми «де-факто государствами» (Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия).

© Девятков А. В., 2016

Девятков Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН (Москва); devyatkovav@gmail.com

В современном российском общественно-политическом дискурсе сложились три основные точки зрения на будущее Приднестровья. Исторически доминирующей была позиция, в рамках которой Приднестровье рассматривалось как регион, имеющий для России большую геополитическую значимость, но при этом выступающий скорее как ресурс влияния России — в Юго-Восточной Европе в целом и в Молдове, в частности. Сторонники этой точки зрения склонны в этой связи подходить к Приднестровью инструментально, отмечая, что для России все-таки приоритетное значение имеет Молдова — как признанное международным сообществом государство, член СНГ и исторически важная территория, за которую до сих пор у Москвы существует латентное противостояние с Румынией. Поэтому Москва, согласно этой точке зрения, не может позволить себе признать независимость Приднестровья, хотя при этом она должна сделать всё, чтобы данный регион получил как можно больше полномочий в составе объединенного молдавского государства и максимум гарантий, в том числе военных, от самой России.

Вторая точка зрения исходит из положения о том, что Россия не имеет в Приднестровье важных

национальных интересов и не должна идти на столкновение с Западом и Молдовой из-за обвинений в поддержке сепаратизма и тратить огромные средства на поддержку приднестровской де-факто государственности. К сторонникам этих идей принадлежат как либерально настроенные аналитики, так и прагматики во власти. Именно они поддержали в 2010 г. идею Мезебергского процесса, в рамках которого Россия и Германия договорились рассматривать приднестровское урегулирование как пилотный проект сотрудничества ЕС и России в области безопасности и совместно совершили определенные шаги, приведшие к некоторым сдвигам в урегулировании конфликта.

Третья точка зрения, которую разделяет и Н. И. Харитонова, состоит в том, что Россия утратила почти все ресурсы влияния в Молдове, активно сближающейся с ЕС и НАТО и поэтому проводящей всё более антироссийскую политику. Запад при этом (прежде всего США и контролируемый ими Североатлантический альянс) стремится вытеснить Россию из региона, настаивая на выводе Объединенной группы российских войск, охраняющей склады бывшей 14-й армии, и интернационализации формата гарантирующей мир операции на Днестре. В этих условиях, считают сторонники этой точки зрения, подлинный национальный интерес России состоит в официальном признании независимости Приднестровья и заключении с ним соглашения о постоянном базировании российских войск. При этом Приднестровье представляет собой состоявшееся

государство, где проживает многонациональный приднестровский народ, объединенный проектом гражданской, а не этнической (как в Молдове) идентичности.

В книге Н. И. Харитоновой есть в связи с признанием Приднестровья интересное допущение: по ее мнению, ЕС в целом и в особенности Германия не желают размораживания конфликта у своих границ (как это произошло в случае с Грузией) и, в отличие от США, якобы понимают, что признание независимости Приднестровья – это наиболее верный шаг к тому, чтобы избежать этой опасности. Поэтому у России есть возможность использовать эту позицию (пока неофициальную) ЕС и Германии, которые свои договоренности с Россией должны будут потом в качестве свершившегося факта «довести» до Молдовы и Украины.

Кроме этого, автор исходит из идеи о том, что признание государственности Приднестровья Россией не обязательно должно быть результатом какой-либо войны. Для этого достаточен простой повод, например, небольшое столкновение в зоне безопасности (такие часто случаются), которое может быть истолковано Москвой и Тирасполем как достаточное основание для того, чтобы заявить о необходимости с помощью чрезвычайных мер защищать интересы своих граждан на берегах Днестра.

Как представляется, это одно из самых спорных мест во всей книге. Дело в том, что даже если Россия без какого-либо серьезного основа-

ния признает независимость Приднестровья, то она скорее всего столкнется с консолидированной позицией ЕС, Украины и Молдовы, нацеленной на полный разрыв экономических отношений с этим регионом. Во-первых, в книге не приводится доказательств формирования каких-либо альтернативных официальной позиций внутри ЕС по Приднестровью. Во-вторых, в практическом плане для экспортно-ориентированной экономики Приднестровья (около 50 % экспорта которого идет в Молдову, прежде всего производимая Молдавской ГРЭС электроэнергия) такое развитие событий будет означать масштабный экономический кризис. С внешним миром Приднестровье связано через территорию Украины и Молдовы, которые в случае признания Приднестровья сделают всё для его блокады (уже больше не мифической, а вполне реальной). С российским рынком Приднестровье связано слабо (по итогам 2015 г. экспорт в РФ упал до 8 % от общего объема вывозимой продукции), а механизмы переориентации приднестровской продукции на экспорт в Россию могут и не сработать, в т.ч. потому, что металлургия и электроэнергетика — это отрасли, по которым болезненно ударил экономический кризис и в которых в самой России отмечается перепроизводство.

Еще один момент, которому в книге Н.И. Харитоновой не уделяется внимания, — это «цена» признания приднестровской независимости. По факту Приднестровье должно будет стать для Москвы официальным протекторатом, а расходы

на его «содержание» резко возрастут. В настоящий момент Москва поддерживает Тирасполь косвенно, не «живыми деньгами»: поставками фактически бесплатного газа, перепродаваемого потом местными властями на внутреннем рынке, дотациями на повышение пенсий, а также точечным строительством социальных объектов по линии АНО «Евразийская интеграция». В случае признания Россия будет вынуждена взять на себя куда более значимые расходы — на макроэкономическую и бюджетную стабильность, на привлечение инвестиций в регион. В этом случае нужны хотя бы приблизительные расчеты этих расходов, которые пока еще никто не делал (что свидетельствует об умозрительности идеи).

Несмотря на спорные моменты, книга Н.И. Харитоновой крайне полезна для российского исследовательского пространства. Во-первых, в ней критически (хотя и не без оценочных суждений) рассмотрено развитие российской политики в отношении Приднестровья. В частности, автор признает решающую военную роль 14-й армии в развитии и замораживании конфликтной ситуации на Днестре в 1991–1992 гг. Дело в том, что официально Россия и многие российские исследователи на данный момент обходят стороной этот вопрос, предпочитая говорить о том, что 14-я армия и генерал Лебедь благодаря лишь угрозе применения силы смогли убедить Молдову пойти на мирные переговоры. Делается это в основном из-за опасений, что Россия может быть обвинена в участии в вооруженном конфликте в качестве воюющей сто-

роны, а не нейтрального посредника и миротворца.

Во-вторых, Н. И. Харитоновна справедливо отмечает, что политика России реализуется в регионе в непростых геополитических условиях, что не может не приводить к ее определенной непоследовательности. Автор подробно останавливается на том, как Россия в 1996–1997 гг. выступала основным инициатором переговоров по окончательному урегулированию приднестровской проблемы, как Москва в 2001–2002 гг. в контексте выполнения «стамбульских обязательств» и хороших отношений с Молдовой в лице В. Воронина стремилась добиться результативных переговоров (наряду с другими международными акторами) и как в 2010–2012 гг. она согласилась обусловить развитие отношений с ЕС в сфере безопасности своим позитивным вкладом в приднестровское урегулирование. При этом Н. И. Харитоновна не обходит вниманием те моменты, когда Россия в контексте своего геополитического противостояния с Западом проводила одностороннюю политику, в том числе склоняясь к игре с ценами на газ, применению торговых ограничений против Молдовы, затягиванию или срыву переговоров по приднестровской проблеме.

Заслуживает также особого внимания в книге Н. И. Харитоновой ее

дифференцированный подход к характеристике приднестровской субъектности в конфликте. Если большая часть политической элиты, в представлении автора, стремится к приднестровской независимости, то бизнес-элита скорее ориентирована на компромисс с Европой, а население, устав от состояния неопределенности и освободившись от синдрома «осажденной крепости», ожидает скорейшего урегулирования приднестровской проблемы, в том числе будучи готовым на уступки в рамках переговоров по статусу региона. Хотя такая дифференциация условна, она важна с точки зрения того, чтобы обратить внимание российского читателя (в том числе лиц, принимающих решения) на актуальные общественные настроения в Приднестровье.

Рассматриваемая монография носит гриф «Днестровско-Прутской библиотеки Российского института стратегических исследований» и снабжена предисловием, написанным политическим представителем РФ на переговорах по приднестровскому урегулированию С. Н. Губаревым. Поэтому с ней необходимо ознакомиться хотя бы потому, что она представляет идейную платформу группы влиятельных политических и интеллектуальных сил в России, которые участвуют в определении и реализации российских внешнеполитических приоритетов в отношении Молдовы и Приднестровья.

Rec.: Haritonova N.I. Pridnestrovskii konflikt (1988-2012 gg.). M.: Liniya-Grafik, 2015

Devyatkov Andrey V. — candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Center for Post-Soviet Studies (Institute of Economy, Russian Academy of Sciences); devyatkovav@gmail.com

А. И. Раздорский

Рец.: *Непомнящий А. А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 935 с.

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. актуализировало и придало новый импульс изучению различных аспектов политической, военной, социально-экономической и этнической истории полуострова. Как в профессиональном научном сообществе, так и среди самых широких слоев населения нашей страны наблюдается стремительный рост интереса к прошлому Крыма, к населяющим его многочисленным этносам. В этой ситуации особое значение приобретают библиографические пособия, которые позволяют сориентироваться среди огромного массива крымоведческой литературы и дают возможность выполнить быстрый и эффективный поиск нужной исследовательской работы или публикации исторического источника. Особую роль при этом играют ретроспективные библиографические указатели, поскольку крымоведческая тематика пользовалась неизменной популярностью на всех без исключения этапах развития отечественной археологии, истории и этнологии. Поэтому выход в свет фундаментального научно-справочного издания «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» является исключительно

важным событием в библиографии, археологии, источниковедении и историографии Крыма.

Автор рецензируемой работы — доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, профессор Андрей Анатольевич Непомнящий хорошо известен как среди историков, так и среди библиографов. Им опубликовано свыше 300 научно-исследовательских и научно-библиографических работ, связанных с крымоведческой тематикой. В 2001 г. Непомнящий выпустил книгу «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII—начало XX века)» (*Непомнящий* 2001). Нынешняя работа является ее непосредственным продолжением.

В хронологическом отношении новая книга Непомнящего ограничена периодом с 1921 по 1945 г. — временем существования Крымской АССР в составе РСФСР (предыдущая работа учитывала печатные и неопубликованные крымоведческие работы с 1783 по 1920 г. включительно). Указанный временной интервал в развитии крымоведения характеризуется сложностью и противоречивостью: он вместил и «золотой век российского краеведения» (по определению С. О. Шмидта), прошедший на 1920-е гг., переформатирование краеведения и перевод

© Раздорский А. И., 2016

Раздорский Алексей Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург); razdor68@mail.ru

регионоведческих исследований в СССР под тотальный государственный контроль в 1930-х гг., трагические и героические годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда Крым оказался в фашистской оккупации. Автор книги отмечает, что крымоведческая литература 1920–1930-х гг., в отличие от публикаций, вышедших в досоветский период, до сих пор не имела должного источникового и библиографического сопровождения. «Основная часть историко-краеведческого наследия этой эпохи до последнего времени оставалась неизвестной потенциальным исследователям. Ее возвращение в научный оборот будет способствовать объективному, всестороннему освещению сложных исторических процессов, проходивших на полуострове в те противоречивые времена» (с. 11).

В пространной вступительной статье «Библиографическое наследие советского довоенного крымоведения: созидатели и исследователи» (с. 11–43) Непомнящим подробно проанализирован вклад, который внесли в крымоведческую библиографию в 1920–1930-х гг. А.И. Маркевич, В.В. Симоновский, Ф.Ф. Максименко, Е.Е. Гопштейн и ряд других ученых. Анализ универсальных крымоведческих библиографий, составленных в этот период, показал, что они охватывают имеющиеся публикации по истории и этнографии далеко не полностью. «Подборки выборочные. В них порой не отражено даже 30 % книжной продукции, 15 % журнальных статей и практически не представлена газетная периодика» (с. 19). Такая ситуация вынудила автора прибегнуть «к ме-

тоду сплошного поиска, когда для осуществления поставленной задачи — восстановления максимально полного крымоведческого опубликованного и рукописного репертуара эпохи — необходимо обследовать сплошь и без пропусков все пособия и источники, как библиографические, так и подшивки периодических изданий, а также книжные издания» (там же). При подготовке книги Непомнящим были обследованы также личные фонды 44 историков и этнографов, в той или иной степени обращавшихся в своем научном творчестве к крымоведческой тематике (Д.В. Айналова, В.В. Бартольда, В.А. Городцова, Ю.В. Готье, И.Э. Грабаря, С.А. Желёва, Н.П. Кондакова, А.И. Маркевича, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, С.Ф. Платонова, А.А. Спицына, Н.Л. Эрнста и др.), находящиеся в различных архивохранилищах России и зарубежных стран. Для выявления неизвестных работ ученых-крымоведов, оставшихся в рукописях, а также докладов, прочитанных ими на заседаниях различных научных обществ, Непомнящим были обследованы архивные фонды ряда научных организаций и объединений, занимавшихся различными аспектами изучения Крыма (Российская (Государственная) академия истории материальной культуры, Археографическая комиссия АН СССР, Византийская комиссия АН СССР, Центральные государственные реставрационные мастерские, Всеукраинский археологический комитет, Семинария (Институт) им. Н.П. Кондакова и др.). Автор отмечает, что «серьезным подспорьем в качестве библиографического источника для составления полного

свода крымоведческой библиографии эпохи являются неизданные своды и картотеки по различным аспектам истории и этнографии народов полуострова» (с. 20). К работе над книгой были привлечены, в частности, рабочие библиографические картотеки А. И. Маркевича, В. В. Данилевского, Е. Е. Гопштейна, С. Н. Кондакова. Автором были проработаны опубликованные и неопубликованные персональные библиографические списки 62 ученых, в работах которых содержится крымоведческий аспект. Во вступительной статье Непомнящим дан также подробный обзор ретроспективных крымоведческих библиографических указателей, подготовленных в 1990–2000-е гг., отмечены их достоинства и недостатки.

Основной объем рецензируемой книги составляет библиографический указатель по истории и этнографии народов Крыма за 1921–1945 гг. (с. 44–713), включающий 8744 записи, расположенные в алфавитном порядке по фамилиям авторов и заглавиям. Часть записей содержит поясняющие аннотации, ограниченные, как правило, одним-двумя предложениями. Тексты аннотаций приводятся обычно в настоящем времени и нередко воспроизводят стилистику и фразеологию аннотируемых материалов: «Госпожа Коррадини открывает женский пансион», «Заведующий районным архивом Севастополя поднимает вопросы организации архивного дела», «Буржуазные националисты, которые орудовали в Наркомате просвещения Крымской АССР, препятствовали крымскотатарским школьникам изучать русский язык».

Отличительной особенностью указателя, составленного Непомнящим, является то, что он представляет собой синтез библиографии и археографии: описания опубликованных работ перемежаются в нем с описаниями рукописных материалов. Сам автор пишет по этому поводу следующее: «Еще при подготовке первого тома свода исторического крымоведения периода 1783–1920 годов нами была предпринята попытка соединить в одном справочнике не только опубликованное, но и рукописное наследие крымоведов. Необходимость именно такого подхода для получения полной достоверной информации о научном наследии каждой отдельной личности была доказана нами в докторской диссертации¹. Тем более, что это актуально для 20–30-х годов – времени противоречивого, когда многое не публиковалось и сохранилось исключительно в рукописях, а порой в тезисах или просто в упоминаниях, зафиксированных в протоколах заседаний научных обществ и организаций. При достоверности таких источников данные записи также необходимо включать в общий перечень трудов историков» (с. 19).

Такой подход не является уникальным, хотя встречается довольно редко. В рецензии на первый том крымоведческой библиографии Непомнящего (*Раздорский* 2003) мы выразили несогласие относительно смешения в одном ряду архивных документов и печатных изданий. Сегодня наше мнение на этот счет претерпело трансформацию: мы полагаем, что объединение

¹ (*Непомнящий* 2002).

опубликованных и неопубликованных материалов в определенных ситуациях допустимо и оправданно. Так, в том случае, когда ставится задача наиболее полно отразить вклад того или иного ученого в разработку конкретной темы или комплекса тем (в рассматриваемом случае – в крымоведение), действительно удобнее и информативнее представить в одном ряду как изданные, так и не изданные труды.

Непомнящий отмечает, что при подготовке указателя им были просмотрены все периодические издания, выходявшие в Крыму на русском языке с 1921 по 1945 г. «Это позволило выявить несколько тысяч публикаций, введение которых в научный оборот позволит исследователям объективно раскрывать различные стороны общественной, национальной, культурной жизни народов Крыма» (с. 34). В указателе получили отражение выявленные автором «неизвестные ранее многочисленные рукописи многих крымоведов, разбросанные в десятках фондов архивных хранилищ разных государств, что поможет воссоздать объективную картину творчества многих ученых и значительно расширить представление о крымоведческом наследии эпохи в целом» (там же). Изучение Непомнящим личных документов историков-крымоведов, в первую очередь их эпистолярного наследия, значительно пополнило перечни крымоведческих сочинений. Проведенный автором поиск позволил ввести в научный оборот свыше 8,5 тысяч крымоведческих работ, не зафиксированных в существующих библиографических пособиях.

После основного библиографического ряда в книге приведено «Дополнение 1» к изданному автором ранее библиографическому указателю крымоведческих работ за 1783–1920 гг., насчитывающее 1734 библиографические записи. Здесь также представлены как опубликованные, так и неопубликованные сочинения (с. 714–823).

Научно-справочный аппарат книги включает указатели: именной (с. 824–863), предметно-тематический (с. 864–908), топонимический (с. 909–923) и этнический (с. 924–926). Именной указатель практически полностью лишен дефиниций, которые даны лишь в исключительных случаях, главным образом – применительно к монаршим особам («Александр I, император», «Аспур, царь», «Ахмат, хан» и под.). Лишь в очень небольшой степени дефинирован и топонимический указатель.

На с. 927–935 представлены библиографические описания книг (сопровожденные репродукциями обложек), вышедших под редакцией Непомнящего с 2004 по 2015 г. в серии «Биобиблиография Крымоведения» (всего – 24 выпуска).

Вероятно, нет таких фундаментальных библиографических работ, по поводу которых у рецензента не могло бы найтись каких-либо замечаний. Не является исключением из этого правила и книга Непомнящего.

Первое замечание касается отбора работ для указателя (как для основного ряда, так и для дополнения).

Автор пишет: «основным критерием отбора публикаций для внесения в указатель стало наличие там информации по истории и этнографии крымских этносов, развитию культуры в Крыму» (с. 34). При этом особо отмечено, что при подготовке издания все библиографические записи были составлены *de visu*. Тем удивительнее встретить среди огромного массива крымоведческих исследований работы, не имеющие к Крыму ровно никакого отношения. Так, например, в «Дополнении» значится статья Н. Л. Эрнста «Путивль и его посад», напечатанная в 1914 г. в «Юбилейном сборнике статей» студенческого историко-этнографического кружка при Университете Св. Владимира (№ 10342). Отметим, что заглавие статьи в библиографической записи приведено не полностью: в оригинале оно выглядит так: «Путивль и его посад в первой половине XVII-го века». Главное же здесь то, что ознакомление с этой работой выявило полное отсутствие в ней каких-либо крымоведческих мотивов. Сам Путивль от Крыма далече: этот город, стоящий на реке Сейм, до 1925 г. входил в состав Курской губернии, затем был передан Украине и ныне находится в составе Сумской области. В статье Эрнста слово «Крым» встречается лишь дважды: «Все сношения Москвы с Крымом и с Турцией шли через Путивль» (*Эрст* 1914: 58) и «...находясь на большой дороге из Москвы на Литовскую Украину и в Крым, Путивль должен был вести оживленную торговлю и иметь развитую промышленность» (*Эрст* 1914: 75). Этих двух упоминаний Крыма, согласимся, явно недостаточно для включения данной рабо-

ты в крымоведческую библиографию. Не является основанием для ее помещения и то, что сам Эрнст являлся видным ученым-крымоведом, поскольку автор поставил своей целью максимально полный учет именно крымоведческих работ крымоведов, а не всех их работ вообще!

Приведенный случай далеко не единственный. Трудно, например, понять, какое отношение к крымоведению может иметь статья П. А. Чурсина «Марксистско-ленинское учение о роли личности в истории», опубликованная в газете «Красный Крым» в 1939 г. (№ 7994). Недоумение вызывает присутствие среди работ по крымоведческой тематике статьи Е. Э. Иванова «Основатель физиотерапии Гиппократ Косский», опубликованная в «Известиях Государственного института физических методов лечения им. И. М. Сеченова» в 1928 г. (№ 3252). Несомненно крымоведческая статья Л. В. Жирицкого «Максим Горький в Крыму» соседствует с такими статьями того же автора, как «Пушкин и Овидий», «А. М. Горький о Салтыкове-Щедрине» и «Вопросы школьной грамматики» (№ 2948–2950, 2953). Под № 99 в указателе значится статья Е. Аксеновой «Грибоедовские образы в произведениях В. И. Ленина». Возникает вопрос: каким образом этот материал связан с Крымом? В поясняющей аннотации Непомнящий, правда, указывает, что Аксенова — преподаватель Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Но это же не основание для включения данной работы в указатель! Он, повторимся, посвящен библиографии крымоведения,

а не библиографии крымоведов! А какое отношение к тематике указателя имеет статья А.Н. Бернштама «Акад. В.В. Бартольд как историк Киргизстана», опубликованная во Фрунзе в 1943 г. в «Очерке истории Семиречья» (№ 726)? К сожалению, подобного рода публикации, которых в указателе представлено изрядное количество, создают только информационный шум, мешая восприятию основной темы работы.

Второе замечание касается полноты и систематичности учета работ крымоведческой тематики, печатавшихся в коллаборационистских изданиях, вышедших на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. В указателе Непомнящего подобные публикации встречаются крайне редко и есть основания полагать, что учтены они далеко не в полном объеме. Между тем, только в профашистской газете «Голос Крыма» было, например, опубликовано немало статей по истории Крыма, в которых, в частности, получили освещение сюжеты, не рассматривавшиеся в советской прессе по политико-идеологическим причинам (церковная история, репрессии и т. д.) (Филимонов 2011). В рецензии на книгу крымского историка С.Б. Филимонова «Запретно-забытые страницы истории Крыма: поиски и находки историка-источниковеда», вышедшую в 2012 г. и посвященную как раз крымской прессе времен Гражданской и Великой Отечественной войн, Д. Соколов отмечает: «Так, в статье Р. Кудьминского “Список святотатств”, опубликованной 23 августа 1942 г. (в “Голосе

Крыма”. — А.Р.), дан перечень православных церквей Симферополя, уничтоженных или закрытых большевиками в 1930-е гг. Очерк того же автора “Судьба крымских пастырей православной церкви”, увидевший свет 1 февраля 1943 г., стал первой попыткой мартиролога клириков Крымской епархии, которые пали жертвами довоенных репрессий. Выпущенная 31 октября 1943 г. статья Г. Панина “Это не забудется” посвящена судьбе Георгиевского монастыря на мысе Фиолент, подобно другим культовым учреждениям Севастополя, подвергнутого осквернению в ходе советских антирелигиозных кампаний» (Соколов 2013). Из указанных Соколовым трех публикаций, чья крымоведческая принадлежность, на наш взгляд, бесспорна, в указателе Непомнящего учтена только одна — о крымских пастырях (№ 4077). В результате предпринятого нами фронтального просмотра первой тысячи записей указателя (т.е. 11,5% от их общего количества) нам попались лишь две публикации, напечатанные в коллаборационистском издании — в вышедшем в оккупированной Одессе «Чорноморськом збірнике» (№ 206, 781). Статей же из крымских изданий, например, из того же «Голоса Крыма», мы не встретили совсем.

Вообще за годы Великой Отечественной войны в указателе Непомнящего показаны почти исключительно либо публикации, вышедшие на не занятых фашистами территориях СССР, либо напечатанные в Крыму в 1944–1945 гг. уже после освобождения полуострова от германских и румынских оккупантов. (Пользуясь случаем,

обратим здесь внимание на одну вкраившуюся в указатель досадную ошибку: местом издания неоднократно упоминаемого в книге сборника «Зверства немецких фашистов в Керчи», опубликованного в 1943 г., указан Симферополь (см. например № 848). Однако подобное издание в занятом немцами Симферополе выйти в принципе не могло! На самом деле этот сборник издан в Сухуми, куда было эвакуировано издательство «Красный Крым».) Надо иметь в виду, что в советских публикациях военной поры, как пишет в указанной выше рецензии Соколов, «как правило, очень подробно освещались темы, связанные с преступлениями оккупантов, ограблением захваченных территорий, борьбе партизан и подпольщиков и т.п. При этом из поля зрения советских исследователей начисто выпадали такие аспекты, как церковное возрождение в оккупированных районах, военный и политический коллаборационизм, методы и средства психологической обработки нацистами населения. Между тем, объективное освещение истории Крыма в XX столетии возможно лишь в случае привлечения ВСЕХ (выделено автором. — А.Р.) имеющихся источников, вне зависимости от происхождения и идеологической составляющей» (Соколов 2013). К сожалению, вопрос о крымоведческом аспекте коллаборационистских изданий, имеющий весьма важное значение для периода, библиографируемого Непомнящим, в предисловии к его работе обойден молчанием.

Ряд замечаний можно высказать и по поводу вспомогательных указателей.

Так, в именном указателе встречаются персонажи, которые включать в него не было никакого смысла. Например, в нем фигурируют апостолы Павел и Петр, а также Николай Чудотворец, указанные как «Павел Св.», «Петр, Св.» и «Николай, Св.». При обращении к библиографической записи (№ 9844), на которую идут отсылки от имен святых, выясняется, что это план Севастополя 1811 г., на котором отмечены церкви свв. Николая, Петра и Павла. Имена же святых, в память о которых названы престолы храмов, включать в именные указатели в принципе не принято. Не менее странно выглядит наличие в именном указателе, например, героев античной мифологии Плутона и Персефоны. Согласно общепринятому правилу, мифологические и сказочные персонажи (если это только не специальное издание по мифологии и фольклору) в именные указатели также не вносятся.

Учитывая значительное количество персон, отраженных в именном указателе (по нашему подсчету их порядка четырех тысяч), вряд ли справедливым будет упрек автору в том, что он не счел нужным раскрыть инициалы учтенных лиц. Нет сомнений, что даже установление только недостающих инициалов (обоих или второго) потребовало бы огромной работы и продолжительного времени. Но, думается, в тех случаях, когда упоминается общеизвестная личность, второй инициал вполне можно было бы добавить и в библиографическую запись (в квадратных скобках), и в именную указатель (например, маршал Советского Союза Василий

Константинович Блюхер фигурирует в записи № 847, а также в именном указателе как В. Блюхер). Но вот что, на наш взгляд, сделать было вполне возможно и, более того, необходимо — это указать фамилии и инициалы учтенных в именном указателе представителей черного духовенства, тем более, что в целом их сравнительно немного. Тогда в указателе значился бы не обезличенный «Михаил, епископ», а «Михаил (М. М. Грибановский), епископ таврический». В подобных случаях следовало бы дать отсылки от мирских фамилий представителей черного духовенства к их монашеским именам.

Основное замечание по топонимическому указателю касается географических объектов, названия которых претерпевали изменения или же существуют в разных вариантах. В тех случаях, когда, например, название того или иного города менялось, в указателе приводятся все упоминаемые в библиографических записях варианты, однако номера записей собраны не под одним вариантом, как это принято (обычно используется ныне существующий вариант), а даны под каждым из вариантов в отдельности. При этом перекрестными ссылками разные варианты названий одного и того же города между собой не связаны (Константинополь — Стамбул, Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград, Екатеринослав — Днепрпетровск, Дерпт — Юрьев и др.). Более того, в указателе оказались разведены между собой абсолютно синонимичные географические понятия, такие, например, как Малая Россия и Малороссия, Керченский

пролив и Керчь-Еникальский пролив. Ряд названий сформулирован в указателе некорректно. Например, при отсылке к нескольким библиографическим записям, в которых идет речь о США, использовано понятие «Америка» (см. № 1055, 1307, 8962). Сделано так только потому, что в названиях статей, отраженных в библиографическом ряду, эта страна названа именно в такой форме. Названия некоторых географических объектов приведены в указателе с ошибками (например финский город Таммерфорс показан как Таммерфор, полуостров Пелопоннес как Пелопонисс, чешский город Пльзень как Плзень, литовский город Тракай (до 1940 г. — Троки) как Трокай). Не соблюден принцип единообразия, например, применительно к Союзу Советских Социалистических Республик использована аббревиатура СССР, в то время как название Соединенных Штатов Америки дано в полной форме. «Корабельная сторона» Севастополя приведена в указателе как самостоятельная рубрика, а должна идти (согласно общепринятым правилам составления географических и топонимических указателей) как подрубрика рубрики «Севастополь» (при этом в библиографической записи № 9667 упоминается Корабельная сторона, а в записи № 6688 — Корабельный район). Странно выглядит в указателе рубрика «Страбоновский Херсонес» (при этом есть отдельные рубрики «Херсонес» и «Херсонес Таврический»).

В предметно-тематическом указателе формулировки предметных рубрик приводятся каждый раз в пол-

ной форме, даже если начальные слова соседних рубрик совпадают («архив Севастопольский»; «архив Феодосийский районный»; «архив Ялтинский городской» и т. д.). Правильнее же было вначале дать только общее название рубрики («архивы»), а ниже после отбивки привести подрубрики (Севастопольский; Феодосийский районный; Ялтинский городской и т. д.).

Этнический указатель нареканий не вызывает за исключением некорректно сформулированной рубрики «финляндцы». Общепринятой формой этнонима является «финны», «финляндцы» же — это жители Финляндии (включая в том числе шведов).

Большинство недочетов, отмеченных во вспомогательных указателях, объясняется тем, что научно-справочный аппарат книги формировался, как нам представляется, преимущественно формальным образом: в указатели механически вносились упоминаемые в библиографических записях имена, географические названия, предметно-тематические понятия и др., которые затем не были подвергнуты должной редакционной обработке.

В заключение отметим, что в дополнение к имеющимся весьма полезен был бы также хронологический указатель.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают общей положительной оценки книги Непомнящего. Полагаем, что автор, обладающий уникальным опытом выявления и описания крымоведческих

материалов, должен обязательно продолжить свои штудии в отношении реконструкции репертуара опубликованных и неопубликованных работ по истории и этнографии народов Крыма, подготовленных в 1946–1991 гг., завершив таким образом свою чрезвычайно нужную и востребованную в научном мире библиографическо-археографическую трилогию по крымоведению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Непомнящий 2001 — *Непомнящий А. А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века). Симферополь, 2001.

Непомнящий 2002 — *Непомнящий А. А.* Библиографическое наследие историко-этнографических исследований Крыма в конце XVIII — начале XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 2002.

Раздорский 2003 — *Раздорский А. И.* Крым: История в библиографии // Мир библиографии. 2003. № 1. С. 61–62.

Соколов 2013 — *Соколов Д.* Из мрака забвения // Крымское эхо: Информ.-аналит. газ. 2013. 11 янв. [Электронная версия]. URL: <http://old.kr-echo.info/index.php?name=News&op=article&sid=9281> (дата обращения 23.12.2016).

Филлимонов 2011 — *Филлимонов С. Б.* Запретно-забытый исторический источник времен Великой Отечественной войны: малоизвестные публикации по истории культуры на страницах газеты Голос Крыма (1941–1944 гг.) // Military Крым: Военно-исторический журнал. 2011. № 20. С. 22–27.

Эрст 1914 — *Эрст Н. Л.* Путивль и его посад в первой половине XVII-го века // Юбилейный сборник статей / Студенческий историко-этнографический кружок при Университете Св. Владимира. Киев, 1914. С. 57–79.

Rec.: Nepomnyashii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–945). Simferopol': Antikva, 2015. 935 s.

Razdorsky Alexey I. — candidate of Historical Sciences, leading researcher, Head of the historical bibliography group, Russian national library (Saint Petersburg)

REFERENCES

Ernst N.L. Putivl' i ego posad v pervoy polovine XVII-go veka. *Yubileyny sbornik statey. Studencheskiy istoriko-etnograficheskiy kruzhok pri Universitete Sv. Vladimira*. Kiev, 1914. P. 57–79.

Filimonov S.B. Zapretno-zabytyy istoricheskiy istochnik vremen Velikoy Otechestvennoy voyny: maloizvestnye publikatsii po istorii kul'tury na stranitsakh gazety Golos Kryma (1941–1944 gg.). *Military Krym: Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 2011. N 20. P. 22–27.

Nepomnyashchiy A.A. *Bibliograficheskoe nasledie istoriko-etnograficheskikh issledovaniy Kryma v kontse XVIII – nachale XX veka: Dis. ... d-ra ist. nauk*. Kiev, 2002.

Nepomnyashchiy A.A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (konets XVIII – nachalo XX veka)*. Simferopol, 2001.

Razdorskiy A.I. Krym: Istoriya v bibliografii. *Mir bibliografii*. 2003. N 1. P. 61–62.

Sokolov D. Iz mraka zabveniya. *Krymskoe ekho: Inform.-analit. gaz.* 2013. 11 Januar. URL: <http://old.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9281> (date of access 23.12.2016).

В. А. Солонарь

Рец.: *Negură P. Nici eroi, nici trădători. Scriitorii moldoveni și puterea sovietică în epoca stalinistă.* Chișinău: Cartier istoric, 2014. 442 p. [Негурэ П. Не герои, но и не предатели. Молдавские писатели и советская власть в сталинскую эпоху. Кишинев, 2014. 442 с.]

Это одна из лучших, если не лучшая книга по истории советской Молдавии. Сконцентрированная на одном и как бы второстепенном объекте исследования — коллективной биографии молдавских писателей с 20-х по 60-е гг., на их отношениях с советской властью, между собой и с читательской аудиторией, — монография Негурэ обращена к центральному вопросу советской эпохи молдавской истории — формированию молдавской идентичности. Говоря «формирование молдавской идентичности», я не утверждаю, что такая идентичность сформировалась, и еще менее — что, как говорили советские авторы, «формирование молдавской нации завершилось в эпоху социализма». Я также не предполагаю, что такая идентичность, сформировалась она или нет, непременно носила (или носит) «национальный» характер, что бы такой термин ни означал. Я только констатирую — и, насколько я понимаю, автор книги согласился бы с тем, что здесь я выражаю и его подход, — что советская власть пыталась такую идентичность сформировать, что она приложила немало усилий для этого и что молдавские писатели были участниками — вольными или невольными, убежденными или оппортунисти-

ческими — этого процесса. Я бы даже сказал, опять-таки надеясь, что автор со мной согласится, что они были важнейшими, центральными участниками такого процесса.

Стандартный литературный язык — неприменимый атрибут любой «нации», как это слово понималось в XIX–XX вв., да и сейчас еще понимается. Такой язык выступает в качестве медиума, посредством которого члены «нации» общаются и формируют представление о совокупности носителей такого языка как некоем сообществе, объединенном общей «культурой». Я беру этот термин в кавычки, чтобы подчеркнуть его туманность: мы называем культурой и высокое искусство, и сумму поведенческих норм, и набор мифов и устойчивых представлений той или иной общности о мире и о себе, да и многое другое, часто не отдавая себе отчета в том, как меняется значение термина в зависимости от контекста. «Национальная культура» существует тогда, когда члены сообщества обладают набором стереотипов, поведенческих норм, представлением о коллективном прошлом, о месте сообщества в окружающем мире. Само собой разумеется, что выработать всё это возможно только тогда, когда есть общий язык, на котором члены сообщества общаются друг с другом. Но наличие такого языка не дается само по себе. Большинство новых западноевропейских литературных

© Солонарь В. А., 2016.

Солонарь Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.Solonari@ucf.edu

языков сложилось в начале нового времени (в XVI–XVII вв.), а на востоке Европы еще позже – в XVIII–XIX вв. Их создание на основе местных диалектов, часто родственных, но взаимно непонятных – результат совместной деятельности священников, проповедников, писателей, журналистов и бюрократов, заинтересованных в донесении своих смыслов до наиболее широкой аудитории. Такие усилия часто поддерживались правительствами, вводившими и финансировавшими образование на стандартных языках. Советская власть утвердилась на обломках империи, которая, стремясь к русификации, продвигала использование русского языка во всех сферах и часто, хотя и не всегда, сопротивлялась использованию языков национальных меньшинств. Советское правительство, в отличие от царского, определило воссозданную после Гражданской войны страну не как империю, а как многонациональное государство. Советская власть, особенно в первые десятилетия, продвигала «национальное строительство», включая создание новых стандартизированных литературных языков на основе местных родственных диалектов для этнических групп, которые такими языками не обладали. Считалось, что в результате своего ускоренного развития новые нации сначала «расцветут», а потом «соются» в единую наднациональную общность, под которой вначале понималось социалистическое человечество, прошедшее через горнило пролетарской революции, а потом, в поздний советский период, «советский народ как новая историческая общность».

Молдаване были одной из этнических групп, которым предстояло создать свой язык и «культуру», тем самым превратившись в «нацию», а затем проследовать по начертанному пути. В случае молдаван, однако (как, впрочем, и во многих других случаях), попытки осуществления этой схемы сразу натолкнулись на несколько серьезных препятствий, относительно которых ленинско-сталинская теория «национального вопроса» не имела готовых ответов. Первым было то, что понятие «молдаванин» относилось к нескольким этническим группам. Это были, во-первых, молдаване, проживавшие в советской Украине к востоку от границы с Румынией, которая в 1918–1939 гг. проходила по Днестру (де-факто, но не де-юре, так как советское правительство продолжало считать, что граница проходила по Пруту, как это было до 1918 г., по Днестру же – лишь временная демаркационная линия). Составлявшие меньшинство везде, кроме узкой полосы земли вдоль Днестра, они мало выделялись среди преобладавших в численном отношении украинцев, отличались низким уровнем образования и разговаривали на языке, имевшем огромное количество русизмов и украинизмов. Вторую группу молдаван составляло большинство населения Бессарабии, области между Днестром и Прутом, которая с 1812 г. входила в состав Российской империи, а в 1918 была аннексирована (или присоединена, в зависимости от того, чью точку зрения принять) Румынией. Бессарабские молдаване говорили на языке, гораздо более близком к литературному румынскому,

но всё же тоже подвергшемуся русификации. Наконец, за Прутом существовала румынская историческая область Молдова, население которой также называло себя молдаванами. Это была та самая Молдова, которая совместно с Бессарабией и Буковиной составляла молдавское государство, пережившее расцвет в XV в., но впоследствии пришедшее в упадок и подпавшее под Османское владычество. В 1859 г., воспользовавшись благоприятной международной конъюнктурой, Молдова объединилась с соседней Валахией, с которой она была связана языковыми и культурными узами, и создала современное государство Румыния, выбрав для своего имени одно из самоназваний валахов и молдаван, восходящее, как считалось, к древнему Риму и таким образом выделявшее новую нацию среди окружавших их народов.

Советским руководителям необходимо было решить, язык и культуру каких молдаван им предстояло создать, поддерживать и развивать. Казалось, восточные молдаване должны были быть основной референтной группой советских вождей, но когда в 1924 г. была образована Молдавская автономная республика в составе Украины, ее западной границей был объявлен Прут, а не Днестр. МАССР предназначалась роль плацдарма по распространению советского влияния в Бессарабии ввиду ее эвентуального «возвращения» в состав СССР. В этой связи бессарабские молдаване, вернее, их интеллигенция, должны были тоже участвовать в процессе национального строительства в МАССР. Создаваемые молдавский язык и культу-

тура должны были быть понятны и близки не только «восточным», но и бессарабским молдаванам.

Еще более серьезной проблемой было то, что советскому проекту создания молдавской нации с самого начала противостояло румынское государство, с точки зрения которого (и в этом были согласны все политические и интеллектуальные элиты страны) все молдаване были попросту румынами, даже если они имели лишь весьма смутное представление о своей румынскости или не имели его вовсе. Молдавского языка не существовало, единственной реальностью был румынский язык. Его повсеместное использование в стандартной литературной форме, сложившейся во второй половине XIX в., рассматривалось как норма и идеал, которого предстояло добиться, используя такие средства, как школа, церковь, бюрократия и армия (как среда, в которой проходила социализация молодых мужчин). Пока в МАССР создавались молдавский язык и творческая интеллигенция, перевоспитание бессарабских молдаван в духе румынской национальной культуры шло полным ходом.

Московские вожди, конечно, не были в курсе всех этих сложностей. Не могли они и создать молдавский язык и литературу самостоятельно. Эту задачу должны были выполнить молдавские филологи и писатели, чтобы затем привнести новые языковые и литературные стандарты в школу и способствовать их распространению и укоренению в массах молдавского населения. Но в среде молдавской советской

интеллигенции с самого начала не было единства, и сама она была неоднородна. В то время как большинство из них были интеллигентами в первом поколении, участниками Гражданской войны на стороне красных и выходцами из среды местных, восточных молдаван, большинство составляли прокоммунистически настроенные эмигранты из Бессарабии и даже из самой Румынии (иногда еврейского происхождения). Вполне естественно, что между ними сразу возникли разногласия относительно того, считать ли создаваемый молдавский язык самостоятельным, основанным на диалектах восточных молдаван, или же согласиться с тем, что литературный румынский — это норма, к которой нужно стремиться или по крайней мере смириться с ее влиянием (в том, до какой степени такое влияние допустимо, тоже ясности не было).

В 1920–1930-е гг. сталинское руководство несколько раз коренным образом меняло свою «национальную политику», и эти изменения приводили к резким сменам курса в «национальном строительстве» в МАССР. Первоначально сторонники молдавской самобытности были в чести, но в 1932 г. под сталинским нажимом руководство Украины и МАССР приняло решение о переводе молдавского языка на латиницу, фактически признав его тождество с румынским. В масштабах Союза это было лишь одним и не самым существенным проявлением того резкого взлета утопических, почти эсхатологических ожиданий, который был характерен для периода первого пятилетнего плана и ускорения культурной революции. В конкретном

молдавском случае такой поворот вытекал, похоже, из ожидания пролетарской революции в Румынии. Однако румынизаторский поворот закончился уже через шесть лет, когда и сами латинизаторы, а зачастую и их противники были объявлены врагами народа и уничтожены, а латиница была вновь заменена на кириллический «русский» алфавит. Большая чистка 1936–1938 гг. опустошила и без того немногочисленную молдавскую интеллигенцию, но не привела к прояснению того, каким же виделся Кремлю «правильный» вариант молдавского языка: на основе местных диалектов или с ориентацией на более широкое пространство потенциальных носителей такого языка.

«Присоединение» (или аннексия, в зависимости от того, чью точку зрения принять) Бессарабии Советским Союзом летом 1940 г. и последовавшее вскоре создание союзной Молдавской ССР, в состав которой вошла большая часть Бессарабии и незначительная, самая западная, часть бывшей МАССР, вновь изменили параметры «культурного строительства». Помимо того, что бессарабское молдавское население теперь уже определено, материально, а не только символически, было включено в состав той общности, для которой предстояло «развивать» новый язык и культуру, состав группы «молдавских писателей» вновь пополнился за счет бессарабцев и новой волны иммигрировавших из Румынии советских симпатизантов.

Детальный анализ взаимоотношений писателей-бессарабцев и «за-

днестровцев», а также между ними и советскими властями и московской писательской номенклатурой в 40-е – первой половине 50-х гг. составляет, на мой взгляд, главный вклад Негурэ в современную историографию Советской Молдавии. Таков исторический фон событий, исследуемых в рецензируемой книге. Их трактовка оригинальна и, я бы сказал, виртуозна.

Негурэ, конечно, не первый исследователь, занимавшийся изучением советской «национальной политики в Молдавии», однако предшествующие ему молдавские историки подчеркивали в основном ее репрессивную сторону (*Cașu* 2000; *Negru* 2000). Американский политолог Чарльз Кинг, впервые изучивший как попытки создания самостоятельного молдавского языка, так и роль в этом молдавской интеллигенции, сосредоточился на 20-х и начале 30-х гг. (*King* 2000). Негурэ, работавший в молдавских и московских архивах, собрал также множество устных свидетельств писателей и членов их семей. Его источниковая база, таким образом, особенно богата. Книга охватывает более широкий промежуток времени и круг вопросов. Ее новизна состоит прежде всего в раскрытии активной, автономной роли молдавских писателей в процессе «национального строительства» в Молдавии.

Остановлюсь на этом последнем аспекте книги Негурэ более подробно. Начну с того, что Негурэ дает убедительное и взвешенное, не осуждающее, но и не апологетическое объяснение мотивов, побудивших некоторых румынских писателей

переехать (или остаться, если они там проживали и прежде) в 1940 г. в отныне советскую Бессарабию. Некоторые из них руководствовались идеологическими соображениями и желанием участвовать в строительстве нового мира. Среди них были Емелиан Буков, Андрей Лупан и Юлиу Деляну – будущие советские «классики». Стремление сохранить связь с родной провинцией – Бессарабией – было главным мотивом Николая Костенко, видного бессарабского поэта и главного редактора газеты *Viața Basarabiei*, наиболее влиятельной провинциальной газеты, выходившей благодаря щедрым субвенциям Бухарестского правительства. Как признанный лидер молодых (в 30-е гг.) бессарабских литераторов, сделавших своим знаменем «регионализм», т.е. акцентуацию бессарабских традиций, сохранению которых якобы мешало нивелирующее влияние «общенациональной» культуры, Костенко увлек за собой некоторых других молодых бессарабцев².

Несмотря на то что бессарабцы были предрасположены к лояльному сотрудничеству с советской властью, а также с более советизированными заднестровскими литераторами, отношения между этими двумя группами стали напряженными с самого начала. Несравненно более высокие литературные навыки бессарабцев, получивших

² Костенко был арестован НКВД в 1941 г. и провел 15 лет в сталинских лагерях, по выходе из которых надел личину ортодоксального советского литератора. Он снял ее только во время перестройки, опубликовав лагерные мемуары.

образование на румынском языке и отточивших свои таланты в конкурентной литературной среде Румынии, грозили понижением статуса заднеэстровцев. Последние отвечали обвинениями бессарабцев в нелояльности режиму и засорении «настоящего» молдавского языка «буржуазными румынизмами». Вопрос о том, какой — бессарабский или заднеэстровский — язык считать литературной нормой, приобрел личный, материальный характер. Положение усугублялось тем, что все литераторы были объединены в единый Союз молдавских писателей, внутри которого они должны были сосуществовать и неизбежно вести фракционную борьбу за контроль над ресурсами, которые поступали от партии-государства.

До начала Великой Отечественной войны споры о преобладании той или иной группы и отстаиваемой ею концепции разрешены не были, а во время войны соотношение сил между ними существенно изменилось. В то время как большинство заднеэстровских молдавских писателей были мобилизованы в качестве офицеров и провели войну в действующей армии, бессарабцы, первоначально тоже мобилизованные и обученные в военных училищах, были вскоре демобилизованы (по-видимому, вследствие недоверия советских властей к бессарабцам в целом) и доставлены в Москву, где им была поручена ответственная литературно-пропагандистская работа, в основном ориентированная на красноармейцев-молдаван. Именно во время войны писатели-бессарабцы завязали весьма полезные связи с советской писатель-

ской номенклатурой, и эти связи впоследствии сослужили им добрую службу (р. 170–171).

По окончании войны молдавские писатели, как заднеэстровцы, так и бессарабцы, вернулись в Кишинев с весьма возросшим социальным капиталом — или как бывшие фронтовики, или как заслуженные работники агитпропа. Вскоре старые фракционные споры вспыхнули вновь, достигнув своего наивысшего накала в период ждановщины. Казалось бы, нарастающее недоверие ко всему иностранному и неортодоксальному должно было способствовать победе заднеэстровской фракции, возглавляемой писателем Ионом Канной, и поначалу чаша весов склонялась в их сторону. Однако бессарабцы, ведомые в тот момент Емелианом Буковым, умело защищались, мобилизовав свои связи в Союзе советских писателей и даже в ЦК КПСС. Буков, к примеру, получил аудиенцию у Михаила Сулова, в то время бывшего заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК и главным редактором газеты «Правда», после публикации критики в свой адрес в «Известиях». Неизвестно, как закончился бы этот раунд фракционной борьбы, если бы не гром среди ясного неба — публикация в июне 1950 г. статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой вождь развенчал учение своего давнего фаворита, но на тот момент уже давно усопшего лингвиста Николая Марра. Сталин отверг теорию нестациональности и изменчивости языков, которые якобы относились к «надстройке» «социально-экономической формации». Какие бы загадоч-

ные цели ни преследовал вождь, вмешавшись в далекие от текущих политических проблем споры, в молдавском контексте эта статья привела – вне зависимости от того, входило ли это в намерения Сталина или нет, – к резкому усилению позиций бессарабцев, подчеркивавших стабильность «молдавского» языка и значение литературного стандарта, независимого от «смены социально-экономических формаций». Разгром заднеэстровской фракции завершился в 1953 г., когда Канна был разоблачен как плагиатор, попросту выдавший перевод целых фрагментов одного русского романа за свой оригинальный текст (р. 235–243).

Значение «смены декораций» в Союзе писателей Молдовы в 1949–1953 гг. оказалось огромным, поскольку оно ознаменовало победу сторонников румынского литературного стандарта в качестве «молдавского» языка и прекращение попыток создания отдельного языка на основе местных диалектов. Советские власти продолжали настаивать на самостоятельности, отдельности молдавского языка (как и «нации»), однако на практике единственное его отличие от румынского отныне состояло в том, что на письме он облакался не в латинский, а кириллический шрифт. Постепенно произошла и «реабилитация», и приобщение к национальному молдавскому пантеону румынских писателей XIX в. из румынской Молдовы, отныне объявленных «молдавскими классиками». «Начиная с середины 50-х, – пишет Негурэ, – вопреки видимому господству официальной доктрины

о „молдавском“ языке и литературе происходит молчаливая румынизация „молдавской“ интеллигенции» (р. 389). Однако и деятельность «молдовенистов», в течение десятилетий пропагандировавших самостоятельность молдавской нации, не прошла бесследно. Разделение современной молдавской общности в РМ на сторонников и противников румынской идентичности, таким образом, уходит корнями в советский период и объясняется как колебаниями советской «национальной политики», так и деятельностью самых влиятельных строителей молдавского языка и культуры – писателей, которые, как показывает Негурэ, не были ни предателями, ни героями. В позднесоветский период молдавские писатели обладали огромным авторитетом как выразители национальной идентичности. В эпоху перестройки многие из них выступили в качестве лидеров национального движения и требовали признания идентичности молдавского языка румынскому и его перевода на латиницу. Однако развал Союза в одночасье лишил их тех льгот и привилегий, которыми наделило их государство-партия по собственным идеологическим причинам. Сегодня те из них, кто еще живы, с ностальгией вспоминают времена, «когда можно было жить с литературой» (р. 394).

Я суммировал лишь те аспекты книги Негурэ, которые мне кажутся наиболее важными. Другие читатели наверняка сконцентрируют внимание на иных сторонах социальной и культурной истории Советской Молдавии, освещенных в этой книге, таких, например, как процессы

рекрутирования писательских кадров, влияние хрущевской оттепели и брежневской стагнации на ситуацию в молдавском литературном обществе, неформальную передачу «несоветских» культурных ценностей в Союзе писателей, взаимоотношения писателей и читателей и др. Значение молдавских советских писателей обусловлено не их литературным мастерством, в большинстве случаев весьма скромным, а в том, какую роль они были призваны сыграть в советском проекте «национального строительства» и какую в действительности сыграли, не только выполняя политические заказы партии-государства, но и маневрируя и манипулируя институтами советской власти, колонизируя их и подчас подрывая

их эффективность изнутри. Книга Негурэ не только показывает, как это происходило, но и открывает новые перспективы исследования советской эпохи в Молдавии и за ее пределами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Cașu 2000 – *Cașu I.* «Politica națională» în Moldova Sovietică (1944–1989). Chișinău, 2000.

King 2000 – *King C.* The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, CA, 2000.

Negru 2000 – *Negru G.* Politică etnolingvistică în R.S.S. Moldovenească. Chișinău, 2000.

Rec.: Negure P. Ne eroi, no I ne predateți. Moldavskie pisateli i sovetckaya vlast' v stalinskuyu epohu. Kishinev, 2014. 442 s.

Solonari Vladimir A. – PhD, Professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

REFERENCES

Cașu I. «Politica națională» în Moldova Sovietică (1944–1989). Chișinău, 2000.

King C. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture.* Stanford, CA, 2000.

Negru G. *Politica etnolingvistică în R.S.S. Moldovenească.* Chișinău, 2000.

А. Н. Кабацков

«МОЖЕТ БЫТЬ, ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЭТОТ ДНЕВНИК ПОПАДЕТ КОМУ-НИБУДЬ В РУКИ...»¹, ИЛИ КАК ЭГО-ДОКУМЕНТЫ МОЖНО СДЕЛАТЬ ПУТЕВОДИТЕЛЕМ ПО ЭПОХЕ

Рец.: Дневник рабочего (III.1946–XII.1955). Документальная публикация. Пермь, 2014. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см

В статье по мотивам издания «Дневник рабочего (III.1946–XII.1955). Документальная публикация» описана технология взаимодействия с электронным изданием архивных документов. На примере «Дневника рабочего» обсуждается, каким образом электронные ресурсы способны помочь специалисту или читателю, просто заинтересовавшемуся историческим прошлым, аутентично прочесть эго-документы. На примере «Дневника рабочего» разбирается, каким образом эго-документы могут стать продуктивным источником по истории повседневности, помочь читателю проникнуть в смысловые контексты дневниковых записей, стать путеводителем по эпохе. Проблематизируются вопросы «открытости» исторических данных и архивов в век информационных технологий.

На протяжении полувека рабочий авиамоторного завода Александр Иванович Дмитриев вел дневники, в которых описывал впечатления, наполнявшие его жизненный мир смыслом, фиксировал происходившие с ним события, предьявлял

воображаемому читателю личностные достижения, а иногда оправдывался за то, что вынужден был делать в сложных жизненных обстоятельствах.

В начале 2000-х Александр Иванович сдал дневники и другие документы, которые заботливо хранил на протяжении десятилетий, в Пермский государственный архив новейшей истории. Сотрудники архива при участии историков О. Лейбович и А. Кимерлинг в 2014 г.

©Кабацков А. Н., 2016

Кабацков Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, НИУ ВШЭ (Пермь); afsnik@gmail.com

¹ (Дневник рабочего 2014: запись от 22.04.1946).

опубликовали фрагмент дневников А. Дмитриева на электронном носителе (CD-диске). Подготовленная публикация, помимо собственно текста личных дневников за 1946–1955 гг., содержит развернутое вступление, подробное археографическое описание, комплекс приложений, включающий в себя документы из фондов архива, цифровые копии статей из периодической печати, иллюстрации и даже фрагменты музыкальных произведений, о которых А. Дмитриев упоминает в своих записях. Географический указатель с гиперссылками на соответствующие страницы дневника и список сокращений дополняют перечень разделов, которые позволяют историку не только прочесть текст личных дневников, но воссоздать целостную картину эпохи с ее аутентичными образами и контекстами. Последнее замечание «об аутентичном прочтении» — не просто дань традиции, а отражение конкретного опыта взаимодействия с электронными публикациями ряда исторических документов, с которым автор на протяжении последних лет работал (*Кабачков* 2015; 2016).

Электронные публикации постепенно стали частью повседневной работы историка с документами. Архивные организации все чаще выкладывают документы в интернет, отдавая то дань общей тенденции на «информатизацию», то реализуя в новом формате идею 1990-х об «открытых архивах». Влияние на развитие электронных публикаций оказывают экономические факторы. Издание бумажной версии объемного сборника документов требует финансирования. Без сомнения, серьезную

поддержку этой деятельности оказывают государственные и негосударственные фонды, осуществляющие целевое финансирование на конкурсной основе самых разных научных и архивных изданий. Вместе с тем, сам по себе формат книги в век информационных технологий испытывает необходимость ответа на вызовы времени, когда электронное издание может стать не просто дополнением, а иногда и замещением традиционного фолианта с архивными документами. Именно поэтому следует обратить пристальное внимание на изданный пермскими специалистами в электронном виде сборник документов «Дневник рабочего». По мнению автора, его отличительной чертой выступает содержательная адаптация «для потребителя». Историк получил возможность продуктивнее и комфортнее работать с историческими данными, понимать и реконструировать контексты повседневной жизни автора дневников. Перед обычным читателем электронное издание «Дневник рабочего» открывает возможность познакомиться не просто с еще одними авторскими записками, а ощутить «дух исторической эпохи» и понять, как выживали люди в сложное послевоенное время.

Попытаемся далее рассмотреть, каким образом составителям этого сборника документов удалось успешно решить эти задачи и превратить типичный дневник в продуктивный инструмент коммуникации с прошлой социальной реальностью.

Вспомним, как, работая с архивными документами, написанными от руки, приходилось разбирать по-

черк автора, гадать о тех или иных вариациях написания слова, восстанавливать по контексту возможные пропуски. В издании «Дневник рабочего», как в любом специализированном издании архивных материалов, эти проблемы решены специалистами, готовившими источники к публикации, вручную осуществившими набор данного текста. Вместе с тем, понимая, какую ценность для исследователя представляют аутентичные данные, каждая дневниковая запись дублируется сканированной версией изображения заметки, сделанной рукой А. Дмитриева. Придирчивый исследователь получает возможность самостоятельно проверить, насколько корректно набраны дневниковые записи. И хотя А. Дмитриев обладает хорошим почерком, грамотно пишет, способен четко сформулировать и выразить собственную мысль, комфорт работы с распознанным и одновременно аутентичным вариантом представления записей сложно переоценить.

К хорошему исследователь привыкает быстро. Система гиперссылок, заменившая в электронном издании систему сносок и примечаний, позволяет мгновенно, без перелистывания страниц, получить пояснения о том, что подразумевает автор, употребляя вполне понятные ему и современникам фразы. Для А. Дмитриева слова: «В феврале нам поставили мотор на 200-часовые государственные испытания...» имели вполне очевидный контекст, указывающий на строгую систему нормативов, которыми он и его товарищи по работе руководствовались в своей повседневной производствен-

ной жизни. Встроенные в электронный текст квалифицированные комментарии О. Лейбовича и А. Кимерлинг помогают расширить представления о социальной реальности послевоенного времени. Одно-два движения компьютерной мышкой — и, не отрываясь от текста, можно быстро ознакомиться с пояснениями, что 200-часовые испытания — это «Предусмотренная государственным стандартом СССР обязательная для советских заводов процедура проверки качества продукции при сдаче авиадвигателей заказчику», а «комиссионка», за которую в апреле 1946 г. уплатили рабочим по 1,5 тысячи рублей, представляет собой «испытания двигателей на полный ресурс...» (Дневник рабочего 2014: запись от 22.04.1946).

Историк, знающий досконально детали исследуемой эпохи, вполне может понимать этот язык и не испытывать особой потребности в пояснениях. Но даже специалист по «испытаниям двигателей» вряд ли сразу вспомнит, о чем говорит запись А. Дмитриева, сделанная им в октябре 1946 г.: «Прочитал книгу Б. Ясенского “Человек меняет кожу”...» (Дневник рабочего 2014: запись от 29.10.1946). Автор книги был расстрелян, а книга была изъята. И следовательно, Александр Дмитриев, сам того не подозревая, читал запрещенную литературу. Комментарии историков напоминают: «роман Бруно Ясенского впервые (был) издан в 1932 г. Среднеазиатский колорит, живые диалоги, яркие сцены — всё это вместе делает повествование про перековку американского инженера в процессе

социалистического строительства занимательным чтением. Издание, которое мог читать автор дневника — издание 1935 г. В 1938 г. роман был изъят из библиотек, автор расстрелян. Реабилитирован в 1955 г., чтение запрещенной книги в 1946 г. было уголовным преступлением» (Дневник рабочего 2014: комментарий к записи от 29.10.1946).

В работе с печатными изданиями документов такие пояснения также часто сопровождают те или иные тексты. Но вспомним, часто ли во время чтения документа возникает желание обратиться к примечаниям, которые, как правило, помещены в конце издания? А в электронном издании такие примечания, всплывающие непосредственно в тексте, не отвлекают от работы с материалом, а скорее повышают эффективность понимания источника. Для человека, привыкшего работать с интернет-изданиями, такое обращение к гиперссылкам выглядит вполне рутинным, и очень хорошо, что специалисты пермского архива нашли способ интегрировать эту технологию в исторический текст столь удобным образом. Особенно важно это для тех, кто не является специалистом по данной эпохе. Хорошо подготовленное электронное издание исторических документов становится вполне доступно для познавательного чтения широкому кругу читателей, намного превышающему когорту специалистов, привыкших работать с классическим вариантом печатных изданий.

Удобная и легкая навигация по дневниковым записям реализу-

ется на основе ежедневного календаря, в котором даты с заметками А. Дмитриева выделены, и к этим заметкам можно осуществить мгновенный переход. Поэтому поиск любой из записей, если известна ее дата, предельно быстр и удобен. Специалисты по достоинству смогут оценить удобство такой навигации, когда захотят узнать, как уральский рабочий А. Дмитриев отреагировал на денежную реформу в декабре 1947 г. Просмотр записей за декабрь позволит узнать, что за несколько недель до официальных сообщений советские люди уже ощущали грядущие перемены: «В городе все уверенней ходят слухи о смене денег, об отмене карточек, о снижении цен, о снижении зарплаты. Ну, поживем, так увидим. А пока я еще ничему не верю. А вообще-то интересно получается — все промтоварные магазины оказались закрытыми на ремонт. Народ бесится и хватает все, что только попадет. В комиссионках разобрали все хорошие вещи, осталась одна „дрянь“. Что-то будет, но что — неизвестно. В магазинах карточки отоваривают только наполовину» (Дневник рабочего 2014: запись от 05.12.1947).

Благодаря удобной системе навигации «Дневник рабочего» может послужить источником данных о том, как реагировали люди на власть, на общественные события и политические потрясения. Так, 4 марта 1953 г. Александр Иванович записал: «На днях произошло умопомешательство нашего в/преда Лякишева, а вчера стало известно, что он уже умер. Вот такая смерть, по-моему, ждет каждого из нас, кто долго проработал на испытатель-

ной станции. Жаль человека – хороший был мужик.

Сегодня утром по радио передали правительственное сообщение, что в ночь на 2/III-53 неожиданно заболел т. Сталин. Произошло у него кровоизлияние в мозг, парализована правая рука и нога, потеряна речь, состояние его очень тяжелое. Лечат все известные профессора, но результатов улучшения еще не видно. Что будет, если он умрет? Вот это уж действительно неприятное известие правительства» (Дневник рабочего 2014: запись от 04.03.1953).

Два события, объединенные темой смерти, иллюстрируют различия в интерпретации политического и обыденного, пространства власти, где болезнь и возможная смерть «Вождя» трансформируется в «неприятное известие правительства», т.е. в новостной медийный феномен. И смерть человека, с которым А. Дмитриев общался в производственной реальности, сталкивался в поселке и воспринимал его существование связанным с собственным жизненным миром: «Жаль человека – хороший был мужик».

Для широкого круга читателей также предназначено предисловие, включающее в себя подробную вступительную статью и археографическое описание. В статье читатель может заранее познакомиться с ключевым героем «Дневников», понять мотивацию его творческой деятельности: «(А. Дмитриев. – А. К.) отличался от своих товарищей по цеху разве что страстью к чтению и неутоленными литера-

турными амбициями. Собственно, дневник в какой-то мере был для него собранием заготовок для будущих повестей, рассказов или очерков. Ведя поденные записи, А.И. Дмитриев явно ощущал себя писателем» (Дневник рабочего 2014). Социальный портрет А. Дмитриева дополнен подробным описанием исторического и социального контекста, в рамках которого читателям предстоит осмысливать дневниковые записи: «Молотов, ставший незадолго до войны областным центром, представлял собой хаотическое скопище заводов, рабочих поселков, барачных линий, незамощенных дорог. Город состоял из множества старых домов, лишенных всякого благоустройства. Инспектор ЦК КПСС Степан Маркович Пилипец, прибывший в Молотов в январе 1954 года с поручением сменить областное партийное руководство, зачитывал на Пленуме обкома справку о состоянии дел в городском хозяйстве: “Только 20 % жилого фонда города Молотова оборудованы водопроводом, 18 % – канализацией, 5 % – центральным отоплением. Жилой фонд городов области оборудован водопроводом только на 5 %, канализацией – на 4 % и центральным отоплением – на 3 %. Из 23 городов области 9 городов не имеют коммунальных бань. Нередки случаи, когда рабочие проживают по несколько семей в одной комнате, занимают под жильем совершенно непригодные помещения”» (Дневник рабочего 2014).

Благодаря вниманию к деталям и эрудиции авторов вступительной статьи, читатель «Дневника рабочего» получает содержательное

и объемное представление об авторе и его жизни, побудившей уральского рабочего на протяжении многих лет вести дневник, фиксируя в нем события своей жизни, эмоции, размышлять на темы дня: «А.И. Дмитриев — человек советский и по образованию, и по роду занятий, и по художественным запросам, и по литературным амбициям, и — что самое главное — по умению жить в новом обществе, использовать до упора доступные ресурсы, находить укромные места, куда не дотянутся контролирующие органы, завязывать и вовремя развязывать так необходимые для решения житейских задач социальные связи. ...Сочетание советской культуры и старых заводских традиций накладывает свет и тени на фигуру А.И. Дмитриева. В его дневниках высвечивается жизненный мир квалифицированного советского рабочего, обладающего, как написали бы антропологи, ярко выраженной субъектностью, или на поэтическом языке Евгения Баратынского “...лица необщим выражением”» (Дневник рабочего 2014).

Археографическое предисловие позволит историку ориентироваться в системе представления материалов и поясняет широкий круг вопросов, от технических проблем до подготовки специализированных приложений, которые были приняты во внимание составителями электронной версии «Дневника рабочего»: «В приложении “Периодика” представлены сканированные образы статей из газеты “Правда” (орган ЦК и Московского обкома ВКП(б), с октября 1952 г. — орган ЦК КПСС) и газеты “Известия”

(орган Советов депутатов трудящихся СССР). В некоторых случаях страницы газет сканированы полностью, в других — частично. Ознакомление с данными материалами позволяет составить представление об общественно-политической и культурной жизни, экономическом развитии послевоенного Советского Союза, узнать о международных отношениях СССР и других стран» (Дневник рабочего 2014).

В разделе «Приложения» заинтересованный читатель обнаружит документы, либо упоминавшиеся в тексте, либо способные дополнить дневниковые записи контекстуальной информацией. Среди документов преобладают материалы, касающиеся работы молотовских партийных и государственных органов власти. Как правило, документы приведены в формате pdf в виде сканов аутентичных архивных материалов. Без сомнения, широкому кругу читателей будет интересно познакомиться не только с текстом программы концерта на 25–26 мая в саду им. Горького г. Молотова, но и увидеть реальный документ, визуализировать образ «концертной программы» послевоенной эпохи. Мало кто из наших современников осведомлен, что такие программы печатались на обычных пишущих машинках через копирку. «Следы эпохи», запечатленные на скане программы в виде ручных пометок синим карандашом «Закрытый театр» вверху и «Кино-театр — кинофильм — каменный цветок» внизу, позволяют эмоционально ощутить сопричастность историческому прошлому, ощутить «дух эпохи» (Дневник рабочего, 2014: Документ № 11).

Раздел «Периодика» содержит сканированные материалы из послевоенных газет. Их содержание напрямую связано с темами дневника, что углубляет понимание жизненного мира советских людей. Газета выполняла важную роль в советском обществе. Она была «рупором власти», организуя оценки, суждения людей, координируя их социальные представления о реальности. Е. Добренко подчеркивал роль печатного слова в системе жизни советских граждан (Добренко 2007). Соцреализм, описываемый им в качестве метадискурса власти о социальной реальности, опирался в своем воспроизводстве преимущественно на культурные институции: школу, книги, кино и т.п. Вспомним, что именно эти институты Б. Андерсон обозначил как ключевые элементы властных технологий по конструированию «наций» как «воображаемых сообществ» (Андерсон 2001). Газеты советской эпохи создавали пространство общих смыслов для граждан, уравнивая рабочих и номенклатурных работников перед лицом государства, идеологии, властной политики. Можно лишь согласиться с составителями «Дневника рабочего», что без знакомства с этим пластом культуры социалистического времени аутентичное прочтение материалов «Дневника А.И. Дмитриева» будет иметь ограниченный характер.

Для А. Дмитриева кинореальность тесно связана с тем, что он ощущает и переживает в своей повседневной деятельности. Поэтому семейный просмотр «трофейной» картины приобретает не политическую, а социальную ценность: «Вчера мы с Зиной посмотрели (фильм) “Девушка

моей мечты”». Очень замечательно картина оформлена. Краски подобраны замечательно. Немного наивное содержание, но зато правдиво показана жизнь. В ней уже не скрывается, что народ сидит на орме. Не как в наших кинокартинах, где показано, что у нас жизнь хороша, несмотря что такое тяжелое время. Я таких картин еще не видал, за исключением, правда, стереокино, которое еще ничем не превзойдено. В общем, я остался очень доволен картиной» (Дневник рабочего, 2014, 11.03.1947).

Раздел «Иллюстрации» дополнит представления читателя об эпохе знакомством с агитационными материалами советских выборов, о которых А. Дмитриев высказывается резко критически: «В феврале месяце происходили выборы в Верховный Совет СССР. Это было 10 февраля 1946 г. Вся эта комедия с выборами закончилась в один день. И пусть меня считают кем хотят, но я недоволен такими выборами. Это фактически не выборы, а только лишь сообщение народу, что в депутаты назначены такие-то и такие-то лица, как, например, у нас в городе – секретарь Обкома ВКП(б) Гусаров и секретарь ВЦСПС Шверник» (Дневник рабочего, 2014, 22 апреля 1946 г.). Также можно увидеть, как выглядели облигации государственных займов, о подписке на которые А. Дмитриев упоминает неоднократно. В раздел включены архивные фотографии городской и заводской жизни города Молотова в 1940-х гг. Городской трамвай или совещание старейших производственников завода позволяют образно представить

жизненные миры послевоенного времени, увидеть людей в их парадной и повседневной деятельности.

А. Дмитриев уделяет значительное внимание досуговым практикам. Они органично дополняют его заводскую жизнь и семейный быт. Важную роль в его жизни играет патефон и пластинки с песнями и музыкальными произведениями преимущественно советских композиторов. Он спекулирует пластинками на рынке, обменивает их на товары, а затем заново ищет способы пополнить домашнюю коллекцию популярных пластинок. Составители «Дневника рабочего» побеспокоились о включении в публикацию фрагментов песен, которые упоминаются Александром Ивановичем в дневниковых записях. Романсы и популярные песни из кинофильмов, которые А. Дмитриев ценит и любит, позволяют понять его эмоциональную жизнь, домашний, опрошенный фон культурных практик, побуждавших его постоянно ходить в театр и кино, читать книги и уделять время культурной программе даже в далеких командировках: «В Москве ходил только в музеи: 1. Революции, 2. Красной Армии, 3. Изобразительных искусств, 4. Зоопарк и 5. Планетарий. В кино был только в “Урале” один раз» (Дневник рабочего, 2014: запись от 30.01.1949).

Особо отметим, что на сайте архива (ПермГАНИ) в открытом доступе размещена практически полная версия электронной публикации «Дневник рабочего». Доступность публикации подтверждает, что работа, проделанная сотрудниками архивного учреждения и пермскими учеными, ориентирована на коммуникацию с потенци-

альным читателем и максимальную открытость архивных фондов.

По мнению автора, открытость исторических материалов широкой публике, их согласование с современным состоянием информационной и коммуникационной культуры важны для конструирования рациональных представлений о прошлом, для корректной реализации масштабных и локальных проектов как в сфере истории, так и в области культуры памяти. «Дневник рабочего» позволяет читателю почувствовать интерес к жизнеописаниям и бытовым зарисовкам А. Дмитриева еще и потому, что Александр Иванович хотел, чтобы у него нашелся читатель, способный понять, оценить его образ жизни, разделить представления о правильном социальном порядке. Замечания такого рода: «может быть, через несколько лет этот дневник попадет кому-нибудь в руки, и он посмеется над этой записью и скажет, что этого не могло быть. Но я еще раз пишу, что жиры действительно отоварили мукой» (Дневник рабочего 2014, 22.04.1946) – демонстрируют современному читателю не только жажду «выговориться», выстроить диалог с «воображаемым слушателем», но и ощущение самооценности жизни, которую Александр Иванович воспроизводил в своих дневниковых записках. Откровенность, с которой А. Дмитриев готов поделиться мыслями, суждениями, рассказать запомнившийся и обеспокоивший его сон, показывают доверие к «незванному» читателю. Это доверие побуждает к ответным реакциям, и читатель невольно проникается уважением к жизненным

достижениям, поступкам, высказанным суждениям нашего героя.

Прекрасное издание архивных материалов «Дневник рабочего (III.1946 – XII.1955). Документальная публикация», которое подготовили в электронном формате пермские коллеги, позволяет историку с удовольствием, интересом и большим вниманием работать с ценнейшими свидетельствами сложной послевоенной эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андерсон 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Дневник рабочего 2014 – Дневник рабочего (III.1946–XII.1955). Документальная публикация. Пермь, 2014. [Элек-

тронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см. URL: <https://www.permgani.ru/diary/index.html> (дата обращения 14.06.2016).

Добренко 2007 – Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007.

Кабацков 2015 – Кабацков А. Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII Межд. научн. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 183–192.

Кабацков 2016 – Кабацков А. Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946–1953). Социальная среда послевоенного города и «обжитые» советские пространства: версия к размышлению // Gefter.ru: Интернет-журнал. 2016. 01.06. URL: <http://gefter.ru/archive/18795> (дата обращения 29.06.2016).

«Maybe in a few years time someone will get this diary in his hand...», Or as an ego-document could be a guide of the era. Rec.: Dnevnik rabocheho (III.1946•II.1955). Dokumental'naya publikaciya. Perm', 2014. [Elektronnyi resurs]. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM): zv., cv.; 12 sm

Kabatskov Andrey N. – candidate of Historical Sciences, associate Professor of the Department of the Humanities, SRU HSE (Perm); afsnik@gmail.com

REFERENCES

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma*. Moscow, 2001.

Dnevnik rabocheho (III.1946–XII.1955). Dokumental'naiа publikatsiia. Perm, 2014. [Elektronnyi resurs]. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM): zv., tsv.; 12 sm. URL: <https://www.permgani.ru/diary/index.html> (date of access 14.06.2016).

Dobrenko E. *Politekonomiia sotsrealizma*. M., 2007.

Kabatskov A.N. Zhiznennyi mir sovetского rabocheho v pozdniuiu stalinskuiu epokhu (po dnevniku A. Dmitrieva. 1946–1953). *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg. Materialy VII Mezhd. nauchn. konf. Tver', 4–6 dekabria 2014 g.* Moscow, 2015. P. 183–192.

Kabatskov A.N. Zhiznennyi mir sovetского rabocheho v pozdniuiu stalinskuiu epokhu (po dnevniku A. Dmitrieva. 1946–1953). *Sotsial'naiа sredа poslevoennogo goroda i "obzhitye" sovetskie prostranstva: versiia k razmyshleniiu*. *Gefter.ru: Internet-zhurnal*. 2016. 01.06. URL: <http://gefter.ru/archive/18795> (date of access 29.06.2016).

М. А. Базанов

МЕМУАРЫ А. А. ЗИМИНА «ХРАМ НАУКИ»: КАРТИНА НАУЧНОЙ СРЕДЫ И НАБОР ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ АВТОРА

Рец.: *Зимин А. А.* Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384

На основе анализа воспоминаний А. А. Зимина «Храм науки» охарактеризовано мироощущение и набор профессионально-этических норм автора. Мемуарист возлагает на представителей сообщества историков строгие моральные ограничения, полагая, что их деятельность связана с поиском исторической истины, сохранением и актуализацией памяти об умерших людях. В то же время он фиксирует далекое от идеала реальное состояние исторической науки, связанное с неверной мотивацией научной деятельности, присущей подавляющему числу отечественных ученых. Отмечается и деформирующее воздействие на развитие науки советской системы идеологического контроля над обществом.

Использование дневников, воспоминаний, писем историков в качестве источника историографических исследований уже давно ни у кого не вызывает сомнений. В последнее время были опубликованы дневники и мемуары советских ис-

ториков, в которых в весьма откровенной форме раскрывается сложный, часто конфликтный характер взаимоотношений их авторов и окружающей научной среды. Своего рода знаковым событием стала публикация мемуаров медиевиста А. Я. Гуревича (*Гуревич* 2004). Весьма критично среда специалистов по российскому Средневековью описана в мемуарах Н. И. Павленко (*Павленко* 2009). Казалось бы, историкам стоит уже привыкнуть. Однако все оказалось не так просто...

© Базанов М. А., 2016

Базанов Михаил Александрович — кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области (Челябинск); bazanov.86@mail.ru

Слухи о воспоминаниях А. А. Зимины, содержащих едкие характеристики ряда крупных деятелей советской исторической науки, уже давно циркулировали в научной среде. Сам автор неофициально установил запрет на их обнародование в течение двадцати лет со дня своей смерти (Зимин 2000: 154–155). Срок этот истек еще в 2000 г., однако доступ к этим материалам в дальнейшем был существенно ограничен волей наследников ученого. Одно из редких исключений было сделано для историографа А. М. Дубровского, по завершении своих изысканий оценившего автобиографические произведения А. А. Зимины в качестве источника, содержащего чрезвычайно ценную информацию по истории советской исторической науки (Дубровский 2005а). В 2014 г., уже после смерти вдовы историка В. Г. Зиминой, личный архив ученого оказался передан на хранение в архив Российской академии наук (Архив Российской академии наук 2014). Естественно, в дальнейшем их ждет долгий процесс обработки и введения в научный оборот, в течение которого доступ к ним фактически будет закрыт.

Именно в этой обстановке совершенно неожиданно для большей части отечественных историков (стоит, впрочем, отметить, что некоторые слухи о готовящемся издании все же циркулировали среди столичных историков) появился изданный А. Л. Хорошкевич сборник «Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века». Большую его часть заняла публикация мемуаров

А. А. Зимины «Храм науки» (Зимин 2015), осуществленная А. Л. Хорошкевич на основе полученных от автора черновиков этой рукописи. Тираж книги (изданной на средства составителя) составил всего 300 экземпляров, однако она была столь востребована, что уже через два месяца после ее выхода в интернете появилась электронная версия этого сборника.

Так как далее будет идти непосредственный анализ текста мемуаров, следует дать им краткую историко-ведческую характеристику. Главное, что следует отметить, — издание основано именно на черновиках, промежуточной редакции воспоминаний, переходной «от второй редакции и второй машинописи к более поздней редакции, может быть, еще хранящейся в личном архиве А. А. Зимины» (Хорошкевич 2015: 31). Фактически мы видим текст, находящийся в состоянии трансформации, становления. Отдельные отрывки существуют в нескольких вариантах, уяснение связей между которыми чрезвычайно сложно, в ходе редактирования появлялись новые, изначально не запланированные и не зафиксированные в авторском оглавлении разделы. В целом составление текста его издатель относит к 1976 г., ссылаясь на датировку двух предисловий и упоминание в тексте 1975 г. в качестве «прошлого года», однако отдельные фрагменты «Храма науки» могли быть составлены как ранее этой даты (1974 г. — время создания первой редакции воспоминаний), так и позднее (осень 1979 г. — дата передачи черновиков А. Л. Хорошкевич). Иногда

разночтения в рукописи столь велики, что А.Л. Хорошкевич приводит сразу оба варианта текста (см., напр: *Зимин* 2015: 50–52, 54–55, 93–100). Полагаем, отсюда происходят и многие «шероховатости» мемуаров, самоповторы и иные стилистические огрехи. К сожалению, отсутствие возможности изучить иные редакции этого произведения не позволяет детально проследить его историю. Все это существенно затрудняет работу с мемуарами, однако при своем анализе мы исходили из представления о них как о произведении едином, пусть и не оформленном в таковом виде «технически». Полагаем, в условиях, когда все иные варианты рукописи остаются за пределами досягаемости исследователей, это единственно возможный угол зрения.

Следует оговорить и еще один, этический аспект проведенного нами исследования. Текст мемуаров pepperит многочисленными язвительными характеристиками коллег автора, негативные высказывания в нем явно преобладают над позитивными оценками. Конечно, анализ текста невозможен без их воспроизведения. Стоит ли предельно деперсонифицировать их, скрыв имена лиц, которым они адресованы? Такой вариант построения текста не может удовлетворить нас в силу двух доводов. Во-первых, этот прием демонстрирует отношение к источнику как к чему-то ущербному, неполноценному, порочному и постыдному, требующему приукрашивания и сокрытия как минимум некоторых из его деталей. Однако если это действительно так, то не стоило бы вообще приступать

к его обстоятельному анализу. Мы же уверены – и в этом заключается основной пафос данной статьи: «Храм науки» А.А. Зимина не лучше и не хуже любой иной мемуарной литературы, вышедшей из-под пера отечественных историков. Во-вторых, любая работа немислима без соответствующим образом оформленного научно-справочного аппарата. Это, в свою очередь, значит, что любой интересующийся всегда может узнать имя того, к кому обращена та или иная реплика А.А. Зимина. В этих условиях указанный выше путь деперсонификации становится формальностью, не могущей снять всех предполагаемых этических коллизий. В завершение же полагаем нужным напомнить читателям весьма банальную мысль, что, приводя ту или иную цитату из источника, автор данной статьи еще не выражает своего согласия с ней или уверенности в том, что она соответствует реальности. Это считается само собой разумеющимся, когда ученый воспроизводит характеристики давно умерших людей, оставивших этот мир полвека или более того назад, и совершенно забывается многими, когда речь идет о недавно умерших либо вообще ныне здравствующих людях. Читатели же мемуаров сами вправе делать выводы о моральных качествах изображаемых в «Храме науки» людей – равно как и о моральном облике самого автора воспоминаний.

На момент написания данной статьи в научной периодике появилась лишь одна рецензия, в которой обнародование «Храма науки» оценивалось в положительном ключе, как событие, которое «будет способ-

ствовать оздоровлению научного исторического сообщества» (Майорова, Мезин 2016: 119)¹. Однако личные разговоры с коллегами, а также наблюдения за их высказываниями в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбук») демонстрируют иную картину. Мы полагаем возможным с уверенностью сделать следующие выводы. Во-первых, «Храм науки» породил весьма эмоциональные и крайне полярные оценки. Эти воспоминания либо приводят читателей в восторг, либо вызывают отвращение. Попытки дать взвешенную, эмоционально-отстраненную оценку написанному исчезающе малы. Во-вторых, в целом преобладают негативные высказывания. «Храм науки» считают тенденциозным и излишне критичным, демонстрируются даже сомнения в его ценности как историографического источника. Обилие инвектив в адрес коллег стремятся списать на плохое психологическое состояние автора (долгая и тяжелая болезнь, эмоциональные травмы, полученные в ходе обсуждения его монографии «Слово о полку Игореве» и т. д.). Своего рода логическим исходом, завершением этой реакции отторжения, стал судебный иск, поданный дочерью ученого Н. А. Козловой против А. Л. Хорошкевич и рецензента книги С. М. Каштанова² (Козлова 2015). Пожалуй, случай для исторической науки уникальный — еще никогда (во всяком случае, со времени крушения советской системы идеологического контроля

над обществом) воспоминания историков не становились предметом судебного разбирательства.

Сложившаяся ситуация требует вмешательства историографов. Историкам исторической науки необходимо дать оценку этого автобиографического произведения, определить его эвристический потенциал. В противном случае «Храм науки» рискует затонуть в общей массе негативных эмоций или даже превратиться в инструмент противоборства академических кланов и вымещения личных обид. То, что оказалось, в силу тех или иных причин, недоступно для историков, должно быть продемонстрировано историографами.

Полагаем, самым главным условием проведения анализа этого текста должен на этом этапе стать отказ от взгляда на него как на простую совокупность биографический зарисовок, своего рода справочник по личной жизни крупных советских ученых. Следует воздержаться и от попыток установить, насколько описываемые в мемуарах факты соответствуют другим историографическим свидетельствам. Эта операция невыполнима как в силу многочисленности фактов, требующих проверки, так и (как это ни странно прозвучит) слабой разработанности и включенности в поле зрения историографов источников о жизни и быте ученых 1960–1970-х гг. Эпохи оттепели и застоя еще не стали объектами пристального внимания специалистов по истории исторической науки. Впрочем, много важнее понять другое: источники личного происхождения по своим

¹ Уже завершив работу над текстом статьи, мы обнаружили еще одну положительную рецензию, см.: (Севастьянова 2016).

² Мы уже озвучивали свое отношение к происходящему, см.: (Базанов 2015).

характеристикам изначально не могут претендовать на «протокольную» точность, а потому ожидать таковой от них по меньшей мере странно. Фактически уже одно это сводит на нет большую часть критических замечаний в адрес этой публикации. Главной задачей историографов, таким образом, должна стать реконструкция мироощущения и набора ценностных ориентиров автора мемуаров. Вместо анализа отдельных биографических зарисовок мы перейдем к выявлению основных линий, сквозных сюжетов, наиболее часто повторяющихся характеристик и сходных ситуаций. Конечно, это не исключает возможности «фактографического» анализа, сопоставления приводимых в воспоминаниях сведений с данными иных историографических источников. Однако на настоящий момент подобная процедура представляется по меньшей мере трудноосуществимой, как в силу многочисленности биографических зарисовок в «Храме науки», так и сравнительной малочисленности введенных в научный оборот источников по истории советской исторической науки в 1960–1980 гг.

Вполне предсказуем главный упрек, который историк адресует своим коллегам — неправильная, порочная по своей сути мотивация научной деятельности. В ней преобладают стремление к получению социальных благ, в то время как соображения этического характера отходят на второй план либо вообще отсутствуют. Отметим, что А.А. Зимин при этом не склонен сводить социальные блага исключительно к их материально-финан-

совой составляющей, среди них фигурирует так же власть и престиж. Так, если И.Б. Греков «предпочитает» науке «автомобили, развлечения и организацию симпозиумов» (с. 43), то А.Л. Сидоров забросил свои исследования ради «руководства ею (наукой. — М.Б.) и создания школы» (с. 46), а В.М. Хвостову просто «было приятно распекаль своих подчиненных, показывая свою власть над ними» (с. 48), тем самым удовлетворяя запросы своей нездоровой (по мнению мемуариста) психики. И наоборот, говоря о С.Б. Веселовском, являвшимся для него образцом «истинного историка» (с. 156), А.А. Зимин именует его «одиноким искателем правды», «удаленным от земной суеты», а его труд называет «отшельнической работой» (с. 150).

Весьма характерно для «Храма науки» смешение этических и профессиональных установок. Между слабо владеющим навыками исторического исследования ученым и аморальным человеком времени фактически ставится знак равенства. Так, например, показательное следующее высказывание мемуариста: В.А. Кучкина «легко, как плута, схватить за руку» в силу того, что его «доказательства гроша ломанного не стоят» (с. 216). Слабая (с точки зрения А.А. Зиминой) аргументация своих тезисов — разновидность плутовства, обмана (либо нечто, сильно его напоминающее). Суждение более чем спорное и сомнительное. Это неразличение этических и профессиональных аспектов деятельности ученых придало тексту особую остроту. Иногда А.А. Зимин всё же пытается провести черту ме-

жду ними (см., напр.: с. 233), но это у него так и не вышло.

Во многом этот угол зрения был порожден специфическим представлением автора о целях и задачах исторической науки. Основная миссия историка, согласно А. А. Зимину, заключается в том, чтобы «воскрешать мертвых» (с. 59), конечно, не физически, а «только в образах своего собственного творчества» (с. 38). Процесс творчества сопоставляется с религиозными практиками, ученый при таком подходе превращается в своего рода медиума, соединяющего мир прошлого и умерших людей с миром настоящего, населенного живыми. Нет ничего удивительного в том, что исполнение подобной специфической функции налагает на взявшегося ее исполнять особые этические требования.

Кроме того, критический настрой по отношению к коллегам усиливает то, что автор воспринимает прошлое как некую данность, объективно существовавшую реальность, которую требуется лишь постичь, объяснить, реконструировать. Подводя итоги своей творческой деятельности, Зимин пишет: «...на старости лет я понял, что сейчас задача — создание нарративной истории и разработка методики исследования источников....» (с. 382), при этом под «нарративной историей» он понимал «живую цепь событий день за днем, безотносительно их важности и характера» (с. 381). Для повествования характерно противопоставление некой «живой реальности» и окаменевших теоретико-методологических и концепту-

альных построений, эту реальность искажающих. Выступавший для него в качестве идеала историк С. Б. Веселовский «“теорию” (любую) отвергал, как занятие умственное, к истории отношения не имеющее» (с. 250). «Социологизм», «социологизаторство» — один из наиболее часто повторяющихся упреков коллегам. В финале «Храма науки» слова «глупый социолог», «человеконенавистник» и «подхалимствующий» (с. 393) поставлены в один ряд.

Не стоит, впрочем, впадать в крайность и изображать А. А. Зимина как фанатика, с дубиной в руках набрасывающегося на любого, кто не разделяет его точку зрения. Он вполне мог признать право оппонента на отличную от его собственной точку зрения — в том случае, если она была источниковедчески обоснована. Так, в своей статье 1969 г. он писал: «Бывают случаи, когда в распоряжении исследователя действительно имеется настолько мало источников, что это делает просто невозможным однозначное решение вопроса. Тогда сосуществование различных гипотез отвечает естественному положению вещей. И, конечно, гораздо правильной будет в подобных случаях признать факт многозначности решения, чем выбирать одно из них и объявлять его наиболее вероятным и даже единственным» (Зимин 1969: 439). Характерно, что процитированные выше строки были написаны не позднее пяти лет после завершения «дискуссии» о датировке «Слова о полку Игореве», когда историк эмоционально еще не «отошел» от произошедшего и очень остро

реагировал на любые расхождения своего мнения с точкой зрения округжающих.

В сгущенной форме эта нелюбовь к теоретическим исканиям проявилась в биографической зарисовке М.Я. Гефтера. «Тень Аркадия Лавровича (Сидорова. — М.Б.)», его «Злой Гений», «типичный образец демагога-схоластика», «всегда на эстраде» — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми А.А. Зимин «наградил» этого ученого (с. 246). В его весьма раскованных методологических исканиях А.А. Зимин видел конъюнктуру («времена менялись и он вместе с ними», с. 246), а подводя итоги деятельности разгромленного Сектора методологии, заявлял: «Мне всегда эта возня в секторе Гефтера была глубоко антипатична. В ней что-то было надуманное, хлестаковское» (с. 247). Полагаем, это самая спорная и вызывающая возражения среди всех остальных биографических зарисовок в «Храме науки». А.А. Зимин не пытается спорить с М.Я. Гефтером, не сообщает о каких-либо его аморальных поступках, он просто откровенно осуждает его за отход от конкретно-исторических сюжетов и занятие теоретико-методологическими штудиями, не вникая при этом в их суть.

Однако и этот негатив становится понятен, если обратить внимание на еще одну центральную тему повествования — идею о деформирующем воздействии на науку идеологического диктата государства. О сталинских репрессиях 1930-х гг. и послевоенных идеологических кампаниях А.А. Зимин пишет от-

крыто, не скрывая своего негативного отношения к ним (см., напр.: с. 60–61, 63, 65–66, 80, 112–113, 169, 225 и др.). В связи с этим необходимо отметить, что публикуемый текст был создан в середине 1970-х гг., задолго до того, как приводимые в нем факты стали открыто озвучиваться на страницах общественной печати, историографических работ и воспоминаний ученых. Почти во всех случаях появление теоретико-методологических схем, описывающих развитие общества, А.А. Зимин связывает либо с непосредственными директивами «сверху», либо с желанием историков выслужиться перед властью имущими. Эта мысль ярко отражается в характеристиках жизненного пути и творчества, которые он дал Б.Д. Грекову, А.Л. Сидорову, Л.В. Черепнину, И.И. Смирнову (с. 41–43, 44–47, 171–185, 189–192). Даже «ревизионизм» М.Я. Гефтера поясняется его желанием быть «в первых рядах» (с. 246) тех, кто в ответ на критику культа личности предлагал власти (и именно власти) новые модели осмысления прошлого. В отторжении теоретических построений проявляется протест А.А. Зимины против вмешательства идеологии в функционирование исторической науки.

Другим центральным сюжетом воспоминаний стало описание неформальных сообществ, возникающих вокруг фигур крупных советских историков. Следует отметить, что А.А. Зимин крайне редко прибегает к термину «научная школа», будучи явно скептически настроенным по отношению к этому явлению. В главе, посвященной своим учени-

кам, он дает один за другим сразу три определения этого термина, однако ни на одном из них не останавливается (с. 269). Более того, в том же месте он ставит под сомнение и привычный позитивный взгляд на это явление, обращая внимание на то, что в рамках научной школы может подавляться творческая индивидуальность исследователя (там же). Характерно, что и «школу Ключевского» он именуется «мифом», который был «создан его эпигонами» (с. 60). Всё это не случайно — описываемые ученым сообщества (за исключением, пожалуй, того, что сложилось вокруг фигуры А. Л. Сидорова) более похожи на кланы, объединенные личной привязанностью рядовых членов к их главе, чем схожестью научных взглядов и представлений.

В «Храме науки» явственно обозначены контуры «кланов» А. Л. Сидорова (с. 244–252), А. И. Неусыхина (с. 252–257), М. Н. Тихомирова (с. 163–166), Л. В. Черепнина (с. 83–85, 184, 234–235), Б. А. Рыбакова (с. 236–237), наконец, самого автора³ (с. 268–292).

Описания этих сообществ весьма далеки от привычных идиллических картин единения учителя и учеников. Самолюбивый и склонный к перепадам настроения М. Н. Тихомиров с легкостью изгоняет и вновь принимает к себе учеников, как пра-

вило, руководствуясь при этом далеко не научными соображениями. Л. В. Черепнин, наоборот, слишком занят собственной персоной, чтобы вникать в жизнь своих воспитанников, результат — «сколько раз его ученики продавали за понюх табака» (с. 184). Переходы из одного сообщества в другое А. А. Зимин оценивает негативно, в основе их видит карьерные устремления «перебежчика». Как предательство и личное оскорбление он оценил переход под руководство С. О. Шмидта одного из самых талантливых своих учеников А. Л. Станиславского, произошедший во время скандала со «Словом о полку Игореве» (с. 284 и др.). Отношение их так и не будут восстановлены, см., напр.: (*Беленький* 1999: 15).

«Группы» и их лидеры находятся в состоянии непрерывной борьбы, объектом которой являются административные посты, должности, звания и награды. Характерно, что соперничество допускает широкий спектр средств борьбы, главным среди которых является подрыв, разрушение репутации противника, как профессиональной, так и личной. Роль арбитра при этом выполняет не научная общественность, а властные инстанции, отвечающие за управление наукой. Не является редкостью распространение о сопернике клеветы либо непроверенных сведений (см., напр.: с. 202–203). Отсюда и фиксируемое ученым обилие сплетен и слухов, активно циркулирующих в научной среде — они являются неотъемлемой деталью, пронизывающей весь изображаемый социальный слой конкурентной борьбы.

³ Автор данной статьи уже подвергал анализу главу, посвященную ученикам А. А. Зимина: ее вариант, сохранившийся в поздней редакции мемуаров, был опубликован еще в 1998 г. (*Зимин* 1998). Полагая излишним повторять ранее озвучивавшееся, считаем возможным отослать всех интересующихся к нашей работе, см. (*Базанов* 2011).

Ожесточение, с которым персонажи мемуаров А.А. Зимина борются друг с другом за должности и награды, становится понятным, если обратить внимание на то, какими, согласно «Храму науки», полномочиями наделяются их обладатели. Самая главная и очевидная их привилегия состоит в том, что именно они решают вопросы о приеме на работу. В условиях, когда сеть научных учреждений была невелика (стоит отметить здесь и тот факт, что уровень университетской науки А.А. Зимин оценивал весьма невысоко, полноценные условия для занятий научной деятельностью, таким образом, он видел лишь в академических структурах), это становилось мощным инструментом для контроля над средой ученых. При приеме на работу научный истеблишмент руководствуется личными симпатиями, соображениями кланового характера, рекомендациями признанных (ими) авторитетов и распоряжениями вышестоящего начальства. Так, говоря об Институте истории, А.А. Зимин подчеркивает, что прием в это заведение возможен лишь при наличии соответствующей рекомендации, а «по науке» в Институт, как правило, не брали, если не было дополнительных данных» (с. 82). Однако стоит отметить: в его мемуарах почти отсутствуют указания на увольнения сотрудников исключительно по личным соображениям начальника. Как правило, все случаи увольнения связаны с допущенными промахами в работе (например случай с А.Г. Кузьминым, см.: с. 220–221). Так, даже М.Я. Гефтер, после того, как он «был отставлен со всех постов», «получает плату, как своеоб-

разную пенсию» (с. 247). Но при этом чиновники от науки имеют полный контроль над карьерными передвижениями своих подчиненных и могут с легкостью понизить либо поднять их в должности (с. 50, 52, 55, 82–83, 166–167, 203–204 и др.). Случаев, когда коллектив организованно выступал бы против кадровой (да и любой иной) политики своего начальника, ученый не отмечает⁴.

Фактически А.А. Зимин раскрывает и причину такого положения дел: властными полномочиями «чиновников от науки» наделяют именно высшие партийные и государственные инстанции, что и выводит их из научной среды. Так, например, о фигуре директора Института истории сказано: «Пан-директор должен прежде всего исполнять, а уже потом решать. Он должен быть управляемым... Его задача быть приводным ремнем, и только» (с. 40). По словам А.А. Зимина, вышестоящим инстанциям более интересны их управленческие качества, а не научные достижения, а это освобождает представителей научного истеблишмента от необходимости вести активную интеллектуальную деятельность. Впрочем, большая часть описываемых им фигур такую вела либо весьма удачно имитировала, но, как дает понять автор мемуаров, не столько ради авторитета в научной среде, сколько ради заверений в идеологической лояль-

⁴ К числу исключений можно было бы отнести казус «вышедшего из повиновения» партбюро В.П. Данилова (с. 49). Однако детали «бунта» он не раскрывает, а результатом его стало лишь разделение Института истории в 1968 г.

ности (с. 42–42, 176–186, 195–201 и др.).

Эта же зависимость является и их главной слабостью — на положении чиновника могут сказаться как очередные кадровые перестановки в «верхах», так и обвинения в отходе или излишне вольном обращении с марксистским идеологическим каноном в трудах его научных сотрудников («...но помнить-то он должен, что его наука не должна касаться основ, во всяком случае, входить с ними в противоречие» (с. 40)). Последнее превращает любого начальствующего в жесткого цензора, тщательно следящего за творчеством подчиненных.

Пожалуй, наиболее ярким исключением из общего ряда выводимых в «Храме науки» фигур «начальников от науки» является П. В. Волобуев, который, согласно характеристике А. А. Зимина, являлся «единственным из начальников Института, который не был ни первосвященником в храме, ни паном-директором кабачка» (с. 54). Но и его политика оценивается в качестве «срединной линии поведения», «золотой середики», проявления «доброты» и «гуманного отношения к людям» которое неизменно сочеталось с «умением ладить с начальством» (с. 51). Конфликт П. В. Волобуева и партийного начальства у А. А. Зимина выглядит следствием недовольства последних его склонностью к компромиссам, а вовсе не попыткой «потрясения основ» и борьбы за автономию. При этом симпатии автора воспоминаний лежат целиком на стороне П. В. Волобуева.

Жесточайшей критике был подвергнут институт аспирантуры. Автор мемуаров считал его наследием средневековой иерархической университетской структуры, сохранение аспирантуры он трактовал как «косность» и «свидетельство слабости науки» (с. 308). Произшедшую после революции ликвидацию системы научных степеней А. А. Зимин оценивает однозначно положительно, считая, что она «в общем-то содействовала некоторому очищению науки от пережитков средневековья» (там же).

Гигантскую актуальность в настоящее время приобрели наблюдения А. А. Зимина над системой рецензирования и оценки качества выполненных аспирантами работ. Как нетрудно догадаться, она, с точки зрения автора, находится в состоянии паралича, полностью «подмятая» под себя логикой борьбы за расширение сфер влияния научных кланов. Собственно, несоответствие последних строгим критериям научности обнаруживается уже на стадии набора в аспирантуру, когда поступающий оценивается не только на основе успехов в учебе, но и в соответствии с его «общественной активностью». Отсутствие последней закрывало ему путь к достижению научной степени. Отмечает А. А. Зимин и случаи откровенного произвола («В Архивном в последнее время вообще не дают держать экзамен тем, кто по тем или иным причинам не угоден начальству», с. 82). Желание руководства ВАК ужесточить контроль за выдачей ученых степеней, полагал автор, породило ряд формальных требований к диссертантам, которые либо успешно

преодолеваются ими без каких-либо серьезных усилий (например, требование публикации основных положений исследования обернулось появлением специальных аспирантских сборников и наполнением статьями молодых авторов малоизвестных периодических изданий, с. 309), либо негативно отразилось на качестве диссертационных исследований (жесткое ограничение объема работ, которое «открыло дорогу халтурщикам», с. 311). Так как текст диссертации фактически остается недоступен для большей части исторического сообщества, привычным становится плагиат («Есть такой зал в Ленинке (диссертационный), полный читателями, которые списывают со стремительной силой у своих предшественников», с. 309). Сама процедура защиты предельно формализована и никаких дискуссий о качестве работы не предполагает. Всякий претендент, вышедший на защиту, по умолчанию считается достойным ученой степени. Так как члены Ученого совета тщательно подбираются по принципу лояльности, вероятность голосования «против» чрезвычайно мала. Большая часть совета, равно как и сам А.А. Зимин, проводит время защиты в кулуарах, не желая смотреть «спектакль с плохими исполнителями» (с. 313). В фикцию при этом превращается и деятельность официального оппонента, при написании отзыва также исходящего из априорной посылки о необходимости и неизбежности вручения научной степени диссертанту. Немалую роль при этом играют и соображения принадлежности последнего к той или иной клановой группировке.

Пожалуй, наиболее наглядно этот тезис продемонстрировал автор на примере участия В.Л. Янина в защите А.Г. Кузьмина. Изначально В.Л. Янин пишет положительную рецензию (А.А. Зимин объясняет этот факт его некомпетентностью в области исследования летописей), однако резко меняет свою точку зрения под воздействием своего знакомого М.Х. Алешковского. Попытка в своем отзыве оговорить, ограничить сферу своей компетентности была отвергнута его начальством, отказавшимся утверждать такой отзыв. Составленный в итоге критический отзыв был воспринят всеми, в том числе и членами совета, в котором происходила защита, как нонсенс, и фактически при голосовании в расчет не брался (см.: с. 209–210).

Впрочем, всё это у А.А. Зимины может рассматриваться лишь как частный случай изображаемого автором паралича всей системы оценки качества научных работ. Так, например, тот же В.Л. Янин, согласно А.А. Зимину, фактически снял с публикации отрицательную рецензию на работу Б.А. Рыбакова после того, как последний дал ему рекомендации для избрания в членкорреспонденты АН СССР (с. 207). Фактически к тому же кругу проблем можно отнести и отмечаемые им многочисленные случаи плагиата, реальные и предполагаемые (с. 85–86, 114, 170–171, 265, 288, 309 и др.).

Полагаем, для понимания текста воспоминаний крайне необходимо уточнить, какое место в описываемой им среде А.А. Зимин отводил

себе. К счастью, историк посвятил своему жизненному пути отдельный биографический очерк, что существенно облегчает поставленную задачу. Озаглавлен он предельно ясно: «У разбитого корыта»⁵. Результаты творческих исканий оцениваются еще прямолинейней: «так называемые труды», чьим наполнением были «мелочные и пустые схемы», в них «радио давит живое восприятие истории», даже язык, которым они написаны, — «смесь выпренности с банальностями». А вот набор характеристик, которым А. А. Зимин «награждает» себя: «...глупый социолог, бездарный слуга своих господ, человеконенавистник, оплевывающий добрых людей (своих предшественников и собратьев), подхалимствовавший перед сильными мира сего. Этот хамелеон чуточку прислушивался к биению часов на Спасской башне» (с. 382–283). Подобный эмоциональный накал самокритики попросту шокирует. Главным упреком, который А. А. Зимин бросил в свой адрес, было отсутствие творческой индивидуальности. Вслед за процитированной нами выше тирадой следует: «И вообще жил ли он (автор именуется себя в третьем лице. — М. Б.)? Ведь под его “творениями” может стоять подпись любого другого старшего или младшего научного и т. п., ибо его штудии — продукт машинной истории» (с. 283). Чуть ранее он констатировал: «Только сейчас я понял, что писать надо только то, что никто не напишет» (с. 382). Приговор самому себе А. А. Зимин помещает в финальную часть мемуаров, таким

образом завершая рассказ о советской исторической науке второй половины XX в. Воспоминания, пропитанные личными, субъективными и весьма резкими оценками и суждениям, замыкаются на самой фигуре автора.

Фактически эти слова дают ключ к пониманию многих особенностей текста мемуаров. Характерно, что наиболее рьяные критики «Храма науки» обходят их молчаливым, представляют чем-то незначительным. Полагаем, однако, что они являются отражением застарелых психологических проблем ученого. Еще в молодости, в конце 1940-х гг., у него сформировались собственные историософские воззрения, весьма далекие как от советской идеологии, так и от распространенного до революции позитивистского взгляда на историю (См.: *Дубровский* 2005б: 142–143). Естественно, реализовать их в своих трудах ученый не мог, что и заставило его старательно «вписывать» свои печатные труды в рамки официального марксистского канона исследования.

В «Храме науки» А. А. Зимин отказывается от противопоставления себя окружающей среде, подчеркивая таким образом, что он успешно вписался в нее и стал ее частью, — и проклинает себя за этот конформизм. Характерно, что он не упоминает в главе о своих философских штудиях, что могло бы выделить его из основной массы коллег. Критика в таком случае становится самокритикой, инвективы разворачиваются в сторону того, кто их приносит. А. А. Зимин пишет своего рода исповедь, но говорит о себе

⁵ Имеется в виду «разбитое корыто своих работ» (с. 382).

не напрямую, а опосредованно, чрез изображение иных лиц и состояния исторической науки в целом. Вопрос о том, насколько может быть приемлема подобная весьма своеобразная форма покаяния, решать читателям, однако ясно, что привычное объяснение критического запала автора исключительно желанием возвыситься над окружающими в этом случае не работает.

Мы остановились лишь на нескольких центральных сюжетах (темах) мемуаров А. А. Зимина. В этой книге присутствуют и менее важные, но от этого не менее интересные для исследователей сквозные линии, например, тема безумия, психических и нервных расстройств, которые автор обнаруживает у многих из своих коллег. Однако полный, детальный анализ этого историографического источника — дело будущего.

Завершив анализ, мы считаем необходимым вновь вернуться к реакции исторического сообщества на его выход. Вполне предсказуемо отторжение книги теми, кто стал одним из ее героев либо с таковыми был лично знаком. Но чем объяснить аналогичное отношение к ней лиц, далеких от описываемых лиц и событий? Весь проведенный нами анализ показывает, сколь на самом деле просты и даже банальны упреки автора в адрес историографического сообщества. Научная среда разделена между различными клановыми группировками, постоянно враждующими друг с другом, в ход при этом запускаются любые средства; ученые ради материального благополучия готовы поступиться своими научными идеями и прин-

ципами; беспристрастная научная экспертиза полностью подменена логикой борьбы за власть. Что из этих утверждений могло стать шокирующей истиной для среднестатистического российского ученого второго десятилетия XXI в.?

Детализация. То, что сильно осложняло наш анализ и заставляло «продираться» сквозь текст. Все озвученные мною суждения носят абстрактно-отвлеченный характер. Разговоры, которые мы, ученые, ведем о проблемах развития науки, в подавляющем большинстве случаев носят такой же отвлеченный характер. Говоря о коррупции, мы нехотя называем примеры, говоря о пристрастности в оценках, предпочитаем вести речи об «одном знакомом профессоре». Все указанные пороки существуют, но где-то «там», не в нас и не рядом с нами. Текст «Храма науки» — полная противоположность этой линии.

Переход от генерализующих конструкций к конкретике означает постановку вопроса об ответственности субъектов историографического процесса за происходящее. И дело здесь уже не в том, насколько достоверна сообщаемая автором информация — она вполне может и не соответствовать реальности. Полагаем, в будущем введение в оборот новых историографических источников позволит скорректировать многие из утверждений А. А. Зимина. Дело в самой постановке вопроса, от которой так хочется уйти в очередной разговор об объективно сложившихся причинах происходящего, в котором некая всеобщая вина аннигилирует

частную. Но автор данной статьи уверен в следующих двух положениях: во-первых, каждый несет ответственность за свои поступки, внешние обстоятельства не могут снять присущую человеческому существу свободу (данное утверждение было блестяще обосновано Ж.-П. Сартром); во-вторых, и это много важнее, российское историческое сообщество никогда не добьется столь желанной (и необходимой для его оптимального существования) автономии, пока не докажет на практике своей способности справляться без вмешательства внешних по отношению к нему сил с явными отступлениями от принципов научной этики в поведении своих представителей. И в этом смысле обнародование «Храма науки» следует трактовать как событие, могущее оказать благотворное влияние на развитие отечественного исторического сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив Российской академии наук 2014 – Архив Российской академии наук пополнился новыми уникальными документами (2014). URL: <http://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=100576> (дата обращения 02.04.2016).

Базанов 2011 – Базанов М. А. В поисках очертаний «научной школы А. А. Зимина»: к постановке проблемы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: Сборник статей. Челябинск, 2011. С. 362–371.

Базанов 2015 – Базанов М. А. О «пиратском» издании книги А. А. Зимина «Храм науки»: несколько соображений провинциального историка (2015). URL: http://scepssis.net/library/id_3684.html (дата обращения: 02.04.2016).

Беленький 1999 – Беленький И. Л. «Быть нодем для себя...» (заметки об А. Л. Станиславском) // Александр Лазаревич Станиславский: Биобиблиографический указатель. М., 1999. С. 12–19.

Гуревич 2004 – Гуревич А. Я. История историка. М., 2004.

Дубровский 2005а – Дубровский А. М. Автобиографические рукописи А. А. Зимина // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто и IV Чтения памяти д-ра ист. наук Александра Александровича Зимина. М., 2005. Ч. 1. С. 5–8.

Дубровский 2005б – Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140–151.

Зимин 1969 – Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 427–449.

Зимин 1998 – Зимин А. А. «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...» / Публ. В. Г. Зиминной // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 57–85.

Зимин 2000 – Зимин А. А. Мой архив // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель. М., 2000. С. 149–155.

Зимин 2015 – Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 35–384.

Козлова 2015 – Козлова Н. А. О пиратском издании книги А. А. Зимина «Храм науки»: Заявление дочери и наследницы авторских прав ученого Н. А. Зиминной (2015). URL: <http://www.argan.ru/?q=ru%2Fnode%2F602> (дата обращения: 02.04.2016).

Майорова, Мезин 2016 – Майорова А. С., Мезин С. А. Рец. на: Судьбы творческого наследия отечественных историков

второй половины XX века // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 119.

Павленко 2009 — Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2009. № 1. С. 16–32; № 3. С. 42–44; № 11. С. 23–25; № 12. С. 98–100 и др.

Севастьянова 2016 — Севастьянова А. А. Максими Александра Зими́на: по поводу книги «Храм науки» // Вестник

Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 1 (50). С. 13–21.

Хорошкевич 2015 — Хорошкевич А. Л. Работа души и работа над стилем. История текста публикуемой редакцией рукописи А. А. Зими́на «Храм науки» // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 28–34.

The Memoirs of A. A. Zimin «Temple of science»: the description of the academic environment and the author's values. Rec.: Zimin A. A. Hram nauki (Razmyshleniya o prozhitom). Moskva, 1976 // Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennyh istorikov vtoroi poloviny XX veka / Sost. A. L. Horoshkevich. M., 2015. S. 35-384

Bazanov Mikhail A. — candidate of Historical Sciences, senior archeologist of the publications and scientific use of documents Department of the United state archive of the Chelyabinsk region (Chelyabinsk); bazanov.86@mail.ru

REFERENCES

Arhiv Rossijskoj akademii nauk popolnilsja novymi unikal'nymi dokumentami. 2014. URL: <http://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=100576> (date of access 02.04.2016).

Bazanov M. A. O "piratskom" izdanii knigi A. A. Zimina «Hram nauki»: neshkol'ko soobrazhenij provincial'nogo istorika. 2015. URL: http://scepis.net/library/id_3684.html (date of access: 02.04.2016).

Bazanov M. A. V poiskah ochertanij "naučnoj shkoly A. A. Zimina": k postanovke problemy. *Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vv.: Sbornik statej*. Chelyabinsk, 2011. P. 362–371.

Belen'kij I. L. "Byt' nolem dlja sebja..." (zametki ob A. L. Stanislavskom). *Aleksandr Lazarevich Stanislavskij: Biobibliograficheskij ukazatel'*. Moscow, 1999. P. 12–19.

Dubrovskij A. M. Aleksandr Aleksandrovich Zimin: trudnyj put' iskanij. *Otechestvennaja istorija*. 2005a. N 4. P. 140–151.

Dubrovskij A. M. Avtobiograficheskie rukopisi A. A. Zimina. *Vostochnaja Evropa v*

drevnosti i srednevekov'e: Problemy istochniko-vedeniia. XVII Chtenija pamjati chl.korr. AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto i IV Chtenija pamjati dokt. ist. nauk Aleksandra Aleksandrovicha Zimina. Moscow, 2005b. Part 1. P. 5–8.

Gurevich A. Ja. *Istorija istorika*. Moscow, 2004.

Horoshkevich A. L. Rabota dushi i rabota nad stilem. *Istorija teksta publikuemoj redakcii rukopisi A. A. Zimina «Hram nauki»*. *Sud'by tvorcheskogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka*. Moscow, 2015. P. 28–34.

Kozlova N. A. O piratskom izdanii knigi A. A. Zimina "Hram nauki": Zajavlenie docheri i naslednicy avtorskih prav uchenogo N. A. Ziminoj. 2015. URL: <http://www.arran.ru/?q=ru%2Fnode%2F602> (date of access: 02.04.2016).

Majorova A. S., Mezin S. A. Rec. na: *Sud'by tvorcheskogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka. Otechestvennye arhiivy*. 2016. N 1. P. 119.

Pavlenko N. I. Vospominanija istorika. *Rodina*. 2009. N 1. P. 16–32; N 3. P. 42–44; N 11. P. 23–25; N 12. P. 98–100 etc.

Sevast'janova A. A. Maksimy Aleksandra Zimina: po povodu knigi "Hram nauki". *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. 2016. N 1 (50). P. 13–21.

Zimin A. A. Trudnye voprosy metodiki istochnikovedenija Drevnej Rusi. *Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodicheskie problemy*. Moscow, 1969. P. 427–449.

Zimin A. A. "My ne uvidim plody nashih posevov. No oni budut..." / Publ. V. G. Zi-

minoj. *Otechestvennye arhivy*. 1998. N 6. P. 57–85.

Zimin A. A. Moj arhiv. *Aleksandr Aleksandrovich Zimin: biobibliograficheskij ukazatel'*. Moscow, 2000. P. 149–155.

Zimin A. A. Hram nauki (Razmyshlenija o prozhitom). Moskva, 1976. *Sud'by tvorčeskogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka*. Moscow, 2015. P. 35–384.

А. М. Дубровский

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЬВА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРЕПНИНА

Рец.: Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 11–175

Лев Владимирович Черепнин вошел в историю отечественной исторической науки как выдающийся, талантливый и плодовитый исследователь русского средневековья. Он был одним из самых молодых в той плеяде историков, которые сформировались как исследователи в лоне «буржуазной науки», потом из этой «старой школы» в 1930-х гг. пришли в советскую науку и более или менее успешно овладевали марксизмом, превращаясь в «советских историков». Это превращение не убило (да и могло ли убить?) те добротные исследовательские традиции, которые стремились сохранить учителя Черепнина и которые они реализовывали в своих трудах, созданных в 1930–1940-х гг. Ради возможности жить профессиональными интересами, заниматься любимой работой историки «старой школы» шли на компромисс с вла-

стью — боролись с «буржуазной наукой», выпячивали значение социальной борьбы в истории, «улучшали» образ Ивана Грозного и т. п. Компромисс этот эволюционировал, так как эволюционировали научные, политические, наконец, житейские воззрения самих ученых. В 1930-х гг. власть признала их как профессионалов, необходимых для страны. «Радуется сознание, что... я нужен, и на данном отрезке времени меня ценят», — так писал один из учителей Черепнина С. В. Бахрушин весной 1942 г. (Дубровский 1992: 128–129). Позже большую роль сыграла победа СССР в Великой Отечественной войне, рост международного значения Родины. Сотрудничество историка и власти укреплялось на патриотической основе. У каждого этот компромисс имел особый характер, понимание, оправдание, степень влияния на научное творчество. И у каждого в той или иной мере всю жизнь сохранялся страх перед арестом и заключением. «Часто и теперь вижу во сне себя в тюрьме или в ссылке, в какой-то отдаленной деревушке, причем самое

© Дубровский А. М., 2016

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (Брянск), alexdubr48@mail.ru

страшное — это ощущение своего бессилия, невозможности что-либо изменить. Бывает во сне и такое: срок ссылки окончен, я свободен, и вдруг кто-то власть имущий делает так, что все начинается сначала, а я ничего не могу поделать. Страшно» (Черепнин 2015: 133).

Письма, мемуары помогают не то чтобы проникнуть во внутренний мир, психологическое состояние этих людей, а хотя бы в какой-то мере приблизиться к пониманию этой трудно уловимой для рационалистического исследования области, почувствовать ее. А ведь в ней коренятся поступки ученых, особенно их научной работы. «Историю пишут историки — живые люди, участники исторических событий, деятели своего времени. Их роль в науке исключительно велика», — совершенно справедливо писала М.В. Нечкина (Нечкина 1965: 25). Да, это живые люди с их слабостями и сильными сторонами характера. «Печать времени» — так обычно называют влияние исторической обстановки на работу ученого. Эта печать накладывается на работу историка не непосредственно, а проходя через его сознание — преломляясь в его психике, корректируясь разными соображениями. И, воплотившись в труде историка, она определяет облик науки, той или иной ее отрасли, отдельной темы. Добавим к этому, что занятия наукой — это главное средство реализации личности ученого. Внимание историографов к личности историка оправдано этими соображениями и не может не являться обязательным элементом в его подходе к разработке истории исторической науки.

Что может лучше поведать о личности, чем воспоминания? Мемуары для биографа — источник бесценный. Но источник этот и довольно коварен, что, впрочем, хорошо известно. Умолчания, очень субъективные суждения, пристрастность, недостаточная осведомленность — чего только не таят в себе воспоминания, создавая трудности для исследователя. Все эти трудности, конечно, встречаются в воспоминаниях Л.В. Черепнина, о некоторых из них речь впереди. По определению В.Д. Назарова, свои воспоминания Л.В. Черепнин писал с начала 1970-го до начала 1971 г. (Черепнин 2015: 6). Весной 1970 г. ему исполнилось 65 лет. Почтенная юбилейная дата, для его учителя С.В. Бахрушина эта дата была последним юбилеем. Видимо, в связи с собственным 65-летием Л.В. Черепнин решил обратиться к воспоминаниям. Когда после его кончины был сформирован архивный фонд Л.В. Черепнина, говорили, что текст воспоминаний он завещал опубликовать только через 50 лет. В этом сказалась присущая ему осторожность.

Главное в мемуарах Л.В. Черепнина — рассказ о людях. Это, во-первых, родственники и близкие, а во-вторых, (большей частью) историки. Собственные переживания и размышления мемуариста, так сказать, его внутренняя жизнь, представлены в несравненно меньшей степени. Более или менее подробно освещены эпизоды из жизни ученого. Это, скорее, внешняя канва событий его жизни, чем исповедь, открывающая глубину души. Много во внутреннем мире Л.В. Черепнина остается закрытым для

читателя — ход научной работы, его восприятие политических событий в стране, собственного научного роста, освоения марксизма...

И тем не менее воспоминания та-ют в себе некоторые неожиданные признания автора. Для тех, кто видел Черепнина только в преклонные годы его жизни — малоподвижным, с шаркающей походкой, с, казалось, застывшим, не меняющимся выражением лица, трудно представить себе его молодого, в богемной обстановке, влюбчивого, сочинявшего стихи («нападал на меня и поэтический порыв — начинал писать стихи как всегда плохие»). Какое-то время он мечтал о том, чтобы стать писателем и делал попытки писать повести и романы («возомнил себя писателем»), пробовал свои силы в живописи. Неправ был А. А. Зимин, говоря в своих мемуарах, что любовь «не занимала сколько-нибудь значительного места в жизни этого Кая из царства Снежной королевы» (Зимин 2015: 170). Нет, Л. В. Черепнин не потерял способности влюбляться и в довольно зрелом возрасте. А увлечение театром! «Театр всегда играл большую роль в моей жизни. И сейчас я сохраняю к нему большую любовь и на старости лет продолжаю посещать театральные постановки, хотя многие надо мной и подсмеиваются» (Черепнин 2015: 152). Учась играть на пианино, в юности он исполнял произведения Мендельсона, Шопена, Бетховена, Чайковского. Серьезный репертуар.

Несколько более трети (35,75 %) от объема всего текста мемуаров Л. В. Черепнина занимают его вос-

поминания о детстве и ранней юности (до окончания гимназии). Видимо, автору было особенно приятно, как бы переживая заново отдаленные годы, вспоминать людей, окружавших его в ту пору, освежать в памяти впечатления детства, отдельные случаи. Как бы пунктиром намечено становление Л. В. Черепнина как историка: первый интерес к истории на уроках увлекательной рассказчицы Н. Н. Хорошкевич, успех сочинения о первобытном человеке («Надежда Николаевна похвалила мою писанину»), чтение исторических романов, занятия в историческом кружке, в 15 лет доклад на гимназическом вечере о взглядах С. М. Соловьева на реформы Петра I («первое публичное выступление на научную тему»), учеба в Институте народного образования в Рыбнине, где преподавал Н. Г. Бережков, открывший для будущего ученого труды А. А. Шахматова («Шахматов во многом определил мою дальнейшую научную работу, мою исследовательскую методику»), потом учеба в Москве и вхождение в круг московских историков...

Жизненный путь Л. В. Черепнина был нелегким. Непролетарское (следовательно, неподходящее с точки зрения власти) происхождение грозило закрыть ему путь к высшему образованию. Но все же не это наложило отпечаток на его внутренний облик и даже научное творчество. Роковым и трагическим эпизодом стало для него, как и для многих, Академическое дело, а также его последствия — долгие, затянувшиеся на годы. При жизни даже в кругу близких людей Л. В. Черепнин не любил вспоминать

об этом деле. По словам В.Б. Кобринина, когда рассматривалась возможность опубликовать автобиографический текст И.И. Полосина с упоминанием о том, что он работал землекопом на строительстве, Л.В. Черепнин возразил: «Сколько можно!». Однако в воспоминаниях он в деталях рассказал о собственных хождениях по мукам. Никакие иные события в его жизни не описаны столь же подробно — ни подготовка кандидатской диссертации, ни создание докторской. Назрела потребность выговориться, тем более, что обычно при необходимости упоминать о своем аресте и последующих событиях Л.В. Черепнин отмечал: «Вины за собой не знаю» (Архив РАН: л. 5).

Он прекрасно помнил дату ареста — 14 сентября 1930 г. Она, по словам В. Шаламова, запоминается так же, как дата рождения. «День, перевернувший мою жизнь», — писал Л.В. Черепнин. Определивший его жизненную (и научную) позицию — можно добавить сегодня.

В опубликованных столь же недавно, как и мемуары Л.В. Черепнина, воспоминаниях А.А. Зимина, его многолетнего сотрудника по Институту истории, об Академическом деле говорится как-то очень легко: в 1930-м г. оказались в ссылке учителя, «получил соответствующий минус и Лёвущка» (Зимин 2015: 169). Иронический, порой саркастический тон А.А. Зимина мешает с достаточной глубиной почувствовать и понять трагизм положения Л.В. Черепнина. Разве только «минус» получил он? Этим словом называли лишение права проживать

в крупных городах; далее обычно в документах приводился список этих центров, причем для каждого выпущенного на свободу свой — в зависимости от вины бывшего заключенного или ссыльного. Это и был «минус». А всё остальное, что пришлось пережить!

В связи с этим стоит вдуматься в слова Л.В. Черепнина: «В моей жизни 1930-й год открыл новый, чрезвычайно тяжелый, этап: два с половиной месяца тюрьмы, три года ссылки и около девяти лет существования с пятном судимости, мешавшим нормально жить и работать. Всего 12 лет, и из них наиболее мучительные, пожалуй, последние девять, ибо для тюрьмы и ссылки существовали какие-то сроки, а сколько долго будет сохраняться их отпечаток — кто знает?» (Черепнин 2015: 132–133).

Мучительные девять лет, конечно, были заполнены работой, но что это была за работа! А.А. Зимин нашел для нее точное обозначение — «поденщина». Это были вынужденные занятия по большей части теми, далекими от научных интересов Л.В. Черепнина — без крупных проблем, для решения которых он созрел, без творческих перспектив. Единственная отрада — написанная им в это время книга по истории Рязани — и та не была напечатана. Понятно поэтому, что в последующие годы, когда он мог работать в полную силу, он торопился — торопился наверстать упущенные возможности, реализовать себя как ученого, торопился доказать себе и другим, что он — действительно талант, способный на многое, доказать, что он

необходим науке, стране; это была гарантия от новых трагических неприятностей. Отсюда готовность на выступления против буржуазных историков, за подлинную марксистскую науку, готовность играть роль чиновника от науки, указующего единственно верные пути изучения истории.

Рассказывая о себе, Л. В. Черепнин остановился на событиях 1946 г. — защите докторской диссертации и приеме на работу в Институт истории АН СССР. А что было дальше? А далее пришлось бы рассказывать о политических кампаниях борьбы против космополитизма и буржуазного объективизма, в которых и он был вынужден принять участие. В 1949 г. совместно с П. А. Зайончковским он опубликовал рецензию на учебник по отечественной истории М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева. Напомню, что М. Н. Тихомиров был оппонентом на докторской защите Л. В. Черепнина. Рецензия Л. В. Черепнина и П. А. Зайончковского (один автор представлял Институт истории АН СССР, а другой — Московский государственный университет) была одной из значительного ряда рецензий и неопубликованных отзывов, в результате психологического воздействия которых М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев бесконечно переделывали свой труд. Работа так и кончилась ничем. Учебник считали недостаточно марксистским. Одновременно по М. Н. Тихомирову был нанесен удар и за его учебник по источниковедению (издан в 1940 г.): в «Вопросах истории» было опубликовано письмо пензенского историка В. Шварева

с критической оценкой учебника, а редакция журнала еще и добавила от себя двухстраничный текст с рядом упреков (*Шварев* 1951: 200–202). Ученый был помещен в больницу и едва не скончался. В его творческой жизни эта история сыграла ту же роль, что Академическое дело в жизни Л. В. Черепнина и его учителей. Этот факт открыл недавно молодой исследователь В. В. Ковеля (*Ковеля* 2016: 78–88). Отношения между М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниным были испорчены окончательно, отсюда и саркастическое описание М. Н. Тихомирова в мемуарах (*Черепнин* 2015: 173). Насколько оно справедливо?

Итак, историк не завершил своих мемуаров. Оборванно выглядит последняя фраза: «Ученым секретарем в Институте многие годы (при Грекове) был Виктор Иванович Шунков». Читатель ожидает, что после рассказа об А. М. Панкратовой — он предшествует цитированной строчке — последует аналогичный рассказ о Шункове, однако воспоминания на этой фразе и заканчиваются. Итак, самый плодотворный в творческом отношении период жизни ученого совершенно не освещен в его воспоминаниях, о чем остается только сожалеть.

Как и у ряда других авторов, у Л. В. Черепнина в воспоминаниях главное — люди, в основном историки, с которыми был более или менее близок автор. Это целая галерея словесных портретов. Л. В. Черепнин отмечал и внешний вид едва ли каждого из них, и характер, и бытовые привычки. Подробно описаны учителя — С. В. Бахрушин

и А.И. Яковлев, сыгравшие особо важную роль в судьбе мемуариста. Оба были его научными руководителями в Институте истории РАН ИИОН. О С.В. Бахрушине известно многое, поэтому мемуары Л.В. Черепнина для современного читателя не столь богаты на новые детали о деятельности этого историка. О А.И. Яковлеве как личности известно гораздо меньше, и в этом отношении рассматриваемые воспоминания драгоценны. Любопытны и ценны воспоминания Л.В. Черепнина о С.Б. Веселовском, с которым он вместе проработал два летних сезона в библиотеке Троице-Сергиева монастыря, ежедневно общаясь с утра и до вечера. Л.В. Черепнин смог не только описать внешность С.Б. Веселовского, сопоставляя свои впечатления с фотографией историка, но и распорядок рабочего дня, привычки в работе, характер общения. Всё это не отражено в дневниковых записях ни С.Б. Веселовского, ни его супруги О.А. Бессарабовой и обогащает новыми деталями наши представления о С.Б. Веселовском как личности. На страницах воспоминаний читатель может найти портретные зарисовки таких ученых, как М.М. Богословский, Д.М. Петрушевский, А.Д. Удальцов, И.И. Полосин, Н.М. Дружинин, А.И. Неусыхин, И.У. Будовниц, А.Н. Сперанский, А.И. Андреев и др. Полный список упоминаемых в воспоминаниях с той или иной долей подробности занял бы несколько строк. О некоторых из этих ученых Л.В. Черепнин успел написать очерки. В отличие от этих очерков, в мемуарах Л.В. Черепнина на первом месте личностные

черты. Творчеству историков автор мемуаров не уделяет особого внимания, о работах, научном наследии он говорит как-то походя, вскользь. Может быть, в этом сказалась позиция Л.В. Черепнина, сознательный отказ от историографических оценок, стремление сказать именно о человеческом облике того или иного современника. К слову сказать, воспоминания А.А. Зимина иные: А.А. Зимин в биографиях историков и их научных трудах стремился увидеть направление в науке, связь с современностью, пусть и нелегкой для реализации творческой личности. Для А.А. Зимина главное – научная работа, уровень мастерства, честность, преданность поиску истины. В этом отношении мемуары А.А. Зимина, несомненно, глубже, так сказать, историографичнее.

Свой очерк о Л.В. Черепнине А.А. Зимин завершил словами: «Такая сломанная жизнь была... у человека, способного когда-то на многое в науке» (Зимин 2015: 186). Знаменательно совпадение этих слов с устным признанием ученицы Л.В. Черепнина С.А. Левиной, сделанным автору этих строк. Она имела возможность прочитать воспоминания своего учителя, любимого учителя, преклонение перед которым она пронесла через всю жизнь: «Это воспоминания сломленного человека». Действительно, в мемуарах Л.В. Черепнина порой обращают на себя внимание некоторые словесные формулировки и оценки действительности, отдающие официальным советским марксизмом. О начале 1920-х гг.: «Время было суровое. Люди исчезали в Чека.

Это была логика классово-борьбы, закономерная и неизбежная» (Черепнин 2015: 65). В связи с тем, что ректор Первого МГУ В. П. Волгин отказал ему в приеме в университет из-за социального происхождения, Л. В. Черепнин, оправдывая его поступок, заметил: «Он поступил так, как должен был поступить» (Черепнин 2015: 73). О своих студенческих годах: «Нам вредило то, что среда наша была замкнутая, интеллигентская, мы почти не соприкасались с рабочей молодежью, не были органически втянуты в ту работу по перестройке общественных отношений, которая шла в стране» (Черепнин 2015: 87). Репрессии сталинского времени он осторожно называл «нарушениями законности» (Черепнин 2015: 20, 131), да еще в одном месте мягко оценил это как «нехорошее явление» (Черепнин 2015: 131). Про критику сборника статей «Петр Великий» писал: «В этой критике наряду с правильным было много предвзятого» (Черепнин 2015: 158). В этой двойственной оценке, характерной для мемуаров Л. В. Черепнина, сказалось его примирение с действительностью и оправдание многого, что пришлось в жизни видеть и пережить, чего он когда-то не понимал и не принимал. С годами он получил признание, положение лидера в науке, и на этом пути приходилось порой сжигать то, чему поклонялся. Приходится сказать вслед за А. А. Зиминим, что Л. В. Черепнин — «одна из самых трагических фигур нашей науки» (Зимин 2015: 168).

Воспоминания Л. В. Черепнина изданы любовно, с большим почтением к их автору: подобраны фотогра-

фии не только родных историка, его собственные в разном возрасте, но и тех людей, о которых рассказывал мемуарист. Основной текст книги сопровождается подробными комментариями и приложениями, которые в публикациях источников всегда ценил Л. В. Черепнин. Даны не только именными указателями к мемуарам, но и основные даты жизни и научного творчества Л. В. Черепнина, приведен список литературы о нем, в хронологическом и алфавитном порядке — труды историка, составлен именными указателями соавторов Л. В. Черепнина. Чуть более 41 % от всего объема книги составляет текст воспоминаний Л. В. Черепнина, а остальная доля падает на сопровождающие этот текст пояснения и дополнения. Главная заслуга в издании, а также авторство введения, комментариев и заключительной статьи принадлежит ученику и сотруднику Л. В. Черепнина В. Д. Назарову. Книга, несомненно, станет незаменимым пособием как для исследования жизни и творчества большого ученого, так и для познания истории исторической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив РАН — Архив РАН. Ф. 1791 (Л. В. Черепнина). Оп. 1. Д. 232. Автобиографии.

Дубровский 1992 — *Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время.* М., 1992.

Зимин 2015 — *Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века.* М., 2015. С. 35–384.

Ковеля 2016 — *Ковеля В. В. М. Н. Тихомиров и кампания по борьбе с «бур-*

жуазным объективизмом» // Новые перспективы: Электронный научно-образовательный журнал. 2016. № 1 (2). С. 78–88. URL: <http://журналнп.рф/index.php/ru/arkhiv-nomerov> (дата обращения: 23.12.2016).

Назаров 2015 — Назаров В.Д. Введение // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Т. 1. М., 2015.

Нечкина 1965 — Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965.

Черепнин 2015 — Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Т. 1. М., 2015.

Шварев 1951 — Шварев В. Забытая наука (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 12.

Reflections on the pages of memories by L. V. Tcherepnin. Rec.: Cherepnin L. V. Moya zhizn'. Vospominaniya. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. S. 11-175

Dubrovskii Aleksandr M. — doctor of Historical Sciences, Professor of the Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk)

REFERENCES

Arkhiv RAN. F. 1791 (L.V. Cherepnina). Op. 1. D. 232. Avtobiografii.

Cherepnin L.V. *Moia zhizn'. Vospominaniia.* Vol. 1. Moscow, 2015.

Dubrovskii A.M. S.V. *Bakhrushin i ego vremena.* Moscow, 1992.

Kovelia V.V. M.N. Tikhomirov i kampaniia po bor'be s "burzhuaznym ob'ektivizmom". *Novye perspektivy: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal.* 2016. N 1 (2). P. 78–88. URL: <http://zhurnalnп.рф/index.php/ru/arkhiv-nomerov> (date of access 23.12.2016).

Nazarov V.D. Vvedenie. *Cherepnin L.V. Moia zhizn'. Vospominaniia.* Vol. 1. Moscow, 2015.

Nechkina M.V. Istorii istorii (Nekotorye metodologicheskie voprosy istorii istoricheskoi nauki). *Istorii i istoriki.* Moscow, 1965.

Shvarev V. Zabytaia nauka (pis'mo v redakt-siiu). *Voprosy istorii.* 1951. N 12.

Zimin A.A. Khram nauki (Razmyshleniia o prozhitom). *Sud'by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka.* Moscow, 2015. P. 35–384.

Е. В. Бородина, А. А. Селин

ЛЕТНЯЯ КОНВЕНЦИЯ ASEEEES (26–28 июня 2016 г., Львов)

26–28 июня 2016 г. во Львове состоялась летняя конвенция ASEEEES (Association for Slavic, East European and Eurasian Studies), совместная с Международной ассоциацией гуманитариев, объединяющей прежде историков трех восточноевропейских стран – России, Украины, Беларуси. Конвенция проходила на базе Украинского католического университета – динамично развивающегося образовательного комплекса, который является единственным католическим университетом на территории от Польши до Японии, нацеленным на исследование преимущественно гуманитарной проблематики.

Международная ассоциация гуманитариев (МАГ) – важная площадка, функционирующая с 2007 г. в западной части постсоветского пространства и выполняющая самую серьезную связующую роль для гуманитариев стран этого региона, имеющая сетевой электронный журнал с символическим названием «The Bridge – Мост». Инициатива по проведению совместной конвенции принадлежа-

ла именно МАГ. Ассоциация позволяет ученым Восточной Европы выходить за рамки национальных нарративов, прежде всего исторических, подбирать формы поиска совместных тем, связующих и актуальных. Полемика – неотъемлемая часть научного процесса на всех мероприятиях МАГ – ведется в форме диалога знания, но не исторических политик.

Летняя конвенция создала условия для общения гуманитариев различного профиля стран ближнего и дальнего зарубежья: несколько сотен историков и антропологов, политологов и социологов, культурологов и философов, филологов и лингвистов из государств Центральной, Восточной и Западной Европы, а также Северной Америки встретились для обсуждения наиболее актуальных вопросов всемирной истории и основных тенденций общественного развития.

Панели конференции – общие, понятные, давно разрабатываемые. Главной (и продуктивной) темой, заявленной для совместной конвенции, была проблема «Свой и Чужой», позволившая задать достаточно широкую рамки для гуманитарных исследований. Большой блок панелей был связан с изучением памяти, с интерпретациями наследия, с про-

© Бородина Е. В., Селин А. А., 2016

Бородина Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; sosnovi-bor@yandex.ru

Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург); aselin@hse.ru

блемами гендера и меньшинств, женской историей, историей миграции и проблем беженцев, с изучением той самой исторической политики.

Важное направление – своеобразный мейнстрим современного исторического знания – исследование глобальной и сравнительной истории. Именно этот формат позволяет придать новую оптику традиционно рассматриваемым вопросам, вырваться за рамки той самой «отечественной историографии». Этот аспект позволяет находить сквозные темы. Их много: это и древнерусское наследие, и его рецепция в московской, литовской, казачьей культурах раннего нового времени, и политические коллизии XVII в., позволяющие сравнительно исследовать Смуту, Руину и Потоп, и изучение политических образований Восточной Европы раннего Нового времени в рамках парадигмы изучения империй (применимой не только к Российской империи, но и отчасти, к примеру, к истории Великого княжества Литовского).

Кроме того, в поле зрения участников конференции попали проблемы конструирования и функционирования современного научного знания, которым было посвящено несколько круглых столов. Является ли гуманитаристика маргинальной областью исследований? Ответ

на этот вопрос искали при помощи выявления достоинств и недостатков основных подходов и методологического аппарата гуманитарных наук. Среди них – устная история, герменевтика, антропологический подход, а также методы и концепции этнологии и психологии (в частности – концепция двойных посланий и двойных связей).

Основным итогом прошедшей конвенции следует считать достаточно банальный вывод о необходимости поддерживать постоянный диалог внутри гуманитарных сообществ, разрывая границы вновь конструируемого национального догматизма и мифостроительства. Огромное значение здесь имело сохранение общей тематики (объединившей, впрочем, не только ученых разных стран, но имеющей и глобальное значение; по большому счету собравшиеся во Львове ученые были объединены не подданством, а общим предметом исследования). Дискуссия велась на четырех языках – украинском, белорусском, русском и английском, – что, впрочем, не вызывало сложностей в коммуникации. У Международной ассоциации гуманитариев хорошие перспективы. Свидетельством этому являются как масштабы организации мероприятия, так и хвалебные отзывы многих его участников.

Summer ASEEEES Convention (June 26–28, 2016, Lviv)

Borodina Elena V. – candidate of Historical Sciences, senior researcher of the Institute of history and archaeology, RAS, Ural branch; sosnovi-bor@yandex.ru

Selin Adrian A. – doctor of Historical Sciences, Professor, HSE (Saint Petersburg); aselin@hse.ru

А. Колонтари

Рец.: Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России: Материалы первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра русистики от 19–20 мая 2014 г. / Гл. ред. Д. Свак. Будапешт: Руссика Панноникана, 2015. ISBN 978-9-6377-3098-6

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит в себе материалы Первой международной конференции молодых русистов. Организатор конференции и составитель сборника – Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша в 2015 г. отпраздновал свой 20-летний юбилей, но необходимо отметить, что современные исследования в области русистики после смены режима в Венгрии начались на 5 лет раньше – с созданием его предшественника, Института русистики. Оба учреждения являлись и являются главнейшими и основными центрами по изучению истории России, СССР и российской современности в Венгрии. Об этом свидетельствуют многочисленные монографии, сборники, конференции, широкие международные связи. Сотрудники, профессора, преподаватели Центра уделяют особое внимание подготовке нового поколения специалистов, в рамках докторской программы Центра защищают диссертации; докторанты и студенты-магистранты принимают участие в разных научных проектах вместе со своими руководителями, таким образом, они получают не только знания, не только готовый материал, который надо выучить, но и

осваивают методологические средства, навыки, приобретают опыт в области исследования – это необходимо, чтобы они стали хорошими русистами.

Авторы статей сборника – участники конференции принадлежат к молодому поколению исследователей. На конференции выступали 63 докладчика, из которых 58 подготовили свой доклад к публикации. Из 58 авторов большинство составляют российские специалисты и венгерские русисты, но в работе принимали участие молодые ученые и студенты из Польши, Румынии, Великобритании, Италии, всего из десяти стран. Часть авторов уже обладает научной степенью, некоторые работают доцентами в разных вузах и имеют за плечами уже солидный опыт преподавания и научного творчества. Докторанты и аспиранты находятся в начале своей научной карьеры, в этом сборнике они, вероятно, представляли нам тот или иной аспект темы своей будущей диссертации. Но кроме них – и это не может не вызывать самое решительное одобрение и признательность рецензента – составители сборника обеспечивали возможность выступления и публикации студентам и магистрантам. Больше одной трети авторов относится к этой категории. У некоторых из них, вероятно, именно в дни конференции или во время

¹ * © Колонтари А., 2016

Колонтари Аттила – доцент Капошварского университета (Венгрия); kolontari68attila@gmail.com

работы над статьей укреплялось убеждение, что в дальнейшем они хотят заниматься русистикой. И в этом — кроме научной ценности — одна из главных заслуг подобных мероприятий.

К несомненным достоинствам сборника можно отнести его разнообразие. Хронологические рамки охватывают длительный период — от XII в. до наших дней. Участники конференции работали в пяти секциях: «История России XII–XVIII вв.», «История России XIX и начала XX в.», «История СССР», «Постсоветский период» и «История культуры». Тематика научного мероприятия — «Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России» — дает широкие возможности для включения разнообразного круга тем и разных по жанру исторических исследований. Среди статей мы находим не только традиционные отрасли историографических наук: политическую историю, военную историю, историю экономики, культуры, историю общества и т. д., но такие современные, междисциплинарные подходы к историческим процессам, как постмодерн, изучение формирования и роли исторической памяти или гендерные исследования. В отдельных статьях разные исторические процессы, события трактуются в рамках микроистории, локальной, региональной истории или анализируются в государственном, межгосударственном, порой даже в глобальном масштабах. Выбранные темы и их обработка свидетельствуют о высоком профессиональном уровне, и о том, что авторы независимо от наличия

или отсутствия научной степени успешно справились с поставленной задачей. В совокупности статьи создают мозаичную картину, дают общее представление о положении современной русистики, о том, какие темы и проблемы сейчас волнуют молодых исследователей, какие методологические обновления характеризуют процесс исследования в наши дни.

Каждый читатель, несомненно, может найти в сборнике интересные его темы, статьи. Из-за богатого выбора рецензент находится в непростом положении, ведь и объем рецензии, и отсутствие компетенции в некоторых вопросах не позволяют ему дать отзыв обо всех статьях, хотя их авторы, безусловно, заслуживали бы этого. Поэтому при подборе статей было невозможно избежать проявления некоторой субъективности. Другие рецензенты — медиевисты, литературоведы, по всей вероятности, будут обращать внимание читателей на другие аспекты, на другие достоинства сборника или отдельных статей.

Вопрос о системе правления российского государства часто встречается на страницах сборника, многие авторы затрагивают его в связи с разными периодами истории, но выводы удивительно схожи. М.А. Киселев в своей статье занимается междоусобицей 1730 г., в частности попыткой ликвидировать самодержавие, предпринятой Верховным тайным советом (фактическим правительством Российской империи). Такое стремление нашло свою кульминацию

в кондициях ВТС при вступлении Анны Иоанновны на престол: там говорится о том, что если императрица не выполнит «свои обещания», то будет лишена российской короны. За этой беспрецедентной в истории русского самодержавия фразой — как справедливо отмечает автор — стоит сложное переплетение политических и социальных процессов, касающихся российской элиты, борьба за власть, трансформация представления о форме правления и т.д. В отсутствие дееспособного и энергичного монарха древние боярские фамилии, в частности Долгоруковы (Долгорукие) и Голицыны, старались усилить свое положение в правительстве и «взять реванш за статусные потери первой четверти XVIII в.». Кроме борьбы в узкой группе элиты конфликт имел более широкое социальное содержание: в рядах дворянства шла борьба между сторонниками единого «дворянства» / «шляхетства» и теми, кто хотел бы восстановить допетровское, двойственное разделение наследственного, землевладельческого правящего слоя. Именно последние, упомянутые выше фамилии, представители которых имели наиболее прочные позиции в ВТС, мыслили категориями «монархия без монарха», «ограничение самодержавия» — автор статьи даже употребляет слово «республиканизм», характеризуя так первоначальную позицию «шляхетства», которое далеко не сразу высказалось в пользу сохранения самодержавия в России. При этом Киселев оспаривает те, по его мнению, упрощенные трактовки событий, согласно которым речь идет о «бунте» бюрократического аппарата против своего созда-

теля, самодержавия, или о том, что кондиции следует рассматривать, как проявление «дворянского конституционализма» в российском обществе. При оценке событий нельзя упускать то обстоятельство, что под влиянием европейских политических традиций эпохи раннего Просвещения в российском политическом мышлении происходит смена парадигм, в результате чего универсальные понятия «государство», «государь» (в отношении Московского государства в качестве одного из подтипов этой универсальной формы власти употреблялись еще и выражения «царство» и «царь») стали заменяться терминами «монархия», «монарх». Это означает, что над понятием единственно возможного, данного Богом политического порядка начинает преобладать концепция существования разных форм правления: монархия, республика, аристократия, демократия, и в российской политической литературе с этого момента появляются первые апологии, аргументации в пользу монархического строя для Российского государства.

Статья С.В. Соколова «Какая форма правления подходит для России? Интерпретация исторического опыта в Российской историографии XVIII в.» является логическим продолжением изучения упомянутого выше вопроса. Автор исследует названную в заглавии проблематику на примере научных работ В.Н. Тащицева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина и М.В. Ломоносова, видных ученых и интеллектуалов. Как справедливо отмечает автор статьи, секуляризация политического мышления и исторической философии

привели к тому, что российские интеллектуалы того времени в своих работах стали оперировать аристотелевскими категориями форм правления, и, подобно Монтескье, пришли к выводу, что идеальная форма правления для каждого государства определяется множеством факторов: географическими, климатическими условиями, размером территории, нравами и историей, состоянием соседей и т.д. Обращает на себя внимание, что почти все цитированные и изученные С. Соколовым авторы XVIII в. высказываются не только за монархический строй, но и за самодержавие и единовластие. Пожалуй один только Щербатов делает уступку в пользу ограничения власти монарха аристократией, где «лучшие люди государства» дают советы князю. В отношении неограниченной формы монархической власти Щербатов употребляет такие выражения, как «самовластие», «тиранство», но демократический строй, республику даже он отождествляет с анархией, с беспорядком. Все остальные авторы подчеркивают губительный характер всякого деления или ограничения власти для такой большой страны, как Россия. В качестве исторической аналогии они, как правило приводят падение Новгорода и его подчинение Московскому государству. В их представлении возвышение российского государства, эпохи расцвета связывается с укреплением самодержавия, а периоды отсутствия единоначалия, наоборот, с упадком и ослаблением.

Эту же проблему затрагивают и историки, изучающие современную Россию – В. Н. Круглов и В. В. Шишков.

Первый автор дает обзор административно-территориального устройства РСФСР и Российской Федерации до начала XXI в., второй рассматривает постимперскую адаптацию современной России. Масштабность территории, взаимоотношение центра и периферий, множество народов, языков, культур и религий всегда представляли серьезный вызов для государствообразующих сил, и каждый режим был вынужден дать свой ответ на этот вызов. Пришедшие в 1917 г. к власти большевики сначала не имели точной концепции административно-территориального деления страны, да и на первых порах на повестке дня стояла задача установления контроля над громадной территорией. В 1920–1950-х гг. шел процесс поиска модели. В течение этого периода выкристаллизовались два основных подхода к данной проблеме: административно-политический и экономический. Первый сосредоточился на решении политических задач, включая и национальные с предоставлением «автономии» отдельным народам, второй стремился к созданию экономически жизнеспособных единиц в условиях планового хозяйства. В зависимости от того, какой из этих двух принципов вышел в передний план, Круглов выделяет несколько подэтапов в этом процессе. В 1960–1980-х гг. в атмосфере «Брежневского застоя» наступило затишье и в области административных преобразований. С эпохи перестройки началась новая эра, которая характеризовалась расширением прав союзных республик и автономий, новым разграничением полномочий центра и союзных

республик, усилением стремлений разных национальностей к большей самостоятельности. В конце концов этот «парад суверенитетов» привел к распаду СССР. Круглов тщательно и наглядно анализирует этот процесс, его аргументация вполне убедительна и обоснована. Читатель может обнаружить некоторую неясность или непоследовательность только там, где он пишет об активизации территориальных споров, о том, что территориальные проблемы оказались в числе главных причин распада СССР, и в то же время подчеркивает стабильность границ, констатируя, что «масштабной перекройки административной карты страны не произошло», «составные части федерации... стремились либо превзойти свой правовой статус, либо выйти из состава РФ в уже существующих границах». Думается, что подобные рассуждения требовали бы еще дополнительных разъяснений. Несомненно однако — и это подтверждается в статье Крулова — что современная РФ с административно-территориальным делением советских времен унаследовала и проблему контроля центра над перифериями. Для решения этой задачи и для осуществления контроля над местными элитами в 2000 г. было принято решение об образовании федеральных округов, была сделана попытка сократить численность субъектов федерации, упразднить экономически слабые регионы. Но процесс этот в 2007 негласно прекратился, и в этом автор видит серьезный риск. Один из основных выводов автора заключается в том, что к 2007 г. были исчерпаны возможности безболезненного со-

кращения численности субъектов федерации. Понимание, что дальнейшая реорганизация (укрупнения и рационализация АТЕ) может негативно сказаться на политике стабильности, привело к негласному прекращению этого процесса, и с тех пор центр не предпринимал никаких действий в этой области. Автор в последнем абзаце пишет буквально следующее: «За небольшими исключениями устройство современной России остается советским. Именно территориальные проблемы оказались в числе главных причин распада СССР. В этой связи отсутствие заинтересованности руководства страны в развитии ее административно-территориального устройства потенциально может иметь весьма негативные последствия».

Характер взаимоотношений центра и периферий изучается в статье В.В. Шишкова: «Постимперская адаптация современной России». Из основных тезисов доклада четко вырисовывается эластичность ситуации. РФ с точки зрения международного права является правопреемником Российской империи и Советского Союза, она должна определить свою идентичность в постсоветском глобализирующемся мире. Автор обращает внимание читателей на некоторые, влияющие на этот процесс факторы: неустойчивость традиции гражданственности, демократических институтов, молодость и слабость общероссийской нации. При этом, по словам автора, «Россия никогда не обладала опытом нациестроительства, она знала себя только в качестве империи, несущей свою миссию

на пространства Евразии». Поэтому автор говорит о постимперском характере российского федерализма, называет Россию осколком империи, «империей в себе», где особую важность приобретает вопрос политической власти. Из наследия прошлого сохранился персоналистский режим власти, который сегодня находит олицетворение в институте президентства. Президент является центром тяжести политической власти, источником распределения политических ресурсов и влияния. Анализируя процессы политических преобразований, нельзя не заметить рост удельного веса Центра в ущерб самостоятельности регионов. Всё больше и больше разрешительных функций отходят к федеральным структурам, с 2004 по 2012 г. главы субъектов фактически назначались президентом, а одним из важнейших рычагов воздействия на субъекты федерации со стороны Центра является, несомненно, их финансирование. Подобное стремление к централизации — отмечает автор — кроме исторической традиции отчасти диктовалось и необходимостью преодоления политико-правовой анархии и опасности сепаратизма. В заключение Шишков приходит к выводу, что своеобразный российский федерализм носит черты унитарности, а функционирование политической власти близко к имперской модели.

Кроме вопроса о государственном устройстве, об управлении огромными территориями Российского государства, проблематики центра и имперских периферий, не менее важной и заслуживающей внимания

темой является взаимоотношение общества и государственной власти в России и в СССР: рычаги воздействия друг на друга, каналы коммуникации, их функционирование, революционное движение и т.д. В сборнике значительная часть статьей посвящена этой проблематике.

Силвия Надь в своей статье изучает процесс Веры Засулич и его последствия. Данный процесс в свое время обратил на себя внимание общества в России и за рубежом. Он выдвинул на первый план целый ряд моральных, этических и юридических вопросов, которые широко обсуждались как участниками революционного движения, так и юристами. На исход процесса оказал влияние целый ряд обстоятельств: относительная непопулярность жертвы, петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, в обществе, личность обвиняемой (молодая женщина, возмущившаяся незаконным телесным наказанием своего товарища). Не последнюю роль играла в событиях успешная тактика адвоката, П.А. Александрова, который в первую очередь старался релятивизировать понятия политического преступления и воздействовал на эмоции публики и присяжных, в результате чего ему удалось превратить покушавшуюся в жертву (по крайней мере в жертву системы, в жертву социальных обстоятельств) и вызвать к ней симпатию. Таким образом он создал прецедент для защиты террористов на будущих процессах. В дни процесса вся российская и зарубежная пресса была переполнена статьями и корреспонденциями из зала суда,

и газеты охотно представляли общественному мнению тот образ обвиняемой, который внушал адвокат. Оправдание Засулич в широких кругах было встречено как торжество справедливости, проявление гражданской совести присяжных и т. д. Однако, как справедливо отмечает С. Надь, более дальновидные общественные деятели и мыслители (председатель суда А. Ф. Кони, публицист В. П. Мещерский, писатели Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой) обращали внимание на пагубные последствия, на то, что оправдание не успокаивает общество, не благоприятствует его выздоровлению, а скорее поощряет террористов на подобные действия. Если явное преступление оправдывается тем, что его жертва тоже нарушила закон, если каждый может выступить в роли «исполнителя общественного правосудия», то это легко может толкнуть общество на путь чрезвычайщины. И террористы, судя по всему, четко осознали это. Здесь Надь цитирует слова революционера Н. А. Морозова о роли и значении политического убийства как акта мести и средства массовой агитации.

С точки зрения сопоставительной историографии особого внимания заслуживает статья В. В. Тихонова о взаимоотношениях ученых и государственной власти в России на рубеже XIX–XX вв. В качестве исходной точки автор берет книгу Фр. Фингера «Закат немецких мандаринов» и изучает, насколько социокультурный феномен «мандаринов» характерен для России в указанный период. Под термином «мандарины» понимается

довольно замкнутый круг ученых (профессора, академики, высокопоставленные чиновники), тесно связанных с государственной властью и игравших значительную роль в модернизации, переходе от аграрного к индустриальному обществу. Немецкие «мандарины» имели высокий социальный статус, они придерживались идеологии национал-либерализма и сыграли активную роль в выработке имперской идеологии и доктрины для власти. Тихонов выявляет целый ряд сходных элементов между мандаринами и российскими учеными-гуманитариями, да и сама Россия находилась в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному, правда, с некоторым отставанием по сравнению с Германией. В России власть тоже активно финансировала гуманитарные науки, поскольку видела в них источник политической лояльности, средство патриотического воспитания. Из гуманитариев особенно востоковеды подчеркивали особую миссию России в Азии, тем самым научно обосновывали имперские амбиции власти. Профессора были членами привилегированного общества, при вступлении в должность они принесли присягу Императору. Однако отношения между университетами и правительством не были столь безоблачными, как в Германии. Правительство часто вмешивалось в университетские дела, нарушало университетскую автономию, что вызвало резкий протест даже со стороны проправительственно настроенных профессоров. В академической сфере тоже чувствовался контроль власти, нередко во главе разных научных обществ стояли

влиятельные политические деятели вплоть до членов Императорской фамилии. Всё это — по вполне обоснованному мнению Тихонова — свидетельствовало об отсутствии некоторых важных элементов феномена «мандаринов», об отсутствии социального контракта и гарантии университетских свобод. Вследствие этого российская профессура была в гораздо большей степени склонна к оппозиционности, чем немецкая. Однако автор высказывает мнение, что в ходе модернизации контракт между учеными и властью, безусловно, был бы заключен, после чего и в России можно было бы говорить о феномене «мандаринов», «но этому помешала революция».

Интересный эксперимент лежит в основе статьи Р.Р. Гильминтинова. Когда говорят о большевистских методах осуществления власти, то вполне обоснованно считают, что они базировались на насилии и репрессиях и были направлены на полное преодоление любого сопротивления со стороны отдельных лиц или целых групп общества. Гильминтинов, проанализировав партийное историописание, «попытку овладения историей», доказывает, что в отдельных случаях большевики могли оперировать и более тонкими приемами. Исходной точкой для автора является определение науки и научной истины у известного французского социолога, Пьера Бурдьё. В связи с этим существует определенная напряженность между стремлением достижения «вневременной истины», и тем, что с помощью науки та или иная социальная группа (т. е. меняющаяся составляющая) конструи-

рует свою социальную реальность (интерпретация «вневременной истины»). Подобная напряженность чувствуется и в стремлениях большевиков «овладеть историей». Для этого они создали свой специальный орган: Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП(б) (или, как они на партийном жаргоне ее называли, Истпарт). Его глава, М.С. Ольминский, предложил создать источниковую базу из мемуаров и воспоминаний большевиков, так как имевшиеся источники, особенно документы департамента полиции могут отражать историю партии в кривом зеркале и в весьма искаженной — т. е. нежелательной для большевиков — форме. Таким образом литературе мемуарного характера отводилась задача не только дополнить и обогатить другие группы документов, но в первую очередь быть ключом к пониманию и интерпретации других источников и партийной истории в целом. Как отмечает автор: «Право на интерпретацию концентрировалось в руках корпорации “старых большевиков”». (В этот клуб «партийной элиты» при его создании попали всего 64 человека, они сами активно писали и публиковали свои воспоминания в партийных изданиях.) Несколько иначе подходил к этому вопросу печатный орган Истпарта, «Красная летопись». Главным редактором журнала был В.И. Невский, влиятельный и авторитетный большевик, представитель Центрального бюро Истпарта в Петрограде. «Принципу партийности» Ольминского, претендовавшего на монополизацию права на интерпретацию прошлого, Невский противопоставил требование

«объективности» в изображении исторических событий. Анализ статей «Красной летописи» показывает, что с его стороны это было нечто большее, нежели простой камуфляж большевистской пропаганды. Историю революции 1905 г. журнал представлял с разных точек зрения, перепечатывал материалы авторов разных политических убеждений, порой откровенно враждебно настроенных по отношению к большевикам (в том числе С.Ю. Витте, бывшего председателя Совета министров, или А.А. Лопухина, директора департамента полиции). В этом Гильминтинов увидел попытку со стороны большевиков, в частности Невского, «говорить с учеными на их языке и <...> стремление “играть по их правилам”». Думается, подобный сюжет скорее был исключением в большевистской практике, но вместе с этим такие исследования, которое провел автор упомянутой статьи помогают нам гораздо лучше понять феномен большевизма и его роль в истории.

К технике управления разными отраслями жизни относится и статья В.Л. Гайдука о социалистической культуре. Автор прежде всего изучает большевистскую политику, связанную с театральной жизнью. Из этой статьи выясняется, что и в области культуры большевики колебались между несколькими возможностями, отдельные их представители подходили к понятию культуры и к ее роли по-разному, причем в этих спорах накладывались друг на друга вопросы теоретического, идейного и административно-политического характера. Радикальные представители пролеткульта рато-

вали за то, что пролетариат должен «сжигать» шедевры культуры прошлого и создать свою новую культуру на классовой основе. Всеволод Мейерхольд прямо призвал сделать революцию и в области культуры. По мнению одного из главных идеологов Пролеткульта, Р. Керженцева, пролетариат сначала должен создать свой собственный новый театр, и только после того, как эта новая пролетарская культура прочно пустит свои корни в эту почву, она получит способность к восприятию достижений старого театра. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский, наоборот, считал, что новая социалистическая культура должна быть носителем и продолжателем наилучших традиций всех прежних культур. Так как пролетариат не понимал новый театр, Луначарский настаивал на том, чтобы ему показывали пьесы Гоголя, Островского и т.д. Борьба между Пролеткультом и Наркомпросом наконец разрешилась в пользу последнего, Пролеткульт был подчинен ему, стал одним из отделов и, по словам автора статьи, практически исчез с политической арены. Советская культура стала развиваться на основе принципа непрерывности прежних традиций, а не путем разрыва с ними и нигилистических, утопических экспериментов отдельных представителей интеллектуальной элиты. Думается, что немалую роль в этом играло классическое образование главнейших большевистских лидеров, начиная с самого Ленина.

Статья А.В. Кочневой и Е.И. Рабиновича под заглавием «Сестры чужих богов» анализирует, как от-

разил женский мир Урала сложные болезненные социальные процессы, которые были связаны с трансформацией советского общества. Результаты их микросоциологических исследований с учетом специфики Урала (это одна из главных баз тяжелой промышленности в СССР) мы можем обобщить и применить при изучении положения советских женщин в целом. Потеря прежних ориентиров и ценностей в горниле войн и революций оказали пагубное влияние в том числе и на семейные связи и межполовые отношения. Даже местные власти и партийные органы обращали внимание на то, что женщины часто становились жертвами грубых оскорблений: «Многие комсомолцы до сих пор смотрят на девушку как на самку» — написано в одном из документов того времени. Другим типичным явлением была пропаганда идеи свободной любви. Авторы статьи цитируют весьма резкое высказывание жены Луначарского по этому поводу. Со второй половины 1920-х гг. власть предприняла серьезные шаги для усиления семьи как основного звена общества, но это, конечно, не означало возвращения к прошлому. Этот процесс сопровождался массовым вовлечением женщин в те отрасли, где использовался физически тяжелый, заведомо неженский труд. С одной стороны, низкая заработная плата одного мужа не покрывала расходов на содержание семьи, с другой — начавшаяся индустриализация привела к резкому росту спроса на рабочую силу, в том числе и на неквалифицированную. Но «восстановление» престижа семьи шло параллельно с коллективизацией быта, государ-

ство через свои институты старалось взять на себя прежние функции семьи (тем самым установить прочный контроль над этой ячейкой общества), в домах-коммунах планировались банно-прачечные корпуса, кухни, столовые, но самое пристальное внимание уделялось учреждению ясель и детских садов. Тут авторы называют впечатляющие цифры: только в 1930 г. на Урале около 100 тыс. детей должны были быть размещены в яслях, 190 тыс. — в других дошкольных учреждениях. Нельзя не согласиться с окончательными выводами авторов, что за красочными лозунгами о «раскрепощении женщин» скрывались совсем не радостные процессы в обществе: «Изменилось женское самосознание, в новых центрах индустриализации <...> создается целый “женский мир”. Но за этой гендерной революцией, за пропагандистским триумфом, стояло фактическое принуждение женщин к труду, <...> трагическое втягивание миллионов советских женщин в сферу неженского каторжного труда на заводах, фабриках и стройках первой пятилетки».

Вопрос о формировании исторической памяти затрагивается в том числе в статьях Е. Н. Смирнова и Р. Гашпара. Политика памяти, или, по-другому, политическая история, пишет Смирнов, является одним из ключевых вопросов для современной Российской Федерации. Государственная власть и, как упоминается в статье, лично В. В. Путин придают большое значение истории, исторической памяти в формировании новой, постсоветской российской идентичности.

Федеральный образовательный стандарт и единый учебник по истории, как основные средства для решения этой задачи, вызывают очень много споров и сомнений со стороны историков. Автор статьи, к примеру, не скрывает свое критическое отношение ни к самой идее создания единого учебника, ни к конкретной реализации этого проекта. Он считает проблематичным, если власть сама определяет, что и как надо думать о прошлом, если исторические факты для учебников подбираются и интерпретируются согласно политическим потребностям. Формирование исторического сознания должно служить гражданскому и военно-патриотическому воспитанию, оно должно возбуждать гордость русской историей, представлять образ России как общего дома разных народов и культур. Подобный подход, по мнению автора, может создавать несколько ложное впечатление о гармоничном историческом прошлом населяющих Россию народов, скрывать конфликты между ними, кровь, жесткость, тем самым мешать честному и критическому отношению к событиям, может затушевать позорные страницы истории (здесь примеры приводятся главным образом из периодов Гражданской войны и диктатуры Сталина). О нынешнем положении Смирнов высказывается в весьма критических выражениях: «...в современной России история превратилась в пародию сказок о прошлом, это сборник нелепых рассказов и повестей, которые с историей не имеют ничего общего». Что касается самого составления единого учебника, то автор обращает внимание читате-

лей на следующие обстоятельства: в обобщенной концепции единого учебника, созданной Российским историческим обществом, многие понятия заимствованы из советских учебников, более того, проверка текста с помощью системы «Антиплагиат» показало, что он был списан из других учебников и даже с сайтов, где размещены сочинения и шпаргалки по разным темам для учеников. В целом Смирнов оценивает идею единого учебника как шаг назад, в то прошлое, когда история была идеологическим инструментом власти. С некоторой долей преувеличения он даже сравнивает единый учебник с пресловутым «Кратким курсом истории ВКП(б)».

О том, в какой степени является частью новой российской идентичности и исторической памяти династия Романовых, рассказывает нам Р. Гашпар. В своей статье он дает детальный обзор изменения государственных символов в постсоветской России и констатирует, что сегодняшняя символика является своеобразной смесью имперского, династического, национального и советского начал. Также он сосредоточивается на двух аспектах. Место Романовых в современном общественном сознании он старается определить по итогам известного телевизионного шоу «Имя России». В круг 12 наиболее известных исторических лиц России попали три представителя династии: Петр I, Екатерина II и Александр II, занимали они 5-е, 11-е и 12-е места соответственно. В этом он видит признак слабого присутствия Романовых в российском общественном сознании и обращает внимание чи-

тателей на изменения в оценке Петра I по сравнению с 1990-ми гг. Его вытеснение на задний план он объясняет изменением политического курса, ведь Петр все-таки связан с уподоблением России Европе, для него Европа, точнее, некоторые отдельные элементы европейской цивилизации служили примером. В современной политической риторике, наоборот, подчеркивается, что «Россия не Европа, у России свой путь». Здесь можно увидеть переключку с предыдущей статьей. Анализируя макет единого школьного учебника, Е. Н. Смирнов также указывает, что, судя по его тексту, Россия находится в непрерывном цивилизационном конфликте с Западом.

Мимо внимания Р. Гашпара не прошло и то обстоятельство, что в современной России имя Романовых стало своеобразным рекламным брендом. С его помощью стараются внушать покупателям, что тот или иной товар по качеству относится к «категории люкс». Подобный маркетинговый подход не может не повредить престижу императорской семьи. С основными положениями и выводами статьи трудно не согласиться, однако некоторые установки нуждаются в коррективах, в дополнениях. Неясно, действительно ли «черный пиар» большевиков в отношении царской семьи был столь эффективен, каким это представляет нам автор статьи. Если большевистская пропаганда так успешно «удалила» Романовых из народной памяти, то зачем же надо было снести, например, Ипатьевский дом в 1977 г., опасаясь, что с приближением годовщин рожде-

ния и убийства Николая II здание может стать местом паломничества? (Агентурные сводки сообщали о том, что народ тайком ходил к зданию, люди крестились, ставили свечи.) С другой стороны, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. интерес к династии и к ее отдельным членам в российском обществе несомненно возрос. Об этом свидетельствуют множество книг, монографий, переиздание дневников, мемуаров, эмигрантской литературы на эту тему. Не только было проведено повторное расследование обстоятельств расстрела, но в 1993 г. по указанию Генерального прокурора Российской Федерации было даже возбуждено уголовное дело (правда, в 2011 г. оно закончилось практически ничем). Были найдены и идентифицированы останки убитых, на месте Ипатьевского дома был возведен Храм-на-Крови. Бывший император и члены его семьи были канонизированы РПЦ и торжественно похоронены. Так что рецензенту эта картина кажется менее «мрачной», чем автору статьи. Несомненно, однако, что как и в других странах постсоветского пространства, монархизм в России не представляет собой сколько-нибудь серьезное политическое течение.

Д. О. Гафаровски в своей статье изучает внешнеторговые эффекты участия России в Таможенном союзе (ТС) и в Едином экономическом пространстве (ЕЭП), динамику экспорта и импорта, состав товарного контингента. Хронологические рамки статьи охватывают период 2010–2013 гг., так что здесь еще не фигурируют Армения

и Киргизия, ставшие членами ЕЭП в 2014 и 2015 гг. Но думается, что их вступление вряд ли изменило кардинальным образом картину, следовательно, основные выводы автора мы можем считать уместными и сейчас. Цифры говорят о неоднозначном характере интеграции. Центром тяжести несомненно является РФ, с ее огромными сырьевыми ресурсами и экономическим потенциалом. Основную долю российского экспорта в страны ТС/ЕЭП составляют минеральные продукты, металлические изделия. В экспорте-импорте обрабатывающая продукция представлена очень слабо, что, по мнению автора, свидетельствует о малой интенсивности внутриотраслевой торговли. Динамика торговли тоже показывает некоторые колебания. К примеру, экспорт России в страны ТС/ЕЭП с 2012 на 2013 г. уменьшился примерно на 4000 млн долларов США, что означает почти 9%-ный спад. Также импорт в Россию из стран ТС/ЕЭП в 2013 г. составлял 7,1 %, из третьих стран 92,9 %. Хотя здесь, конечно, введение западных санкций против России в связи с украинским кризисом могло внести некоторые поправки в эти цифры и тенденции,

но пока рано говорить о всеохватывающем успехе «евразийской интеграции».

В конце необходимо отметить, что те авторы, которых здесь рецензент по той или иной причине не упомянул, своим участием в работе конференции внесли серьезный и ценный вклад в этот проект. Результат налицо, и, прочитав сборник, рецензент может только надеяться, что мечта профессора Дюла Свака, руководителя Центра русистики, осуществится, и данное начинание в будущем найдет себе последователей, организующих вторую и третью конференцию молодых русистов, и подобные встречи станут регулярными для общей пользы русистики и других общественных наук. И Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша не только стремится поддерживать высокий уровень проведенной в его стенах научной работы, но и развивать такие инициативы, как подготовка нового поколения специалистов. Он вполне может претендовать на то, чтобы его считали одним из творческих центров современной русистики в общеевропейском и даже во всемирном масштабе.

Rec.: *Alternativy, perelomnye punkty i smeny rezhima v istorii Rossii: Materialy pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii molodyh rusistov budapeshetskogo Centra rusistiki ot 19-20 maya 2014 g.* / Gl. red. D. Svak. Budapeshht: Russica Pannonicana, 2015. ISBN 978-9-6377-3098-6

Kolontari Attila – associate Professor of the Kaposvar University (Hungary); kolontari68attila@gmail.com

С. М. Рязанов, Д. М. Софьин

Рец.: Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г.: Сб. науч. статей / Под ред. А. Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2015. 274 с.; 232 с.

Россия и другие государства, расположившиеся на постсоветском пространстве, уже четверть века живут по конституциям, провозгласившим либеральную модель государственного устройства. Подобный демократический режим немыслим без законодательного представительного органа. Тем не менее 25 лет – достаточно небольшой срок по меркам тысячелетней истории России, а потому встает вопрос преемственности, поиска подобных представительных институтов в истории нашего государства.

Недавнее советское прошлое не дает нам примера парламента, обладавшего реальными законодательными полномочиями. Хотя СССР позиционировал себя как государство с республиканской формой правления и наличием выборного представительного органа, обладавшего, по всем советским конституциям, верховной властью, советская политическая модель отрицала принцип разделения властей, к тому же выборы были безальтернатив-

ными, и, как следствие, Верховный Совет СССР можно назвать парламентом лишь с большой натяжкой.

Далекое прошлое Новгородской республики, существовавшей в удельный период истории нашей страны, не только не является вдохновляющим примером, но может разочаровать в принципах демократии и парламентаризма как таковых. Постоянная борьба боярских кланов, патронатно-клиентские отношения, словно пришедшие из времен древнеримской республики, ловкое манипулирование институтом веча – всё это скорее является иллюстрацией к известной статье К. П. Победоносцева «Великая лож нашего времени». Новгородская практика наглядно демонстрирует, как под вывеской демократии на самом деле скрывается олигархическое правление.

Таким образом, единственный период парламентаризма, с которым мы можем связать современный российский конституционализм, – десятилетие дуалистической монархии (1906–1917). Из опыта первого российского парламента, состоявшего, как и в нынешней России, из двух законодательных палат, можно попытаться извлечь исторические уроки и чему-то научиться у наших предков.

Неудивительно, что именно парламент Российской империи стал

© Рязанов С. М., Софьин Д. М., 2016

Рязанов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, библиотековедения и библиографии Пермского государственного института культуры (Пермь); s_ryazanov@mail.ru

Софьин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь)

стержневой проблемой для конференции «Таврические чтения», ежегодно проходящей под эгидой Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ с 2007 г. С каждой новой конференцией круг участников, а вместе с ним и диапазон тем постоянно расширяется.

Сборник, вышедший по итогам «Таврических чтений – 2014», состоит из двух частей и девяти разделов, в которых парламентаризм выступает не только как объект исследования, но и как связующая нить, на которую нанизываются как важнейшие вехи истории России XIX – начала XX в., так и вопросы новейшей истории стран Содружества Независимых Государств.

Наиболее оригинальным в плане раскрытия проблем парламентаризма представляется первый раздел сборника – «225 лет под сенью Таврического дворца: история, архитектура, живопись, литература». Очевидно, что история, в том числе история представительных институтов проходила и проходит не только во времени, но и в пространстве. А потому статьи искусствоведов, архитекторов, реставраторов позволяют обратиться к Государственной Думе с новой, неожиданной стороны – не как к политическому образованию, но как к учреждению, занявшему здание Таврического дворца, плотно вошедшего в историческую и политическую традицию России.

Второй раздел посвящен процессу думских выборов начала XX в. Статьи раздела отражают особенности выборов в трех регионах России:

Санкт-Петербургской губернии (А.В. Костылев), Владимирской губернии (И.В. Омелянчук) и Приморской области (В.Л. Землянский).

Третий раздел «Парламент, правительство, общество: опыт взаимодействия» отличается большим разнообразием политических сюжетов, чем предыдущий. Его открывает статья П.И. Костогрызова, посвященная взгляду Л.А. Тихомирова на российский парламент. Автор работы, к сожалению, использует лишь публицистику мыслителя. Письма консерватора и особенно его дневники, где Л.А. Тихомиров менее стеснялся в суждениях, прошли мимо внимания историка. При этом творчество русского консерватора сложно назвать малоизученным, но П.И. Костогрызов игнорирует довольно обширную исследовательскую литературу. Единственное исключение автор делает лишь для статьи Л.Ю. Костогрызовой.

В статьях Я.А. Седовой и К.В. Романчук рассматриваются дискуссии в Думе по отдельным острым проблемам того времени: финляндскому вопросу и деятельности частных учебных заведений. Работа А.А. Чемакина освещает деятельность в последнем созыве Государственной Думы фракции «диких прогрессистов» – представителей Независимой группы, весьма экзотических парламентариев и по взглядам, и по поведению, и даже по внешнему виду. Нельзя не согласиться с автором, выразившим сожаление, что данное депутатское объединение, добавлявшее изюминку в практику российского парламентаризма,

является малоизученным. Лидер группы М. А. Караулов ходил на думские заседания в черкеске, вооруженный несколькими кинжалами, депутат П. Ф. Мерщий щеголял в малороссийской вышиванке, еще один «дикий прогрессист» Н. А. Мирошниченко, хотя и не выделялся внешним видом, но зато успел побывать в рядах трудовиков, потом октябристов, а затем и «в других фракциях вплоть до мусульманской, но души нигде не нашел».

В. А. Дёмин и К. А. Соловьев анализируют взаимоотношения членов IV Думы с правительством. В публикациях демонстрируется неуклонное возрастание амбиций парламентариев, их стремление расширить права Государственной Думы. Желание депутатов ограничить прерогативы верховной власти императора явно противоречило Основным Государственным Законам Российской Империи 1906 г. и в условиях Первой мировой войны, раскалывая общество, подрывало обороноспособность страны. Вновь проблему «Дума–общество» поднимает статья И. К. Кирьянова, рассматривающая данную палату первого русского парламента в качестве явления политической повседневности и ее влияние на всеобъемлющую политизацию общества.

Отдельный (четвертый) раздел сборника материалов специально посвящен конституционно-демократической партии: статьи Ф. А. Селезнева и Д. В. Щукина – взглядам кадетов на внешнюю политику накануне Первой мировой войны, работа Н. А. Портнягиной – их

отношению к революционному террору. Завершающая статья Ф. А. Гайдды раскрывает причины и ход «правого раскола» в кадетской партии.

Замыкает первую часть раздел «Региональные аспекты российского парламентаризма». Темы статей в основном сводятся к деятельности депутатов из различных регионов России (Северо-Западного края, Рязанской, северных и уральских губерний). Несколько выбивается из общего ряда источниковедческая статья Р. А. Циунчука о мемуарах Э. Войнилловича, члена Государственного Совета по избранию от Минской губернии, как источнике по истории российского парламентаризма.

Надо сказать, что проблема Первой мировой войны проходит красной нитью через все разделы сборника. Оно и не удивительно: в 2014 г. во всем мире отмечалось столетие с ее начала, к тому же геополитическая обстановка последних лет располагает к размышлениям о глобальных конфликтах недавнего прошлого. Безусловно, есть и объективные причины: невозможно рассматривать деятельность IV Думы вне связи с внешнеполитическими событиями. Шестой раздел сборника, с которого начинается вторая часть, специально посвященный российскому парламенту в годы Первой мировой войны, оказался самым большим. Статьи, объединенные в этом разделе, весьма разнородны. Работа Д. В. Аронова раскрывает применение методологии социологического позитивизма к исследованию либеральных законопроектов времен Первой

мировой войны, статья А.Н. Мичурин — дискуссии в Государственном Совете вокруг подоходного налога. Д.И. Раскин рассмотрел деятельность комиссии по военным и морским делам Государственной Думы, В.Е. Кельнер и М.А. Заплата — «еврейский вопрос» в жизни парламента. И.В. Лукоянов изучил организацию «санитарной части» на фронте В.М. Пуришкевичем, М.В. Родзянко и другими членами Государственной Думы. Работа Е.Е. Петровой показывает, как думские деятели в конце 1916 г. стремились использовать для давления на императора членов Дома Романовых, достигая в этом определенных результатов. Статья С.В. Холяева раскрывает деструктивные действия думской оппозиции в канун трагических событий конца февраля 1917 г., убедительно деконструирует довольно устойчивый миф о «прозорливости» либеральных оппозиционеров. П.Н. Гордеев и А.Б. Николаев посвятили свои статьи деятельности членов Государственной Думы во время и после февральских событий 1917 г.

Седьмым разделом стала традиционная для конференции «Таврические чтения» рубрика — «Парламентская биографика». Большинство сюжетов напрямую касаются политической жизни России. Так, статья А.С. Соколова рассматривает деятельность А.С. Салазкина в качестве члена Государственной Думы IV созыва. В.В. Кара-Мурза описывает поездку П.Н. Милюкова в США в 1908 г. и восторженный прием, оказанный там лидеру кадетов. Автор показывает, как российский оппозиционный парламентарий не стес-

нялся критиковать за границей правительство своей страны и даже возводить на российскую власть бездоказательные обвинения в организации погромов. Историк также отмечает резко негативную реакцию многих думцев на столь неподобающее поведение своего коллеги.

Назначение товарища председателя Государственной Думы А.Д. Протопопова главой Министерства внутренних дел рассматривает в своей статье С.В. Куликов. Автор показывает, как назначение думского деятеля на один из ключевых министерских постов, осуществленное императором Николаем II в духе «наведения мостов» с «Прогрессивным блоком», не только не сблизило либеральную оппозицию с правительством, но обернулось резко негативным отношением думцев к самому А.Д. Протопопову, своему бывшему коллеге и приятелю. Отношение к Германии и немцам лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова накануне, во время и после Первой мировой войны стало темой статьи А.А. Иванова.

В то же время статья Т.Г. Фруменковой посвящена члену Государственного Совета В.В. фон Валью, но не как государственному деятелю, а как управляющему в 1896–1901 гг. женским Ксенинским институтом в Санкт-Петербурге. При этом членом Государственного Совета В.В. фон Валь будет назначен только в конце 1903 г., и до преобразования Совета из законосовещательного учреждения в законодательную палату будет еще далеко.

Восьмой раздел освещает развитие парламентаризма в СНГ на совре-

менном этапе. Ныне в здании Таврического дворца располагается Межпарламентская ассамблея СНГ, а потому новейшая история не может быть обойдена вниманием. Заключительный раздел рассматривает исторический опыт западных парламентских режимов.

Таким образом, материалы «Таврических чтений – 2014» будут интересны не только исследователям российского парламентаризма начала XX в., но и историкам, занимающимся изучением других стран и хронологических отрезков, а также архитекторам, искусствоведам, культурологам.

Rec.: Tavrisheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavrisheskii dvorec, 11–12 dekabrya 2014 g.: Sb. nauch. statei / Pod red. A. B. Nikolaeva: v 2 ch. SPb.: ElekSis, 2015. 274 s.; 232 s.

Ryazanov Sergey M. – candidate of Historical Sciences, associate Professor of the Department of documentation science, library science and bibliography of the Perm State Institute of culture (Perm)

Sofin Dmitry M. – candidate of Historical Sciences, associate Professor of the Modern history Department of Russia Perm State national research University (Perm)

Т. В. Чумакова

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ «РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ*

Открытие новой экспозиции «Русское православие» состоялось в Государственном музее истории религии в самом конце 2015 г. Экспозиция рассказывает об особенностях православия как восточной ветви христианства, о православном вероучении и культе, о монастырях и монашестве на Руси, о почитании святых и Богородицы, о православном богослужении и таинствах. Экспозиция знакомит посетителей также с основными этапами истории Русской православной церкви, начиная с крещения Руси и заканчивая началом XXI в. В исторических разделах освещается история церковно-государственных отношений в России. По сравнению с прежней

(2001–2014 гг.), новая экспозиция впервые продолжена до современности (ранее она заканчивалась 1917 г.).

Экспозиции, посвященные православию, были представлены в Музее истории религии всегда, с первых лет его существования (см. *Шахнович, Чумакова 2014*). Изменения экспозиций отражали изменения, происходившие в государственной идеологии, которую музейщики не могли игнорировать, но основным принципом построения экспозиций по истории православия всегда был историко-тематический принцип (*Емелях 1981*). Отличия, конечно, есть, и достаточно существенные: если ранее в экспозиции было представлено достаточно много материалов, посвященных истории свободомыслия, антиклерикальным настроениям и истории атеизма (*История православия... 1960; Музей истории религии... 1981*), либо, напротив, религиозной критике свободомыслия (так,

© Чумакова Т. В., 2016

Чумакова Татьяна Витальевна – доктор философских наук, профессор СПбГУ (Санкт-Петербург), t.chumakova@spbu.ru

* Рецензия подготовлена в рамках реализации проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX в.».

например, экспонировалась копия фрески, сделанной в 1883 г. в церкви села Тазова Курской губернии, «Лев Толстой в аду»), то в современной экспозиции эти темы максимально сглажены.

Обращает на себя внимание, что в новой экспозиции выставлено большое количество экспонатов, которые впервые выявлены в фондах, атрибутированы сотрудниками ГМИР и отреставрированы в реставрационных мастерских музея; появилось много новых тематических разделов, которые позволяют более полно представить посетителю разнообразные аспекты жизни Русской православной церкви. Также активно используются современные мультимедийные музейные технологии, что дает возможность внимательному посетителю подробно ознакомиться с проблемой.

Экспозиция открывается комплексом, посвященным «Крещению Руси». Икона «Святой апостол Андрей Первозванный» иллюстрирует летописную легенду о «хождении» апостола Андрея Первозванного по славянским землям от Киева до Новгорода. Авторы раздела стремились раскрыть исторические предпосылки и причины принятия христианства на Руси в конце X века. Большое внимание уделено влиянию христианства на культуру восточных славян после вхождения их земель в Pax Christiana.

В музее хранится большая коллекция произведений искусства (картины, фрески, скульптура, рисунки) (см. Русское искусство в собрании... 2007), и традиционно, с момента

открытия музея, она активно используется в экспозициях. Вспомогательные некоторые экспозиции ГМИРа, которые приходилось видеть в последние полтора десятилетия, хочется отметить, что иногда желание создателей экспозиции показать все те замечательные картины и скульптуры, которые могут рассказать о том или ином религиозном феномене, заслоняло основную задачу — популярное, но в то же время достаточно информативное изложение сути данного феномена. Конечно, тут необходима умеренность, и понимание того, что, экспонируя историческую живопись XIX–XX вв., мы заставляем посетителя смотреть на историю религии глазами художника определенной эпохи. В новой экспозиции «Православие» можно видеть много картин; так, в первом блоке представлена картина исторического живописца И. Л. Эггинка «Выбор веры» (1822), сюжет которой основан на легенде «о выборе вер», изложенной в «Повести временных лет». На ней художник изобразил четыре посольства, которые прибыли к князю Владимиру из Волжской Булгарии, Рима, Хазарии и Византии. Владимир изображен принимающим из рук грека Евангелие. Изображение крестителя Руси можно видеть и на представленной в экспозиции недавно отреставрированной иконе «Св. князь Владимир» из деисусного чина. Рассказ о крещении киевлян в водах Днепра иллюстрирует горельеф И. П. Витали «Крещение киевлян» (1855). Впервые экспонируемая картина А. И. Транковского «Князь Владимир и царевна Анна», икона «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные», в среднике

которой изображен первый русский иконописец Алипий, скульптура М. М. Антокольского «Нестор-летописец», культовое медное литье XII–XV вв., по замыслу авторов экспозиции, рассказывают о первых столетиях христианства на Руси и о влиянии христианства на становление отечественной культуры.

Конечно же, в экспозиции, рассказывающей об истории православия в России, нельзя было обойтись без рассказа о книжности, о создателях славянской азбуки и переводчиках богослужебной литературы на славянский язык, святых, почитаемых как в православии, так и в католицизме, равноапостольных Кирилле и Мефодии. Их образы можно видеть на представленной в соответствующем разделе иконе конца XIX в. «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий в житии». В экспозиции присутствует и один из древнейших памятников славянской книжности — факсимильное издание Остромирова Евангелия.

В разделе представлены также коллекция медалей с изображениями первых русских князей, начиная с Рюрика, из серии «История Российского государства в портретах русских государей», которая была создана в 1768–1774 гг. по заказу Екатерины II. Появление в экспозиции этих медалей, по всей вероятности, связано с тем, что история православия в России у нас осмысливается прежде всего как история церковно-государственных отношений, и тесно увязывается с историей власти. На экранном пространстве над витриной демонстрируется фильм «Храмы Древней Руси».

В разделе «Православное вероучение» представлены иконы «Троица Новозаветная», «Троица Ветхозаветная», «Шестоднев», в которых символически раскрываются основные положения православной догматики. Украшением этого раздела является большеформатная икона «Страшный суд».

В экспозиции также есть и аллегорические иконы, игравшие прежде всего дидактическую роль. В отечественной традиции они получили распространение с конца XVI столетия, когда появляется много произведений, посвященных анализу человеческой телесности, психосматики человека, его смертности и бессмертия и т.д. От этого времени сохранились иконы, повествующие о пути человека к смерти, книжная миниатюра и несколько позже — «народные картинки» (лубок). Одним из первых подобные образы описал А. С. Уваров, в собрании которого они и находились (Уваров 1910). Иконографическую основу подобных икон составляют: «Слово от видения апостола Павла», молитвы на успение, а также другие произведения, основной темой которых были «путь человеческий» и «память смертная». Представленная в экспозиции ГМИР аллегорическая икона «Бренность жизни» напоминает об этих образах. Там же представлена и другая аллегорическая икона «Душа чистая». Это очень популярный с XVI столетия сюжет, позже активно использовавшийся авторами лубков и старообрядческими иконописцами. Женская крылатая фигура с короной на голове истолковывается обычно двояко: и как образ Богоро-

дицы, и как символ Церкви, впрочем, одно другому вовсе не противоречит, поскольку в христианской традиции Богородица сама выступает символом церкви. Икону (или лубок) обычно дополняют другие аллегорические изображения, восходящие к «Апокалипсису» Иоанна Богослова.

Отдельный раздел экспозиции посвящен «Почитанию Богоматери» в православии. Представленные здесь иконы – «Богоматерь Тихвинская с житийными клеймами» (вторая половина XVIII в.), «Богоматерь Владимирская» (1701 г., К. Уланов), «Богоматерь Смоленская» (1693 г., Я. Рокитин), являются наиболее почитаемыми в народе образами, связанными с различными событиями русской истории. Две последние иконы, созданные иконописцами Оружейной палаты Московского Кремля, относятся к числу редко встречающихся в православном искусстве подписных икон. В экспозицию включены две аллегорические иконы, в основу иконографии которых были положены богородичные песнопения и молитвы: «Величит душа моя Господа» и «Что Тя наречем». О традициях народного почитания Богородицы напоминают предметы декоративно-прикладного искусства с изображением Богородицы (шитые иконы из бисера, эмалевые образки).

Создатели экспозиции постарались также рассказать о культуре святых, выбрав для этого наиболее любимых народом: Николая Мирликийского, Георгия Победоносца и Параскеву. Как и в предыдущих экспозициях, экспонируются не только

иконы, но и редкая деревянная полихромная скульптура. Так, представлена икона XVI в. Николая Чудотворца, деревянная полихромная скульптура XVIII в. «Святой Николай Можайский» и деревянная скульптура XVII в. «Параскева Пятница». В разделе также выставлена специально отреставрированная для новой экспозиции большая икона XVII в. «Святые князья Борис и Глеб в житии». Стремясь максимально широко представить различные детали культа святых и его место в богослужебной практике, авторы экспозиции уже традиционно представили и минейные иконы, которые служили своего рода живописным церковным календарем. Представленная в разделе минейная икона на май из собрания ГМИР выполнена в технике ростовской живописи на эмали – финифти.

Конечно же, рассказ о почитаемых на Руси святых был бы неполон без юродивых. Картина К.В. Лебедева «Христа ради юродивый» изображает одного из самых известных юродивых – Василия Блаженного, жившего во времена Ивана Грозного и прославившегося своими смелыми обличениями царя и его опричников.

Следующий раздел экспозиции «Монастыри и монашество на Руси» рассказывает об основателях крупнейших русских обителей. Представлены иконы «Антоний и Феодосий Печерские» (XVIII в.), житийная икона «Преп. Сергей Радонежский» (начало XX в.), «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие» (XVIII в.), «Преподобный Кирилл Белозерский» (XVII в.)

и др. Большинство икон с изображениями преподобных создавались в монастырских иконописных мастерских.

В экспозицию включены предметы, связанные с Соловецким монастырем: оловянные потир и дискос 1775 г. с дарственной надписью архимандрита Геннадия; «Распятие» XVII в., колокол и монастырский Синодик. Представленные в разделе пушка, ядра, пики и бердыши из Соловецкого монастыря наглядно показывают, что монастыри на Руси были не только «крепостями духовными», но и могли играть роль фортификационных сооружений. О 16-месячной обороне Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. напоминает картина художника С. Д. Милорадовича. Кратко рассказывается о монастырских тюрьмах, которыми больше всего «прославились» Соловки и Спасо-Евфимиев монастырь. К сожалению, в экспозиции не упоминается знаменитое Соловецкое восстание 1668–1676 гг. Возможно, это связано с тенденцией к сглаживанию церковно-государственных отношений в истории России, со стремлением представить их «симфонически».

О монашеской жизни рассказывают экспонаты, расположенные в витрине, представляющей собой реконструкцию монашеской кельи. Облачение схимника, тяжелые вериги, скульптура «Нил Столбенский» являются наглядной иллюстрацией аскетизма как монашеского идеала. В экспозиции находятся также постригальные ножницы, параман и параманные кресты. На экране в витрине демонстрируется

мультимедийная программа «День монаха», рассказывающая о повседневной жизни монахов в православных обителях.

Не обошли вниманием устроители экспозиции и тему женской святости и женской монастырской жизни в России. Живописная икона начала XX в. изображает преподобную Анну Кашинскую, история официального прославления которой является одной из самых сложных и драматичных в истории русской православной церкви. В ходе работы над экспозицией был собран большой материал по теме «Монастырские промыслы», в витрине представлена паломническая сувенирная продукция различных монастырей: деревянные резные иконки и кресты, эмалевые образки, шитье и др.

Рассказ о православном богослужении начинается с объяснения устройства православного храма и высокого иконостаса. В центре иконостаса расположены Царские врата, через которые во время службы в алтарь входят священнослужители. В экспозиции представлены царские врата XIX в. с изображением на них сцены «Благовещение» и четырех евангелистов, а также сень над ними с изображением таинства евхаристии. О евхаристии и литургии рассказывается с помощью предметов, использующихся во время литургии: напрестольные Евангелие и крест; дарохранительница, потир, дискос, звезда, тарели и воздухи. Большинство этих богослужебных предметов выполнены из серебра в известных мастерских Москвы и Санкт-Пе-

тербурга в XVIII–XIX вв. Так, находящееся в экспозиции на престольное Евангелие выполнено в 1844 г. в известнейшей московской фирме И. П. Сазикова.

Представленные в этом разделе три полных облачения православных священнослужителей — дьякона (стихарь и орарь), священника (подризник, фелонь, набедренник, камилавка) и епископа (саккос, палица, митра) — по замыслу авторов экспозиции, иллюстрируют таинство священства. Надо отметить, что новая экспозиция «Русское православие» более подробно по сравнению с прежней знакомит посетителей с православными таинствами. Так, в экспозиции этого раздела представлена купель, нательные крестики, прибор для миропомазания, брачные венцы и венчальные свечи, свидетельство об исповеди. В разделе впервые выставлен уникальный предмет, хранящийся в фондах ГМИР — ковш с длинной рукоятью для разливания святого миро.

В экспозиции появился еще один новый раздел — «Православные праздники», в котором представлены иконы двенадцатых праздников. Это иконы из праздничного ряда иконостаса, выполненные в начале XX в. в мастерской мстёрского иконописца М. И. Дикарева: «Благовещение», «Рождество Христово», «Сретение», «Воскрешение Лазаря», «Вход Господень в Иерусалим», а также две иконы XVIII в. — «Воскресение Христа (Сошествие во ад)» и «Успение Богоматери». В экспозицию включены материалы, которые рассказывают о религиозном

аспекте царского / императорского служения в России. Это новый раздел экспозиции «Помазанники Божии». Акцент сделан на средневековом учении о власти. При просмотре экспозиции вспоминаются труды Иосифа Волоцкого, создавшего целостное учение о царской власти. Основываясь на евангельских текстах (Мф. 22), Волоцкий обосновывает необходимость жесткого разделения властей, и выдвигает на первый план идею служения. Согласно этой идее князь, отрекаясь от личной воли, осуществляет свою миссию как монашеское послушание. Но при этом он несет не только земную ответственность за свои деяния и деяния своих подданных, но и мистическую. В еще большей мере это касается царя — помазанника Божьего, облеченного властью Богом и невольного даже отречься. Впрочем, вспоминаются и сочинения Ивана Грозного. «Грозный царь», считая, что самим Богом ему поручен надзор не только над телами, но и над душами подвластных людей, считал, что может вмешиваться и в церковные дела, поскольку перед ним все равны. В разделе представлены экспонаты, рассказывающие в основном о церковно-государственных отношениях в период правления династии Романовых: начиная от «симфонии» времен царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета (центральный экспонат раздела — декоративное блюдо «Коронация Михаила Федоровича на царство в 1613 году»), до времени правления императора Александра III (картина И. К. Макарова «Христос благословляет семью Александра III» и хромотографии, изображающие

коронацию и миропомазание императора Александра III).

В экспозиции также представлены предметы, связанные с ключевыми событиями в жизни российских императоров: экспонируется мерная икона «Святой Александр Невский», выполненная после рождения будущего императора Александра II (1818–1881), и деревянный напестольный крест из церкви Аничкова дворца, в клеймах которого изображены взрыв бомбы на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. и император Александр II на смертном одре. В экспозиции также представлена икона «Богородица Всех скорбящих радость с грошиками и избранные святые», написанная в честь спасения императорской семьи Александра III во время крушения поезда в Борках 17 октября 1888 г.

В экспозиции представлены также дары и вклады императоров в различные церкви и монастыри, в частности серебряная дарохранильница (1737 г.) и брачные венцы, подаренные императрицей Анной Иоанновной ко дню венчания племянницы императрицы Анны Леопольдовны с принцем Антоном-Ульрихом в 1739 г.

К сожалению, в экспозиции не представлена картина, которая много лет экспонировалась в ГМИИ-Ре, а сейчас вернулась в фонды. Это полотно, выполненное по заказу игумена Воскресенского монастыря и идейного вдохновителя «Союза русского народа» игумена Арсения (Алексеева), — «Дни отмщения постигоша нас, покаемся, да не ис-

требит нас Господь» достаточно хорошо иллюстрирует концепцию царской власти и идею «симфонии». В центре картины в столбе света, символизирующем потоки благодати — силы, идущей от Бога, изображена коленопреклоненная молящаяся императорская семья, вокруг нее стоят «верные» — рядовые черносотенцы и крупные деятели черносотенного движения. Они символизируют ангельские силы, собравшиеся, чтобы защитить «мир Божий» от «дьявольских сил» революции. Именно как исполнение божественного замысла понимал цель «Союза русского народа» его основатель игумен Арсений, который писал: «Господь вложил мне благую мысль оказать противостояние революции открытием Союза Русского Народа» (Хижий 2005). Эта мысль подтверждается надписью на картине: «Ныне по примеру ангелов защищают Царскую власть от бесов главные учредители Союза Русского Народа... В священных книгах сказано, что, когда люди уклонялись в идолопоклонство, Бог истреблял их». Последнее предложение говорит о целях движения — это уничтожение «бесов», к которым относятся все те, кто не поддерживает царскую власть (среди «бесов» на картине можно видеть и писателя Льва Толстого). Картина удивительно точно воспроизводит схему рассуждений черносотенцев и их современных последователей: культ любой власти, поддерживающей православие (при этом всякой высшей власти приписывается божественное происхождение, и таким образом даже Сталин становится для современных православных радикалов «защитником правосла-

вия») и демонизация всех ее реальных и потенциальных противников.

В разделе, посвященном истории Церкви в XII–XVII вв., основная часть экспонатов – картины русских художников второй половины XIX в. Государственный музей истории религии обладает коллекцией исторической живописи, представленной именами М.В. Нестерова, В.М. Васнецова, А.В. Маковского и др. Многие полотна экспонируются в экспозиции впервые, как, например, картина М.В. Нестерова «Святой князь Александр Невский», на которой князь изображен молящимся перед иконой Богоматери.

В разделе рассказывается о деятельности церкви в годы монголо-татарского ига и ее роли в борьбе против Золотой Орды. Привлекает внимание центральный экспонат, посвященный этой теме, – картина В.М. Васнецова «Битва на Куликовом поле» (1915), где в первых рядах воинов изображены сражающиеся за свободу Руси монахи Пересвет и Ослябя, посланные Сергием Радонежским в войско Дмитрия Донского. Картина В.М. Васнецова «Митрополит Алексей» изображает выдающегося церковного деятеля конца XIV в., много сделавшего для объединения Руси вокруг Москвы. С именем первого московского митрополита Петра (икона Н.С. Емельянова «Св. митрополит Петр в житии») связан перенос митрополичьей кафедры в Москву. К сожалению, религиозный аспект темы «монголо-татары и Россия» раскрыт не полностью.

Можно было бы рассказать о том, как менялось отношение к монголо-татарскому игу от его восприятия как казни Божьей и сотрудничества церкви с ордынскими властями и до борьбы с ордынцами. В экспозиции нашел отражение лишь последний момент.

Впервые в экспозиции выставлен после реставрации макет колокольни Ивана Великого. Использование макетов в экспозиции было традиционным для МИРА с первых лет его существования, и возвращение макетов в экспозицию кажется верным решением.

В этом разделе также представлены материалы, характеризующие роль Церкви в централизации Русского государства в XV–XVI вв. Ключевой фигурой истории Руси этого периода является царь Иван IV (Грозный). На картине В.В. Пукирева «Иван Грозный в молельне» (1884 г.) художник постарался отобразить противоречивую личность царя: гимнаста, книжника, молитвенника и кровавого тирана. Царь стремился установить контроль над разными сферами жизни, упорядочить светскую и духовную жизнь страны. При нем делаются первые попытки реформирования правовой системы, а также создается множество произведений, определяющих границы и структуру культурного локуса «Святой Руси» – богоизбранной страны, в реальном пространстве которой сбываются древние пророчества и строится Небесный Иерусалим, и тут можно вспомнить «Сказания о князьях Владимирских», «Стоглава», «Степенную книгу царского родословия», «Домострой»,

а также «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, современная икона которого представлена в экспозиции. Памятники, которые перечислены выше, в экспозиции никак не представлены, что, возможно, объясняется ограниченностью выставочного пространства. В экспозицию также включены материалы, рассказывающие об установлении патриаршества в период правления царя Федора Иоанновича: литография «Первый русский патриарх Иов».

Специальный раздел посвящен Смуте XVII в. В нем находится икона начала XX в., написанная, скорее всего, к празднованию 300-летия дома Романовых, изображающая патриарха Гермогена, который в 1612 г. призывал к всенародному восстанию против интервенции Речи Посполитой и был заключен за это в Чудов монастырь, где умер от голода.

Богослужебная реформа патриарха Никона и порожденный ею церковный раскол нашли отображение в разделе «Церковный раскол середины XVII в.». В экспозиции имеются материалы, рассказывающие о патриархе Никоне: икона «Кийский крест с предстоящими» середины XVIII в. Эта икона напоминает об обете патриарха: в память о своем чудесном спасении у о-ва Кий поставить там монастырь св. Креста. Для этого монастыря был создан огромный крест-мощевик («Кийский крест») «из древа кипарисного в высоту и ширину во всем подобен мерою Кресту Христову» (цит. по: *Лютлова, Щедрина* 2006: 691). Одновременно начинают создаваться иконы

на сюжет «Поклонение кресту»: на них изображаются равноапостольные император Константин и императрица Елена, благодаря которой, согласно преданию, был обретен крест, на котором был распят Христос; ниже, по двум сторонам креста, царь Алексей Михайлович с супругой и патриарх Никон. И по пути следования Кийского креста из Москвы на Белое море ставятся и освящаются кресты. Всё это похоже на новое крещение Руси, предпринятое патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем. ГМИРовская икона представляет собой список конца XVIII в. с иконы XVII столетия, ныне хранящейся в Государственном историческом музее. О печальном конце патриаршества Никона напоминает картина С. Д. Милорадовича «Суд над патриархом Никоном». Суть реформ, произведенных Никоном, иллюстрирует произведение неизвестного художника XVIII в. «Спор о вере».

В экспозиции собрано большое число материалов по старообрядчеству, которому посвящен отдельный раздел экспозиции. На иконе начала XX в. мы можем видеть образ почитаемого староверами как священикомученика протопopa Аввакума. Большую часть представленных в данном разделе экспонатов составляют поморские памятники. Здесь представлены, в частности, памятники культового медного литья — кресты, иконки, складни, изготовленные в мастерских Выговского монастыря (центр поморского старообрядчества на Русском Севере в XVIII — первой половине XIX в.), а также в литейных мастер-

ских, принадлежавших Московской Преображенской федосеевской общине: резные деревянные доски и кресты; костюм старообрядки, лестовки, рукописные книги. Экспозицию дополняет живопись русских художников. На картине художника В.А. Кузнецова «Божьи люди» (1918) изображена группа уральских старообрядцев-беспоповцев в традиционных костюмах: женщины – в сарафанах и платках, мужчины – в кафтанах, у большинства в руках – лестовки и подручники. Картина Г.Г. Мясоедова «Самосжигатели» рассказывает о традиции «огненной смерти» (гари), случаи которой фиксировались вплоть до XIX столетия. Распространению самосожжений способствовало усиление эсхатологических настроений, на мученическую смерть в огне добровольно шли многие старообрядцы, чтобы не попасть «в руки антихристовы». На картине неизвестного художника второй половины XIX в. изображен Иван Матвеевич Ястребов (ум. в 1853 г.) – священник Рогожской старообрядческой общины в Москве.

Следующий раздел экспозиции знакомит посетителей с Синодальным периодом в истории Русской православной церкви. В XVIII столетии император Петр I упразднил патриаршество и учредил Синод. В экспозиции можно увидеть первое издание «Регламента, или Устава духовной коллегии» (1721); портфель обер-прокурора Синода; гравированный портрет епископа Феофана Прокоповича, сподвижника Петра I по проведению церковной реформы. Литография «Перенесение мощей св. Александра Невского

из Владимира в Санкт-Петербург» иллюстрирует одно из ключевых событий в религиозной жизни Петербурга, которое произошло в 1724 г. и в котором принял участие сам император.

В центральной витрине этого раздела выставлено «Зерцало» – обязательная принадлежность судебных и других присутственных мест послепетровского периода. На трех его гранях располагались тексты самых важных указов императора, Сената или Синода, чтобы все чиновники и подданные Российской империи могли с ними ознакомиться. О том, что Екатерина II продолжила церковно-государственную политику Петра I – при ней началась секуляризация церковного имущества, напоминает «Высочайший Манифест от 29 февраля 1764 г.».

В разделе рассказывается также об основных исторических моментах жизни православной церкви в России в XIX – начале XX в. Атмосферу «синодального православия» устроители экспозиции постарались передать с помощью нескольких живописных произведений второй половины XIX в.: портрета московского митрополита Филарета (Дроздова) работы неизвестного художника; иконы «Святые Козьма и Дамиан» («А.С. Пушкин и В.И. Даль в виде святых Косьмы и Дамиана») (70-е гг. XIX в.); картины неизвестного художника второй половины XIX в. «Н.В. Гоголь у отца Матвея», а также скульптуры «Лев Толстой и Христос».

Вторая половина XIX в. – это время расцвета русского миссионерства.

В экспозиции размещены современная икона «Святой Николай Японский», а также посох и наперсный крест, принадлежавшие отцу Иоакиму (Бичурину), начальнику Пекинской духовной миссии в начале XIX в.

Одной из важных задач православного духовенства в XIX в. стало духовное образование и катехизация прихожан. В экспозиции представлены: скульптура XIX в. «Священник беседует с ребенком», «Программа учебных предметов для церковно-приходских школ», «Православный катехизис» и популярные книги для народа о житиях святых издательства И. Д. Сытина.

В небольшой специальной витрине впервые представлены экспонаты, посвященные теме «Паломничество в Святую землю»: это различные сувениры, изготовленные в Палестине и привезенные паломниками на память о посещении святых мест — перламутровый наперстный крест, терновый венец, освященный на гробе Господнем, иконки, написанные на кости рыб из Тивериадского озера и т. д. Представлена также кружка для сбора пожертвований Императорского Православного Палестинского общества, учрежденного в 1881 г. по распоряжению Александра III. Заканчивается этот исторический раздел экспозиции материалами, посвященными революционным событиям начала XX в. В экспозиции этого раздела представлены портреты двух наиболее значимых церковно-религиозных деятелей этого времени: обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и протоиерея

Иоанна Кронштадтского. Каждый из них по-своему пытался противостоять усилению религиозного свободомыслия в стране, которое они оба считали основной причиной революционных настроений. Для возрождения религиозных чувств в народе в 1903 г. по инициативе императора Николая II была проведена канонизация Серафима Саровского, житийная икона которого представлена в экспозиции.

Тематический раздел «Народное православие» рассказывает о «мужицкой» религиозности, в которой своеобразно сочетались различные религиозные верования и практики. Музейщики постарались представить полный спектр народной религиозности: от широко распространенных традиционных религиозных обрядов (вроде крашения яиц на пасху) до магических верований (картина С. Д. Милорадовича «Гадание на картах»). В экспозиции выставлена коллекция пасхальных яиц, изготовленных из самых разных материалов (папье-маше, стекло, фарфор) и картина С. Д. Милорадовича «Мальчик, красящий пасхальные яйца». На картине А. В. Маковского «Крестный ход на Флора и Лавра» изображено красочное народное гулянье в русской деревне во время празднования дня святых Флора и Лавра, которые на Руси почитались как покровители лошадей, картины художника К. В. Лебедева изображают молебен в поле (1882) и молебен в избе (начало XX в.). На картине Н. С. Матвеева «Пожар» мы видим крестьянку, держащую в руках икону Богородицы «Неопалимая купина», которая в народе считалась заступницей при

пожарах. Икона «Святой Вонифатий» изображает святого, которому молились об исцелении от пьянства и распутства. Возможно, стоило бы дополнить это показом какого-нибудь распространенного народного действия, вроде «похорон кукушки».

Еще один тематический раздел экспозиции посвящен теме «Церковь и армия». В экспозиции представлены: иконы из иконостаса полковой церкви конца XIX в., на которых, в частности, изображены Архангел Михаил и святой Георгий Победоносец, считавшиеся покровителями русского воинства; икона «Спас Нерукотворный», выполненная к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. по заказу московских ремесленников; икона в киоте «Богоматерь от бед страждущих», которая была создана в 1896 г. к столетию Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. Вокруг средника иконы расположены 38 образков и иконок, которые, возможно, принадлежали донаторам.

В разделе экспонируется редкая икона «Явление Богоматери русским воинам в 1914 году», которая получила название «Августовское знамение» по месту явления образа Богоматери вблизи города Августов в Восточной Пруссии. В экспозиции можно также видеть наградные кресты священнослужителей, полученные за участие в Отечественной войне 1812 г. и Крымской войне 1853–1856 гг.

Последний исторический раздел экспозиции «Русское православие» охватывает период с 1917 г. до современности. Это был один из са-

мых сложных и драматических периодов в истории Русской православной церкви. 2 марта 1917 г. произошло отречение императора Николая II от престола. Почти в этот же день, согласно преданию, была обретена в селе Коломенском под Москвой чудотворная икона «Богоматерь Державная», один из списков которой представлен в экспозиции.

Важнейшим событием в истории Церкви явился Всероссийский Поместный собор РПЦ (август 1917 – сентябрь 1918 г.), восстановивший патриаршество в Российской церкви и положивший конец Синодальному периоду в истории РПЦ. Главой Церкви на этом соборе в декабре 1917 г. был избран патриарх Тихон (В.И. Беллавин), портрет его (фототипия 1917 г.) можно видеть в экспозиции раздела. Здесь же представлены одно из его «Посланий к духовенству и верующим» с призывом противодействовать мероприятиям новой власти, датированное январем 1918 г., и «Постановление Поместного собора Русской Православной церкви по поводу Декрета СНК об отделении церкви от государства» от 25 января 1918 г. Эти документы свидетельствуют об открытом противостоянии Русской церкви Советской власти в первые годы революции и Гражданской войны.

Церковь, отдельные представители которой активно участвовали в политической борьбе, после окончания Гражданской войны не только утратила свое привилегированное государственное положение, но и оказалась в роли гонимой.

В экспозиции можно увидеть икону «Воскресение Христа с праздниками», на обратной стороне которой есть надпись о том, что перед этой иконой молились в камере узники — петроградские священнослужители, арестованные по делу об изъятии церковных ценностей в июне 1922 г. Здесь же представлена фотография митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, расстрелянного в августе 1922 г. Икона «Святые преподобномученицы княгиня Елизавета и инокиня Варвара» (Т. Ф. Водичева, 2007) напоминает о расстреле членов императорской фамилии в июле 1918 г. Икона была написана по заказу музея и является уменьшенным авторским повторением иконы из иконостаса храма Новомучеников и исповедников Российских, построенного близ Алапаевска на месте убийства святых. На втором плане изображен храм Марфо-Мариинской обители, основанный великой княгиней Елизаветой Федоровной (сестрой последней русской императрицы Александры Федоровны) в 1909 г. в Москве. В нижней части иконы — шахта близ Алапаевска, куда в ночь на 18 июля 1918 г. были сброшены тела Елизаветы Федоровны, инокини Варвары и нескольких членов дома Романовых.

В начале 1920-х гг. Советское государство объявило о разворачивании массовой антирелигиозной пропаганды, направленной против всех религий. Представленные в разделе «Антирелигиозные плакаты» картины «У первого антирелигиозного плаката в деревне» (Д. А. Андреев, 1938), «Снятие креста с церкви» (Б. В. Смирнов, 1932),

макеты агитационных вагонов и антирелигиозные игрушки дают представление об антирелигиозной пропаганде в СССР в 1920–1930-х гг.

В экспозицию включены материалы, рассказывающие о возникшем в 1920-х гг. в Российской церкви на волне церковных реформационных настроений, обновленческом движении, которое возглавил митрополит Александр (Введенский). Представленная в экспозиции скульптура, изображающая митрополита (скульптор Е. А. Токарев), носит явно карикатурный характер. Книга из библиотеки музея «Христианство или коммунизм» посвящена его диспуту с А. В. Луначарским, который состоялся в Ленинграде в 1926 г.

Тема «Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» раскрыта как патриотическая, о чем свидетельствуют представленные в экспозиции материалы: текст речи митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) на молебне 26 июня 1941 г. (Правда о религии в России. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1942), в которой он выступил с призывом к защите Отечества; фотография «Передача духовенством военному командованию танковой колонны имени Дмитрия Донского, построенной на средства верующих и духовенства», которая состоялась 7 марта 1944 г. под Тулой; фотография «Священники, награжденные медалью “За оборону Ленинграда”». В разделе выставлена икона, написанная по заказу музея, на которой изображен архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий), знаковая

личность в Русской церкви середины XX в. В экспозиции никак не отражено сотрудничество священнослужителей с нацистами, хотя некоторые предметы, возможно, были изготовлены как раз на оккупированных территориях: в экспозиции представлено кадило, переделанное из гильзы снаряда, использовавшееся на территории Кингисеппского района Ленинградской области в 1942–1943 гг.

Одним из направлений идеологической работы КПСС в послевоенный период было развитие советской бытовой и праздничной обрядности, которая должна была отвлекать население от религиозных обрядов. В соответствии с этими требованиями в СССР интенсивно насаждались революционные, трудовые и другие праздники, было открыто большое количество Дворцов бракосочетания и Домов малютки. В экспозиции можно видеть панно «Советская гражданская обрядность» (В.С. Муратов, 1986), выполненное в традициях русской лаковой миниатюры. Это одно из шести панно, популяризовавших советские праздники и обряды, которые были изготовлены в конце 1980-х гг. для музея во Владимирских художественно-производственных мастерских.

Рядом с панно находится икона «Святая Ксения Петербургская» — копия с иконы, которая находится в часовне на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Здесь же представлены записки и письма верующих к Ксении Блаженной (канонизирована в 1988 г.) с различными просьбами, относящиеся к 1960–

1970-м гг. В советские годы, когда часовня Ксении Блаженной была закрыта, послания святой засовывали под дверь часовни, писали на ее стенах.

Заканчивается экспозиция материалами, посвященными возрождению церковной жизни в современной России. Начало этому возрождению положило празднование 1000-летия крещения Руси, которое широко отмечалось в СССР и за рубежом. Юбилей вышел далеко за рамки церковного торжества и приобрел широкое общественное звучание, став символом новых отношений между государством и Церковью. В экспозиции представлены: юбилейная медаль «В память тысячелетия Крещения Руси», предметы из столового сервиза «Юбилейный», выполненного по заказу Московской Патриархии на Ленинградском фарфоровом заводе им. Ломоносова; коллекция орденов и медалей Русской православной церкви, которая была получена Музеем истории религии в дар от Московской Патриархии.

Отдельного разговора, несомненно, заслуживают представленные на экспозиции мультимедийные программы, которые позволяют не только более подробно познакомиться с отдельными памятниками (как, например, программа в разделе «Почитание Богоматери», посвященная иконе «Явленные и чудотворные образы Богоматери», или программа в разделе «Культ святых», позволяющая в деталях рассматривать икону «Все святые с праздниками»), но и дают дополнительную информацию, позволяющую

посетителю составить более полное и объективное представление о русском православии (как, например, демонстрирующийся в разделе «Старообрядчество» фильм о купцах-старообрядцах).

Новая экспозиция «Русское православие» Государственного музея истории религии позволяет представить широкую картину истории православия в России за более чем тысячелетний период, демонстрирует всю сложность церковно-государственных отношений. Кажущаяся «пестрота» выставки как раз является ее достоинством, авторы экспозиции постарались с помощью различных музейных технологий в достаточно ограниченном пространстве передать не только информацию об «официальном православии», но и всё разнообразие «живой религии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гнutowa, Шедрина 2006 — Гнutowa С. В., Шедрина К. А. Кийский крест, Крестный монастырь и преображение сакрального пространства в эпоху патриарха Никона // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Сб. ст. / Ред. сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 681–694.

The new exhibition «Russian Orthodoxy» in the State Museum of history of religion

Chumakova Tatyana V. — doctor of Philosophical Sciences, Professor, St Petersburg State University (Saint Petersburg)

REFERENCES

Gnutova S. V., Shhedrina K. A. Kijskij krest, Krestnyj monastyr' i preobrazhenie sakral'nogo prostranstva v ehpokhu pa-

Emel'ях 1981 — *Emel'ях Л. И.* О построении экспозиции по истории русского православия и атеизма в СССР // Музеи в атеистической пропаганде: Сборник научных трудов. Л.: Изд-во ГМИР, 1981. С. 128–147.

История православия... 1960 — История православия и русского атеизма: Краткий справочник-путеводитель / Отв. ред. С. И. Ковалев. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Музей истории религии... 1981 — Музей истории религии и атеизма / Сост.: А. М. Лесков, Я. И. Шурыгин. Л.: Лениздат, 1981.

Русское искусство... 2007 — Русское искусство в собрании Государственного музея истории религии: Альбом. СПб.: Изд-во СПб ГУТД, 2007.

Уваров 1910 — *Уваров А. С.* Образ Ангела-хранителя с похождениями // Сборник мелких трудов. Изд-е ко дню 25-летия со дня кончины / Под ред. П. С. Уваровой. Т. 1. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. С. 127–133.

Хижий 2005 — *Хижий М. Л.* Игумен Арсений [Алексеев]: Портрет забытого основателя «Союза русского народа» // Альфа и Омега. 2005. № 3 (44). С. 133–143.

Шахнович, Чумакова 2014 — *Шахнович М. М., Чумакова Т. В.* Музей истории религии Академии наук СССР и советское религиозиеведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014.

triarkha Nikona. *Ierotopiya: Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi. Sb. st.* Ed. A. M. Lidov. Moscow: Indrik, 2006. P. 681–694.

Emelyakh L.I. O postroenii ehkspozitsii po istorii russkogo pravoslaviya i ateizma v SSSR. *Muzei v ateisticheskoy propagande. Sbornik nauchnykh trudov.* Leningrad: Izd-vo GMIR, 1981. P. 128–147.

Istoriya pravoslaviya i russkogo ateizma: Kratkij spravochnik-putevoditel'. Ed. S.I. Kovalev. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960.

Muzej istorii religii i ateizma. Comp. A.M. Leskov, Y.I. Shurygin. Leningrad: Lenizdat, 1981.

Russkoe iskusstvo v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. Al'bom. Saint Petersburg: Izd-vo SPb GUTD, 2007.

Uvarov A.S. Obraz Angela-khranitelya s pokhozhdeniyami. *Sbornik melkikh trudov. Izd. ko dnyu 25-letiya so dnya konchiny.* Ed. P.S. Uvarova. Vol. 1. M.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1910. S. 127133.

Khizhij M.L. Igumen Arsenij [Alekseev]: Portret zabytogo osnovatelya “Soyuza russkogo naroda”. *Al'fa i Omega.* 2005. N 3 (44). P. 133–143.

Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Muzej istorii religii Akademii nauk SSSR i sovetskoe religiovedenie (1932–1961).* Saint Petersburg: Nauka, 2014.

ИНТЕРВЬЮ ВЕРЫ МИЛЬЧИНОЙ

Беседовал М. В. Батшев.

М. Б. По образованию вы филолог, но пишете исторические книги. Кем вы себя ощущаете — филологом или историком?

В. М. Я придумала себе определение: историк русско-французских культурных связей. Потому что я, конечно, не совсем историк или не такой историк, как те, кто окончил исторические факультеты; но филологическое образование и переводческий опыт помогают мне, надеюсь, прибавить к тому материалу, о котором я пишу, нечто такое, чего, возможно, не знают профессиональные историки. Вот свежий пример (один из многих): в готовящейся к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение» книге «Французы в России при Николае I: контакты,

подозрения, вымыслы» мне нужно было рассказать о том, что представляли собой паспорта во Франции и других европейских странах в первой половине XIX в. и что нужно было тогдашнему путешественнику, чтобы пересечь границу чужого государства. Об этом есть специальная научная — историческая — литература, в которой перечислены те условия, которые ставили власти одной страны перед подданными другой. Это все нужно знать, и об этом я рассказываю читателям.

М. Б. С чего началось ваше изучение французской литературы?

В. М. В широком смысле слова оно началось с того, что родители — за что им большое спасибо — определили меня в школу им. Ромена Роллана; сейчас она носит номер 1215, а в мое время называлась «спецшкола № 2 с углубленным изучением французского языка». Углубленное изучение означало, что иностранный язык начинают преподавать со второго класса, а не с пятого, как это было в обычных школах. Вдобавок в обычных школах его, как правило, преподавали плохо, а у нас

© «Историческая экспертиза», 2016

Мильчина Вера Аркадьевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского РГГУ (Москва)

Батшев Максим Владимирович — научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Москва); bmv@list.ru

французскому учили очень хорошо; конечно, филфак МГУ тоже внес свой очень полезный вклад, но все-таки главное было заложено в школе. Ну а потом я поступила на филологический факультет, и тут уже началось последовательное изучение французской литературы от средних веков до XX в.

М. Б. Чем был вызван выбор первой половины XIX в.?

В. М. Прежде всего тем, что в советскую эпоху заниматься современной французской литературой по-честному было почти невозможно: пришлось бы в той или иной форме хвалить «идеологически выдержанные» произведения и бранить сколько-нибудь экспериментальные. А если эти экспериментальные тебе не очень нравились, то это ничуть не упрощало дела: бранить их всё равно было неприлично, потому что это могло бы показаться конъюнктурной данью официозу. А кроме того, поскольку я параллельно со своими официальными французскими семинарами на романо-германском отделении занималась в семинаре В. Н. Турбина по русской литературе первой половины XIX в., то мне было интересно изучить подробнее французскую литературу того же периода. И с тех пор я так и стараюсь сидеть на этих «двух стульях» одновременно: кандидатскую диссертацию защитила на тему «Шатобриан в русской литературе первой половины XIX в.» и во вступительных статьях к тем французским книгам, которые я перевела, всегда по мере возможности рассказываю об их восприятии в России. И мне кажется,

что я еще в этой эпохе так многого не знаю, что покидать ее мне совсем не хочется.

М. Б. Есть ли, на ваш взгляд, в литературе Франции XIX в. писатели, которых обошли вниманием русские переводчики?

В. М. Разумеется, есть; не скажу про другие периоды, но в 1830–1840-х гг. вышло много романов, которые не переведены на русский и неизвестны русскому читателю (разве что по названиям), а между тем это очень увлекательная проза. Исторический роман Анри де Латуша «Фраголетта», исторический роман Жюль Жанена «Барнав» (тот самый, о котором Пушкин восклицал в письме к Е. М. Хитрово: «Но Барнав... Барнав»; я, правда, уверена, что это упоминание — не отзыв на прочитанный роман, а выражение страстного желания прочесть эту новинку, но всё равно интерес Пушкина тут не подлежит сомнению), роман Сент-Бева «Сладострастие» — который потом «переписали» два великих писателя в двух великих романах: Бальзак в «Лилии в долине» и Флобер в «Воспитании чувств». Это только, так сказать, первый ряд второго ряда. А есть еще, например, трагический роман о любви «Жерфо» Шарля де Бернара, относительно которого Б. В. Томашевский предположил, что его вспоминал Лермонтов, когда писал «Героя нашего времени». Такая потенциальная серия «Французский романтический роман».

М. Б. Кого из современных французских историков следовало бы перевести на русский язык?

В.М. Думаю, тут важны не столько имена, сколько темы. Есть интереснейшая книга Эмманюэля Фюрекса «Франция в слезах. Политический траур в романтическую эпоху», есть книга Жюдит Лион-Каэн «Чтение и жизнь. Как читали романы в эпоху Бальзака» (я перевела из нее главу и опубликовала в 2014 г. в журнале «Отечественные записки»), есть книга двух исследователей, Антони Глиноэра и Венсана Лене, «Эпоха сенаклей» — о том, как функционировали те специфические литературные объединения, которые во Франции с легкой руки Сент-Бева были названы «сенаклями» (изначально этим словом обозначали трапезную, где Христос преломлял хлеб с апостолами). Или превосходная книга Венсана Робера о политических банкетах, которую я перевожу для «Нового литературного обозрения». Все эти книги говорят об истории Франции и истории французской литературы не вообще, а в свете определенной проблемы (похороны как политическая манифестация; читательские письма как школа литературы и школа жизни и т. д.) и делают это подробно, доказательно и нетривиально.

М.Б. Принято считать, что отечественная школа перевода после распада СССР переживет кризис или она вообще умерла. Как вы относитесь к таким утверждениям?

В.М. Не могу с этим согласиться. Во-первых, и в советское время переводы бывали разными. А во-вторых, сейчас, конечно, выходит много сырых и непрофессиональных переводов, но есть переводы блистательные, причем с самых разных языков.

М.Б. Какое впечатление у вас осталось от перевода переписки Александра Первого и Лагарпа? У кого из них язык лучше: у учителя или у ученика?

В.М. Насчет «лучшего» языка вопрос, я думаю, не слишком уместен. Письма Александра — очень короткие, грамотные (я не говорю о детских записках, которые как раз довольно-таки неграмотные), но никакого специального стилистического мастерства там нет, да и странно было бы его ожидать. В смысле языка гораздо интереснее поздние письма к Лагарпу великого князя Константина Павловича, которые тоже вошли в наше издание (в третий том, который должен выйти в издательстве «Российская политическая энциклопедия» в начале 2017 г.). Если Александр, на мой взгляд, оставался «сфинксом» даже в письмах к Лагарпу, которого он в самом деле очень любил и почитал, то Константин в этих письмах «открывается» гораздо больше; весь его характер там выражен с предельной откровенностью, и это очень трогательно. Что же касается Лагарпа, то там тоже о стиле говорить не приходится, Лагарп не был стилистом, он был мыслителем, политиком и педагогом; его главная цель была — вложить как можно больше благородных идей в Александра, чтобы таким образом реформировать государственное управление России. Поэтому у него много повторов, фразы длинные, порой рыхлые, а стилистическое щегольство — последнее, что могло его волновать. Что же касается моего впечатления от этой работы, то, во-первых, перевести три

тома, общий объем которых 108 авторских листов (тут хочется, используя современное выражение, повторить: «108, Карл!») — это что-то, видимо, вроде кругосветного путешествия (хотя я такового в реальности никогда не совершала). Во-вторых, переводить Лагарпа нейтральным современным языком мне было скучно и казалось неправильным. Французский язык конца XVIII — начала XIX в. отличается от современного не так резко, как тогдашний русский язык — от русского языка современного. Но если архаизировать язык перевода, то можно лишний раз напомнить читателю, что он читает очень старую прозу. Причем это можно делать не только с помощью лексики, но и с помощью синтаксиса. В русской фразе того периода порядок слов мог быть совсем не таким, как в современной фразе (например, глагол мог стоять в конце, почти как в немецком языке). Вот передвинешь слова в предложении — и оно из «резинового» переводного превращается в немного странное и потому более живое. Вот фраза: «Буду относиться к Вашим чиновникам с уважением, какого заслуживают их звания, и ничто не заставит меня забыть о приличиях». Это — обычный порядок слов; можно было так и оставить; но «мой» Лагарп пишет: «К чиновникам Вашим относиться буду с уважением, какого их звания заслуживают, и ничто меня не заставит о приличиях забыть» — в общем, то же самое, но второй вариант, мне кажется, звучит живее. Так примерно я скрашивала себе работу над переводом, а еще постоянно проверяла по Национальному корпусу русского языка, какие русские слова

в лагарповское время уже употреблялись, а какие — нет (например, я старалась по возможности писать вместо «принципы» — «правила», потому что это гораздо более в стиле эпохи, хотя совсем без принципов обойтись не удалось). В общем, когда работа была окончена, мой коллега, создатель всего этого лагарповского «проекта» Андрей Юрьевич Андреев, автор предисловия и комментариев к переписке, сделал мне очень для меня приятный комплимент — сказал, что я придумала «русский язык Лагарпа». Первый том: «Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. 1782–1802» вышел в 2014 г. А скоро придется читать верстку второго и третьего тома и опять вспоминать, как говорить «по-лагарповски».

М.Б. Какова судьба перевода «Французы, нарисованные ими самими. Парижанки»?

В.М. Тут надо сделать несколько пояснений: прежде всего я эту книгу придумала, написала к ней предисловие, но переводы сделаны моими молодыми коллегами — участниками переводческого семинара, который почти два года работал под моим руководством. Во-вторых, надо объяснить, что это за книга. Парижский издатель Леон Кюрмер выпустил в общей сложности девять томов, составленных из очерков, каждый из которых посвящен какому-нибудь «типу»: от рантье до посылного, от адвоката до кучера, от пэра Франции до трактирного слуг. Получилась «моральная энциклопедия XIX в.» (подзаголовок сборника), причем французы

в самом деле «рисовали самих себя», и в прямом смысле (к каждому очерку приложены иллюстрации), и в переносном — тексты к Кюрмеру стекались из всех концов Франции, и он одни отвергал, а другие публиковал. И вот из всего этого огромного массива нужно было выбрать тексты для одного тома, и я решила взять все «женские» типажи из четырех томов, посвященных Парижу (а не провинции). И так получился сборник из 40 очерков с подзаголовком «Парижанки».

Между прочим, после того как вышли «Парижанки», я в той же серии «Культура повседневности» выпустила еще один том, с предыдущим тесно связанный, — «Сцены частной и общественной жизни животных». Этот сборник другой французский издатель, Пьер-Жюль Этцель, задумал, потому что хотел повторить успех Кюрмера с «Французами, нарисованными ими самими». И в результате получился сборник из очерков, тоже нравоописательных, только здесь повествование ведется от лица зверей: английской и французской любвеобильных кошек, мизантропического крокодила, байронического медведя и др. Причем сборник этот вышел

с великолепными иллюстрациями Гранвиля, которые воспроизведены в русском издании. Эту книгу я делала одна, без семинара. Она мне очень нравится. То есть о своей работе я судить, конечно, не могу, но я убеждена, что тексты Бальзака, Мюссе и самого издателя, который в роли автора выступал под псевдонимом Сталь (но к госпоже де Сталь это отношения не имеет), — восхитительные: умные, остроумные, тонкие. И хотя повествователи — звери, речь в очерках, идет, конечно, о проблемах сугубо человеческих — о любви, о браке, о революциях и о парижской жизни. Таким образом, у меня в издательстве «Новое литературное обозрение» получилась уже целая «французская серия»: «Альманах гурманов» Гримо де Ла Реньера, моя книга про Париж в 1814–1848 гг., «Парижанки», «Сцены частной и общественной жизни животных» и вот совсем недавно вышла моя книга «Имена парижских улиц. Путеводитель по названиям». И я очень благодарна директору издательства «Новое литературное обозрение» Ирине Дмитриевне Прохоровой за то, что эта «серия» внутри серии «Культура повседневности» смогла состояться и, надеюсь, продолжится.

V. A. Mil'china Interview

Mil'china Vera A. — candidate of Philological Sciences, leading researcher of the E. M. Meletinsky Institute of higher humanitarian research, RSUH (Moscow)

Batshev Maxim V. — researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage. (Moscow)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www: istorex.ru

Д. А. БАЮК: «ИДЕАЛИЗМ — ГЛАВНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА»

Дмитрий Александрович Баяк — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник отдела истории физико-математических наук ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, зам. главного редактора журнала «Вопросы истории естествознания и техники», член-корреспондент Международной академии истории науки.

С. Э. Расскажите о вашей научной биографии.

Д. Б. В том, что я стал историком науки, велика роль случая. Я учился в Московском университете на физическом факультете. Мне физика очень нравилась еще со школы, но я на физфаке долго не мог определиться, в какой области хочу работать. Вначале я думал о радиофизике, потом увлекся физикой полимеров, а в итоге дипломную работу писал по квантовой хромодинамике (теории сильных ядерных взаимодействий). К моменту окончания университета я понял, что физикой в чистом виде заниматься не хочу.

Есть такой замечательный ученый Григорий Исаакович Баренблатт. В 90-е гг. он занимал тейлоровскую кафедру Кембриджского университета, а потом долгое время преподавал в Калифорнийском

университете в Беркли. Но в 80-е гг. он работал в Институте океанологии (где продолжает работать и сейчас) и много занимался историей науки. Он пригласил меня на международную конференцию в Институте проблем механики, посвященную 300-й годовщине Ньютоновых «Начал» (как раз был 1987 г.), и позначкомил меня там с прекрасным историком науки Владимиром Семеновичем Кирсановым из Института истории естествознания и техники. Владимир Семенович спросил меня, чем бы я хотел заниматься, и я сказал, что больше всего меня интересует связь науки и искусства. Например, мы можем заметить, как в одних и тех же культурах периоды наиболее бурного развития искусств совпадают с периодами наиболее быстрого развития науки. Владимир Семенович дал мне почитать труды международной конференции «Общие знаменатели науки и искусства», прошедшей незадолго перед этим в Англии, и предложил подумать, нельзя ли использовать обсуждавшиеся на конференции подходы для анализа некоторых небольших сочинений Кеплера, где аналогия науки и искусства явно просматривается. Например,

© «Историческая экспертиза», 2016

Баяк Дмитрий Александрович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник отдела истории физико-математических наук ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, зам. главного редактора журнала «Вопросы истории естествознания и техники», член-корреспондент Международной академии истории науки (Москва)

«О шестиугольном снеге» или «О стереометрии винных бочек». Вскоре после этого он посоветовал отложить на время Кеплера и заняться Галилеем, в частности его «Лекциями» о дантовском аде.

В 1988 г. я сдал экзамены и был принят в аспирантуру Института истории естествознания и техники... Диссертацию я писал по раннему творчеству Галилея. Главным образом она была посвящена 72-му тому рукописей Галилея, многие фрагменты которого публиковались в конце XX в. в работах Ф. Дрейка, У.Л. Уайзен, Д. Хилла. Но я нашел, что некоторые идеи Галилея в построении его «энциклопедии наук» были заимствованы из рассуждений его отца относительно теории новой музыки. Галилей-старший, Винченцо Галилей, излагал эти идеи, в частности, в своей книге «Диалог о современной и античной музыке». Была в моей диссертации и глава, посвященная «Аду» Данте и довольно долгой «геометрической» традиции реконструирования его архитектуры.

Диссертацию я дописал в 1992 г. и в ноябре защитился. А в 1993 г. поехал в Мюнхен, где мне повезло выиграть небольшой грант Исследовательского института Немецкого музея, который продолжился коротким контрактом уже с самим музеем. Для новой выставки коллекции музыкальных инструментов мне предложили сделать стенд о музыкальной темперации — это очень важная в истории музыки тема, которая тесно связана и с историей науки. Кратко описать ее невозможно, скажу лишь, что равно-

мерность увеличения скорости при естественном падении тяжелых тел в механике средних веков и эпохи Возрождения — это тоже своего рода темперация.

После Мюнхена я подключился к очень увлекшей меня тогда деятельности по пропаганде интернета в российской академической среде. В 1994 г. пропаганда интернета велась очень активно в разных областях, и дирекция нашего института откомандировала меня в международную лабораторию «Вега», которая называлась так по первым буквам двух ее руководителей — Е.П. Велихова и Д. Гамбурга. Эта работа длилась почти год и прекратилась, когда я выиграл грант парижского Дома наук о человеке, довольно большой по тем временам, и по программе Дидро почти весь следующий год провел во Франции. Там я сделал несколько важных для меня открытий, из которых тут упомяну два. Первое из них касается довольно обширной работы, которая как раз тогда, в 1994–1995 гг., только начиналась, по размещению в интернете материалов, связанных с 72-м томом рукописей Галилея. Причем дело даже не в самом Галилее, а в целой предшествующей традиции, включающей огромный корпус документов, как опубликованных до начала Научной революции XVII в., так и рукописных. Второе мое открытие связано с теорией архитектуры, которая тоже бурно развивалась на рубеже эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Ключевое имя здесь Леон Баттиста Альберти, автор первого европейского сочинения по философии архитектуры в послеантичные вре-

мена. В Париже я познакомился с Международным обществом Леона Баттиста Альберти, с которым продолжаю сотрудничать до сих пор. Эти два открытия имеют довольно большое пересечение и в нашей отечественной истории: очень большое количество сочинений как по физике и механике, так и по теоретической архитектуре были переведены на русский язык и изданы в СССР в начале 30-х гг. К 1938 г. практически все переводчики и редакторы были репрессированы, и вся эта деятельность прекратилась. При этом многие переводы и оригинальные сочинения, подготовленные к печати и даже уже набранные, так и не увидели свет. В их числе «Динамика» Лейбница и новый перевод «Начал» Ньютона.

То, чем я занимаюсь в последние годы, очень тесно связано с тем, чем я начинал заниматься, когда поступал в аспирантуру, и чем занимался в 90-е. Буквально месяц назад я закончил перевод последнего, третьего письма Галилея о солнечных пятнах (он с комментариями будет опубликован при поддержке РФФИ в «Историко-астрономических исследованиях» в будущем году) и вместе с Берлин-Бранденбургской академией наук занимаюсь подготовкой критического издания рукописи Лейбница «О столкновении тел». Надеюсь, что в самом скором времени все три письма Галилея о солнечных пятнах выйдут отдельной книгой.

С.Э. Почему вы занялись Галилеем?

Д. Б. Этот вопрос можно разделить на две части: во-первых, почему

я занялся именно Галилеем, когда поступал в аспирантуру, а во-вторых — почему на протяжении всех этих лет я неизменно к нему возвращаюсь. На первый вопрос проще всего ответить так, как я уже ответил: по совету научного руководителя.

Другое дело, почему я всё время к Галилею возвращаюсь. Я должен признать, что в занятиях историей, как до этого и в занятиях физикой, я искал возможности не соприкасаться с современностью. О причинах я говорить не буду — это слишком долгий разговор, скажу только, что я рос в советское время и не нахожу в советском прошлом никаких оснований для умиления.

Но всё меняется. И сейчас связь с современностью и ее проблемами кажется уже скорее плюсом. В представлениях многих наших современников, Галилей — не более чем астроном. На самом деле это не так. Его «Диалог» — это вообще труд по философии науки. Рассуждение о том, что такое природа, что мы можем знать о природе, что такое знание о природе в целом. Другой его большой труд «Беседы и математические доказательства двух новых наук» вообще не затрагивает астрономию. Две науки — это наука о строении вещества (теория материалов) и теория движения, то, что мы сейчас называем механикой. Писательские планы Галилея были гораздо шире того, что он успел написать. Его интересовало и движение животных, и проблема навигации на море, фортификация и т.д. Всё то, что тогда обществу было важно, было интересно и Галилею, в том

числе и практическое применение науки в самых разных областях.

Есть еще одна характерная черта, которую стоит выделить в его творчестве — это его научный стиль. Он разительно отличается от сочинений его современников. У Галилея поразительная точность языка в сочетании с художественной образностью. Он стремился быть понятным широкому кругу современности. Поэтому писал преимущественно не на латыни, а на итальянском. Галилея можно считать родоначальником популярной литературы.

С. Э. В этом месте логично перейти к премии «Просветитель», членом жюри которой вы являетесь.

Д. Б. Премия «Просветитель» является прямым продолжением той деятельности, которую вокруг кружка лобомудров затевали люди вроде Одоевского. Премия — это с одной стороны привлечение людей, которые могут писать популярно, потому что, конечно же, человеку трудно писать в стол. Человек должен понимать, что его сочинение будет востребовано. С другой стороны, человек, который пишет популярно, должен предполагать, что его читатель ничего не читал из литературы по теме. Поэтому необходимо предварить свое изложение суммой знаний по этому вопросу. В то же время, если автор не имеет своих научных идей и занимается популяризацией ради популяризации, вряд ли эта книга будет интересной. Хорошие книги получаются, когда за собственно популяризацией лежит какая-то глубокая руководящая идея. Такими были книги Галилея.

«Эволюция физики» Эйнштейна — это, безусловно, тоже популярная книга. Там нет формул, графиков, и схем мало. В ней заложена глубокая философская идея. Другой блестящий пример — это Перельман. Его книги прекрасны не только в художественном и научно-популярном смысле. В них неявно изложена колоссальная философская идея, которая, если бы она была проговорена ясно, неизвестно к каким последствиям для автора привела бы в советское время. Но Перельман всё сделал очень аккуратно, и его сочинения оказались бессмертными. Самая продаваемая ныне научно-популярная книга «Краткая история времени» Стивена Хокинга — несомненно, оригинальная философская книга.

Главное, что делает учредитель премии «Просветитель» Дмитрий Борисович Зимин, заключается в том, что он собирает вокруг себя людей, которые чувствительны к слову и которые заинтересованы в популяризации знания. Премии девять лет, но Дмитрий Борисович занимается просвещением более двадцати лет. Насколько я могу наблюдать за его попытками, он стремится создать многоплановую программу научного просвещения в России. Мы беседуем в перерыве учредительного заседания Русского общества истории и философии науки. Я надеюсь, что в какой-то момент интересы Дмитрия Борисовича и интересы этого общества придут в соприкосновение, и мы будем совместно работать в одном направлении, мы будем распространять научные знания, опираясь на философские идеи.

С.Э. Русское общество истории и философии науки — это негосударственная организация?

Д.Б. Это общественная организация. Инициаторами ее выступили несколько человек из Института философии РАН и Философского факультета Санкт-Петербургского университета. На каком-то этапе они обратились к историкам науки, потому что философия науки без истории, как говорится безжизненна, а история науки без философии — в общем-то слеповата. Мы имеем довольно широкий комплекс различных дисциплин по исследованию науки. Это и философия, и история, и социология, и психология научного творчества, и наукометрия, и библиометрия. Мы должны признать, что достигли того состояния, когда дисциплинарное разделение наук начинает мешать пониманию целого. Скажем, для того же Галилея современное разделение наук на дисциплины было бы совершенно чуждо. Галилей был твердо уверен в единстве знаний, единстве научных методов, в возможности исследовать с помощью одного и того же интеллекта самые разные стороны человеческого бытия и бытия природы. Но уже в XIX в. мы видим активно развивающуюся специализацию в науке, что у того же Владимира Федоровича Одоевского вызывало определенные нарекания. К середине XIX в. многие начали понимать, что должен быть некий синтез, некое единство, которое утрачивается. Среди исследователей науки происходит то же самое, что и в других научных областях. Ученые оказываются каждый в каком-то своем дисциплинарном

рукаве, пользуются своим языком, интересуются своими проблемами. Наше Общество призвано эту границу стереть и искать формы взаимодействия между дисциплинами. Надо помнить, что разделение знаний на кусочки не есть некоторое свойство, присущее природе. Это свойство человеческого ума, причем не просто человеческого ума, а организованного человеческого ума. И даже в ВАКовской системе присуждения ученых степеней философия и история науки — это одна дисциплина.

История и философия науки обладает могучим просветительским потенциалом. Одно дело разобраться в какой-либо научной дисциплине, овладев ее сложным, в том числе и математическим аппаратом. Гораздо проще понять науку через ее историю. Это путь, по которому, собственно, идет популяризация науки. Если вы возьмете любую популярную книжку, то увидите: первое, что вам начинают рассказывать — это истории, но за каждой из историй лежит философская идея. Естествознание, его история и его философия образуют неразрывное единство. Этот комплекс и делает популярную книжку хорошей. Я надеюсь, что здесь есть обширное поле для активного взаимодействия между Русским обществом истории и философии науки и устроителями конкурса на премию «Просветитель».

С.Э. История, видимо, является наиболее популярной сферой. Правда, в большинстве случаев исторические знания, тиражируемые в СМИ, трудно назвать

научными. Во многих случаях мы видим воспроизведение откровенно пропагандистских взглядов на прошлое. Насколько активно профессиональные историки, по вашему мнению, противостоят этой тенденции? Активно ли они участвуют, в частности, в конкурсах премии «Просветитель»?

Д.Б. Историки активно участвуют в премии «Просветитель». В ней было представлено много хороших книг. Хотя наиболее мне запомнившиеся и понравившиеся книги, попав в шорт-лист, не были отмечены премиями. Это прежде всего «Викинги» Аделаиды Сванидзе и «Париж в 1814–1848 годах. Повседневная жизнь» Веры Мильчиной. Но что делать, во всяком конкурсе есть место неопределенности, разнице во вкусах.

А история как наука имеет свои подводные камни. Если обратиться к философии науки XX в., то мы с изумлением увидим, что первое, от чего философия науки отказывается — это от понятия истины, об этом мы уже говорили выше, и понятно, почему это происходит. Истина — это нечто трансцендентное. Наука не располагает инструментами эту самую истину установить. Наука может к ней только приближаться. В истории это имеет свои определенные проявления. Это приводит к тому, что вопрос: «А как оно было на самом деле?» — не имеет смысла. Мы не знаем, как оно было на самом деле. История не располагает инструментами, чтобы это установить. Мы должны смиренно отнестись к тому, что есть, может быть, ограниченное, а,

может быть, даже неограниченное количество реконструкций, в равной степени обоснованных и правдоподобных.

Другая проблема, что в некоторых случаях тот или иной ответ на исторический вопрос приводит к важным политическим решениям. И мы должны отдавать себе полный отчет, что каждый раз, когда мы пытаемся построить политическое решение на историческом анализе: кто был прав, кто первым начал, чья тут вина и т.д. — такое политическое решение принимается неправильно. История здесь используется в качестве предлога, т.е. существуют другие — истинные — мотивы этого решения.

С.Э. К сожалению, историческую память в современной России формируют откровенные пропагандисты власти, вроде Мединского и Старикова. Почему ученые самоустраиваются от, говоря словами Люсьена Февра, «боев за историю»?

Д.Б. С этой проблемой мы столкнулись еще в начале 80-х гг., когда стала формироваться «альтернативная история» от Фоменко. Так получилось, что никто по большому счету не обратил на это тогда внимания и не стал ничего противопоставлять. У каждого историка есть своя дорога, своя внутренняя программа, от которой ему сложно отклоняться.

От историка-гражданина требуется жертва. Не в том смысле, что надо идти на смерть, нужно быть готовым пожертвовать хотя бы своим

временем. К сожалению, многие и на это не готовы. Тяжело преодолеть советское наследие, которое (вынужден в данном случае согласиться с Игорем Шафаревичем) состоит в объективации подсознательной «воли к смерти». Ничем другим массовые убийства сограждан в коммунистических странах не объяснить. Преодолеть этот тренд можно путем проявления «воли к жизни», разумеется, не совсем в том смысле, который вкладывал

в эти слова Шопенгауэр. Самоорганизация общества, в том числе и научной общественности, является одним из таких спасительных проявлений активности. Человек от природы стремится к знаниям. Знания его приучают к некоторому оптимизму. И, как я уже говорил, главная движущая сила создателей нашего научного общества — это некий идеализм, а идеализм, как правило, приводит к некому оптимизму.

«Idealism is the main driving force of the scientific community»

Bayuk Dmitry A. — candidate of Physico-Mathematical Sciences, senior researcher of the Department of history of physical and mathematical Sciences of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, Deputy chief editor of the magazine “Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki”, member-correspondent of the International Academy of the history of science (Moscow)

*Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www: istorex.ru*

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>